МАЛАДЗЁЖНЫ СЛЭНГ У ПУБЛІЦЫСТЫЧНЫМ ТЭКСЦЕ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ЧАСОПІСА «34 MULTIMEDIA MAGAZINE»)

М. Авярчук

З развіццём беларускага Інтэрнэту традыцыйныя выданні пачынаюць губляць чытачоў. Час вымагае новых падыходаў, новага бачання публіцыстычнага тэксту. Як вядома, «журналісцкі тэкст выступае ў якасці своеасаблівага барометра змен жыццёвага ўладкавання грамадства, дапамагае вызначыць іх характар, рэалізуе магчымасці мовы» [2, с. 84].

Форма выдання таксама мае значэнне. Папяровыя часопісы больш не актуальныя для моладзі. Малады чалавек жадае пабачыць, пачуць, «намацаць» новую інфармацыю. Амаль кожнае перыядычнае выданне мае свой афіцыйны сайт (часопісы «Маладосць», «Дзеяслоў», «Arche», «Czasopis», газеты «Наша ніва», маладзёжная «Музыкальная газета» і інш.). З'яўляюцца мультымедыйныя выданні, у тым ліку і на беларускай мове («34 MULTIMEDIA MAGAZINE»).

Што да непалітычнага беларускамоўнага мультымедыйныя выдання «34 MULTIMEDIA MAGAZINE», то асноўныя тэмы, якія ў ім асвятляюцца – гэта альтэрнатыўная музыка, кіно, розныя грамадскія мерапрыемствы, літаратура. Пабудова выдання адметная: часопіс – гэта папка з файламі, першы з якіх так званы Readme. У ім пададзена, як правільна карыстацца часопісам, якое абсталяванне патрэбна, каб прагледзець старонкі, пабачыць анімацыю і паслухаць музыку. Далей змешчана прадмова (Enter), дзе прапісваецца асноўная думка нумара выдання і навігацыя, затым прапануецца 13 тэматычных раздзелаў, у кожным з якіх прыкладна 2 – 4 старонкі.

Стыль маўлення – такі ж маладзёжны і альтэрнатыўны. На старонках часопіса сустракаем слэнгавыя словы, вульгарызмы, размоўную лексіку ледзь не ў кожным сказе. Гэта можна патлумачыць тым, што выданне скіравана на канкрэтных рэцыпіентаў, на іх адэкватнае ўспрыняцце інфармацыі. Адрасатам маўлення з'яўляецца малады чалавек, таму найбольшага эфекту можна дасягнуць праз яркую і экспрэсіўную лексіку (у тым ліку слэнг). Зразумела, што слэнгавыя словы могуць прывабіць моладзь, а, улічваючы тое, што часопіс беларускамоўны, узвысіць родную мову ў вачах чытача, зрабіць яе сучаснай, моднай.

Традыцыйна тэрмін «слэнг» разглядаецца ў якасці сіноніма да тэрмінаў «жаргон» і «сацыяльны дыялект». Прынята лічыць, што і «жаргон», і «сацыяльны дыялект», і «слэнг» – гэта перш за ўсё «разнавіднасць мовы, якой карыстаюцца прафесіянальныя групы і сацыяльныя праслойкі людзей, аб'яднаных агульнасцю інтарэсаў, звычак, заняткаў, сацыяльнага

становішча» [3, с. 403]. Аднак на сучасным этапе слэнг «не мае выразнай сацыяльна-прафесійнай арыентацыі, ім могуць карыстацца прадстаўнікі рознага сацыяльнага і адукацыйнага статусу, розных прафесій і г. д. Таму можна адзначыць такую асаблівасць слэнгу, як агульнавядомасць і шырокую ўжывальнасць» [1, с. 188].

Варта падкрэсліць, што асноўнымі карыстальнікамі беларускага слэнгу з'яўляюцца маладыя людзі і падлеткі рознага сацыяльнага становішча, якія хоць і не ўваходзяць у пэўныя прафесіянальныя групы, усё ж такі ўмоўна аб'яднаныя агульным родам заняткаў (вучоба, хобі, кап'ютэр), ладам жыцця (большасць з іх яшчэ не працуе, таму мае шмат часу для разваг і камунікацыі), поглядамі (ідэі свабоды, справядлівасці і інш.). Разам з тым яны востра адчуваюць апазіцыю «свой – чужы» – неабходнасць адасобіцца ад іншых падлеткаў, якія ў побытавых зносінах выкарыстоўваюць рускую мову, ад бацькоў, настаўнікаў, выкладчыкаў; жадаюць, каб іх пабачылі, пачулі, а нават і пазайздросцілі ім.

Пранікненне ў маўленне беларускай моладзі падобных лексічных адзінак адбываецца ў выніку моўнага ўплыву Інтэрнэту, замежных СМІ, масавай культуры і г. д. Разам з тым, на думку вучоных, «пранікненне запазычаных слоў – непазбежны аб'ектыўны працэс, з якім наіўна змагацца, але які трэба пазнаваць і рэгуляваць» [4, с. 71].

Нельга забываць і пра тое, што беларускі маладзёжны слэнг з'явіўся нядаўна і ўсё яшчэ знаходзіцца на стадыі развіцця і папаўнення яго лексічнымі адзінкамі, што ён, у адрозненне ад рускага маладзёжнага слэнгу, не мае ярка выражанай «субкультурнай» замкнёнасці: слэнг беларускіх «панкаў» не адрозніваецца ад слэнгу беларускіх «готаў», бо часцей за ўсё яны выкарыстоўваюць рускую мову. Тыя ж маладыя людзі, якія карыстаюцца беларускай мовай (у тым ліку і яе слэнгавымі лексічнымі адзінкамі), часцей за ўсё не існуюць адасоблена, але і не належаць ні да якой маладзёжнай «субкультуры».

Беларускую слэнгавую лексіку паводле паходжання можна падзяліць на ***слэнгавыя словы,*** утвораныя на аснове агульнаўжывальнай лексікі, і ***лексічныя запазычанні.***

Да першай групы адносяцца лексічныя адзінкі, пры ўтварэнні якіх назіраецца тэндэнцыя да ўсячэння асновы слова, захавання мінімальнай колькасці фанем: дзяк (вар. дзякі) – 'дзякуй'; зара (сін. 5 сек) – 'зараз', 'праз хвіліну'*; канц* – 'канцэрт'*; універ* – 'універсітэт'*; кросы* – 'красоўкі'*; чал (*вар. *чэл)* – 'чалавек'*; інфа* – 'інфармацыя'*; комп* – 'камп'ютэр'*; татуха* – 'татуіроўка' і г. д. Усячэнне асновы таксама можа суправаджацца ўзнікненнем дадатковага суфікса (*дыск**ач*** – 'дыскатэка'*; канц, канц**ык*** – 'канцэрт' і інш.).

Значную частку лексічных запазычанняў у беларускім маладзёжным слэнгу складаюць англа-амерыканскія лексічныя запазычанні. Так, у

маўленні маладых людзей сустракаюцца англа-амерыканізмы кшталту: *хітчхайкінг (*сін. *аўтаспын)* – англ. *hitchhiking* – 'язда на спадарожных машынах'*; хіпі (*вар. *хіпан)* – англ. *hippie* – 'хіпі', 'чалавек, які адносіць сябе да пацыфістаў', 'чалавек свабодных поглядаў'*; канэкціцца* – англ. *to connect* – 'звязвацца', 'выходзіць на сувязь'*; лагініцца* – англ. *login* – 'праходзіць аўтарызацыю'*; энтэр* – англ. *enter* – 'уваход'*; вінда* – англ. *Windows* – 'аператыўная сістэма Windows'*; гугел* – англ. *Google.com* – 'сайт-пашукавік Google. com' і інш.

Ужыванне англа-амерыканізмаў абумоўлена натуральным жаданнем кожнага маладога чалавека выдзеліцца, звярнуць на сябе ўвагу, а таксама абазначыць апазіцыю «свой-чужы» : *акей!* – англ. *ок!* – 'згода', 'добра'*; паці* – англ. *party* – 'вечарына'*; коп(ы)* – англ. *cop* – 'міліцыянт / паліцыянт',' прадстаўнік(і) ўлады' *(За спінамі бацькоў і копаў); цішотка* – англ. *T-short* – 'майка', 'кашулька', 'футболка'*; крэатыў* – англ. *creative* – *(*даслоўна:'творчы') 'творчы, вельмі свабодны нарыс, эсэ' і інш.

Варта адзначыць, што адной з асаблівасцей беларускага маладзёжнага слэнгу з’яўляецца тое, што ў адрозненне ад рускага, дзе англа-амерыканізмы функцыянуюць ужо даволі даўно і вызначаюцца як слэнг рускіх «хіпі», некаторыя запазычанні з англійскай мовы ў маўленні беларускай моладзі яшчэ не страцілі сваёй іншамоўнай афарбоўкі. Так, напрыклад, можна дакладна ўзнавіць паходжанне беларускіх слэнгавых слоў: *аскаць* – англ. *to ask* – 'пабірацца, спрабаваць нешта пазычыць'*; стафф* – англ. *staff* – 'цікавая рэч, інфармацыя'*; хітчхайкінг (*сін. *аўтаспын)* – англ. *hitchhiking* – 'язда на спадарожных машынах'*; хіпі (*вар. *хіпан)* – англ. *hippie* – 'хіпі', 'чалавек, які адносіць сябе да пацыфістаў', 'чалавек свабодных поглядаў' і інш.

Адной з асноўных крыніц лексічных запазычанняў выступае руская мова. Гэта абумоўлена перш за ўсё сітуацыяй беларуска-рускага білінгвізму, а таксама багаццем рускага слэнгу. Сапраўды, сярод беларускіх слэнгавых слоў, што сустракаюцца на старонках «34 MULTIMEDIA MAGAZINE», большасць лексем якраз рускага паходжання: *туса (*аднакар*.: тусоўка, тусіць, тусавацца)* – 'кампанія', 'група людзей (моладзі)'*; тэма* – 'добрая думка', 'музычная мелодыя', 'субкультура', 'плынь' *(Файная тэма!* або: *Яна не ў тэме); сцёб* – 'гумар', 'іронія' *(Зрабіць нешта па сцёбу); прыкід (*сін. *шмоткі, барахло)* – 'адзенне', 'вонкавы выгляд'*; корачка (*вар. *корка* – зневаж. 'дыплом аб вышэйшай адукацыі' *(Фізік паводле корачкі); баблос (*вар. *бабло, бабкі, бабосы;* сін. *капуста, зялёныя, лавэ, лаванда)* – 'грошы' *(Не ў баблосе шчасце); галяк* – 'адсутнасць грошай'*; фігня* – 'лухта', 'драбяза' *(Што ты фігнёй маешся?); чувак* – 'чалавек', 'хлопец', 'мужчына'*; чувіха* – 'дзяўчына', 'кабета'*; страла* – 'сустрэча' *(Спазняюся на стралу з кім-небудзь); размуціць* – 'набыць', 'знайсці', 'прыдбаць' *(Размуціць бы сачку!)* і інш. Запазычанні з рускага слэнгу маюць вельмі моцную фамільярную эмацыянальную

афарбоўку, а таксама валодаюць вялікай разнастайнасцю адценняў: ад жартаўлівага да вульгарнага.

Асобную нешматлікую групу лексем складаюць беларускія калькі з рускіх слэнгавых слоў: *задзяўбаць (*руск. *задолбать)* – 'надакучыць'*; аўтаспын (*руск. *автостоп)* – 'язда на спадарожных машынах'*; ніштавата (*руск. *ништяк)* – 'нядрэнна', 'амаль добра' і інш.

Слэнг з'яўляецца ў маўленні маладых людзей ў выніку моўнага ўплыву Інтэрнэту (матэрыялаў сайтаў, блогаў і г. д.), замежных СМІ, масавай культуры і інш. У сваю чаргу слэнгавыя словы пранікаюць ў беларускія сродкі масавай інфармацыі, у тым ліку і мультымедыйныя выданні, праз маўленне аўтараў публікацый, саміх журналістаў, большасць з якіх – гэта маладыя людзі, актыўныя карыстальнікі Інтэрнэту, тыя, хто шырока ўжывае слэнг ў паўсядзённых побытавых зносінах. Гэту думку пацвярджае і аналіз мультымедыйнага часопіса «34 MULTIMEDIA MAGAZINE», на старонках якога дастаткова шырока пададзены беларускія слэнгавыя словы.

Традыцыйна слэнг разглядаецца як негатыўная з'ява. Аднак, зразумела, што сітуацыя, калі актыўныя носьбіты беларускай мовы ў нефармальных зносінах карыстаюцца пераважна яе літаратурнай разнавіднасцю, выглядае ненатуральна. Мова павінна развівацца цэласна. Ужыванне беларускага слэнгу ў публіцыстычных тэкстах сведчыць пра актыўнае выкарыстанне беларускай мовы і павелічэнне агульнай колькасці яе носьбітаў, а таксама пра яе натуральнае развіццё.

Літаратура

1. *Бойка В.* Структура і семантыка тэксту. Слэнгавая лексіка ў беларускамоўным інтэрнэт-дыскурсе // Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі: Матэрыялы Рэспубл. навук. канферэнц. да 70-годдзя з дня нарадж. праф. Г. М. Малажай. Брэст, 2008. С.188–190.
2. *Іўчанкаў В. І.* Інтэгратыўны падыход да журналісцкіх даследаванняў (лінгвістыка публіцыстычнага тэксту – дыскурсны аналіз СМІ) // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Сер. 4. 2003. №1. С.84–88.
3. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / АН Беларусі. І-т мовазнаўства імя Я. Коласа; Пад рэд. А. Я. Баханькова. Мінск,1994.
4. *Цікоцкі М. Я.* Стылістыка беларускай мовы: Вуч. дапам. для студ. фак. журналістыкі. 2 выд., дапрац. і дап. Мінск, 1995.
5. 34 MULTIMEDIA MAGAZINE. Інтэрнэт-адрас: http://34mag.net/content/867.

ВАР'ІРАВАННЕ Ў СПОСАБАХ САМАПРЭЗЕНТАЦЫІ АДРАСАНТА / ПРЭЗЕНТАЦЫІ АДРАСАТА (НА МАТЭРЫЯЛЕ ЛІСТОЎ ЯКУБА КОЛАСА)

А. А. Албут

Надзвычай важна, аналізуючы тэкст ліста як акт камунікацыі, улічваць, якая моўная асоба яго спарадзіла. Асаблівай значнасцю сярод

іншых складнікаў маўленчай сітуацыі вызначаецца і асоба адрасата. Фактары адрасанта і адрасата маюць лінгвістычна выражаныя праекцыі ў тэксце ліста, якія магчыма апісаць як спосабы самапрэзентацыі адрасанта і прэзентацыі адрасата (далей – ССА/ПА). Значнымі, але не адзінымі ССА/ПА з'яўляюцца саманамінацыя /намінацыя адрасата, якія не маюць строгай лакалізацыі ў фармуляры ліста, выступаюць кампанентамі разнастайных маўленчых актаў, могуць ужывацца самастойна (подпіс: *Я. Колас*). Паспяховасць камунікацыі залежыць ад наяўнасці агульнага у фонавых ведах, прэсупазіцыях яе ўдзельнікаў. Кіруючыся прынцыпамі кааперацыі і ветлівасці, моўца адпаведным чынам будуе сваё паведамленне-тэкст, у якім разгорнута ўвасабляецца і асоба адрасанта, і асоба адрасата. ССА/ПА неаднолькава паддаюцца абстрактнаму формульнаму запісу, напрыклад: зварот («фатычны маркёр (адзін або некалькі) + найменне асобы») і наратыў (на сінтаксічным узроўні адпавядае ССЦ). Аднак падаецца мэтазгодным увесці для аналізу функцыянавання ССА/ПА паняцце базавай мадэлі і яе вар'іравання. У дадзеным выпадку ў мадэль уваходзіць не толькі і не столькі план выражэння, але і функцыі ССА/ПА.

Прадметам даследавання стала прагматычна значнае вар'іраванне базавых мадэляў ССА/ПА. Ужыванне спосабу адпавядае яго базавай мадэлі, калі паводле ўсіх названых параметраў з'яўляецца узуальным у межах ідыястылю аўтара і зададзенасці моўнай сістэмы. Прагматычна значнае вар'іраванне (з мэтай свядомага ўздзеяння адрасантам на ўспрыманне адрасата) адбываецца пры наяўнасці дадатковай функцыі, нетыповым ужыванні[1] ССА/ПА. Распазнаванню і адэкватнаму разуменню выпадкаў такога вар'іравання садзейнічае кантэкст. Заўважым, што "кантэкст знаходзіцца ў адносінах дадатковасці да іншага цэнтральнага для прагматыкі паняцця –маўленчага акта. Узаемадзеянне маўленчага акта і кантэксту складае асноўны стрыжань прагматычных даследаванняў, а фармуляванне правіл гэтага ўзаемадзеяння – іх галоўную задачу" [1, с. 7]. Лінгвістычны энцыклапедычны слоўнік дае наступнае вызначэнне паняццю «кантэкст»: «фрагмент тэксту, што ўключае выбранаю для аналізу адзінку, неабходны і дастатковы для высвятлення значэння гэтай адзінкі, якое з'яўляецца несупярэчлівым у адносінах да агульнага сэнсу дадзенага тэксту» [6, с. 238]. Адрозніваюць *мікракантэкст* і *макракантэкст*. «Мікракантэкст – мінімальнае акружэнне адзінкі, у якім яна, уключаючыся ў агульны сэнс фрагмента, рэалізуе сваё значэнне плюс дадатковае кадзіраванне ў выглядзе асацыяцый, канатацый і г. д.» [6, с. 238]. Акружэнне адзінкі, якое

[1] «Нетыповае ўжыванне» адзначаецца ў выпадках, па-першае, нетыповай рэферэнцыі моўнага знака; па-другое, пры наяўнасці дадатковай функцыі.

дазваляе «ўстанавіць яе функцыю ў тэксце як цэлым» [6, с. 238], ёсць макракантэкст. Паўстае пытанне: што ж лічыць «мінімальным акружэннем» для «адзінкі» нашага даследавання? У якасці мікракантэксту прымем суаднесенасць ССА/ПА як кампанента зместу з пазіцыяй фармуляра, які вызначае форму ліста[2]. Макракантэкст для ССА/ПА ўтвараецца напаўненнем іншых пазіцый фармуляра ліста. Кантэкст можна разумець шырэй, чым «фрагмент тэксту»: «гэта і тыя пазамоўныя абставіны, у якіх адбываецца канкрэтны акт маўлення. У такіх выпадках гавораць пра сітуацыйны кантэкст, або консітуацыю» [4, с. 249]. Такім чынам, характар мадэлі ССА/ПА і тып мінімальна дастатковага для правільнага ўспрымання кантэксту суадносяцца, як паказана ў табліцы.

Табліца

Тып кантэксту	Характар мадэлі
Мікракантэкст	Базавая мадэль
Макракантэкст	Вар'іраванне базавай мадэлі
Сітуацыйны кантэкст	Вар'іраванне базавай мадэлі

Разгледзім некалькі прыкладаў. У адным з лістоў да Лыньковых (1947 г.) Якуб Колас у пратаколе выкарыстоўвае наступны зварот: *Мае дарагія пані Зося і пане Міхале!* [3, с. 280]. Аўтар ужываў падобныя формулы, канструкцыя – вядомы моўнай сістэме ветлівы зварот, аднак на час напісання ліста ўжо неактуальны. Гэты прывітальны зварот называе адрасата, выражае стаўленне адрасанта да адрасата, дадатковай функцыі не мае. У дадзеным выпадку ужыванне ветлівага звароту *пані, пан*, клічнага склону тлумачыцца фактам стылізацыі[3]. Яшчэ адным сведчаннем нестандартнай, творчай арганізацыі маўлення з'яўляецца пратакол з ліста да М. Лужаніна: *Дарагія Максім і Жэня, або шыншах і шахіня!* [3, с. 410]. Міжволі ўзнікае пытанне: што ж адрасант хацеў сказаць праз такую незвычайную форму звароту? Якуб Колас адразу дае каментар: *Люблю спалучэнне гэтых слоў – яны нагадваюць мне замілаванае слова маладнякоўцаў – «шыпшына». Іншага сэнсу не шукайце ў іх* [3, с. 410]. Прыведзеныя прыклады сведчаць пра арыгінальнасць і багацце моўнай асобы Якуба Коласа. Аднак са здзейсненага аўтарам няхай і арыгінальнага выбару моўных сродкаў у

[2] Безумоўна, камунікатыўны акт, напрыклад, просьбы як ССА/ПА, можа быць лакалізаваны і ў ex-ordium (просьба напісаць), і ў narratio, і ў эсхатаколе, і ў пастскрыптуме, аднак інтэнцыю менавіта просьбы, а не іншага акта, калі гэты ССА/ПА адпавядае сваёй базавай мадэлі, чытач распазнае, пазнаёміўшыся толькі з пэўным мінімальным фрагментам тэксту, адпаведным пазіцыі фармуляра.

[3] Стылізацыя – «мэтанакіраванае ўзнаўленне ў мастацкіх творах моўных асаблівасцей стылю пэўнай эпохі, літаратурнага кірунку, сацыяльнага асяроддзя, індывідуальнай манеры пісьменніка, выбраных аўтарам у якасці аб'екта пераймання (імітацыі)» [7, с. 538]. Заўважым, што цалкам магчыма гаварыць пра стылізацыю не толькі ў мастацкіх творах, але і ў маўленні.

падобных выпадках не вынікае факт прагматычна значнага вар'іравання, таму што, паводле самога Якуба Коласа, «іншага сэнсу» ў такіх канструкцыях шукаць не варта, чаго нельга сказаць пра наступную вытрымку з ліста да П. Глебкі: *Ну, як жа* ***мне*** *і не засумаваць часамі, калі хвароба запусціла кіпцюры ў кашчавае цела* ***старога Якуба*** *і ніяк не выпускае іх!* [3, с. 336]. Акрамя эмацыянальнасці, вобразнасці, дадзены прыклад дэманструе прагматычна значнае вар'іраванне дзякуючы нетыповай рэферэнцыі адзінак (выдзеленыя словы ў межах аднаго сказа суадносяцца не з першай і трэцяй асобамі, але толькі з першай, у чым пераконвае макракантэкст: подпіс *Твой Якуб Колас*).

Прагматычна значнае вар'іраванне абумоўліваецца спецыфічнасцю рэферэнцыі і ў наступным выпадку: *Хоць яна* [паэма Коласа «Суд у лесе». – *А. А.*] ***Міхалу*** *і не падабаецца, а падабаецца больш паэма Аркадзя (яе не чытаў), але ні мне, ні Аркадзіку апроч асмаленай гулы ў камітэце па Дзяржаўных прэміях нічога не далі* [3, с. 220–221]. Рэферэнтам выдзеленага наймення асобы з'яўляецца адрасат[4]. L. Pisarek адзначае, што такая *forma adresatywną* вядома беларускай мове[5], аднак з часам, калісьці нейтральная, яна стала набываць пэўную афарбоўку [5, с. 99–110]. Такім чынам, ССА/ПА ў выніку прагматычна значнага вар'іравання выконвае дадатковую функцыю: магчымае выражэнне несупадзення поглядаў камунікантаў.

Пашырэнне традыцыйнай формулы можа быць фармальным выражэннем прагматычна значнагае вар'іравання, напрыклад: *Мілая (мне здаецца, што Вы такая і ёсць) Антаніна Феліксаўна!* (ліст да А. Харкевіч) [3, с. 317]. Устаўная канструкцыя ператварае прывітальны зварот у камплімент і робіць акцэнт на выкананне максімы праўдзівасці паведамлення ў выпадку з «трафарэтным» выкарыстаннем фатычнага маркёра.

М. Д. Голеў слушна сцвярджае, што «маўленчы твор з'яўляецца асаблівым антрапатэкстам, г. зн. тэкстам, здольным адлюстроўваць розныя аспекты моўнай асобы» [2]. Яшчэ больш асоба моўцы раскрываецца ў выпадах адыходу ад шаблонаў, выяўляючы пільнасць да слова і ўласны творчы патэнцыял у сітуацыях прагматычна значнага вар'іравання базавых мадэляў ССА/ПА. Акрамя гэтага, прагматычна значнае вар'іраванне садзейнічае канструяванню аб'ёмнага, шматмернага вобраза партнёра па камунікацыі і аналагічнага ўласнага вобраза моўцы, што спрыяе паспяховасці зносін пры ўмове правільнай інтэрпрэтацыі інтэнцый адрасанта, якая забяспечваецца рознымі тыпамі

[4] Па-першае, ліст адрасаваны М. Лынькову са зваротам у пратаколе *Мой мілы, дарагі Міхал* [3, с. 220] (макракантэкст); па-другое, варта звярнуць увагу і на сітуацыйны кантэкст – больш ранні па часе ліст да М. Лынькова: *Дык пішы, браток. Напішы і пра маю паэму «Суд у лесе». Дзе яна, які яе лёс?* [3, с. 205].

[5] Хаця даследчыца заўважае, што «ten model świadczy o wpływie polskim na białoruskie formy zwracania się do A [адрасата]» [5, с. 99–110].

кантэксту. Паводле А. Я. Міхневіча, «кантэкставыя сувязі фармальных і сэнсавых адзінак – адметная і істотная рыса мовы як знакавай сістэмы і маўлення як творчай дзейнасці чалавека» [4, с. 249].

Літаратура

1. *Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. 1985. Вып. 16. С. 3–42.
2. *Голев Н. Д, Чернышова Т. В.* Публицистический антропотекст как отражение социальной позиции адресата. Интернет-адрес: http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v85.html.
3. *Колас Якуб.* Збор твораў : У 12 т. Мінск, 1961–1964 . Т. 12 : Пісьмы, дзённікі, летапіс жыцця і творчасці. 1964.
4. *Міхневіч А .Я.* Кантэкст // Беларуская мова: Энцыклапедыя / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск, 1994. С. 248–249.
5. *Pisarek L.* Białoruskie formy adresatywne na tle polskich i rosyjskich // Język a kultura. Wrocław, 2008. S. 99–110.
6. *Торусева, И.Г.* Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.,1990. С. 238–239.
7. *Юрэвіч А. К.* Стылізацыя // Беларуская мова: Энцыклапедыя / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск, 1994. С. 538.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЬЕСАХ Е. ГРИШКОВЦА

А. Л. Бельский

Театр – сложная коммуникативная система. Его специфика как вида искусства определяется характером связи с аудиторией. Театр невозможен без аудитории, так как живой процесс творчества здесь происходит именно на глазах у зрителя. Театральное действие предполагает собой сиюминутность и условность, его творческую атмосферу нельзя воссоздать ни в кино, ни на видео. Решающую роль в обеспечении условности театрального игры выполняет, на мой взгляд, слово, жесты и смысл текста.

К. С. Станиславский, едва ли не главный теоретик театрального искусства XX века, делил актерскую игру на три компонента: внешнее или телесное действие, словесное и внутреннее действие. Питер Брук, один из великих теоретиков театра и исследователей театрального языка, в своей работе «The Empty Space» («Пустое пространство») утверждает, что «слова в пьесе – это лишь конечный элемент процесса, зародившегося как импульс. Этот процесс начинается в драматурге и повторяется в театре» [2]. Современный театр часто обращается к внеязыковой форме, обыгрывая ее.

Театральные жесты и коммуникативное пространство, к сожалению, до сих пор изучаются обособленно одно от другого. Пространство отделяется,

таким образом, и от положений тела, и от мимики. А ведь при актерской игре следует активно привлекать и язык проксемики, и язык жестов. Иногда жест производит даже большее впечатление, чем сказанное, а паузы и молчания только усиливают впечатления в особо значимых местах.

Театральная коммуникация в пьесах Гришковца («Как я съел собаку», «Одновременно», «Дредноуты» и др.) представлена следующей цепью инстанций: «драматург— режиссер – сценограф – актер – критик – зритель», она достаточно сложна, а постановка, в свою очередь, как результат своеобразного творчества или, если хотите, посттворчества, для публики инвариантна. То, что изображается перед зрителем и в чем он себя познает, для него это истина его собственного духовного и нравственного мира. Это обуславливается в первую очередь связью пьес с жизнью.

Монодрамам Е. Гришковца, как и бытию спектакля, присуща одновременность, это значит, что зритель здесь присутствует «при бытии», спектакль создает самостоятельную смысловую сферу, а нередко способен оказывать и психотерапевтический эффект [5].

Высшее проявление мастерства актерского выступления – это контакт со зрителями, общность психического состояния актера и аудитории. В пьесах Е. Гришковца («Как я съел собаку», «Одновременно», «Планета») эта общность возникает на основе совместной мыслительной деятельности, сходных эмоциональных переживаний. Отношение актера к предмету речи, его заинтересованность, убежденность вызывают у зрителя ответную реакцию. Эта энергия зрительного зала может служить определяющим фактором игры актера, вербальных и невербальных компонентов коммуникации. Как гласит пословица, «слово принадлежит наполовину тому, кто говорит, и наполовину тому, кто слушает». В «театре Е. Гришковца» зритель одновременно пребывает в состоянии самозабвения и опосредования. То, что вырывает его из окружающей действительности, возвращает ему полноту бытия.

Главные показатели взаимопонимания между коммуникантами – положительная реакция на слова актера, внешнее выражение внимания у зрителей (их поза, сосредоточенный взгляд, возгласы одобрения, кивки головой, улыбки, смех, аплодисменты), а также «рабочая» тишина в зале. Контакт – величина переменная. Он может быть полным (со всей зрительской аудиторией) и неполным, устойчивым и неустойчивым в разные моменты пьесы.

В пьесах Е. Гришковца часто перед началом речи актер выдерживает небольшую психологическую паузу – 5-7 секунд, вследствие чего речь героя не кажется монотонной. Фразы здесь произносятся с разной интонацией, они разделяются паузами. Наблюдается также гросспауза, она часто используется актером при смысловом переходе, для эмоционального эффекта и для подчеркивания важности предыдущей или последующей фразы.

Однако, как бы ни была интересна тема, общая идея, проблематика и

актерская игра, внимание аудитории со временем притупляется. Его Е. Гришковец поддерживает с помощью следующих приемов:

- вопросно-ответный ход. Герой ставит вопрос и отвечает на него;

Например: «А потом мальчик приходит из школы такой странны. Родители спрашивают: «Ну как?» А чего «как»? Чего «как»? Да точно так же! В точности. Вы же там сами были. Вы же. Так что не надо. Знаете же». [1]

- выдвигает возможные сомнения, возражения, выясняет их и приходит к определенным выводам;

Например: «А тут я ничего не сказал, я даже не сказал вот так: «Ааа, извините, пожалуйста, я просто хочу сказать, чтоб вы знали, просто проинформировать и все, больше ничего, я просто хочу сказать: а я не доволен этим решением». Я ничего не сказал, я дал себя переодеть в новую форму и отвезти на Русский остров. Вот почему я разрешил это с собой сделать? Я не сделал ничего плохого… Ведь за это же на Русский остров не отвозят?!!» [1].

- прием создания проблемной ситуации; прием апелляции к собственным мыслям;

Зрителям предлагается ситуация, вызывающая вопрос «Почему?», что стимулирует их любопытство. Здесь в качестве примера также подойдет описанная выше ситуация. Следует сказать, что такая причинно-следственная манера рассказа характерна для всех пьес, а не только для некоторых эпизодов. Это позволяет актеру держать зрителя в постоянном напряжении.

- опора на личный опыт, мнения, которые всегда интересны зрителю;

Герой в пьесах выступает как alter ego самого автора, поэтому провести грань между собственно Е. Гришковцом и его героем сложно («Как я съел собаку», «Дредноуты» и др.).

- использование юмора позволяет быстро завоевать аудиторию;

Например: «Равно в шесть утра по радио включался громко гимн страны, это означало: (Радостно) «Пора вставать!» Или, например, эпизод, связанный с утренним подъемом первого сентября: «Мамочка, дорогая, как же я забыл тебе сказать, а ведь сегодня-то первых двух уроков-то нету.» [1].

- использование ненормативной лексики;

Например: «Нас там встретили офицеры и прочие другие люди. Офицеры считали себя почти аристократами и поэтому никогда не матерились…. Никогда! Но губы у них сами пошевеливали нужные смыслы:

– Здравствуйте, мля, товарищи, мля, моряки, мля! Мы понимаем, мля, что вам сейчас трудно и сложно, мля! Вы хотите домой, мля, к мамке! Зря, мля! Вы думаете там, у мамки, мля, вы сделались бы мужиками, так вот нет, мля, а тут мы вас сделаем, мля, и быстро, мля!» [1].

- краткое отступление от темы дает возможность зрителю «отдохнуть»;

•замедление с одновременным понижением силы голоса привлекает внимание к ответственным местам монолога (прием «тихий голос»);

•Градация позволяет усилить, придать им эмоциональную выразительность фразе, сформулированной мысли;

Например: «Они поступали в военно-морские училища и видели так: вот жизнь, в этой жизни вот я сначала буду пять лет курсантом, потом лейтенантом, потом старшим лейтенантом, потом капитаном-лейтенантом, потом капитаном третьего ранга, потом второго ранга, потом первого ранга, потом, если хватит здоровья и повезет, стану контр-адмиралом, потом вице-адмиралом, а потом, если опять-таки хватит здоровья и повезет, стану «вообще»-адмиралом, и вот тогда, тогда стану такой седой, симпатичный и добрый, а пока не могу извините!» [1].

•прием инверсии – замена привычного, общепринятого хода мыслей и выражений на диаметрально противоположный;

Например описание пейзажа за окном: «…было какое-то непонятное дерево, какой-то кирпичный дом, дождь все время лил и шли трамваи красного цвета. Но как только начиналась музыка, все изменялось, сразу предметы не валялись, а лежали как-то; за окном был не дождь, а дождик, трамваи шли, и дом был не кирпичный, а из кирпича.» [1].

Среди приемов, существенно повышающих ее эффективность и убедительность, следует особо выделить лексические приемы, а именно тропы.

Сравнение. В качестве примера можно привести эпизод с утренним подъемом, где лицо ребенка сравнивается с лицом ангела, которого «будить нельзя, иначе улетит»; или сравнение выходящего рано утром зимой ребенка из подъезда с космонавтом перед открытым космосом, сравнение бескозырки с нимбом, прячущегося от холода с черепахой и др.

Метафора. Например, «матрос – основа государства». Эпитеты. Например, «…но вот эти матросики были забавные, они были не смешные, а забавные. Это потом вот эти два матросика растворились среди тысячи других матросов и их нельзя было отличить от остальных. И я сам растворился среди тысячи, и меня нельзя было отличить от остальных, но все матросы они забавные, подчеркиваю: не смешные, а забавные.» [1]. Аллегория подсказывается зрителю самим сюжетом: такого рода служение Родине – не есть хорошо. Гипербола. Например, «…да нет ничего страшнее, чем вот когда дверь вот так открываешь, а там темно, зима, школа и впереди еще десять лет учиться.» [1]. Оксюморон. Например, «мокрый сухой лист». [1].

Действенным средством контакта являются специальные слова и выражения, которые обеспечивают обратную связь. Это личные местоимения 1 и 2 лица (я, вы, мы, мы с ними), глаголы в 1 и 2 лице (попробуйте понять, может вы поищете другой вариант, прошу вас и др.), обращения

(уважаемые моряки, дорогие мои), риторические вопросы. Специфика устной речи героя проявляется в построении фраз и целых предложений.

Язык Гришковца критики часто называют «косноязычием», и в этом есть доля правды – это «рваная», сбивчивая речь, сходная по способу выражения с потоком сознания. Это многочисленные многоточия, тире, повторы, восклицательные знаки, вводные слова, членение фраз на короткие предложения, слова-«паразиты», междометия. [4].

«А там – западня, в смысле вражеская эскадра. Кругом враги. А мы против всех. Всегда! Одни. В западне! Против всех! Ёё..ё..ёлки..и! И тогда уже.. кроме шуток. Тогда уже… Если кругом враги. Тогда – ооо..о..о..о!» [1].

При актерской игре в языковом плане Е. Гришковец отдает предпочтение более коротким предложениям, они лучше воспринимаются на слух и запоминаются. Кроме того, короткое предложение позволяет более вариантно подходить к изменению интонации.

Помимо указанных приемов Е. Гришковец нередко использует и невербальные приемы установления контакта. При описании невербального коммуникативного поведения мы имеем дело с многочисленными невербальными сигналами – данный термин предлагается оставить в качестве родового для всех значимых в смысловом отношении невербальных проявлений, наблюдаемых в процессе игры актера. [3]. Невербальные сигналы – материальные, а также чувственно воспринимаемые действия, включая действия с предметами, несущие для зрителя определенный, закрепленный данной культурой смысл. Среди невербальных сигналов целесообразно различать симптомы, символы и знаки (собственно невербальные сигналы).

Симптомы – невербальные явления (движения, действия), осуществляемые бессознательно и отражающие психическое или физическое состояние актера. Симптомы культурно обусловлены, преимущественно представляют собой мимические движения и их сочетания (симптом страха, радости, удовольствия, задумчивости и т. д.).

Символы представляют собой проявление так называемого социального символизма – значения, приписываемого социумом, определенным предметам, действиям. В пьесах социальные символы непосредственно не участвуют в коммуникации, они включаются опосредованно в процесс обмена информацией между вспомогательными «Я», нередко имеют ярко выраженную национальную специфику. Примеры невербальных символов в пьесе «Как я съел собаку»: бескозырка, униформа, канаты – Морфлот и т. д.

Знаки или собственно невербальные сигналы – преимущественно сознательно продуцируемые невербальные действия, имеющие в данной культуре определенный знаковый смысл, относительно стандартное значение:

1 – знаки языка телодвижений (взгляд, мимика, поза, стойка, движение, походка, осанка, посадка, манипуляции с предметами); 2 – знаки

молчания; З – знаки организации пространства общения (проксемические знаки).

Среди невербальных знаков самую большую группу составляют поза, жесты и мимика, т.е. язык телодвижений. Эти знаки определяют индивидуальный стиль самого Е. Гришковца. Это элементы кинетической системы общения, они помогают актеру добиться ощущения устойчивости, равновесия, легкости, подвижности и естественности на сцене. Собственно жесты – значимые движения тела, в пьесе подразделяются на следующие разряды.

Номинативные – их функция заменять или дополнять вербальный контакт, дополнять или дублировать его. Они несут в себе определенную информацию. К этой группе можно отнести жест категоричности (сабельная отмашка кистью правой руки), жест противопоставления (кисть руки исполняет в воздухе движение «там и здесь»), жест разъединения (ладони раскрываются в разные стороны), жест обобщения (овальное движение двумя руками одновременно), жест объединения (пальцы или ладони рук соединяются). К номинативным относится и большой разряд изобразительных жестов, часто изобразительный образ лежит в основе соответствующего фразеологизма или описательного оборота.

Эмоционально-оценочные – выражающие оценку чего-либо (собеседника, его действий, слов, окружающих предметов, событий, третьих лиц (сжатый кулак, овальное движение руки, «отрубающая» фразу рука).

В конкретных ситуациях используются также указательные, риторические, ритмические, игровые и вспомогательные жесты. Мимика актера стимулирует эмоции аудитории, передает гамму переживаний: радость, скорбь, сомнение, решимость. Выражение лица соответствует характеру речи.

Таким образом, театральное представление Гришковца – не замкнутое пространство, а новый сценический космос, в котором заложены основы формирования творческой личности, представлен широкий диапазон коммуникативных связей и отношений, что способствует выработке активной жизненной позиции, раскрытию творческого потенциала через зрительскую сопричастность сценическому «жизнетворчеству».

Литература

1. *Гришковец Е. В.* Зима. Все пьесы – М.: Издательство Эсмо, 2007.
2. *Ивченко В. Н.* Театр как коммуникативная система – Мн., 1998.
3. Стернин *И. А.* Модель русского невербального коммуникативного поведения. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
4. Гончарова-Грабовская *С. Я.* Драматургия Е. Гришковца (проблема жанра). // Драма и театр. Тверь, 2007.
5. Морено *Я. Л.* Психодрама – М.: Издательство Эсмо-Пресс, 2001.

ПРИЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ИЗЛОЖЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

С. С. Бородич

На современном этапе развития общества сложилась такая социокультурная ситуация, когда все более и более угасает интерес к чтению, к слову – в целом к учению. Это объясняется рядом причин, важнейшая из которых, на наш взгляд, – доступность и привлекательность альтернатив. Быстро развивающиеся информационно-коммуникационные технологии работают по правилам рыночной экономики и чутко реагируют на запрос потребителя. Учительское же и книжное слово, по-хорошему консервативные, тоже должны эволюционировать. Преподавателям следует учитывать особенности современного школьника, стараться вернуть интерес учащихся к процессу обучения.

Целью нашего исследования является обобщение педагогического опыта оптимизации изложения и восприятия учебного материала в процессе обучения русскому языку и описание приемов, активизирующих познавательную деятельность учащихся.

В методике обучения русскому языку применяется множество подобных приемов. В своей статье будут рассмотрены некоторые из тех, которые, на наш взгляд, являются наиболее оптимальными, а именно: отработка правил на материале занимательных (юмористических) текстов, диалогизация учебного текста, использование заданий-ситуаций, лингвистические задачи, создание зрительных и звуковых ассоциаций, стихотворная форма представления языкового материала.

Отработка правил на материале занимательных (юмористических) текстов, т.е. таких текстов, в которых на ограниченном пространстве аккумулируется максимально возможное количество слов с орфограммой на это правило. Причем в этих текстах связь между словами должна быть неожиданной, смешной и абсурдной: это обеспечивает большую эффективность запоминания. Представим материал для обучения правописанию сочетаний согласных на стыке морфем:

Веснушчатый реснитчатый мужчина, словно песчаный пожарный извещатель, верещал о том, что лощеный дощатый пол в доме с черепитчатой крышей вымощен брусчаткой.

Диалогизация учебного текста – такой способ подачи учебного материала, при котором учащийся становится в позицию субъекта деятельности, т.е. создается имитация диалога с учебной книгой. Сравним классическую и диалогическую формы представления правила согласования подлежащего и сказуемого (см. таблицу)

Таблица 1

Классическая и диалогическая форма представления учебного текста

Некоторые случаи согласования в числе сказуемого с подлежащим	По смыслу или по форме?
Если подлежащим является собирательное имя существительное, обозначающее количество: *множество, большинство, большая часть, масса* и т.д., то сказуемое, как правило, ставится в единственном числе: *У князя в сакле собралось уже множество народа* [1, с. 344]	Как правильно сказать: *большинство детей в классе слушает учителя* или *слушают учителя*? Ведь слово «большинство» – это подлежащее в единственном числе, значит, и сказуемое должно иметь форму единственного числа. Но, с другой стороны, по смыслу: *уч**и**теля слушают **многие** ребята* [2, с. 175]

Из приведенного материала мы видим, что в тексте правой колонки отражен пошаговый процесс рассуждения, а не представлен вывод в готовом виде. Это позволяет ученикам вместе с текстом «пройти» все звенья логической цепочки и создает имитацию эвристической беседы.

Как способ диалогизации практического материала используют задания-ситуации. В них учебная задача «упаковывается» в описание какой-либо жизненной ситуации. Это помогает ученикам наглядно представить абстрактное содержание и апеллирует к их жизненному опыту. Проиллюстрируем подобный прием упражнением из книги О. В. Козей «Занимательно о русском языке»:

Сережа сказал Алеше: «Надевай пальто».

Алеша ответил: «Хорошо. А ты одевай свитер».

Кто сказал правильно? [2, с. 148]

Лингвистическая задача – это особый, занимательный вид упражнения, для выполнения которого требуется «подключение» логического мышления, а все необходимые для решения сведения содержатся в условии самой задачи. Таким образом, каждая лингвистическая задача по сути являет собой небольшое языковое исследование. Приведем пример подобного упражнения, используемого при изучении фонетики:

Ниже зашифрована фраза на русском языке. Расшифруй.

Шыр-пир ю пяпюжгы зэлэмъгый гёсрыг, фёд гяг, фёд гяг, зэлэмъгый гёсрыг [2, с. 194].

Зашифрованы известные строки: «Жил-был у бабушки серенький козлик, вот так, вот так, серенький козлик». Звонкие согласные заменены соответствующими глухими, а глухие – звонкими. Буква ***л*** заменяется на ***р***, буква ***м*** – на ***н*** (и наоборот). Букву ***й*** не заменяют. Гласные ***а, у, о***… заменяют на ***я, ю, ё***… (и наоборот).

Создание зрительных и звуковых ассоциаций – встраивание слова с непроверяемым написанием в цепочку слов, написание которых не вызывает сомнения, с последующим запоминанием всей цепочки. Слова могут принадлежать разным семантическим полям, но главное то, что они должны быть созвучны и похожи визуально. Этот прием активно разрабатывает Е. А. Лисовская в своей работе «Узелки на память, или Мнемонические способы изучения орфографии». Приведем некоторые мнемонические находки автора:

Аннотация (Анна читает не нотации, а аннотации)
Пессимист (Пес Сима – пессимист)
Ностальгия (Но сталью сжала сердце ностальгия)
Стипендия (Стипендия – стимул к учебе)
Изваяние (Из Вани – изваяние) [3, с. 77-80].

Стихотворная форма как прием оптимизации изложения и восприятия учебного материала может использоваться для решения различных учебных задач:

а) для аккумуляции исключений из правил (классический пример – ритмизация глаголов-исключений из корпуса глаголов I спряжения);

б) как материал для формирования и совершенствования языковых умений и навыков.

Приведем пример упражнения для формирования акцентологической компетентности учащихся:

***

Феномен звонит по средам.
Приняв договор по годам,
Он отдал экспертам эскорта
Ходатайство аэропорта.

Танцовщик с танцовщицей любят
Своих малышей баловать.
На кухонный стол по посуде
Пускают котят танцевать.

Мы с шофером пустились по грязи
И, подолгу буксуя в грязи,
Прорвались к отделению связи –
Нам типограф прислал жалюзи.

Сегодня – тошнота, вчера – в костях ломота.
К тому ж дремота не пускает за ворота.
И лавки заняты, и печка занята.
Ворота отперты, а дверь не отперта [4].

Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что описанные в статье приемы оптимизации изложения и восприятия учебного материала важно использовать не только применительно к младшим школьникам, но и на всех ступенях общего среднего образования. Это позволит поддерживать интерес учащихся к процессу обучения и будет способствовать прочному усвоению знаний и формированию языковых и коммуникативно-речевых умений и навыков.

Литература

1. *Греков В. Ф.* Пособие для занятий по русскому языку в старших классах / В. Ф. Греков, В. В. Чижов. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 512 с.
2. *Козей О. В.* Занимательно о русском языке / О. В. Козей, Л. Ф. Степанова. – Минск: Белорусская ассоциация «Конкурс», 2008. – 239 с.
3. *Лисовская Е. А.* Узелки на память, или Мнемонические способы изучения орфографии. – Минск: Белорусская ассоциация «Конкурс», 2007. – 80 с.
4. Интернет-адрес: http://rus.1september.ru/article.php?ID=200201205.

ФАРМІРАВАННЕ ЛІНГВІСТЫЧНАЙ КАМПЕТЭНЦЫІ НА ІНТЭГРАВАНЫХ УРОКАХ БЕЛАРУСКАЙ І НЯМЕЦКАЙ МОЎ

Т. Л. Браім

Праблема «інтэграванай» адукацыі сярод айчынных і зарубежных педагогаў з'яўляецца як ніколі актуальнай у апошні час. Сёння ўжо часцей настаўнікі прыходяць да разумення таго, што дзяліць адукацыю на прадметы, урокі, тэмы не зусім рацыянальна. Усведамленне адзінага сістэмнага падыходу, які прымяняецца да прыроды і грамадства, а значыць унутранага адзінства сусвету, наводзіць на думку аб інтэграцыі і ў працэсе навучання. Таму што ў навучанні важным з'яўляецца фарміраванне як ведаў, так і светапогляду. А інтэграцыя якраз і садзейнічае фарміраванню цэласнага погляду на свет, разуменню сутнастных узаемасувязей з'яў і працэсаў.

Інтэграваным урокам уласцівы значныя магчымасці. На такіх уроках вучні не толькі атрымліваюць глыбокія і рознабаковыя веды, выкарыстоўваючы інфармацыю з розных прадметаў, але і вучацца пераносіць веды з адной галіны ў другую. Гэта ў сваю чаргу стымулюе аналітычную дзейнасць вучняў, фарміруе ўменне аналізаваць і параўноўваць складаныя працэсы і з'явы аб'ектыўнай рэчаіснасці.

Варыянты інтэграваных урокаў разнастайныя. Яны могуць адрознівацца як задзейнічанымі прадметамі і іх колькасцю, так і спосабам арганізацыі ўрока і формай яго правядзення. Што ж датычыцца адукацыйнай вобласці «Філалогія» і варыянтаў інтэграваных урокаў, якія распрацоўваюцца ў гэтай вобласці, то тут патрэбна адзначыць наступнае. Як

правіла, усё часцей мэтай настаўніка-філолага, які распрацоўвае інтэграваны ўрок, робіцца дасягненне разнастайнасці пад час аб'яднання прадметаў. Так, больш часта сустракаюцца інтэграваныя ўрокі, створаныя са зместу дысцыплін, што ўваходзяць у адукацыйную вобласць «Філалогія» і «Мастацтва». У якасці прыклада можна прывесці наступныя варыянты: літаратура і сусветная мастацкая культура; літаратура і музыка; мова, літаратура і музыка. Пад уплывам гэтай разнастайнасці ўсё менш настаўнікаў звяртаюцца да такіх інтэграваных урокаў, як: мова і літаратура; родная літаратура і літаратура іншых народаў; родная мова і замежная мова. Мы лічым, што гэтыя варыянты не менш актуальныя для методыкі навучання. Асабліва хацелася б звярнуць увагу на варыянт інтэграванага ўрока **«родная мова і замежная мова».**

Асноўная мэта навучання мове (любой: роднай або замежнай) сёння заключаецца ў тым, каб вучні маглі свабодна гаварыць аб любой сучаснай праблеме шматкультурнага свету, разумець асноўную ідэю любога літаратурнага і публіцыстычнага матэрыялу, пісаць афіцыйныя і неафіцыйныя пісьмы, рэзюмэ, віншаванні і г. д., адным словам, у фарміраванні **камунікатыўнай кампетэнцыі**. Акрамя таго, вывучэнне моў садзейнічае развіццю інтэлекту, памяці і ўяўленню − аснове творчага патэнцыялу. Менавіта інтэграваныя ўрокі «родная мова і замежная мова» дапамагаюць найбольш плённа ажыццявіць гэтую мэту. Апрача названых намі задач, інтэграваныя ўрокі роднай і замежнай моў даюць настаўніку больш магчымасцей фарміраваць **лінгвістычную кампетэнцыю,** якая ў сваю чаргу фарміруе пазнавальную культуру асобы школьніка − стымуляваць у вучняў «цікавасць да сістэматычнага вывучэння роднай мовы, замежных моў і лінгвістыкі як навукі»[3, с. 8]. Яны таксама здольны павысіць прэстыж роднай мовы ў вачах вучняў. Так, знаёмячыся з замежнай мовай і адзначаючы тыя моўныя з'явы, якія з'яўляюцца агульнымі для роднай і для замежнай моў, вучань бачыць «неізаляванасць развіцця роднай мовы, што значна павышае яе прэстыж» [1, с. 8].

Правільная арганізацыя інтэграванага ўрока «родная мова і замежная мова» патрабуе ад настаўніка як адпаведных ведаў, так і грунтоўнай падрыхтоўкі. Значнай дапамогай для падрыхтоўкі такіх інтэграваных урокаў з'яўляюцца даследаванні па супастаўленні моў, так званыя моўныя паралелі (напр. беларуска-ангельскія, беларуска-нямецкія моўныя паралелі). На іх аснове настаўнікам будзе лягчэй распрацоўваць інтэграваныя ўрокі, а значыць, больш настаўнікаў і вучняў атрымаюць магчымасць паспрабаваць сябе ў гэтай нетрадыцыйнай форме заняткаў.

На жаль, даследаванні, прысвечаныя супастаўленню замежных моў з беларускай мовай, нягледзячы на іх актуальнасць і важнасць, усё яшчэ застаюцца параўнальна нешматлікімі. Іх колькасць становіцца яшчэ меншай, калі звярнуцца да даследванняў, дзе б супастаўляліся беларус-

кая і нямецкая мовы. На сёняшні дзень існуе толькі некалькі артыкулаў і навуковых прац, прысвечаных параўнанню нямецкай мовы з беларускай, прычым пераважна на ўзроўні лексічнага складу гэтых моў. У першую чаргу патрэбна назваць «Нямецка-беларускія моўныя паралелі» Валянціны Адамаўны Выхоты. Пытанні ж сінтаксісу (спецыфіка суадносін агульнага і рознага ў сінтаксісе беларускай і нямецкай моў) зусім не закранаюцца даследчыкамі. І гэта здзіўляе, таму што можна валодаць лексічным мінімумам пэўнай мовы, ведаць як тое або іншае слова вымаўляецца і пішацца, але не змагчы з-за няведання сінтаксічнага ладу гэтай мовы правільна пабудаваць сваю гаворку. Засваенне ж сінтаксісу той ці іншай мовы і дае магчымасць актыўна валодаць моўнымі сродкамі ў разнастайных формах іх праяўлення, а разам з тым спрыяе ўсведамленню мовы як сістэмы. Тым больш, што для граматычнага ладу нямецкай мовы характэрна пастаяннае спалучэнне марфалагічнага і сінтаксічнага.

Па гэтай прычыне мною быў праведзены параўнальны аналіз сінтаксісу беларускай і нямецкай моў на прыкладзе простага сказа, які ўяўляе сабою аснову ўсяго сінтаксічнага ладу. Параўнальна-супастаўляльны аналіз паказаў, што характэрнай асаблівасцю нямецкага сказа ў параўнанні з беларускім сказам з'яўляецца яго неадменная двухсастаўнасць пры абавязковай вербальнасці выказніка і намінатыўнасці дзейніка. «Гэтая асаблівасць нямецкіх сказаў прыводзіць да пастаяннай узаемаінтэрферэнцыі ў выказваннях блока суб'екта і блока аб'екта. Праяўляецца гэтая інтэрферэнцыя перш за ўсё ў абавязковай наяўнасці выказніка і дзейніка ў сказе і небяспецы змяшчэння іх з месцаў, адведзеных для кожнага з іх» [4, с. 96]. У большай ступені узаемаінтэрферэнцыя выяўляецца ў безасабовых сказах з безасабовым займеннікам «*es*» (*Es war heiß./ Было горача.)* і сказах з няпэўна-асабовым заўменнікам «*man*» (*In unserem Land arbeitet man viel an den Problemen der Ausbildung./ У нашай краіне шмат працуюць над праблемамі адукацыі.)*. У гэтым выпадку на яе наслайваецца інтэрферэнцыя беларускай мовы, у якой названыя канструкцыі з'яўляюцца аднасастаўнымі.

Яшчэ адной асаблівасцю нямецкага сказа з'яўляюцца сказы з дзеясловам-звязкай «*быць*» (*Er **ist** mein Freund./ Ён мой сябар.)*. Цяжкасці пры пабудове такіх сказаў беларускамоўнымі вучнямі тлумачацца адсутнасцю ў беларускай мове звязкі ў цяперашнім часе.

Усе гэтыя акалічнасці прыводзяць да таго, што двухсастаўнасць нямецкіх сказаў, нягледзячы на тое, што і ў беларускай мове двухсастаўныя сказы даволі распаўсюджаная з'ява, можа выклікаць пэўныя цяжкасці ў беларускамоўных вучняў. Пагэтаму патрэбна вучыць школьнікаў, па-першае, выкарыстоўваць розныя тыпы сказаў, па-другое, заўсёды суадносіць нямецкія тыпы сказаў з беларускімі. Ажыццявіць апошняе можна якраз на інтэграваных уроках беларускай і нямецкай моў.

Такім чынам, можна зрабіць наступны вывад: з дапамогай матэрыялу даследванняў па выяўленні нямецка-беларускіх моўных паралеляў настаўнікі змогуць распрацаваць інтэграваныя ўрокі беларускай і нямецкай моў. Такія ўрокі, па-першае, зробяць навучанне нямецкай мове больш эфектыўным і паспяховым. Таму што пад час інтэграваных урокаў беларускай і нямецкай мовы настаўнік атрымлівае магчымасць сканцэнтраваць увагу вучняў у першую чаргу на спецыфічных з'явах нямецкай граматыкі, тады як на вядомых з вопыту роднай мовы граматычны з'явах неабходна будзе спыняцца толькі ў аглядным плане, засяроджваючы ўвагу, напрыклад, на адметнасці тэрміналогіі. Па-другое, інтэграваныя ўрокі беларускай і нямецкай мовы дазволяць паказаць адметнасць, самабытнасць, каштоўнасць беларускай мовы, давесці, што «беларуская мова не саступае рускай і той замежнай мове, якая вывучаецца ў школе…і з'яўляецца такой жа прэстыжнай мовай» [2, с. 129]. Бо каб ведаць і паважаць мову іншага народа, патрэбна спачатку шанаваць і ведаць сваю родную.

Літаратура

1. *Выхота В. А.* Нямецка-беларускія моўныя паралелі. Мінск, 1999. (Энцыклапедыкс).
2. *Выхота В. А.* Нямецка-беларускія моўныя паралелі ў методыцы выкладання моваў // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы: матэр. Міжнар. «круглага стала». Мінск, 1996. Кн. 7. С. 129-135.
3. *Шанский Н. М.* Иностранные языки на уроках русского языка // Русский язык в школе. 1997. №1. С. 3-10.
4. *Шуман Е. В.* Учет специфики грамматики немецкого языка в учебном процессе // Иностранные языки в школе. 2006. №4. С. 93-98.

СІМВОЛІКА-АЛЕГАРЫЧНАЯ ВОБРАЗНАСЦЬ «СЛОВА НА САБОР СВЯТЫХ АЙЦОЎ 300 І 18...» КІРЫЛЫ ТУРАЎСКАГА

В. М. Бурак

Традыцыйнасць і сімвалічнае светаадчуванне належаць да ліку вядучых эстэтычных прынцыпаў мастацкага метаду старажытнай літаратуры, гэта найважнейшыя сістэмастваральныя фактары яе паэтычнай вобразнасці, умова функцыявання вобразаў-сімвалаў. Традыцыйныя стылістычныя сродкі сярэднявечнай кніжнасці адыгрывалі вызначальную ролю ў мастацкім афармленні тэксту твора і рэцэпцыі яго чытачом-слухачом. Д. С. Ліхачоў у дачыненні да старажытнай літаратуры заўважыў: «ўсё поўна таемнага сэнсу, таемных сімвалічных суадносін з Пісаннем» [3, с. 159]. Па ўяўленнях сярэднявечнага кніжніка, падзеі гісторыі, як рэальнай, так і сакральнай біблейскай, навакольнае асяроддзе, з'явы прыроды з'яўляюцца толькі знакамі, якія неабходна

прачытаць, а мэта чалавечага пазнання палягае ў тым, каб дэшыфраваць іх сімвалічнае значэнне.

Сярод самых значных і базісных сакральных вобразаў-сімвалаў у эстэтычнай сістэме каштоўнасцей «Слова на Сабор святых айцоў 300 і 18...» Кірылы Тураўскага вылучаецца дыхатамія «дабро – зло». Гэтыя фундаментальныя універсальныя духоўныя катэгорыі пабудаваны ў творы па прынцыпу дуальных апазіцый «каштоўнасць – антыкаштоўнасць», «святасць – грахоўнасць», якія ў поўнай меры раскрываюцца праз сімволіку, з аднаго боку, Святой Тройцы, з другога – праз вобраз-сімвал д'ябла.

Святая Тройца сімвалізуе трохмернасць месца, часу і прасторы і з'яўляецца самым поўным апісаннем усеахопнага свету ў сэнсе хрысціянскага вучэння. Гэтыя тры аспекты існуюць незалежна адзін ад аднаго, але, нягледзячы ні на што, рэпрэзентуюць адзінага Бога, які праяўляецца як сімвал трыадзінства Бога-Айца, Бога-Сына і Святога Духа: «*...претять тя пророци, Святымь Духомь гласнее трубы поведающе, яко Христос есть Сын Божий, Бог и человек и присно Бог, сияние славы и образ невидимаго Бога*» [4, с. 370]. Такое разуменне Святой Тройцы было прынцыповым у «Слове на Сабор…» Кірылы Тураўскага, бо непасрэдна працавала на ідэйную арыентацыю твора: безапеляцыйна абвергнуць вучэнне Арыя пра не-Бога-Хрыста.

Сімвалам-алегорыяй Бога-Айца ў пропаведзі Тураўляніна з'яўляецца рука – творчая сіла Госпада: «*в руце Божии своя душа предамы*» [4, с. 372]. Святы Дух сімвалізуе ў хрысціянскай традыцыі пазнанне адзінства Бога і чалавека ў бясконцай любові.

Сакральнае паняцце «дабро» ў «Слове на Сабор…» святога Кірылы канкрэтызуецца праз канцэпты «чысціня» і «цнота», якія рэалізаваны ў сімвалах-алегорыях ангела і ягняці («агнца»). Ангелы у біблейскай традыцыі з'яўляюцца духоўнымі стварэннямі, праз якіх Бог выказвае сваю волю («ангел» у перакладзе з грэчаскай мовы – «вястун»), і таму сімвалізуюць служэнне, найвышэйшую духоўнасць, чысціню, заступніцтва: «*слова ангели*» [4, с. 369], «*посланаго к девей ангела*» [4, с. 370]. З вобразам ангела звязваюцца ўласцівасці сілы, энергіі, прыгажосці, дабрыні [6, с. 9–10]. «Агнец» выступае ў пропаведзі Кірылы Тураўскага ў якасці сімвала пакорлівасці і непавіннасці: «*...не дадуще вълку к агнецьм приближитися…*» [4, с. 371]. У біблейскай традыцыі сімвал ягняці звязваецца з ахвярапрынашэннем. У гэтага вобраза ёсць яшчэ адно значэнне: ягнятамі ці авечкамі ў «Слове на Сабор…» называюцца слабыя вераю людзі; яны прыпадабняюцца да паствы, якая ідзе за пастырам: «*Христова овчата*» [4, с. 368], «*стада не щадяще Христова*» [4, с. 369], «*добрии Христова стада пастыри*» [4, с. 371].

Семантычнае поле «зло» ў пропаведзі святіцеля зададзена вобразам-сімвалам д'ябла: «*паче же рещи съсуд бе сотонин*» [4, с. 367], «*сам дьявол неподобьная глаголаше*» [4, с. 368], «*воевода сотонин*» [4, с. 368]. Д'ябал – вечны супраціўнік Бога. Усякі рух узнікае ад сутыкнення супрацьлеглых прынцыпаў; боскае дабро не магло б увайсці ў свядомасць чалавека без адмоўнага пачатку. Як вечны разбуральнік, д'ябал сімвалізуе эфемернасць, нявечнасць усіх зямных з'яў [1, с. 198–199].

Наступнай па значнасці ў сакральным полі «Слова на Сабор…» трэба адзначыць дыхатамію сімвалаў святло – цемра, якая выяўлена праз адпаведныя вобразы: «*изволи бо тьму паче, нежели свет*» [4, с. 368]. Традыцыйна святло ўпадабляецца духу і боскасці, паўстае як сімвал святасці, высакародства, прыгажосці, лічыцца выяўленнем мудрасці і дабрадзейнасці; у пропаведзі святіцеля святло – атрыбут айцоў Нікейскага сабора, што нясуць ісціннае вучэнне пра Хрыста. У Бібліі, якая з'яўлялася асноўнай крыніцай вобразаў і сімвалаў для Кірылы Тураўскага, святло трактуецца як увасабленне боскасці (Вых. 19). Светавая сімволіка Бога знаходзіць адлюстраванне ў метафары азарэння [6, с. 376].

Сімвалічнае значэнне цемры выкрываецца пры супастаўленні з сімволікай святла. У вобразе цемры, што суадносіцца з вучэннем Арыя, можна вылучыць два сэнсавыя пласты. З аднаго боку, цемра – гэта стан света-космаса да яго стварэння боскім пачаткам, суадносіцца з хаосам, з нявызначанасцю абрысаў, форм. Цемра – вобраз матэрыі да яе адухаўлення святлом, вышэйшым пачаткам. З другога боку, цемра мае месца існавання пасля стварэння-асвятлення космасу і яўляе сабою знак зла, вобраз пекла. Цемра у маральнай сферы звязана з недасканаласцю і парокам, у сферы інтэлектуальнай – з невуцтвам і цемрашальствам [6, с. 440–441].

Называючы святых айцоў Нікейскага Сабора «орламі», Кірыла Тураўскі мае на ўвазе строга тэалагічныя паняцці: «*…и скоро съвькупишася святи отци, …ли яко орли опостольскым въкриливъшеся учениемь…*» [4, с. 368]. Арол – асабліва шануемая, божая птушка; ён цар птушак і валадар нябёсаў. Арол звязаны з нябеснымі стыхіямі і кіруе імі, што ўказвае на выключна кніжнае паходжанне гэтага вобраза-сімвала. Па павер'ях, арол здольны наведваць нябесны свет, ён жыве даўжэй за ўсіх птушак і валодае магчымасцю амаладжэння: біблейскі сімвал даўгавечнасці.

Вельмі цікавы і глыбокі па сваёй сутнасці сакральны хрысціянскі вобраз карабля: «*...святии отци, ...яко корабли пълин духовнаго богатьства...*» [4, с. 368]. Гэты вобраз непасрэдна звязаны з сімволікай пошуку, падарожжа, мараплавання як быцця, якое імкнецца пераадолець уласныя межы, выйсці за рамкі абмежаванага. Гэта Ноеў каўчэг – сімвал-алегорыя шчаслівага выратавання. Святыя айцы лічылі карабель увасабленнем царквы, якая праз мора гэтага свету бяспечна вязе хрысціян да вечнага прыстанку. Таму галоўная частка храма называецца

навою – караблём. Эмблематыка вызначае вобраз карабля як сімвал паспяховага дасягнення мэты.

Вобразная метафара «съсуд» у пропаведзі Тураўляніна («*чистии съсуди*» [4, с. 372]) ўтрымлівае ў сабе Слова Божае і сімвалізуе яго чысціню, бясконцасць, вечнасць. «Съсуд» упадабляецца душы, сэрцу, чалавеку ў цэлым як умясцілішчу пачуццяў.

Майстэрства Кірылы Тураўскага ў стварэнні шмат'яруснай семантыкі «Слова на Сабор…» яскрава выяўляецца на прыкладзе лічбавай сімволікі, зададзенай семантычнымі палямі «мудрасць» і «вечнасць». Разгледзім працэс сакралізацыі лічбы 318 – адзінай і цэнтральнай ў пропаведзі. 318 (колькасць рабоў Аўраама і затым – айцоў Нікейскага сабора) – гэта камбінацыя лічбаў 3 (тры), 1 (адзін) і 8 (восем), кожная з іх нясе сваю спецыфічную сэнсавую напоўненасць. Лічба адзін з'яўляецца сімвалам мудрасці і графічна абазначаецца кропкай. 1 – гэта пачатак, першаснае адзінства, стваральнік, сутнасць [5, с. 27].

Першай лічбай у біблейскай традыцыі з'яўляецца лічба тры і кваліфікуецца як дасканалая, графічна выражаецца трохкутнікам. Яна ўвасабленне множнасці, творчай сілы, стварэння і абнаўлення.

Сакральная лічба восем з'яўляецца сімвалам гармоніі, боскага правасуддзя, графічна выражаецца перавернутым знакам бясконцасці. У духоўным плане 8 – гэта мэта пасвячонага, які прайшоў сем прыступак ці Нябёсаў, і таму гэтая лічба – зноў набыты рай, а таксама ўзнаўленне і шчасце.

Таемны сэнс лічбы выкрываўся таксама пры дапамозе раскладання яе на меншыя лічбы з іх далейшым сімволіка-акравершавым тлумачэннем. Раскладанне ліку 318 дае 300 (тау), 10 (йота) і 8 (эта) і тлумачыцца так: «Літара "тау" ёсць вобраз Крыжа, … літара "йота" з'яўляецца акравершам Ісуса, … літара "эта" яўляе непахісны нораў дабрадзейнасці» [2, с. 39]. Валодаючы ўсім гэтым – а менавіта сакральным зместам, заключаным у гэтай лічбе – Аўраам, маючы 318 рабоў, якія нарадзіліся ў яго доме, адважыўся выйсці супраць ворагаў; 318 айцоў Нікейскага сабора выступілі ў абарону веры Хрыста. А мелі яны ўсеабдымнае вучэнне багаслоўя, заключанае ў лічбе 300, таінства Боскага ўвасаблення, заключанае ў лічбе 10, і дасканалы спосаб цвёрдага навыка ў дабрадейнасці, заключанага ў васьмёрцы.

Такая неадназначнасць суадносін у вобразнай структуры сімвалаў-алегорый прадметнага і ідэйнага планаў спрыяла найбольш поўнаму спасціжэнню сярэдневяковым слухачом (чытачом) сутнасці хрысціянства і ідэі непадзельнай цэласнасці светабудовы.

Літаратура

1. *Бауэр В., Дюмотц И., Головин С.* Энциклопедия символов / Пер. с немецкого Г. И. Гаева. Москва, 1995.

2. *Кириллин В. М.* Символика чисел Древней Руси (XI–XVI вв.) / В. М. Кириллин; [Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, О-во исследователей Древ. Руси]. СПб., 2000.
3. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Ленинград, 1967.
4. *Мельнікаў А. А.* Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё, спадчына, светапогляд / Навук. рэд. і аўт. прадм. В. А. Чамярыцкі; Акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы. Мінск, 1997.
5. Полная энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. Москва; СПб., 2006.
6. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н. Н. Рогалевич. Минск, 2004.

ЧЕРТЫ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ ДЖОНА ФАУЛЗА «ВОЛХВ» («МАГ», «THE MAGUS», 1965)

К. Власова

Джон Фаулз (John Fowles, 1926–2006) вошел в историю литературы как один из крупнейших прозаиков XX века, оцениваемый критикой как самый интересный и важный талант послевоенного период.

В творческой мастерской автора гармонично сосуществуют произведения от философских эссе, рассказов и повестей до романов, которые, впрочем, были его излюбленным жанром. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что Фаулз был писателем-экспериментатором. Как заметил сам писатель: «Я хотел бы написать по произведению в каждом из существующих жанров» [1, с. 13]. Тем не менее, все его произведения объединяет одно ключевое понятие: «обретение самосознания как необходимого условия для достижения свободы» [2, с. 4].

Творческое наследие Джона Фаулза довольно сложно уместить в рамки какого-либо одного литературного направления. В данном проекте творчество писателя будет рассматриваться как пример литературы «магического реализма».

Впервые термин «магический реализм» был употреблен немецким искусствоведом Францем Роо в отношении к искусству начала XX века. Сам автор называет данное течение **постэкспрессионизмом,** подчеркивая тем самым его тесную связь с экспрессионизмом. Необходимо отметить, что термин «магический реализм» имеет несколько вариантов. Так в лоне самого экспрессионизма зарождается новая тенденция к констатации фактов, «безэмоциональность», то есть так называемая «овеществленность», или же Neue Sachlichkeit (новая вещественность) [2, с. 16, 17]. Содержание термина «Neue Sachlichkeit» выражает новый взгляд на мир; создается так называемая «трансцендентная предметность».

Теперь обратимся к самому роману Джона Фаулза «Волхв» и проведем своеобразное доказательство, что это произведение действительно может быть отнесено к «магическому реализму».

Главный герой романа Николас Эрфе (Nicholas Urfe) – 25-летний англичанин, окончивший Оксфордский университет – воспитан в традициях викторианской морали, которые вызывают в нем неприязнь, желание «отделаться» от навязанных ему представлений; встречает Алисон Келли (Alison Kelly), австралийку, которая влюбляется в него. Тем не менее Николас, пытаясь избежать серьезных отношений, принимает должность учителя английского языка в закрытом пансионате на острове Фраксос. В начале произведения Фаулз использует «хитрый» постмодернистский прием завлечения читателя к самому чтению: он рассказывает о современной молодежи, ее поведении и привычках; не обходит стороной и сексуальную жизнь главного героя. (Как пишет сам автор в предисловии к «Волхву»: «…В двух эпизодах усилен элемент эротики. Я просто наверстал то, на что ранее у меня не хватало духу. Второе изменение – в концовке») [1, с. 7]. Таким образом, читатель вовлекается в повествование произведения, становится его своеобразным «соучастником».

Все меняется, когда Николас Эрфе попадает на греческий остров Фраксос. Там происходят загадочные и мистические события. Манера повествования усложняется, как и философская «начинка» романа.

На острове читатель вместе с главным героем знакомится с богатым интеллектуалом-«затворником» Морисом Кончисом (Maurice Conchis) и его свитой: Джулией и Джун де Сейтас, которые оказываются Лилией и Розой де Сейтас (Lily de Seitas и Rose de Seitas), сестрами-близняшками. Именно вокруг трех главных героев (Николас Эрфе – Морис Кончис – Лилия де Сейтас) разворачиваются основные события на острове.

Обратимся к классификации типов сознания по В. И. Вернадскому, так как определение типа сознания в романе поможет правильнее его интерпретировать. Итак, Вернадский определяет следующие основные типы сознания:

1) Мифическое сознание, которое возникло на заре человечества. В современном информационном мире магическое сознание все же сохранилось, приняв лишь немного другую форму: советский миф о мировом социализме или национал-социалистический миф о превосходстве арийской расы и т.п. Миф сегодня, как и раньше, реализовывается через магию, ее таинства.

2) и 3) рациональное и иррациональное сознания рассматриваются всегда «как взаимосвязанные и взаимодополняющие формы расщепленного мифического сознания» [2, с. 49]. Рациональное сознание связывается с развитием науки, т. е. оно следует за наукой, а иррациональное сознание, сохраняя связи с мифическим сознанием, трансформировалось в различного рода оккультные науки, магию, астрологию.

4) и 5) религиозное монотеистическое сознание является, по сути, разновидностью иррационального сознания, т. е. в данной ситуации мы имеем дело с измененным мифологическим сознанием, у которого четко

прослеживается вертикальная иерархия: «верх – низ». Назовем его **мистическим сознанием.**

6) прагматическое сознание – доминирующий тип сознания в наше время – предполагает использование всех возможных средств воздействия на людей для достижения определенных целей.

Все эти 6 типов сознания встречаются в романе, и умело сплетаются в единый гармоничный образ. Так на основе мифического строится основная часть произведения: и сам остров, отсылающий читателя к «Одиссее» Гомера и «Буре» Шекспира; и сама постановка мифов Кончисом. Иррациональное здесь тесно «сотрудничает» с рациональным, то вступая в конфликт с ним, то сливаясь в безупречное единое целое: постепенное перерождение сознания главного героя (Николаса Эрфе) в течение всего произведения. В «Волхве» разум (рациональное), освобождаясь от оков реальной действительности, попадает под влияние мистического. «Прагматическое» пронизывает всё произведение и «исходит» от фаулзовского Просперо – Мориса Кончиса. Кончис проводит психологические эксперименты на живых людях: отсылка к теории бессознательного Зигмунда Фрейда. Ведь Морис точно также вводит своих «жертв» в гипнотическое состояние, чтобы «обуздывая эгоистические побуждения и в самом себе, и в других <помочь> людям обрести равновесие, ощутить красоту природы» [3, с. 68].

Разберем теперь более подробно общие черты «магического реализма». Их будет **7:**

Во-первых, особое использование времени и его соотношение**;** возможность существования одновременно сразу 3-х времен: настоящее, прошедшее и будущее. На острове главный герой сталкивается с прошедшим (инсценировка мифов), настоящим и будущим (в конце романа Николас уже овладевает талантом предсказывать, что будет дальше: он начинает слушать внутренний голос). Прошлое выступает в качестве связующего звена. Оно направляет и определяет настоящее. Настоящее в романе представлено как поток событий, берущих начало в прошлом. Будущее представлено в «Волхве» как логический вывод. Если читатель внимательно следит за ходом разворачивающихся событий, то у него к концу книги определенно складывается схема возможных окончаний романа.

Во-вторых, конкретно-историческое бытие теряет важность, уступая место вневременным, вечным основам. (Англия вспоминается Николасом на острове как нечто несуществующее; главное то, что происходит с героем здесь и сейчас).

В-третьих, основываясь на реальных событиях, повествование постоянно насыщается особыми элементами, которые изнутри подрывают достоверность действительности, открывая все новые и новые непознанные реальности до тех пор, пока эти самые реальные события не утрачивают свою значимость. Данное повествование чем-то схоже с работой архео-

лога, занимающегося изучением слоев земли древнего города: с каждым новым слоем открывается что-то новое.

В-четвертых, повествование произведений «магического реализма» разворачивается на строго очерченной, замкнутой территории. Фаулз точно определяет время и место в романе (1953 год, Греция, остров Фраксос), но атмосфера произведения отсылает читателя к началу XX века. Такого воздействия автор добивается благодаря предметам интерьера (костюмы, картины, дом Кончиса), поведению Лилии, и естественно рассказам Кончиса.

В-пятых, основным мировоззренческим аспектом произведений «магического реализма» является поиск ответов на «вечные» вопросы о цели и смысле человеческого бытия в космических измерениях. Магические реалисты ищут (и каждый по-своему находят) внерациональные способы изображения и истолкования мира. В романе этим искателем становится Морис Кончис. Он, найдя некую закономерность в расшифровке тайных кодов жизни, теперь проверяет ее на практике и различных людях. Подопытным становится и Николас Эрфе. Именно благодаря Кончису Николас приближается к познанию себя самого, учиться быть самим собой, а не играть некую социальную роль. Он больше не разыгрывает «спектакль», но пройдя многочисленные испытания, смело смотрит правде в глаза; Николас готов для реальной жизни.

В-шестых, «магический реализм» антигероичен. В романе не появляется какое-либо «новое общество» или «новый тип человека». В этом отношении литература «магического реализма» очень честна перед читателями. «Магический реализм» не создает особых героев, титанов, так как признает, что они существовали во все века и эпохи. Мудрецом выступает в романе Кончис, но он не изображается как уникальный и недостижимый. Все его «волшебства» – всего лишь замысловатые трюки и уловки, легко поддающиеся разгадке с помощью логики и науки.

В-седьмых, все типы мышления переплетаются в единое целое, тем самым роман лишается доминирующего центра-ядра и периферии; на их место приходит постмодернистская ризома: нет главного, и нет второстепенного. Так каждый эпизод в романе, каждая сцена по-своему важны, они, как звенья в цепи, убрать одно – и перестанут работать все.

Данным исследованием я попыталась доказать, что роман Джона Фаулза «Волхв» является примером литературного направления «магический реализм».

Литература

1. *Фаулз Дж*. Волхв: [роман] / Пер. с англ. Б. Н. Кузьминского. М: АСТ МОСКВА, 2006.
2. *Гугнин А. А.* Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления): Доклады Научного центра славяно-германских исследований. М. 1998.

3. Зарубежные писатели, библиографический словарь для школьников и поступающих в вузы: В 2 ч. Ч.II: М-Я / Под ред. Н. П. Михальской. М. 2003.

ИЗУЧЕНИЕ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Т. А. Волкович

Цель изучения литературы как одного из видов искусств - искусства слова - может быть определена следующим образом: ввести учащихся в мир прекрасного, приобщая их к образцам отечественной и мировой культуры, воспитать потребность в чтении, интерес к литературе, научить понимать художественное слово и на этой основе формировать эстетический вкус, высокую общую и читательскую культуру.

Мастерство А.Чехова в изображении внутреннего мира героев учитель может показать, используя на уроке следующие приёмы, обеспечивающие реализацию метода творческого чтения и исследовательского метода: *«стилистический эксперимент», сопоставление оригинала с переводом.*

Усилить впечатление учащихся о выразительности детали Чехова предлагаем с помощью такого методического приёма, как **сопоставление оригинала с переводом**. Обращаем внимание учащихся **6 класса** при изучении рассказа **«Хамелеон»** на внешность и манеру поведения полицейского надзирателя Очумелова. Услышав шум на базарной площади, полицейский надзиратель, чувствуя себя хозяином, приступает к исполнению своих обязанностей. «По какому это случаю тут? - спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу». Предлагаем учащимся сопоставить словосочетание «*врезываясь в толпу*» с его переводом на английский язык – «проталкиваясь в толпе» – «*shouldering his way the crowd*» [2, с. 199].

Школьники выясняют лексическое значение слов: «*врезываться»* - стремительно проникнуть, ворваться; «*проталкиваться*» - толкаясь, расталкивать окружающих, с трудом пролезть, пробраться через толпу.

Вступая в диалог с учителем, высказывая различные мнения, ученики приходят к выводу о том, что чеховская фраза очень точно раскрывает внутренний мир Очумелова, который желает, чтобы его обязательно заметили в новой должности и непременно считались с его мнением. В данном случае при переводе на иностранный язык утрачивается ***выразительность чеховской детали.***

Такие же наблюдения можно сделать и при изучении рассказа ***«Толстый и тонкий» (6 класс). Обратим внимание учащихся на диалог,*** состоявшийся при встрече бывших школьных друзей. Для того чтобы показать благоприятную атмосферу их встречи, автор использует различные варианты речевой характеристики героев: у толстого короткие предложения с обилием разговорной лексики, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, у тонкого обилие кратких восклицательных

предложений, которые как нельзя лучше передают его искренние чувства. Усилить читательское восприятие помогает фраза «приятели троекратно облобызались». Предлагаем учащимся сопоставить эту фразу с переводом на английский язык: «*The friends embraced three times*»[2, с. 156] (***приятели троекратно поцеловались).*** В русском варианте используется устаревшее слово «облобызаться», которое в современном русском является разговорным и используется в основном с шутливой окраской. Школьники приходят к выводу о том, что в английском варианте утрачивается выразительность слова Чехова: глаголом с разговорной и шутливой окраской «облобызались» писатель хотел подчеркнуть искренность встречи двух людей.

Выразительность детали Чехова ученики могут наблюдать и при изучении рассказа **«Дама с собачкой» (10 класс**). Гуров, главный герой рассказа, убеждён, что от ялтинской встречи с Анной Сергеевной останутся лишь воспоминания об очередном мимолётном увлечении. К его удивлению, воспоминания не гасли, а разгорались всё ярче: «Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним, Закрывши глаза, он видел её, как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была… На улице он провожал взглядом женщин, искал, нет ли похожей на неё…» [1, с. 98]. Ему захотелось поговорить с кем-нибудь о своей любви, но у него нет друзей, жизнь однообразна: очередной вечер в клубе, карты, какие-то разговоры, ничего не значащие. Поданная закуска показалась Гурову несвежей, и он сказал об этом чиновнику, своему партнёру по картам, а тот не согласился с ним. Автор ничего не говорит об этом разговоре, мы узнаём о нём из крохотного диалога героев при выходе из клуба. Расставаясь с чиновником, Гуров «не удержался и сказал:

- Если бы вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

- Дмитрий Дмитриевич!

- Что?

- А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!»[1, 105].

У Гурова было много таких вечеров, таких разговоров, но теперь это стало невыносимым, потому что в этих словах увидел Гуров отражение своей жизни, с которой он так долго мирился. Учитель обращает внимание учащихся на то, как характеризует герой свою жизнь: «*остаётся какая-то куцая, бескрылая жизнь*». Затем предлагает сравнить эту фразу с переводом на английский язык – «*чахлое, приземлённое существование*» - «stunted earth-*bound existence*» [2, с. 350]. Учащиеся замечают, что фраза Чехова более интересная и яркая: с существительным «*существование»* сочетаются прилагательные «*чахлое*», «*приземлённое»*, а прилагательные «*куцый»*, «*бескрылый»* должны сочетаться с абстрактным существительным «*жизнь»*. Учащиеся приходят к выводу о том, что такое со-

четание слов делает фразу Чехова яркой, эмоционально насыщенной, помогает глубже понять основную мысль рассказа «Дама с собачкой»: без любви жизнь становится пустой, бескрылой; любовь облагораживает человека, возрождает его к жизни.

Работа по **сопоставлению оригинала с переводом** основана на непосредственном восприятии эпизода и стилевых особенностей текста. Этот методический прием способствует развитию у учащихся художественной наблюдательности, памяти, воображения, эмоциональности.

Для активизации воображения ребёнка важно использовать на уроке литературы такой методический приём, как **«стилистический эксперимент».** ***«Стилистический эксперимент»*** основан на пропуске слова или изменении слова в тексте произведения с целью воссоздания авторского варианта.

Для того чтобы увидеть, как показывает автор психологическое состояние Машеньки в рассказе **«Переполох» (8 класс**), проанализируем состояние гувернантки Машеньки: «спросила у неё гувернантка», «продолжала недоумевать гувернантка», «*сказала Машенька с возмущением в голосе».*

Предлагаем ребятам сравнить с авторским вариантом: «сказала Машенька, *задыхаясь от негодования*» [1, 65]. Обращаем внимание на эмоциональную насыщенность чеховской фразы, которая наиболее точно отражает растущий в героине протест против унижения личности.

В этой связи обратим внимание на состояние Машеньки после разговора с Николаем Сергеичем (окончание рассказа): «Машенька, удивлённая, продолжала укладываться; она *хватала* свои вещи, *мяла* их и беспорядочно *совала* в чемодан и корзину» [1, 67]. Если изъять эти глаголы или заменить другими («она быстро складывала вещи в чемодан и корзину»), читатель не почувствует волнения героини, душевного смятения, которые наиболее ярко проявляются в действиях.

Школьники приходят к выводу: Чехов показывает, как пробуждается сознание человека, протест против деспотизма, унижения личности; писатель подчёркивает драматизм человека в обществе, где место, чин, а не личность, не индивидуальные качества служат критерием оценки человека.

С большим мастерством изобразил Чехов горе и одиночество извозчика Ионы, которому некому поведать своей тоски, некому рассказать о своём несчастье (**рассказ «Тоска» - 8 класс**). Предлагаем ребятам подумать, какие слова настойчиво повторяет Чехов, показывая состояние Ионы после смерти сына: « Извозчик сидит на козлах и не шевельнётся. Его лошадёнка тоже бела и неподвижна. Иона и его лошадёнка не двигаются с места уже давно» [1, 87]. Восьмиклассники замечают повторение слов «неподвижно», «не шевельнётся», «не двигается с места» и приходят к выводу: если изъять эти слова, изменится восприятие тяжёлого душевного состояния Ионы. Именно потому, что Иона погружён в своё раздумье, он оказывается не чувствительным к внешним впечатлениям: не замечает,

как на его спине образуются пласты снега, вздрагивает, когда его окликают, «больше слышит, чем чувствует, звуки подзатыльника» [1, 88].

Беседуя при изучении рассказа **«Попрыгунья»** (***10 класс***) об Ольге Ивановне и её отношении к мужу, предлагаем учащимся вариант фразы, произнесённой героиней в адрес мужа: «Этот человек *гнетёт меня* ». Школьники должны сравнить этот вариант с авторским: «Этот человек *гнетёт меня своим великодушием*». Выясняем значение глагола угнетать - «вызывать мрачные, тяжёлые мысли, приводить в подавленное состояние». Учащиеся замечают, что глагол гнетёт предполагает ассоциативные ряды , связанные с чем-то отрицательным: погода гнетёт, болезнь гнетёт, гнетут заботы, хлопоты. Великодушие, как наличие высоких душевных качеств, не может угнетать человека. В ходе беседы учащиеся приходят к выводу, что авторская фраза является более эмоционально насыщенной, более точно характеризует героиню, которая любила произвести впечатление, увлекалась всем, по её мнению, необычным, эффектным, но на самом деле была совершенно поверхностным человеком.

Обращаем внимание учащихся на душевное состояние героини в конце повествования, когда умирает Дымов. Чтобы выяснить, понимает ли Ольга Ивановна, что рядом с ней был великий человек, предлагаем учащимся изменённый вариант следующего отрывка чеховского повествования: «Стены, потолок, лампа и ковёр на полу замигали ей насмешливо, как бы желая сказать: «**Не заметила! Не заметила**!» Она с плачем бросилась из спальни, **проскользнула** мимо какого-то незнакомого человека и вбежала в кабинет к мужу». Школьники должны сравнить выделенные глаголы с авторскими (вместо **«не заметила» - «прозевала**», вместо «**проскользнула» - «шмыгнула**»). Рассуждая, школьники обращают внимание на разговорную окраску авторских глаголов, размышляют над тем, почему автор от своего лица использует такие эмоционально-оценочные слова. В ходе размышлений учащиеся ещё раз открывают для себя художественное мастерство Чехова, который, приковывая наше внимание к таким эмоциональным словам, помогает понять истинную сущность Ольги Ивановны: она любит только себя, эмоционально-оценочные слова «**прозевала» и «шмыгнула**» подчёркивают её эгоистичность, амбициозность. Благодаря такому наблюдению ученики чувствуют авторскую иронию, обращённую к героине: нельзя рассчитывать на какие-то изменения в ней, она была и останется «попрыгуньей», легко переходящей от одного увлечения к другому, она не способна на глубокие чувства.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что методические приёмы, обеспечивающие реализацию метода творческого чтения и исследовательского метода: *«стилистический эксперимент», сопоставление оригинала с переводом* – являются ***наиболее эффективными*** для усиления сопереживания и эмоционального восприятия литературного произведе-

ния. Вышеназванные методические приёмы занимают особое место в системе работы над художественным произведением, так как стимулируют личностное начало в восприятии текста, развивают воображение, эмоциональную отзывчивость, эстетический вкус.

Литература

1. *Чехов А. П.* Рассказы/ А. П. Чехов. - Л., 1978.
2. *Chekhov* Anton. The party and other stories /Chekhov, Anton. - Harmondsworth: Penguin Books, 1985.

МЕТАФОРА ВОДНОГО ПРОСТРАНСТВА В БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

О. А. Волчек

В современной лингвистике широкое распространение получили попытки выявить взаимосвязь мышления и языка. Многочисленные исследования посвящены функционированию метафоры в текстах различной жанрово-стилевой принадлежности и часто опираются на теорию концептуальной метафоры (M. Johnson, G. Lakoff), согласно которой метафора помогает упорядочить неясные явления [1; 2].

Осенью 2008 года российские и белорусские СМИ заговорили о глобальном экономическом кризисе. Для его осмысления журналисты стали активно использовать разнообразные метафоры. Но белорусы и россияне живут на разных территориях, приспосабливаются к несходным политическим и экономическим условиям и, наконец, по-своему воспринимают мир. Для описания и упорядочения событий они выбирают разные метафорические модели, которые наиболее точно соответствуют их мироощущению. Мы попытались выявить специфику использования метафоры водного пространства в белорусской и российской периодической печати в период с октября 2008 по май 2009 года. С этим временем связывают три пика кризиса в России, которые характеризуются максимальным оттоком капитала, падением тарифной ставки, ослаблением рубля. В Беларуси экономический всплеск пришелся на январь 2009 года с неожиданной девальвацией национальной валюты. Материалом для анализа послужили номера высокотиражных российских газет «Известия», «Независимая газета» и «Российская газета», белорусские издания «Голас Радзімы», «Звязда» и статьи на белорусском языке в газете «Рэспубліка» (далее приняты сокращения *И, НГ, РГ, ГР, Зв, Р*). Перечень отбираемых номинаций водного пространства был определен в соответствии с Тематическим словарем русского языка под ред. проф. Морковкина [3, с. 522–526].

В российской периодической печати водная метафора встречается довольно часто: одна метафора водного пространства приходится в среднем на 10 статей. Среди выявленных 29 водных номинаций (при 3089 метафорических употреблениях) есть названия собственно водоемов (*бассейн, болото, бухта, канал, море, озеро, океан, приток, пруд, река, родник, ручей и под.*), их частей (*брод, водоворот, исток, мель, омут, риф, русло, устье)*, а также водных струй (*вал, водопад, поток, фонтан*). Они формируют метафорические модели, которые называют человека, явления природного и социального мира, конкретные предметы или абстрактные сущности и характеризуются взаимопроникновением: например, *поток верующих* относится к метафорам «Человек – это водоем» и «Религия – это водоем».

В условиях экономического кризиса самой частотной оказалась метафора «Экономика – это водоем» (23% контекстов), так как публицистический дискурс максимально отражает действительность. Экономика воспринимается как *бушующий океан*, в котором есть *рифы*, *финансовые цунами*, *валы банкротств* и *дефолтов*. В него впадают *реки денег, капиталов, доходов, денежные ручьи* и *ручейки биржевых операций и т.д*. В *безднах* и *болотах рынка безопасной гаванью* представляется разнообразная валюта (*золото, йена, доллар*), а также *инвестиции* и *ценные бумаги*. При этом сам финансовый кризис может описываться как водоем (2%). *Бездна, океан, море, пучина*, *болото* финансового кризиса имеет свои *истоки* и движется по определенному *руслу*: *«В океане финансового кризиса, охватившего весь мир, никто уже не может оставаться островком спокойствия» (И 10.10.2008).*

Высокой активностью отличается метафора «Человек или совокупность людей – водоем» (21%). Группа людей определяется как *вал, море, река, ручей, ручеек, поток, приток*. Объединение проводится по разным критериям: биологическому виду (*людское море, море народу и др*.), национальности (*потоки американцев, арабские моря*), увлечениям (*поток фанатов)* и др. Развитие представления об отдельном человеке как о водном пространстве осуществляется с помощью метафоры «Эмоциональный и интеллектуальный мир – это водоем». *Океаны* и *моря идей*, *потоки мыслей*, *бездны фантазии* и *таланта, моря обожания*, *положительных эмоций* и *любви*, *реки веселья и памяти* создают образ человека мыслящего и чувствующего. Одновременно реализуется модель «Человеческая жизнь – это водоем (*бездна, болото, гавань, залив, море, океан, поток, река, русло*)» (2%): *«… любая из них на зависть дутым героям и уникальна, и исторична, и органично укладывается в широкое русло единственной жизненной реки» (И 16.02.2009)*.

Метафоры «Политика – это водоем» и «Информация – это водоем» встречаются реже (7% и 9% соответственно). *Бурные политические водовороты* и *валы антироссийских настроений*, *аппаратная трясина* и *рифы законодательства* вынуждают политиков вести переговоры в *конструктивном, позитивном, активном, дружественном ключе* и ценить информацию, поступающую по *дипломатическим, официальным, политическим каналам связи*. *Валы*, *потоки*, *моря*, *цунами информации* безграничны, и человек порой теряется в *фонтанах слов, водопадах речей, потоках материалов*. Также популярна модель «Транспорт – это водоем» (8%): *«Почему в Европе автомобильный поток на дороге сверкает, как будто только что сошел с конвейера?» (РГ 30.03.2009)*.

В российских газетах встречаются и менее частотные метафоры, в которых номинации водного пространства участвуют в описании и осмыслении правонарушений, временных и пространственных представлений и др.: *«У вас нет опасений, что мировой экономический кризис спровоцирует вал преступлений?» (РГ 25.12.2008)*, *«…ощущение включенности в диалог, погруженности в поток времени» (НГ 16.04.2009)*, *«После спокойного и тихого Рэдвилля … окунаться в омут громадного мегаполиса очень сложно» (И 09.12.2008)*.

В белорусской периодической печати употребление метафоры водного пространства ограниченно (231 словоупотребление при средней частоте 1 водная метафора на 65 статей). Уже и круг подвергающихся метафоризации слов: *акіян*, *балота*, *бездань*, *вадаспад*, *вал*, *вір*, *выток*, *гавань*, *канал*, *ключ*, *мора*, *рака*, *паток*, *прыток*, *струмень*, *рэчышча*, *рыф*. Это может быть обусловлено меньшим количеством белорусского материала и отсутствием в белорусском языке дифференциации некоторых понятий: *бездна* и *пучина* переводятся как *бездань*, а *омут* и *водоворот* – как *вір*. Наконец, такие понятия, как *цунами*, *поток* или *водопад*, представляются малоосвоенными в сознании белоруса из-за особенностей ландшафта, и поэтому, согласно теории когнитивной метафоры, практически не используются для осмысления мира.

Среди метафорических моделей доминирующей оказалась метафора «Человек или совокупность людей – это водоем (*акіян*, *балота, бездань*, *вадаспад*, *вір*, *мора*, *паток*, *прыток*)» (22%). В терминах водного пространства описываются группа людей, умственные и эмоциональные стороны личности, жизнь и смерть: *«Як лічыць Прэзідэнт, добрым паказчыкам таго, што адраджаць гэты край усё ж неабходна, з'яўляецца прыток насельніцтва» (Зв 30.04.2009), «Акіян творчай фантазіі і энергіі» (ГР 06.11.2008), «Чалавек … заўсёды знаходзіўся ў віры жыцця» (Зв 23.04.2009), «Большасць людзей паміраюць зусім не ад старасці... Ста-*

расць толькі падводзіць чалавека да бездані, куды яго спіхваюць хваробы» (Зв 25.10.2008).

Белорус, согласно статьям рассмотренных газет, ценит родную культуру и обеспокоен национальными вопросами. Модель «Национальная культура – это водоем» (10%) реализуется с помощью слов *акіян*, *выток*, *рэчышча*: *вытокі беларускасці, нацыянальнай дзяржаўнасці, традыцый, легендаў, паданняў*, *святаў*, *акіян роднай мовы*, *рэчышча вывучэння беларускасці*: *«Антон Луцкевіч па сутнасці стаяў ля вытокаў самой беларускасці» (Зв 29.01.2009), «Ён і сапраўды жыве ў бязмежным акіяне роднай мовы» (ГР 06.11.2008)*. Предпочтение также отдается религиозности, владению информацией и обладанию полезными веществами, особенно лекарствами и продуктами питания (метафоры «Религия – это водоем» (4 %), «Информация – это водоем» (7%), «Вещество – это водоем» (7 %)): *Вадаспады слоў, папяровыя моры, каналы інфармацыі, валы карэспандэнцыі, папер, буракоў*, *рэкі малака*, *спіртаўтрымліваючых вадкасцяў*, *лекавыя моры*, *прытокі ахвяраванняў, святароў*, *прыхажан*, *у віры жыцця, у бездані крызісу*. Между прочим, о последнем белорус задумывается не чаще россиянина (модель «Кризис – это водоем (*бездань*)» (2%)). Метафора «Экономика – это водоем» является второй по актуальности и составляет только 12% от общего количества переносных употреблений. Отсутствие продолжительных кризисных потрясений в Беларуси отразилось в периодике, где взгляд на экономические события в большей мере оптимистичен: при упоминании *фінансавай бездані* и *балота застою* чаще упоминаются *прытокі ахвяраванняў*, *зберажэнняў*, *інвестыцый*, *капіталаў и под.*: *«Аляксандр Лукашэнка падкрэсліў, што Беларусь павінна імкнуцца да таго, каб быць ціхай гаванню для капіталаў і інвестараў…» (Зв 19.12.2008)*.

Таким образом, реальность отражается в российской и белорусской периодической печати по-разному. В русской прессе метафора водного пространства используется для осмысления мирового финансового кризиса и экономики в целом, политической системы, транспорта, информационных процессов и самого человека. В белорусских изданиях водная метафора более актуальна при описании человека, его национальной и духовной культуры и материального благополучия. Активность метафоризации в рассмотренный промежуток времени подтверждает теорию, что метафора участвует в осмыслении малопонятных явлений и мира целом.

Литература

1. *Калашникова Л. В.* Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале худ. текстов): Автореф. дис. … д-ра фил. наук. Волгоград, 2006.

2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
3. Тематический словарь русского языка / Под ред. проф. В. В. Морковкина. М., 2000.

АПЕЛЛЯЦИЯ К АВТОРИТЕТУ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ХОД ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

А. С. Воронович

В современной лингвистике под речевой коммуникацией понимается стратегический процесс, требующий выбора оптимальных языковых средств для достижения коммуникативной цели. Стремление добиться максимального результата в процессе коммуникации порождает планирование, которое определяет стратегию говорящего и диктует выбор оптимальных для данной ситуации речевых действий [1, с. 4]. Методы и приемы, которые по отдельности или в комплексе ведут к решению сверхзадачи, являются конституентами коммуникативных тактик и обозначаются как коммуникативные ходы, которые представляют собой способы формальной организации текста, выражающиеся совокупностью разноуровневых языковых средств с идентичной функцией в рамках соответствующей стратегии [1, с. 16]. В качестве наглядного примера можно назвать явление коммуникативного хода апелляции к авторитету.

Исследование коммуникативного хода «апелляция к авторитету» было проведено в нашей работе на материале публичных выступлений немецких политиков и проповедников в 2006–2010 годах. Политический и религиозный дискурсы являются особыми типами общения, для которых характерна общая особенность – склонность к манипулированию, и поэтому особенно для участников этих видов дискурса очень важно использование различных речевых стратегий, повышающих вероятность достижения собственных коммуникативных целей [3, с. 15].

Апелляция к авторитету рассматривается нами как ссылка на мнение или действия лица, прекрасно зарекомендовавшего себя в определенной области деятельности своими суждениями или поступками для усиления собственной коммуникативной позиции [2, с. 16]. Несмотря на то, что исследуемые в нашей работе политики и проповедники являются опытными ораторами и авторитетными специалистами в своих областях, а публичное выступление представляет для них неотъемлемую часть их профессии, для укрепления своих позиций они достаточно часто объединяются с «авторитетным лицом» и охотно прибегают к апелляции к ав-

торитету. Данный коммуникативный ход оказывается достаточно действенным: ссылка на авторитет автоматически укрепляет позицию оратора в глазах реципиентов, сводит огонь возможной критики к минимуму, а также посредством ярких выражений и языковых образов усиливает выразительную силу выступления в целом и является своеобразным приемом языковой экономии.

Анализ текстов показывает, что в исследуемом жанре публичной речи представлены многочисленные разновидности апелляции к авторитету, классифицировать которые представляется возможным по источнику апелляции, то есть по лицу или предмету, на котором строится данный прием. Источниками апелляции могут быть третьи лица (специалисты, участники какого-либо события, знаменитости, лица, знакомые оратору и/или слушателям, группы лиц или инстанции), сам оратор, различного рода прецедентные тексты (законы, постановления, священные тексты). Следующими возможными классификациями являются классификации по виду деятельности и по степени современности субъекта апелляции, а также по семантике глагола, содержащегося в апелляции.

Самой частотной разновидностью апелляции к авторитету в экспериментальном материале политического дискурса является отсылка к знаниям, речевому и неречевому опыту, мнению третьих лиц (более 90% всех апелляций у каждого оратора), например: *«Die Grundrechte müssen das Grundgesetz regieren», so hat es* ***der sozialdemokratische Rechtspolitiker Carlo Schmid*** *in seiner Rede vor dem Parlamentarischen Rat im September 1948 formuliert» («Основные права граждан должны управлять конституцией» – сформулировал в своей речи перед парламентским советом в сентябре 1948 года* ***политик-социал-демократ Карло Шмидт****» (здесь и далее перевод наш – А. В.).*

Достаточно часто в политических речах используется отсылка слушателя к мнению, речевому и неречевому опыту, знаниям самого оратора (до 9% апелляций у каждого оратора), например: *«Allerdings* ***sage ich*** *auch –* ***ich habe*** *es neulich auch bei der Max-Planck-Gesellschaft* ***gesagt****: Es darf nicht so aussehen, dass der, der regional Spitze ist, immer das Nachsehen hat, weil der, der von außen kommt, die besseren Bedingungen bekommt» («Разумеется,* ***я*** *также скажу –* ***я*** *говорила это недавно в «Обществе Макса Планка»: это не должно выглядеть таким образом, что тот, кто является верхушкой в регионе, всегда остается ни с чем, а тот, кто приходит извне, получает лучшие условия»).*

Для религиозного дискурса характерно примерно одинаковое количество обращения к третьим лицам (более 58% у каждого оратора) и к прецедентным текстам (около 40% у каждого оратора), например: *«Ich*

*ermahne euch», **schreibt der Apostel**, «dass ihr der Berufung würdig lebt, mit der ihr berufen seid ... Ertragt einer den andern in Liebe und seid darauf bedacht, zu wahren die Einigkeit im Geist durch das Band des Friedens» («Я призываю вас», **пишет апостол**, «чтобы вы жили достойно вашему призванию,... Живите друг с другом в любви и стремитесь к тому, чтобы хранить согласие в духе узами мира»). «**In der Bibel steht**: «Wem viel gegeben ist, bei dem wird man viel suchen; und wem viel anvertraut ist, von dem wird man umso mehr fordern» («Кому дано многое, у того будут искать много; и кому доверено многое, от того будут требовать больше»).*

Встречающиеся в проповедях виды прецедентных текстов в процентном соотношении выглядят следующим образом: апелляции к Библии – от 82 до 95%, апелляции к «народной мудрости» (притчи, пословицы) – от 10 до 18%, ссылка на церковные документы – от 1 до 5%.

Апелляция к оратору встречается в проповедях достаточно редко – всего около 1% у каждого оратора, например: *«Trotzdem wage **ich** und **sage**: Für eine solche Betrachtungsweise enthält Mendelssohns Musik nur Evangelium und nicht, oder zumindest nur in Spurenelementen, Gesetz» («Все же **я** решусь и **скажу**: Для такого способа рассмотрения музыка Мендельсона содержит только Евангелие и никакого или, по меньшей мере, только в микроэлементах, закона»).*

Исследование показывает, что наиболее частотными разновидностями апелляции к авторитету для политических текстов является обращение к мнению специалистов в политической сфере (от 25 до 82% всех случаев у каждого оратора). Достаточно часто ораторы обращаются к знаниям, опыту и действиям деятелей культуры и искусства (от 11 до 67% апелляций у каждого оратора). Далее, по частотности применения, следуют апелляции к авторитету общественных деятелей, ученых, представителей церкви, участников какого-либо события, врачей и журналистов.

Для религиозного дискурса является типичным обращение ораторов к мнению, во-первых, библейских персонажей (от 40 до 78% у каждого оратора) и, во-вторых, представителей церкви (от 10 до 36% у каждого оратора). Проповедники также прибегают к авторитету деятелей культуры и искусства, ученых, политиков и участников какого-либо события.

Важную роль играет также степень современности субъекта апелляции – чаще всего ораторы-политики, как и ораторы-проповедники, ссылаются на мнения современников (от 68 до 99% всех апелляций у каждого политика и от 39 до 61% у каждого проповедника).

Сравнение семантики глагола, содержащегося в апелляции, выявило наличие двух разновидностей данного коммуникативного хода – вер-

бальная и деятельностная апелляция. Вербальные апелляции реализуются в текстах в виде прямого и косвенного цитирования и отсылают реципиента к мнению или речевому опыту «авторитетного» лица. Анализ текстов показывает, что для политического и религиозного дискурса характерно более частое использование вербальных апелляций (от 68 до 94% и от 75 до 94% всех случаев у каждого оратора), например: *«Der Konventspräsident Giscard D'Estaing* ***sagte,*** *der Vertrag von Lissabon sei ein alter Brief in einem neuen Umschlag» («Президент конвента ГискардД'Эстен* ***говорил:*** *«Договор Лиссабона – это старое письмо в новом конверте»). «Der Theologe Ulrich Bach* ***erzählt*** *von der Erfahrung der Lähmung: „Ich spürte, da war etwas in meinem Leben zerrissen. Wer bin ich, wenn ich aus der Welt (der anderen) von heute auf morgen herausgefallen bin, dort nichts mehr zu suchen habe, wenn ich dort alles verlor?» («Теолог Ульрих Бах* ***рассказывает*** *об опыте паралича: „Я чувствовал, кое-что было разорвано в моей жизни. Кто я, если я выпал из мира сегодняшнего, если там мне нечего было больше искать, если я потерял там все»).*

Деятельностные апелляции реализуются в форме лексико-грамматических конструкций, например: *«****Graf von Zinzendorf****, der Gründer der Herrnhuter Brüdergemeine,* ***hat die Vorbedingungen*** *für die wahre Einheit der Kirche noch weiter* ***verschlankt*** *und* ***konzentriert*** *– was umgekehrt die römisch-katholische Kirche zu der Rückfrage an uns veranlasst hat, ob wir es uns damit dann nicht doch zu einfach machen» («****Граф фон Цинцендорф****, учредитель братской общины Хернхутера, еще дальше* ***ослабил и сконцентрировал*** *предварительные условия для настоящего единения церкви – что, наоборот, побудило римско-католическую церковь к запросу нам, не делаем ли мы этим тогда все слишком простым»).* Они отсылают к неречевому опыту, т. е. действиям, решениям третьих лиц и занимают второе место по частотности использования в публичной речи политического и религиозного видов дискурса.

Литература

1. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999.
2. *Салахова А. Г.* Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2006.
3. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.

АРХЕТИП ИУДЫ

С. В. Гайдук

Вот уже много веков Библия служит источником вдохновения музыкантов, художников и писателей. В их произведениях находили отражение, как ее отдельные сюжеты, так и самостоятельные образы.

Если говорить о произведениях литературы, то важную роль в сюжетном и структурообразующем плане занимает, безусловно, герой. Понятие героя обязательно должно быть связано с сакральностью и моральностью. Рядом с героем всегда присутствует его антагонист, предатель. В новозаветных текстах этому соответствует образ Иисуса Христа и Иуды. Герой возвышает свой народ, а предатель – принижает его, потому как десакрализирует основы общества, толкает его к хаосу. Феноменом XX столетия стало обратное: оправдание предателя и десакрализация героя.

Отцы и учителя церкви проделали работу в толковании Священного Писания многими веками раньше и их мысли в художественной форме отразились в произведениях XIX–XX вв.

В данной работе мы будем рассматривать традиционные версии предательства Иуды, т.е. те версии, которые не противоречат идеям христианства, и относительно современные версии, оправдывающие Иуду.

Итак, самой распространенной версией является то, что в Иуду вселился *сатана*. Все толкователи Священного Писания единодушно утверждают, что Иуда предал Спасителя по прямому внушению диавола. Евангельский текст прямо свидетельствует об этом: «*Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искариотом, одного из числа Двенадцати, и он пошел, и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им*» [Лк, 22: 3–4].

Существует два толкования этой версии. Первое, догматическое (традиционное) хорошо иллюстрируют слова святителя Ефрема Сирина «Из толкования на евангельские события, связанные с И.Искариотом»: «*…И Господь отнюдь не умерщвлял злобы, но хотел, чтобы она сама погубила себя своими делами… чрез возмездие Божие погиб и умерщвлён был тот, кто назывался богом (т.е. Диавол, почитаемый за бога в идолах)…*» [2, с. 17].

Второе толкование более современное, расширенное, связанное с раскрытием сущности зла предателя. Именно оно представлено в литературно-богословском эссе «Иуда-предатель» выдающегося русского писателя и мыслителя Дмитрия Мережковского: «*…Но чем больше Иисус любит Иуду, тем больше тот ненавидит Его, и медленно зреет горький плод предательства под черным солнцем ненависти. Когда же созрел – голову, должно быть, потерял Иуда, чувствуя, какая дана ему власть и свобода: судьбы Израиля, судьбы мира он один решит на веки веков. Этой же свободы, кажется, и не вынес Иуда: сделался орудием зла не-*

человеческого: «вошел в него сатана». Сделав через него дело свое, может быть, бросил его, как выжатый плод или пустую личину» [2, с. 80].

Следующую широко известную версию, которую мы назовем – *сребролюбие,* – можно проиллюстрировать словами святителя Иоанна Златоуста: «*Заметьте это вы, сребролюбцы, и подумайте, что стало с предателем? Как он и денег лишился, и согрешил, и душу погубил свою? Таково тиранство сребролюбия! Ни серебром не воспользовался, ни жизнию настоящею, ни жизнию будущею, но… удавился*» [2, с. 21]. А вот, что мы находим в Священном Писании: «*Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать серебренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его*» [Мф, 26:14–2].

Из выше приведенных версий видно, что Иуда является явным предателем, не требующим никакого оправдания. На это есть соответствующие указания в Священном Писании, которые и послужили основой таких толкований. Однако уже с конца XX столетия, этот перечень пополняется более новыми версиями. Многие исследователи считают, что это связано с антихристианским проектом.

Еще древние мыслители выдвигали версию о том, что Иуда *действовал под влиянием честолюбивых фантазий из эгоистических целей.* Подтверждением этому являются работы Феофилакта, Лайторута, Бардта, Шмидта и некоторых других мыслителей.

Израиль ждал прихода Мессии-царя, Мессии-освободителя, Мессии-защитника, Мессии-героя, воинственного, справедливого, способного поднять народ на борьбу и освободить его от римского владычества, – но никак не Мессии-аскета, Мессии-подвижника, Мессии-целителя и чудотворца, проповедующего непротивление злу и смирение, изгоняющего бесов из одержимых и поочередно подставляющего щеки под удары своих недругов. Иуда не был исключением. Он тоже верил в такого «земного» Мессию.

Предавая Иисуса в руки фарисеев, книжников и первосвященников, он думал, что, тем самым, делает одолжение Иисусу и зарабатывает себе высокое место и положение в Его Царстве. Ведь он видел все чудеса Иисуса (исцеление больных, освобождение бесноватых, воскрешение мертвых, хождение по воде, кормление тысяч людей несколькими хлебами и рыбами). Иуда не сомневался в том, что никто не мог сделать Иисусу ничего плохого.

В литературно-богословском эссе «Иуда Предатель» М.Д.Муретов считает, что Иуда был одной из многочисленных жертв национально-иудейской утопии политического мессии, который погиб вследствие своего чрезмерно нервного и болезненно-взволнованного темперамента**.** Таким образом, он сообщает следующее*:* «*… мы видим в предателе трагический характер, – он изменяет Иисусу не из-за 30 жалких сребреников,*

но во имя национальной иллюзии политического мессии – и гибнет жертвою полного разочарования в этой иллюзии» [2, с. 68].

Ориген Александрийский в «Толкование Писаний об апостоле Иуде» из трактата «Против Цельса» (книга 3, глава XI), отмечает, что *«в душе Иуды наряду со сребролюбием и со злым умыслом предать учителя было тесно связано чувство, произведённое в нем словами Иисуса, – то чувство, которое – если можно так выразиться – заключало в нем еще некоторый остаток доброго расположения…*» [2, с. 11].

С древних времен известно про существование апокрифического «Евангелия Иуды». Еще святой Ириней Лионский в книге первой «Против ересей» упоминал: «*... Другие опять говорят, что Каин происходит от высшей силы, и Исава, Корея, содомлян и всех таковых же признают своими родственниками, и поэтому они были гонимы творцом, но ни один из них не потерпел вреда, ибо Премудрость взяла от них назад к себе самой свою собственность. И это, учат они, хорошо знал предатель Иуда, и так как он только знал истину, то и совершил тайну предания и через него, говорят они, разрешено все земное и небесное. Они также выдают вымышленную историю такого рода, называя Евангелие Иуды*» [2, с. 19]. В первые века нашей эры в Александрии, наряду с распространением христианства, возникла секта гностиков. Они стремились объединить языческую космогонию и христианство. Таким образом, предательство Иуды рассматривалось ими, как исполнение высшего служения необходимого для искупления мира и предписанного самим Христом.

Интересно, что этой версии придерживались знаменитые писатели Максимилиан Волошин («Иуда апостол») и Анатоль Франс (из цикла «Сад Эпикура»).

30 серебренников, которые Иуда получил от синедриона, по их мнению, ничего в то время не стоили. Особенно для Иуды, носителя казны. Но в то время за эти деньги можно было купить раба. Здесь явно подчеркивается отношение синедриона к Иисусу, Который называл себя «царем». Возможно и то, что 30 серебренников не имеет своего материального эквивалента, а является скрытым символом, как и 40 лет блужданий народа Израильского, описанного в Ветхом Завете.

Тор Гедберг в произведении «Иуда: история одного страдания» и Клеменс Брентано в «Трагедии Иуды» в психологическом аспекте показывают то, как Иуда пошел на предательство. Иуда здесь простой человек, близкий каждому из нас. Все его мысли подчинены раздвоенности его натуры. Каждая встреча, каждый поступок неслучайны. Они ведут за собой череду долгих рассуждений, о том, как поступить.

В произведении Тора Гедберга Иуда является носителем зла, которое может вершить правосудие. Отсюда исходит еретическое понимание зла, без которого якобы не может быть добра. Эта идея представлена также у

Михаила Булгакова в романе «Мастер и Маргарита». Носителям зла там является Воланд, величественный и благородный. Однако здесь важно знать, что М.Булгаков входил в масонскую ложу и был розенкрейцером, впрочем, как и многие вышеперечисленные авторы такие, как Максимилиан Волошин, Анатоль Франс, Клеменс Брентано и др.

Все больше появляется версий альтернативных Евангелию. На обеление Иуды работали талантливые писатели (кроме уже названных, Андреев, Панас и др.). Их версии противоречат идеям христианства. Но задумаемся, зачем это нужно? Зачем нужно оправдывать явного предателя?

Литература

1. Библия: Кн. Свящ. Писания Ветхого и Нового Завета. Мн., 1995.
2. Книга Иуды: Антология / Сост., предисл., коммент. С.Ершов. СПб.: Амфора, 2001.

ЛАЦІНАМОЎНЫЯ ІНСКРЫПЦЫІ Ў КАТАЛІЦКІХ ХРАМАХ БЕЛАРУСІ

А. Ю. Друпаў

З каталіцкай царквой на Беларусі звязана шырокае распаўсюджанне лацінскай мовы. Першыя каталіцкія місіянеры з’явіліся на беларускіх землях яшчэ ў XI ст., але сталае распаўсюджанне каталіцызму пачынаецца з заснавання Ягайлам у 1387 г. літоўскага біскупства. Пэўны час лацінская мова была адзінай афіцыйнай мовай каталіцкага касцёла, разам з рэфармацыяй пачаўся пераклад святых кніг і абраду на нацыянальныя мовы, але лацінская мова не страціла свайго значэння і выкарыстоўваецца нават зараз, што выразна бачна на матэрыяле храмавых інскрыпцый.

Усе інскрыпцыі па сэнсе можна падзяліць на 4 групы:

- намінатыўныя;
- мемарыяльныя;
- дэвізы рэлігійных ордэнаў;
- цытаты з богаслужэбных кніг.

Намінатыўныя надпісы адлюстроўваюць статус храма і яго прысвячэнне. На галоўным фасадзе касцёла Найсвяцейшага Імя Марыі ў Мінску праваруч ад увахода вісіць шыльдачка з надпісам «PAROECIA ROMANO-CATHOLICA ECCLESIAE ARCHICATHEDRALIS SANCTISSIMI NOMINIS MARIAE», што перакладаецца як «Рымска-каталіцкая епархія, Архікафедральны касцёл Найсвяцейшага Імя Марыі». На галоўным фасадзе над уваходам у касцёл Унебаўзяцця Найсвяцейшай Дзевы Марыі ў Будславе месціцца надпіс «BASILICA MINORIS ASSUMPTIONIS BEATAE MARIAE VIRGINIS», што перакладаецца як «Базіліка малая Унебаўзяцця блажэннай Дзевы Марыі».

Да мемарыяльных надпісаў можна аднесці фундацыйныя надпісы, надпісы на закладных камянях, надмагільныя надпісы, надпісы на розных мемарыяльных знаках. У 2000 г. святкаваўся юбілей нараджэння Хрыстова, з нагоды якога ва ўсіх касцёлах былі ўсталяваны памятныя жэтоны з надпісам «Iubilaeum 2000 A. D. CHRISTUS HERI HODIE SEMPER», што перакладаецца як «Юбілей 2000 г. н. э. Хрыстос учора, сёння, назаўжды». У Бабруйску, у касцёле Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Дзевы Марыі, да юбілея замест умацавання жэтона быў зроблены адпаведны надпіс над уваходам, толькі быў парушаны парадак слоў, у выніку чаго атрымалася: «CHRISTUS HERI SEMPER HODIE Iubilaeum A. D. 2000», што перакладаецца як «Хрыстос учора, назаўжды, сёння. Юбілей 2000 г. н. э.» (гл. мал. 1)

Мал.1. Бабруйск

Найбольш распаўсюджанымі існкрыпцыямі, зразумела, з’яўляюцца цытаты з богаслужэбных кніг, пераважна з Бібліі. У фарным касцёле Божага Цела ў Нясвіжы над уваходам месціцца надпіс «ADORABO AD TEMPLUM SANCTUM TUUM IN TIMORE TUO», гэта цытата з Бібліі, Псалтыр, 5:8, якая перакладаецца як «Прыхіляюся перад храмам святым Тваім у пашане да Цябе». Верагодна, надпіс выкананы ў XVIII ст. разам з роспісамі касцёла. Над алтарнай часткай касцёла Найсвяцейшага Імя Марыі ў Мінску знаходзіцца надпіс «NON NOBIS DOMINE NON NOBIS SED NOMINI TUO DA GLORIAM» (гл. мал. 3). Гэта цытата з Бібліі, Псалтыр, 113:9, якая перакладаецца: «Не нам, Пане, не нам, а Імю Свайму славу дай». Першапачаткова ў надпісы была памылка: замест NON у сярэдзіне надпісу было напісана NO, але гэтую памылку выправілі, дадаўшы невялікую літару N зверху.

Мал. 2. Івянец

Мал.3. Мінск

У касцёле Найсвяцейшай Троіцы ў Ружанах над алтаром месціцца надпіс «GLORIA IN EXCELSIS DEO». Гэта пачатак богаслужэбнага гімна, загалоўныя словы анёльскай песні, прыведзенай у Евангеллі ад Лукі, 2:14. Надпіс перакладаецца як «Усхвала ў вышэйшых Богу». На падмурку скульптуры Хрыста на ганку касцёла святога Францішка Ксаверыя ў Гародні знаходзіцца надпіс «SURSUM CORDA», які перакладаецца як «Узнясём сэрцы» (гл. мал. 4). Гэта першыя словы

ўступнага дыялогу хрысціянскай літургіі, узятыя з Біблііі, з Плача Ерымеі, 3:41.

Мал.4. Гародня

На галоўным фасадзе касцёла архангела Міхаіла ў Ашмянах знаходзіцца надпіс «TE DEUM LAUDAMUS», які перакладаецца як «Цябе, Бога, хвалім». Гэта першы радок богаслужэбнага гімна, напісанага святым Амвросіям Медыяланскім. На фасадзе капліцы Маці Божай Вострабрамскай у Мосары месціцца надпіс «MATER MISERI-CORDIAE», які перакладаецца як «Маці міласэрнасці». Гэта першыя словы з надпісу, які месціцца на Вострабрамскай капліцы ў Вільні. На галоўным фасадзе касцёла святых апосталаў Пятра і Паўла ў Мядзведзічах знаходзіцца надпіс «GLORIA DEO», які перакладаецца як «Усхвала Богу». На адным з вітражоў касцёла святых апосталаў Пятра і Паўла ў Барунах знаходзіцца надпіс «AVE MARIA», які перакладаецца як «Радуйся, Марыя». Гэта загалоўныя словы малітвы, анёльскага вітання. Так звярнуўся да Дзевы Марыі архангел Гаўрыіл падчас Дабравешчання.

Як бачым, лацінская мова і па сённяшні дзень займае значнае месца ў касцёле. Большасць з прыведзеных надпісаў выканана ў канцы XX – пачатку XXI стагоддзяў, калі храмы былі вернуты каталіцкаму касцёлу.

БЕЛОРУССКИЕ ПРАЗДНИКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Ю.Э. Егоркина

Последние исследования в области методики преподавания РКИ показывают: грамотный специалист XXI века должен владеть иностранным языком как средством межкультурной коммуникации, что предполагает необходимость формирования у него лингвокультурной компетенции, являющейся неотъемлемой частью профессиональной компетентности. Под лингвокультурной (или лингвострановедческой) компетенцией мы понимаем систему знаний о культуре, воплощенную в определенном национальном языке, и совокупность специальных умений и навыков по оперированию этими знаниями в практической деятельности.

Важность лингвокультурного аспекта в преподавании РКИ очевидна, поскольку незнание национально-культурных особенностей изучаемого (т.е. русского) языка приводит, как правило, к коммуникативным, речевым ошибкам, а также ошибкам социокультурного характера. Например, иностранцы могут употребить фразу *резать салат по своей красоте* вместо привычной для носителей русского языка *резать салат по своему вкусу*.

Лингвострановедческая компетенция является базой, которая способствует более успешному изучению иностранного языка. Однако методы, способы ее формирования изучены в научной литературе еще недостаточно полно. Данная статья посвящена одной из ключевых проблем в методике преподавания РКИ – проблеме формирования лингвокультурной компетенции у студентов-иностранцев гуманитарного профиля обучения.

Основу лингвострановедческой компетенции иностранных учащихся составляют фоновые знания типичного образованного представителя изучаемой лингвокультурной среды. Студенту для успешного общения в ситуациях межкультурной коммуникации необходимо овладеть историко-культурными, социокультурными, этнокультурными и семиотическими фоновыми знаниями. Последние могут быть представлены посредством лингвокультурологического поля (ЛКП) – «семиотической модели системного описания лингвистических и экстралингвистических объектов или ценностей в виде взаимодействующих семантических полей» [3, с. 101]. Через структуру ЛКП моделируется минимальный культурный фон национальной лингвокультуры: единицы, находящиеся в центре ЛКП, составляют культурный минимум, который является основой культуроведческого содержания обучения студентов-иностранцев в данной лингвокультурной среде. Образуют ЛКП совокупность лингвокультурем (термин В.В. Воробьева). Лингвокультурема включает в себя сегменты языка и культуры, имеет инвариантное значение и отражает в языке определенную понятийную сферу куль-

туры. Она является основой формирования лингвокультурной компетенции учащихся. Структура лингвокультуремы разнообразна: она может быть выражена словом, словосочетанием или лингвострановедческим текстом. Такие тексты содержат информацию, относящуюся к социально-культурному контексту страны изучаемого языка. В них обязательно присутствуют слова с национально-культурным компонентом семантики (далее НКК), которые считаются основным источником страноведческих знаний при формировании лингвокультурной компетенции студентов-иностранцев. Лингвострановедческие тексты по теме «Белорусские праздники» можно найти в лингвокультурологическом комплексе «Беларусь» [1] в рубрике «Сегодня в нашем доме праздник…». Здесь помещена подборка публицистических текстов, литература этнографического характера и стихотворные тексты по традиционным народным праздникам: Рождество, Пасха, Радуница, Купалье, Дожинки, Деды. Однако при подготовке занятия с использованием в качестве базового прецедентного текста из комплекса «Беларусь» необходимо учитывать уровень владения русским языком студентами. Тексты, размещенные в данном пособии, больше рассчитаны на продвинутый, профессионально достаточный уровень владения языком. Преподавателю рекомендуется тот или иной прецедентный текст адаптировать в соответствии с учебными целями конкретного занятия.

Лингвострановедческие тексты содержат реалии страны изучаемого языка, которые можно представить следующим образом: 1) этнографические реалии; 2) географические реалии; 3) образование и воспитание; 4) общественно-политические реалии; 5) культурно-исторические реалии. Рассмотрение белорусских праздников осуществляется в рамках изучения студентами этнокультурных фоновых знаний. Проблеме презентации реалий на занятиях по РКИ посвящено значительное количество работ, содержащих как лингвистическую характеристику данной проблемы (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Г. Комлев, Г.Д. Томахин и др.), так и вопросы ее методического воплощения (В.В.Молчановский, И.Б. Веденеева и др.). При презентации этнографических реалий на занятиях по теме «Белорусские праздники» подлежит семантизации лексика с НКК семантики, называющая следующие материальные и духовные реалии: 1) название национальных праздников и обрядов (*Коляды, Покров, Вербница, Дожинки и др*.); 2) название национальных блюд (*кутья, блины, каравай, куличи и др.)*; 3) название музыкальных инструментов (*дуда, цимбалы, бубен*); 4) название одежды (*полушубок, бурки, лапти); 5)* название атрибутов праздника *(венок, хоровод, снежные бабы, чучело Зимы, соломенная кукла, цветок папоротника, санки, потешные бои, баня и др.); 6)* названия домашней утвари и предметов домашнего обихода (*скатерть, полотенце, занавески, вилки, чарка*).

Для успешного формирования лингвострановедческой компетенции студентов-иностранцев в процессе обучения необходимо использовать

культурологическое комментирование при чтении художественных, публицистических и других текстов. Рекомендуется изучать со студентами русский речевой этикет, осуществлять подробный анализ этикетных моделей. Будет полезным и интересным для учащихся культуроведческое комментирование сопровождать показом учебных или художественных фильмов, демонстрацией иллюстраций, фотографий, слайдов, музыкальных произведений. По мнению Е.Е. Макаровой, использование аутентичного видеофильма на занятиях является одним из основополагающих приемов при обучении иностранному языку в рамках лингвокультурного подхода [2, с. 144]. Именно данное средство обучения одновременно воссоздает и языковую среду, и ситуацию непосредственного контакта с носителями языка, таким образом, воспроизводя повседневную жизнь носителей языка. При рассмотрении темы «Белорусские праздники» в обучении РКИ рекомендуется использовать художественные фильмы, отражающие специфику того или иного праздника: например, Масленицу можно показать посредством отрывка из кинофильма «Сибирский цирюльник» (реж. Н. Михалков), Купалье – показом отрывка из сказки «Снегурочка» по одноимённой пьесе А.Н. Островского (реж. П. Кадочников, 1968 г.). При изучении белорусских праздников иностранным студентам рекомендуется также просмотр учебных фильмов. Видеоматериалы используются для введения, закрепления и контроля языкового и страноведческого материалов с последующим выходом в устную или письменную речь. Преподаватель может воспользоваться учебными разработками, созданными в Российском университете дружбы народов: мультимедийным комплексом по русским традициям и обрядам [4], в который включены тексты произведений русской литературы, медиаиллюстрации, аудио- и видеофрагменты, проверочные задания.

Лингвострановедческий аспект преподавания РКИ реализуется полнее, если аудиторная форма работы сочетается с планомерной и целенаправленной внеаудиторной работой. Методическая литература рекомендует следующие мероприятия: разнообразные экскурсии, подготовленные встречи на различные темы с носителями языка, вечера, олимпиады, факультативы. При изучении белорусских праздников целесообразно проводить экскурсии для учащихся с посещением белорусских музеев. В Музее народной архитектуры и быта в Строчицах можно увидеть инсценировку праздника, познакомиться с традиционной белорусской деревянной архитектурой, бытом белорусской деревни, покататься на санях. В музее-усадьбе «Дудутки» возможна организация обеда, состоящего из блюд белорусской кухни. Темы экскурсий могут быть разными: «Белорусская национальная праздничная кухня», «Белорусский национальный праздничный костюм», «Белорусский народный календарь», «Белорусы и их менталитет». Перед экскурсией лексика с НКК значения подлежит семантизации.

В формировании лингвокультурной компетенции учащихся немаловажную роль играет также изучение и общеобразовательных предметов страны изучаемого языка (истории, литературы и др.).

Лингвострановедческую компетенцию можно считать сформированной, когда студенты: обладают целостной системой определенных лингвострановедческих знаний и умений, позволяющих осуществлять речевую деятельность на русском языке; владеют национально-культурной спецификой страны изучаемого языка и правилами речевого взаимодействия в разных ситуациях общения; владеют минимумом общелитературной лексики; знают языковые средства, позволяющие вступать в коммуникацию и достигать поставленных в ней целей, средства организации связного текста, его построения и развития, а также имеют способность и готовность к диалогу культур. Лингвострановедческая компетенция, таким образом, является основой для дальнейшего развития межкультурной коммуникации.

Литература

1. Беларусь: лингвокультурологический комплекс: пособие для иностр. студентов /сост.: Л. Н. Чумак [и др.]; под ред. проф. Л. Н. Чумак. – Минск: БГУ, 2008.–111с.
2. *Макарова Е. Е.* Использование видеофильма на занятиях по домашнему чтению в рамках лингвокультурологического подхода [Текст] : Е. Е. Макарова // Лингвометодические проблемы преподавания иностранных языков в школе и в вузе : Материалы межрегиональной научно-практической конференции, г. Краснодар, 14 февраля 2007 года. – Краснодар : КГУКИ, 2007. – С. 145-148.
3. *Чумак Л. Н.* «Методика преподавания РКИ»: учеб. пособие /Л.Н. Чумак. – Минск: БГУ, 2009. – 304с.
4. «Русские традиции и обряды» [Электр. ресурс]: мультимедийный комплекс; рукль проекта Т. М. Балыхина [и др.]: электронные данные (CD-ROM) – М.: РУДН, 2006–2010.

КИНЕМАТОГРАФИЯ И ФОТОГРАФИЯ КАК СПОСОБ МИРОВОСПРИЯТИЯ В РОМАНЕ АЛИ СМИТ «THE ACCIDENTAL»

Л. В. Зинович

Наше мировосприятие определяется современной культурой, немаловажную роль в которой играет киноискусство и фотография. Походы в кино, домашние видеотеки стали частью нашей повседневной жизни. С развитием техники связано и распространение фотографии. Наличие цифрового фотоаппарата, хотя бы даже в виде примитивной, встроенной в телефон камеры, стало обыденностью. Несомненно, все это влияет на то, как мы смотрим на мир. Еще в начале XX века в философии появляются концепции, утверждающие, что кино влияет на то, как мы видим мир, что люди постепенно уходят от словесно-понятийного восприятия к аудиовизуальному.

Так, например, Маршал Маклюэн – канадский философ, профессор английской литературы и исследователь в области массовых коммуникаций – утверждал, что современный этап развития цивилизации характеризуется аудиовизуальным, многомерным восприятием мира, и что индивидуальное сознание человека вытесняется «массовым бессознательным» [5, с. 190].

Каждый из нас хоть раз в жизни ощущал себя героем кино или ему казалось, что события жизни развиваются в соответствии с каким-то уже знакомым сюжетом, ожидая дальнейшего развития по логике киносценария. Особенность современного восприятия окружающего мира и себя в нем заключается в том, что человек ощущает себя частью какого-либо нарратива [3, с. 80-96]. Али Смит показывает это на примере истории знакомства героини романа, Евы с ее первым мужем Адамом. Она похожа на сцену из американской романтической комедии. «It was like something in a film, it was even raining, like it would be in a film» [6, с. 194.] – говорит Ева. Это и предопределило выбор Евы. За таким знакомством непременно должна была бы последовать счастливая жизнь, но в реальности их брак заканчивается разводом.

Интересна также особенность восприятия Астрид, двенадцатилетней дочери Евы. Из газеты она узнает, что с каждым годом на Землю попадает все меньше солнечного света, и на ней как бы становится темнее. Этот факт моментально представляется ей как видеозапись восходов, которые она делает каждое утро, но только прокрученная в обратной перемотке.

Магнусу, старшему брату Астрид, находящемуся в состоянии душевного смятения, здания на улицах города представляются двухмерными декорациями на съемочной площадке, готовыми упасть при первом дуновении ветра, что очень хорошо передает как внутреннее состояние Магнуса, так и особенность его мировосприятия.

Ассоциации, возникающие у героев, чаще всего связаны с какими-либо фильмами, киногероями. Магнус, например, хотел бы, чтобы его память стерли так, как в фильме «Люди в черном». А исчезновение Эмбер, безусловно, напоминает всем фильм Хичкока «Леди исчезает».

Кино также воспринимается как убежище, «a safe cave» [6, с. 248] – как говорит Магнус. Если кинотеатр является местом укрытия, где можно спрятаться от людей или скоротать время, то просмотр фильма является способом психологической защиты, возможностью погрузиться в иллюзорный мир теней и уйти от реального мира с его проблемами.

В качестве первого из пяти эпиграфов к роману Али Смит берет слова английского писателя Джона Бергера: «Between the experience of living a normal life at this moment on the planet and the public narratives being offered to give a sense to that life, the empty space, the gap, is enormous» [6, с. 1]. Действительно, многие люди воспринимают мир, создаваемый кино, как норму, как образец

и пытаются строить свои жизни в соответствии с этими представлениями. Образ кино как идеальной реальности раскрывается Али Смит через аллюзии. Имя главной героини Эмбер и история ее зачатия связана с кинотеатром Альгамбра. Это один из первых атмосферных кинотеатров Лондона, оформленный в мавританском стиле по подобию архитектурного ансамбля Альгамбра, иначе именуемого «Земной рай», который был построен в Испании арабскими завоевателями, пожелавшими на покоренных землях Гранады создать кусочек рая на земле [7].

Таким образом, кино – идеальный мир, но Али Смит также показывает, что этот мир не имеет ничего общего с настоящей жизнью, он по сути своей иллюзорен. Глядя на киноэкран, Магнусу кажется, что по ту его сторону существует целый мир, другая жизнь, но на самом-то деле за экраном лишь стена, т.е. кино – симулякр, внешняя оболочка без внутреннего содержания [2, с. 79]. Мир кино фальшив и условен, где, говоря словами Магнуса: «The actor pretending to be the Prime Minister is pretending to make a speech» [6, с. 24].

Фотография также оказывает влияние на восприятие окружающего мира героями. Так, например, Астрид видит мир через объектив своей камеры – мир, искаженный многочисленными линзами. Она снимает все то, что хочет запомнить. Для нее фотография – это доказательство реальности, доказательство существования ее самой. Показателен в этом плане диалог, состоявшийся, где Эмбер пытается убедить Астрид в абсурдности ее желания все фотографировать, попыток кому-либо предоставить свидетельство происходящих в ее жизни событий:

«What would it prove? Amber said.

It proved we were there, Astrid said.

But we know we were there, Amber said.

It proved we saw them, Astrid said.

But they know that we saw them, Amber said. And we know that we saw them.

It proved the thing we actually saw, Astrid said.

Who to, Amber said» [6, с. 15].

Спрятавшись за фотокамеру, пытаясь зафиксировать моменты жизни, Астрид забывает насладиться ими, прочувствовать, прожить их. Эмбер разбивает камеру Астрид, чтобы заставить ее взглянуть на мир собственными глазами. Ей это действительно удается. После исчезновения Эмбер Астрид обнаруживает, что с ее видеозаписей она также загадочным образом испарилась. Единственным доказательством существования Эмбер остаются воспоминания о прогулках с ней, о том, как они над чем-то смеялись. Астрид делает для себя открытие, что совсем не обязательно помнить о деталях одежды или точном внешнем виде человека, чтобы сохранить радостное ощущение его присутствия в твоей жизни. Только это никуда не исчезает, остается навсегда.

Посредством фотографии в романе представляется все ложное, фальшивое, ненастоящее. Ева рассматривает свою фотографию. На ней она запечатлена в момент раздумья в процессе написания новой книги в идиллической обстановке загородного дома, хотя нам известно, что на самом деле творческий процесс стоит на месте. Ева ассоциирует себя с этим фотографическим образом, подменяя им представление о себе: «The very notion that Eve Smart could be something other that what she seemed was making her heart beat more than anything had for years» [6, с. 184]. Еще одно доказательство – семейное фото, на котором все счастливо улыбаются, но которое не отражает настоящей разобщенности в семье: измены мужа, недовольство Евы сыном, раздраженность на дочь. «Photograph is forever to prove that nothing is no longer than a second» [6, с. 228], – говорит Астрид. Вопрос лишь в том, насколько этот момент является отражением реальности.

Фотография также является способом негативного восприятия прошлого. Ева, например, видит историю Англии, а в особенности период Викторианской эпохи с ее фальшивой благочестивой оболочкой и совершенно противоположным внутренним содержанием в грязно- коричневых тусклых тонах сепии. Кроме этого, на ум приходят некоторые факты из истории фотографии. Вместе с ее изобретением, которое приходится на Викторианскую эпоху, появилась традиция делать посмертные фотографии близких людей, чтобы сохранить память о них. На этих фотографиях людей одевали и усаживали так, будто они были живые [9]. В своей литературной деятельности Ева занимается тем же: оживляет мертвых людей. Ее духовная жизнь – это та же Викторианская эпоха, в которой царит двойственность, в которой сложно обнаружить грань между настоящим и ложным, но именно благодаря Эмбер Ева пробуждается к новой жизни.

Фотографичность восприятия Майкла проявляется в его поэзии. В одном из стихотворений к Эмбер он пишет:

«Were Amber’s eyes anything like the sun?
Listen, they overexposed him like a Lee
Miller/ Man Ray solarization» [6, с. 165].

Эта строфа отсылает нас к известным фотографам Ли Миллеру и Манн Рэю, которые для создания своих снимков применяли эффект соляризации, т.е. переэкспозиции. Глаза Эмбер ослепляют его, как солнце засвечивает фотопленку [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что кинематография и фотография действительно определяют способ мировосприятия героев романа. Али Смит показывает, какое влияние визуальные виды искусств оказывают на формирование нашего мышления. Стоит, однако, отметить, что автор делает это не для того, чтобы показать, насколько клишировано наше сознание. Скорее, она призывает нас сознательно относиться к

феноменам современной культуры и дает нам понять, что мы не должны забывать о нашей реальной жизни.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М., 2000.
3. *Ильин И. П.* Массовая коммуникация и постмодернизм. // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.
4. *Ильин И. П.* Проблема читателя в современной критике восприятия. // Современные зарубежные литературоведческие концепции (герменевтика, рецептивная эстетика). М., 1983.
5. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры, М., 2003.
6. *Smith A.* The accidental. London, 2006.
7. Alhambra [Electronic resource]. Mode of access: http://en.wikipedia.org/wiki/Alhambra
8. *Robin Urton*. A Brief History of Photography [Electronic resource]. Mode of access: http://www.eyeconart.net/history/photography.htm
9. Death – the last taboo. Victorian Era [Electronic resource]. Mode of access: http://www.deathonline.net/remembering/mourning/victorian.cfm

ПРЕДЛОГИ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. А. Иванович

Данная работа посвящена рассмотрению такого грамматического способа выражения синтаксических отношений в итальянском языке, как использование служебных слов, а именно предлогов. Для того, чтобы наиболее комплексно подойти к изучению этой темы, мы используем диахронический подход и сравниваем падежную систему латинского и предложную систему итальянского языков, и, кроме того, рассматриваем вопрос полисемии предлогов в современном итальянском языке.

Для обозначения способа выражения отношений между словами мы используем термин «грамматический способ» и опираемся на определения данного термина, которое дал А. А. Реформатский: «грамматический способ – это материальное выражение грамматических значений, как реляционных, так и деривационных» [1, с. 313]. Таким образом, грамматический способ выражает не только отношение лексемы к другим членам предложения, но и «соответствующее значение признаков, не мыслимых самостоятельно, а сопровождающее вещественное значение корня, ограничивая и уточняя его» [1, с. 313].

Как известно, существует определенный набор грамматических способов, которые являются одинаковыми для всех языков и по принципу выражения грамматических значений внутри или вне слова делятся на

синтетические и аналитические. К синтетическим относятся следующие способы: аффиксация разного типа, внутренняя флексия, повторы, сложения, ударение и супплетивизм, а к аналитическим – служебные слова, порядок слов и интонация. Несмотря на то, что все грамматические способы возможны в любом языке, языки могут пользоваться как всеми, так и только некоторыми из них, при этом «в разных языках эти способы сочетаются с различными грамматическими значениями, что создает каждый раз новую форму» [1, с.313]. В зависимости от преобладания тенденции к выражению грамматических значений способами одной или второй группы, языки делятся на языки синтетического и аналитического строя. Необходимо отметить, что чистых типов не существует, поэтому деление языков на языки синтетического и аналитического строя является условным. Напомним, что латинский язык относится к языкам синтетического строя, а итальянский язык – аналитического.

А.А.Реформатский указывает на то, что «от преобладания той или иной тенденции меняется характер слова в языке, так как в языках синтетического строя слово, будучи вынутым из предложения, сохраняет свою грамматическую характеристику», в то время «как слово в аналитических языках, вынутое из предложения, выражает только лексическое значение» [1, с. 315], другими словами, обладает только номинативными характеристиками. Например, если мы извлечем слово «filium» из латинского предложения «Pater amat filium» («Отец любит сына»), можно сразу определить, что слово «filium» обладает следующими грамматическими характеристиками: это существительное в единственном числе, винительном падеже в предложении выполняет функцию прямого дополнения, так как зависит от переходного глагола. В то же время слово «figlio», изъятое из контекста в аналогичном итальянском предложении «Il padre ama il figlio», всего лишь указывает на употребление в единственном числе и обладает номинативными характеристиками.

Ю.С.Маслов, описывая исторические изменения в грамматическом строе языков, пишет о том, что ярким примером изменения внешних форм выражения грамматических значений является «переход романских, германских и некоторых других языков от синтетических флективных падежей к аналитическому выражению синтаксических связей имени существительного с помощью предложных сочетаний, а также порядка слов» [2, с. 211]. В этом же контексте он вводит понятие «аналитического образования» [2, с. 154] – сочетания знаменательных и служебных слов (иногда знаменательного и нескольких служебных), которые функционируют как одно знаменательное слово – отдельная словоформа, ряд словоформ или целая лексема. Здесь же Ю.С. Маслов указывает на то, что «сочетания знаменательных слов с предлогами правомерно рассматривать как аналитические формы падежей» [2, с. 155].

Таблица

Выражаемые падежом отношения	Примеры на латинском и итальянском языках	Перевод	Соответствующее косвенное дополнение в ит. языке
separationis удаления	Legati **Roma** missi sunt. Gli inviati furono mandati **da Roma.**	Из Рима были отправлены послы	удаления или разделения (di allontanamento o separazione)
comparationis сравнения	Patria mihi **vita mea** est carior. A me la patria è più cara **della mia vita**.	Родина мне дороже жизни	сравнения (di paragone)
auctoris действующего лица	Consul Cassius **ab Helvetiis** occisus est. Il console Cassio fu ucciso **dagli Elvezi.**	Консул Кассий был убит гельветами	действующего лица (di agente), действующей причины (di causa efficiente)
instrumenti орудия действия	Tauri **cornibus,** apri **dentibus** se defendunt. I tori si difendono **con le corna**, i cinghiali **con i denti.**	Быки защищаются рогами, кабаны – зубами	средства или инструмента (di mezzo o strumento)
causae причины	**Meo vitio** pereo. Perisco **per colpa mia.**	Я погибаю по своей вине	причины (di causa), вины (di colpa)
modi образа действия	**Magna cum dolore** de ea re loquor. Ne parlo **con il grande dolore.**	Я говорю об этом (деле) с большой скорбью	образа действия (di modo), распределения (distributivo), замещения или обмена (di sostituzione o scambio), уступки (concessivo)
limitationis ограничения	Rex Agesilaus fuit claudus **altero pede.** Il re Aghesilaio fu zoppo **da una gamba.**	Царь Агесилай был хром на одну ногу	ограничения (di limitazione)
qualitatis качества	Caesar **excelsa statura** fuit. Caesar fu **di statura alta.**	Цезарь был высокого роста	качества (di qualità), возраста (di età)
temporis времени	**prima luce – all'alba,** **in bello –** **durante la querra**	На рассвете Во время войны	времени (di tempo)
loci места	Athenienses **loco idoneo** castra fecerunt. Gli Ateniesi si accamparono **in luogo conveniente.**	Афиняне разбили лагерь в удобном месте	места (di luogo)

Традиционно в итальянской грамматике принято выделять два типа

дополнений: прямое и косвенное. Прямое дополнение в итальянском языке по характеру выражаемых отношений полностью соответствует основной функции винительного падежа в латинском языке, а косвенное представляет собой аналитическое образование, которое соответствует одному из многочисленных типов логико-семантических отношений.

В приведенной Таблице мы рассматриваем на примере *аблятива* соответствия между отношениями, выражаемыми латинскими падежами, и косвенными дополнениями в итальянском языке. Мы опираемся на теоретические сведения из учебной [3, 4] и научной литературы [5] (перевод примеров на итальянский язык выполнен нами – Е. И.).

Сравнив обе системы, можно сделать вывод о том, что все типы отношений, которые выражались падежами в латинском языке, сохранились и в итальянском. При этом в итальянском языке произошла дальнейшая специализация грамматических отношений (например, выделяют 4 косвенных дополнения места, 2 времени и т.д.). Примеры, приведенные в Таблице, демонстрируют, что в итальянском языке один и тот же предлог может вводить несколько типов косвенных дополнений (в Таблице это предлоги *di, da, con*), что связано с полисемией итальянских предлогов. К примеру, кроме приведенных в Таблице примеров (с косвенными дополнениями удаления, действующего лица и ограничения), предлог *da* может также вводить косвенные дополнения происхождения («Erasmo da Rotterdam» – «Эразм из Роттердама»), местонахождения («Ho passato tutta la sera da Mario» – «Я провел весь вечер у Марио») и некоторые другие.

Таким образом, переход от выражения синтаксических отношений флективными падежными формами в латинском языке к выражению тех же отношений с помощью предлогов в итальянском языке наглядно иллюстрирует переход от синтетического типа языка к аналитическому.

Литература

1. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М., 2005.
2. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1998.
3. Латинский язык / В. Н. Ярхо В. Н., З. А. Покровская, Н.Л. Кацман и др. М., 1994.
4. *Serafini M. T., Arcidiacono L.* La struttura della lingua. Bompani, 1997.
5. *Serianni L.*. Grammatica italiana; Garzanti Editore, Milano, 1996.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯЗЫКОВОМУ МАТЕРИАЛУ ПРИ РАБОТЕ НАД СИНТАКСИЧЕСКОЙ НОРМОЙ

И. С. Каминская

Среди отступлений от синтаксической нормы в устной и письменной речи наиболее частотными являются ошибки в словосочетаниях со связью «управление». В отличие от согласования, где форма зависимого компонента всецело подчинена форме главного, при управлении форма

зависимого слова определяется не только грамматическими факторами, но и лексическим значением обоих компонентов словосочетания, а иногда и лексическим наполнением более сложной конструкции (ср. *вызывать интерес* ***у кого,*** *проявлять интерес* ***к кому,*** *представлять интерес* ***для кого***). Кроме того, в русском языке существует богатый инструментарий для «обозначения идентичных реальных отношений» [3, с. 227]. Однако из всего спектра потенциальных возможностей выражения определенного значения в качестве нормативного, как правило, выбирается только один вариант, поэтому часты случаи, когда формы управления слов с близким лексическим значением или однокоренных слов различны *(сообщить* ***кому,*** но *известить* ***кого;*** *типичный* ***для кого,*** *характерный* ***для кого,*** но *свойственный* ***кому,*** *присущий* ***кому;*** *гордиться чем,* но *гордость* ***за кого*** и т.п.). Вследствие этого представляется закономерным тот факт, что большинство ошибок в форме управления провоцируются влиянием ложных аналогий [5, с. 291]:

- лексической – выбор неправильной формы зависимого слова под влиянием формы управления синонима *(проблема о чем* по аналогии с *вопрос о чем; рад чем* по аналогии с *доволен* ***чем***);
- словообразовательной – выбор неправильной формы зависимого слова под влиянием формы управления однокоренного слова *(благодарить* ***кому*** по аналогии с *благодарность* ***кому;*** *коснуться* ***к чему*** по аналогии с *прикоснуться* ***к чему***).

В русской речи белорусов наблюдается также влияние форм управления белорусских слов *(смотреть* ***кого*** по аналогии с *даглядаць* ***каго;*** *больной* ***на что*** по аналогии с *хворы* ***на што).***

В рамках исследования причин нарушения синтаксической нормы на уровне словосочетания со связью «управление», мы предложили учащимся 9-ых классов ГУО «Боровлянская гимназия» выполнить следующие задания по указанной теме: 1. «Раскройте скобки, запишите слово в правильной форме»; 2. «Переведите с белорусского на русский язык данные словосочетания». В качестве языкового материала были использованы слова, формы управления которых отличаются от форм управления слов с близким лексическим значением, однокоренных слов, белорусских эквивалентов.

Анализ выполнения заданий показал, что большинство ошибок в управлении, действительно, провоцируется влиянием ложных аналогий (далее будут описываться наиболее частотные случаи ненормативного употребления с указанием процента неправильных ответов).

Воздействием лексической аналогии можно объяснить следующие случаи:

- альтернатива **поездки** (31,9%) по аналогии с выбор **чего,**
- сходный **этой ситуации** (56,8%) по аналогии с подобный **кому, чему,**

- типичный **этому возрасту** (70,5%) по аналогии со свойственный, присущий **кому, чему;**
- достоить **наградой** (40,9 %) по аналогии с наградить **чем;**
- взгляд **о судьбе** Родины (70,4%) по аналогии с мнение о чем.

Словообразовательная аналогия проявилась в формах:

- гордость успехами сына (27,2%) по аналогии с гордиться **кем, чем;**
- подтолкнуть **на решение** (43,1%) по аналогии толкнуть **на что;**
- изменник **Родине** (16%) по аналогии с изменить **кому, чему.**
- Влияние форм управления белорусских слов отмечено в следующих
- случаях:
- склонность **до рисования** (20,4%) по аналогии с схільнасцъ **да чаго;**
- жениться **с ней** (25%) по аналогии с ажаніцца **з кім.**

Кроме случаев нарушения нормы управления под воздействием ложной аналогии, нами были выявлены такие ошибки, как: *точка зрения **проблемы*** (45,4%), *привлечь **ответственность*** (11,3%); *привлечь **ответственностью*** (7%). Такое ненормативное употребление, на наш взгляд, объясняется:

1) неразличением учащимися устойчивых выражений *точка зрения на что – точка зрения кого – с точки зрения кого; привлечь внимание – привлечь к ответственности;*

2) непониманием отношений, выражаемых словосочетанием *(привлечь что – привлечь чем – привлечь к чему).*

На основании сказанного выше мы делаем вывод о том, что работа над правильностью форм управления должна быть направлена, прежде всего, на преодоление ложной лексической и словообразовательной аналогии, а также интерференции.

В современных пособиях по русскому языку работа над нормами управления организуется следующим образом: для запоминания даются пары синонимов или однокоренных слов, имеющих разные формы управления [1, с. 375-377; 2, с. 296; 4, с. 346-347]. Данная методика в некотором смысле близка методике работы над непроверяемыми написаниями, что имеет свои основания: многие формы управления индивидуальны, и не всегда можно объяснить закрепление той или иной формы в качестве нормативной. Однако эффективность данного подхода вызывает сомнение, поскольку запоминание антиномий впоследствии может вызвать путаницу и спровоцировать еще большее влияние ложной аналогии. Более того, распределение по парам сужает круг семантических связей входящих в них словосочетаний, изолируя их от конструкций, выражающих то же значение и имеющих такую же форму управления. То есть, объединение словосочетаний *«писать о чем — описывать что»* исключает данные конструкции из семантически и грамматически свя-

занных с ними: *рассказать о чем, сообщить о чем* и *изображать что, описывать что.*

На наш взгляд, к отбору и компоновке языкового материала при работе над правильностью управления будет более целесообразным применять лексико-семантический подход. Его сущность заключается в том, что группировка языкового материала производится, в первую очередь, на основании семантики словосочетания, так как при управлении «падежная или предложно-падежная форма всегда употребляется как знак выражения определенных реальных отношений. И потребность передать то, а не другое соотношение обозначаемого предмета с другими предметами и явлениями — первое и обязательное условие, определяющее выбор падежной или предложно-падежной формы» [3, с. 226].

Отбор и компоновка языкового материала при лексико-семантическом подходе осуществляется следующим образом: выбирается лексико-семантическая группа глаголов, например, со значением мыслительной деятельности *(думать, изучать, понимать, познавать, сознавать, размышлять, усваивать, судить, выяснять, обсуждать* и т.п.). Поскольку объект мыслительной деятельности в русском языке может быть выражен несколькими способами – формой винительного падежа без предлога и формой предложного падежа с предлогом *о*, глаголы распределяются по подгруппам в зависимости от формы правого компонента словосочетания: *выяснять, считать, понимать, усваивать* и т.п. ***что,*** *думать, рассуждать, забывать* и т.п. *о чем.* И только внутри подгрупп глаголов, требующих одинаковой формы зависимого компонента, объединяются слова с близким лексическим значением *(считать / полагать; понимать / познавать / сознавать; изучать /усваивать /уяснять* ***что,*** *думать /размышлять /рассуждать /судить; помнить /забывать* ***о чем*****).**

Лексико-семантический подход к отбору и организации языкового материала, как нам кажется, может повысить качество работы над синтаксической нормой на уровне словосочетаний со связью «управление», так как акцентирует внимание на семантике отношений, выражаемых словосочетанием, а также на роли падежной (предложно-падежной) формы зависимого слова в создании этих отношений; обеспечивает системное усвоение форм управления; уменьшает влияние ложной лексической и словообразовательной аналогии.

Литература

1. *Горбацевич О. Е.* Пособие для подготовки к обязательному централизованному тестированию / О.Е.Горбацевич, Т.В.Ратько, Т.П.Бондаренко. Мн.: Аверсэв, 2005.
2. *Долбик Е.Е.* Русский язык: таблицы, схемы, упражнения: для поступающих в вузы / Е.Е.Долбик, В.Л.Леонович, В.А.Саникович. – 3-е изд., испр. Минск: Выш. шк., 2007.
3. *Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. Пособие для учителей / Е.С.Скобликова. – М.: Просвещение, 1971.

4. *Ткачева Т. Л.* Русский язык в таблицах и тестах: пособие для подготовки к экзамену: пособие для учащихся старших классов учреждений, обеспечивающих получение общ. ср. образования / Т.Л. Ткачева. – Мн.: Аверсэв, 2006.
5. *Фомичева Г. А.* Изучение словосочетаний в восьмилетней школе. Пособие для учителей / Г.А.Фомичева. – М.: Просвещение, 1973.

МОТИВ ПУТИ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ПОДВИГ»

А. Ю. Корзун

Мотив пути, путешествия без преувеличения является одним из самых устойчивых в мировой литературе. Осмысление путешествия как дихотомии физического перемещения в пространстве и «внутреннего восхождения» занимает большое место в творчестве многих писателей. Особенно это справедливо для русской литературы с ее непоколебимой установкой на примат духовного в человеке.

В среде набоковедов роман «Подвиг» (1932) вызывает наибольший интерес как «…единая морфологическая структура, свойственная архаическим мифам о странствии-поиске, посвятительских испытаниях и “претворении” героя» [3, с. 43–44], или, другими словами, как реализация мифа в литературной форме. В работах, посвященных данной проблеме, был выявлен ряд параллелей набоковского текста с текстами мировой литературы. Так, Н. Букс предположила, что «Подвиг» организован по подобию гомеровской «Одиссеи» и, таким образом, продолжает традицию изображения странствующего героя [1, с. 57–87]. О. Дарк усматривает ряд параллелей между текстом романа и литературой средневековья, в том числе с текстами, повествующими о поисках святого Грааля [2, с. 441]. А. Долинин указывает среди претекстов «Подвига» произведения русского фольклора и русскоязычных поэтов девятнадцатого века [4, с. 26]. Отдельно следует отметить исследование О. Дмитриенко, которое определяет глубинные структуры набоковского романа как коррелирующие со структурами волшебной сказки [3].

Энциклопедия «Мифы народов мира» [5] определяет мифологему пути как «образ связи между двумя отмеченными точками пространства» [5, т.2, с. 352], постоянным и неотъемлемым свойством которого является трудность: «Путь строится по линии все возрастающих трудностей и опасностей, угрожающих мифологическому герою-путнику, поэтому преодоление пути есть подвиг, подвижничество путника» [5, т. 2, с. 352].Так, уже название романа оказывается глубинно связанным с интересующим нас мотивом: подвигом оказывается путь, пройденный до конца (или попытка это сделать).

Мотив пути является центральным, стержневым на всех уровнях романа: в плане композиции «Подвиг» выстроен как единое, цельное воспоминание-биография о жизни главного героя. Здесь позиция автора-наблюдателя не по-набоковски максимально удалена от происходящего в

тексте. Хронологически, повествователь существует в точке «настоящего». С этой позиции он обращается к прошлому – к чужому, никак не связанному с ним самим прошлому, – и линейно выстраивает текст из точки, более удаленной от него во времени, к точке менее удаленной. В итоге, начало истории, как и ее финал, равно известны рассказчику, и это «равноудаление» делает его беспристрастным, не растворенным в тексте. Кроме того, в отличие от других текстов Набокова, «Подвиг» практически не содержит ни «вспышкообразных» обращений в прошлое героя (как это было в «Машеньке»), ни концентрических «кружений» вокруг него, способных вместить целый мир в одно бесконечно-резиновое мгновение (как это будет в «Даре»).

В структуре романа четко просматривается цепь инициаций/посвящений, которые проходит главный герой. Опуская вопрос о ложных и истинных инициациях [3, с. 52], отметим, что каждое звено-инициация в этой цепи обязательно связано с путешествием или с воспоминанием о путешествии. Эта связь становится понятной, если принять во внимание следующее обстоятельство: «Отмеченность начала и конца пути как двух крайних точек – состояний, пределов выражается предметно (дом – храм или дом – иное царство), изменением статуса персонажа, достигшего конца пути, нередко и его внешнего облика» [5, т. 2, с. 352]. Таким образом, пространственные перемещения главного героя романа Мартына Эдельвейса служат «связками», переходами от одного испытания/инициации к другому, а установка на то, что «…Мартын страстно полюбил поезда, путешествия, дальние огни и раздирающие вопли паровозов в темноте ночи, и яркие паноптикумы мгновенных полустанков, с людьми, которых не увидишь больше никогда» [6, с. 26], проходит лейтмотивом через весь текст. Развивая этот мотив, укажем на то, что внутренняя жизнь Мартына, его осознание самого себя начинается с запавшего в детское воображение путешествия на поезде. Следующим узловым моментом является отплытие из Ялты – оставшееся как бы незамеченным Эдельвейсом, но, тем не менее, знаковое. Далее следует попытка прикоснуться к волшебному видению – огням Молиньяка, ставшая своеобразной инициацией в круг земледельцев и принесшая Мартыну понимание бессмертия как круговорота всего сущего и себя самого – как полноправного участника этого движения.

Пиковой точкой в цепи инициаций становится восхождение – двукратное, – на швейцарскую гору. В мифологии гора выступает в качестве наиболее распространенного варианта трансформации мирового древа и является образом мира, моделью вселенной, содержащей в себе все основные элементы и параметры космического устройства. «Гора находится в центре мира – там, где проходит его ось (axis mundi). Продолжение мировой оси вверх (через вершину горы) указывает положение Полярной

звезды, а ее продолжение вниз указывает место, где находится вход в нижний мир, в преисподнюю. Основание же горы приходится на “пуп земли”». [5, т.1, с. 312]. Ощущения, испытанные Мартыном при попытке «справиться» с горой: «Полка, шириной с книжную, под ногами и бугристое место на скале, куда вцепились пальцы, было все, что оставалось Мартыну от прочного мира, к которому он привык» [6, с. 92], – характеризуют эту гору именно как «центральную», «осевую», хотя бы и в субъективном ощущении самого Мартына. Таким образом, восхождение Эдельвейса является ничем иным как путешествием к центру мира. О. Дмитриенко, ссылаясь на терминологию Леви-Брюля, уподобляет это восхождение «тотемическому маршруту» – особому пути первобытных сообществ, на который племя выходило в случае утраты витальной силы и который заканчивался у источника этой силы и сакральности (заодно считавшегося колыбелью этого племени, местом его отделения от всего остального мира). Здесь следует коснуться своеобразного «символического центра» романа – картины с лесом и витой тропинкой, написанной бабушкой Мартына и висевшей над его детской кроватью: «…вспоминая в юности то время, он спрашивал себя, не случилось ли и впрямь так, что с изголовья кровати он однажды прыгнул в картину, и не было ли это началом того счастливого и мучительного путешествия, которым обернулась вся его жизнь…» [6, с. 5]. С определенной точки зрения, эта картина есть концентрированная идея всей книги – артефакт предков, олицетворяющий жизненное предназначение главного героя: вернуться к своему истоку через тьму настоящего и тем самым совершить подвиг, или – воплотиться (к слову, одно из рабочих названий романа было «Воплощение»). Скорее всего, именно об этом воплощении говорит и Соня Зиланская (воплощенная фантастическая родина-Россия), размышляя о долге: «<…> самое главное в жизни – это исполнять свой долг и ни о чем прочем не думать» [6, с. 101]. Так двукратная попытка героя покорить гору на самом деле оказывается попыткой достижения «жизненного сердца мира». А учитывая, что никакие внешние факторы не требовали этих восхождений и решение о них принимал только сам Мартын, «жизненное сердце мира» трансформируется в естество самого героя, а путешествия – в попытку постигнуть самого себя, в конечном итоге, – преодолеть/перерасти себя и выйти на новый духовный уровень. Это утверждение становится тем более уместным, если принимать во внимание специфику образа главного персонажа. Обращаясь к ней, следует заметить, что, в отличие от большинства героев русских романов Набокова, Мартын, на первый взгляд, не является духовно одаренным героем-одиночкой, более того – он вообще не способен к творческой рефлексии и потому не является художником, творцом. Истинная (с точки зрения автора) суть мироздания как бы скрыта от него. С другой стороны, писа-

тель наделяет своего персонажа обязательной для мифических героев «магической способностью»: различать сакральное в обыденном, профанном и выходить за границы обыденности, не теряя связи с ней [3, с. 46]. Не имея возможности изучать и пересоздавать реальность при помощи воображения (как, к примеру, Годунов-Чердынцев в «Даре»), Мартын, тем не менее, способен «физически» ощущать мир вокруг себя сразу на нескольких уровнях, в том числе и на уровне трансценденции. Возможно, именно поэтому ощущение пути настолько привычно для него, что он чувствует дорогу частью себя – началом и продолжением своего существа: «Он подумал, – какая странная, странная выдалась жизнь, – ему показалось, что он никогда не выходил из экспресса, а просто слонялся из одного вагона в другой…» [6, с. 170].

Отдельно следует рассмотреть вопрос о конечном пункте путешествия. Последним звеном в цепи инициаций Эдельвейса становится отбытие в страну, которой не существует за пределами мартыновского воображения (или, точнее, внутреннего ощущения) и переход через границу, о подробностях которого читатель никогда не узнает. С этой точкой связан особо интересный момент: в соответствии с «теорией инициаций» Мартын, как и другие мифические герои, мог отправиться либо в страну мертвых, либо в фантастическую страну предков. В любом из указанных случаев предполагается, что это – начало нового путешествия для культурного героя, в котором как раз и будет совершен подвиг. Но текст романа достаточно четко дает понять, что это именно конец земного жизненного пути Мартына, точка невозвращения. И если метафорически последнее путешествие Эдельвейса – это обращение к глубинным корням, истоку, мифической родине, то реально – это путешествие в Советскую Россию и – смерть. Но, учитывая, что «во многих мифопоэтических и религиозных традициях мифологема пути выступает метафорически, как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного). <…> В гностицизме понимание пути к спасению предполагает прежде всего самопознание человека» [5, т.2, с. 354], – подвигом Эдельвейса оказывается не конкретный поступок, а жизненная линия поведения, итоговая верность своей природе и следование внутреннему идеалу в обстановке всеобщего к таковым идеалам безразличия. Эту расстановку акцентов можно проиллюстрировать и следующим эпизодом из романа: картина, принадлежавшая перу бабушки Мартына, была написана акварелью: акварельные краски при растворении в воде образуют прозрачную взвесь тонкого пигмента и за счет этого позволяют художнику создать эффект легкости, воздушности и тонких цветовых переходов. Так, сколь бы темным ни был нарисованный акварелью лес, он в самой сути своей должен быть легким и прозрачным. С оглядкой на образную систему Набокова, этот ряд эпитетов можно продолжить как «дымный», «дрожащий», «неверный»,

«призрачный». В романе тема «живописной» легкости проявляет себя и в неоднократных упоминаниях листа папиросной бумаги, придающего таинственную мягкость изображению, которым «…бывает покрыта <…> необыкновенно яркая, глянцевитая картина на заглавной странице дорогого издания сказок» [6, с. 39]. Исходя из этого, главный символ трансцендентального пути главного героя оказывается легким, воздушным, прозрачным – и как бы несуществующим на Земле, т.е. прекрасным, недосягаемым, внутренним идеалом. Рискнем сделать вывод, что мотив пути в романе, кроме прочего, имеет смысл обращения к реально не существующему или не случившемуся, возможно, – к прекрасному вообще (а эта тема является одной из основных в творчестве В. Набокова). В этом случае мотив пути еще более явно выступает как «внутреннее путешествие» – пожизненного паломничества к своему высшему «я» в поисках прекрасного. Безусловно, такое путешествие дается отнюдь не легко и не одномоментно, но он возможен, и жизнь Мартына Эдельвейса – тому подтверждение.

Подводя итог, отметим, что роман В. Набокова «Подвиг» в плане реализации мотива пути, по-видимому, ориентируется не на одну конкретную культурную традицию, а осуществляет их синтез и поэтому представляет собой обширное и интереснейшее поле для изучения.

Литература

1. *Букс Н.* Эшафот в хрустальном дворце: о русских романах В. Набокова. М., 1998.
2. *Дарк О.* Примечания // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 2.
3. *Дмитриенко О.А.* Путь Индры. Воплощение мифа в романе Набокова «Подвиг» // Русская литература. 2006. №4. С. 43-61.
4. *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина: от «Соглядатая» к – Отчаянию» // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 3.
5. Мифы народов мира: В 2 т. / М., 1991-1992. Т.1: А-К. 1991; Т.2: К-Я. 1992.
6. *Набоков В.* Подвиг. СПб., 2009.

ПРИТЧЕВЫЙ ХАРАКТЕР РОМАНА АРУНДАТИ РОЙ «БОГ МЕЛОЧЕЙ»

Д. А. Корсак

Арундати Рой – современная индийская писательница, эссеистка, левый политический деятель и критик глобализации. Свой единственный роман «Бог мелочей» она писала пять лет и закончила в 1997 году. Тогда же роман был удостоен Букеровской премии, распродан тиражом 6 млн. экземпляров и стал мировым бестселлером.

Дабы дальнейший ход моего исследования был понятен, остановимся на сюжете. Но стоит сразу отметить, что произведение не имеет линейной структуры повествования, поэтому его пересказ в виде стройной цепочки событий носит условный характер.

По словам самой писательницы, место действия романа – «единственная точка на карте мира, где бок о бок живут христианство, индуизм, марксизм и ислам» [1]. К аллюзиям на христианские сакральные тексты мы еще не раз обратимся.

В центре повествования – зажиточная англофильская индийская семья. Почти весь роман соткан из детских воспоминаний главных героев – двуяйцевых близнецов Эсты и Рахели.

Мать близнецов, Амму, и неприкасаемый Велютта полюбили друг друга. А по меркам индийских традиций это недопустимо. И семья начинает рушиться, как карточный домик. Дети по трагической случайности становятся причиной смерти своей двоюродной сестры и возлюбленного матери. Женщину презирают и общество, и семья. Она заболевает и умирает в одиночестве. А несчастные близнецы вынуждены искать свое место в жизни по отдельности. Но они так и не находят себя. Тридцатилетними оба возвращаются в родной город и мстят всему миру: нарушают одно из главных правил традиционного индийского общества – запрет на кровосмесительную связь.

Данный роман чрезвычайно самобытен с точек зрения стилистики, нарратологии, лингвистики. Кроме того, в нем проявляется одна из главных тенденций в развитии современного романа – жанровый синкретизм. Образно говоря, «Бог мелочей» – это своего рода «кубик Рубика»: каждый поворот, – то есть контекст исследования, – предполагает новые коды прочтения. Здесь можно говорить о наличии элементов романа философско-психологического, политического, романа-притчи и, возможно, еще некоторых жанров. И в рамках данного исследования остановлюсь подробнее на притчевом характере произведения.

Таким образом, цель моей работы – выявление притчевого характера романа Арундати Рой «Бог мелочей». Задача – выделить в данном произведении черты романа-притчи.

В своей работе я буду опираться на исследование эволюции притчи в монографии «Стиль и жанр художественного произведения» под редакцией Л. А. Кузнецовой и И. В. Викторовской.

Как отмечено в вышеуказанной работе, для романа-притчи характерны: моделированность ситуации, абстрагированность пространственно-временных отношений, решение выдвинутых проблем в аллегорическом ключе, философичность, а также двуслойность при самостоятельной ценности событийного плана [3, с. 54–55].

В романе «Бог мелочей» главную роль играют не время и место событий, а их значение. В этом и проявляется пространственно-временная абстрагированность.

В основе произведения лежит аллегория. Вследствие этого возникает его двуплановость, так как один план – внешний – составляют собственно события, а второй – внутренний – их прочтение в философско-

аллегорическом ключе. Один из доминирующих в романе – мотив ожидания «Ужаса» (словами героев-близнецов). Это аллегория предчувствия кары небесной. И сквозной для всего произведения является метафора гнева божьего. Для такого гнева обнаруживается масса причин. Автор будто разматывает перед нами клубок греховной человеческой природы.

Очень часто в романе используется метафора «Сердце Тьмы» (вероятно, позаимствованная у Дж. Конрада). Так писательница назвала место, которое раньше было Историческим домом, а теперь переоборудовано в пятизвездочную гостиницу с гордым названием Божья Страна. Потому автор именует создателей этого ложного, потерянного рая Тьмой Сердец.

Вдобавок, в этом Сердце Тьмы проходят сокращенные и упрощенные для туристов сакральные представления Катхакали. Вместо положенных шести часов они длятся двадцать минут и проводятся прямо возле бассейна, где плещутся туристы. И сакральное, священное становится частью местного колорита. Вот как А. Рой пишет об актере Катхакали: «он повествует о богах, но нить повествования тянется из неочищенного человеческого сердца» [2, гл. 12].

В семье, о которой рассказывается в романе, каждый из членов в какой-то мере вызвал гнев господний. Бабушку близнецов, Маммачи, автор называет «Слепой Вдовствующей Матерью». Женщина почти ничего не видит. Но здесь прячется аллегория слепоты духовной. Маммачи отвергает свою дочь за ее любовь к неприкасаемому. Она берет на себя роль Фемиды (которая тоже, отметим, изображается с завязанными глазами). И трижды плюет в знак своего родительского проклятия.

У близнецов есть тетя по прозвищу Крошка-Кочамма (хотя весит эта «Крошка» более ста килограммов). Не без сарказма автор пишет о ней: «Корабль Благочестия, идущий твердым курсом» [2, гл. 2]. Крошка не только сама нарушает одну из самых строгих заповедей – «не лжесвидетельствуй», но и заставляет близнецов сделать это. И вдобавок говорит: «Ужасно лишить кого-то жизни. (…) Даже Господь этого не прощает. (…) К счастью для вас, полиция допустила (…) счастливую ошибку» [2, гл. 19]. Вывод очевиден: благочестие героини – ложно.

В качестве ключа к притчевому прочтению романа выступает и пророческий сон-откровение, который видит Амму, мать близнецов, полюбившая неприкасаемого. Истолкование сна приводит к пониманию философского подтекста произведения. Женщине является однорукий Бог Утраты. Здесь невольно вспоминается один из законов диалектики Гегеля: отрицание отрицания. В контексте романа его можно интерпретировать так: обретая нечто, неизменно утрачиваешь нечто. Бога Утраты окружают тени – символ тьмы в сердце человека. Вокруг – металлические стулья: неотвратимость кары с ее железной рукой. На стульях – люди в очках, в стеклах которых отражается свет. Это слепая, но всевидящая мать Амму. Свет может означать как

пламя родительского гнева, так и огонь преисподней. Черное море лижет берег с осколками – символ разбитой судьбы героини. На небе вместо луны светятся бабочки. Они – один из главных фоновых повторов романа (а фоновый повтор, кстати, – прием канонической притчи [3, с. 48]). Бабочки коллекционировал покойный отец Амму. И вот они тревожно светятся на небе вместо родительского благословения. Красная корова плывет по морю, не окуная рогов. Корова в Индии – священное животное. Она может символизировать саму героиню, которая так же поплывет навстречу своему возлюбленному. Автор, возможно, хочет сказать, что, несмотря на греховность любви Амму с точки зрения кастовых традиций, она не уронила, не запятнала себя с позиции человеческой, гуманистической.

Крайне символичен поступок детей, не понимающих лживого мира взрослых. Близнецы решают уплыть на лодке. Здесь, похоже, кроется аллюзия на Священное Писание. Всемирный Потоп, Ной собирает на ковчег животных: «Каждой твари – по паре». Но в романе за детьми увязалась приехавшая в гости сестренка. И как раз когда дети пересекают реку, разыгрывается буря: «Странное для этого времени года буйство небес могло показаться знамением Божьего гнева, (…) началом конца света. Чем, в каком-то смысле, оно и было» [2, гл. 13]. Кара небесная проявляется в буйстве стихии. И река уносит на свой жертвенный алтарь сестру близнецов, «третьего лишнего» в лодке. Невинный ребенок погибает в наказание взрослым за их грехи. Труп девочки находит рыбак. Здесь, возможно, кроется аллюзия на притчу о Царе-Рыбаке, радевшем о конце засухи.

Название последней главы – «Цена Бытия» – глубоко символично. Страшные события детства сделали близнецов несчастными на всю жизнь и оставили в душе тяжелое чувство вины. Которое вдвойне невыносимо для них, так как они ощущают себя единым целым. Закрывшись в спальне и нарушив запрет на кровосмесительную связь, они отчасти олицетворяют Адама и Еву, изгнанных из Рая: «Они знали друг друга еще до начала Жизни. (…) Не радость они делили в ту ночь, а жесточайшее горе» [2, гл. 20]. Такова цена любви их матери по отношению к их судьбе. И цена их бытия.

Здесь содержится и имплицированное нравоучение, что также характерно для романа-притчи [3, с. 50]. А. Рой, возможно, хочет показать, что детство ни для чего не может служить оправданием. А грех, совершенный в семь лет, ничем не лучше греха, совершенного в пятьдесят.

Таким образом, в исследуемом романе можно выделить следующие черты романа-притчи:

- абстрагированность пространственно-временных отношений;
- двуплановость;
- решение выдвинутых проблем в аллегорическом ключе;
- наличие фоновых повторов;
- присутствие лейтмотивов;

- аллюзии на священные тексты;
- философичность;
- имплицированное нравоучение.

Литература

1. Интернет-адрес: http://www.india50.com/arundhatI2.html.
2. *Рой А.* Бог Мелочей / Пер. с англ. Л. Ю. Мотылева, 1999 (электронное издание).
3. *Кузнецова Л. А.* Стиль и жанр художественного произведения; Под ред. Л.А.Кузнецовой и И. В. Викторовской. Львов, 1987.

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА – «ГОРДАЯ КРАСАВИЦА» И «ОСКОРБЛЕННОЕ СЕРДЦЕ» (ПОЭТОНИМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА)

С. В. Липницкая

Благодаря широкой известности произведений Ф.М.Достоевского и их роли в формировании духовного мира русской языковой личности многие поэтические антропонимы писателя (в том числе *Раскольников, Князь Мышкин, Настасья Филипповна, Смердяков*) являются культурнозначимыми единицами с богатым и устойчивым планом содержания. Это, в свою очередь, становится предпосылкой функционирования данных ономастических единиц за пределами породившего их текста. При этом связь с «материнским» текстом не разрывается, но служит основой для дальнейшего семантического развития этих имен, использования их как знаков вторичной номинации. Актуальность изучения этих семантических процессов обусловлена, во-первых, их активным характером в современной массовой коммуникации, и, во-вторых, их высокой информативностью как маркера духовных ценностей современного общества. Поэтому предметом нашего исследования мы избрали функционирование поэтонимов Ф.М.Достоевского в современной массовой коммуникации, при этом источником языкового материала нам послужили периодические издания России и Беларуси за 2000 – 2010 гг. Как показал опыт, данный аспект поэтической антропонимики очень важен и интересен также в учебном процессе, при изучении русской литературы в общеобразовательных и высших учебных заведениях.

В массовой коммуникации поэтоним функционирует как **ономастический трафарет** – то, что накладывается на новый объект и определяет его место в современной системе ценностей, т. е. воспроизводит «в мышлении и речи некий относительно стабильный комплекс культурных смыслов, отражающий специфику индивидного объекта» [3, с. 43]. Данная функция поэтонима зависит от степени актуальности для носителей языка тех смысловых признаков, которые его формируют.

Одним из ярких женских образов русской классики XIX века является

героиня романа «Идиот» – Настасья Филипповна. Писатель создал неповторимый образ роковой красавицы, независимой, свободолюбивой, непоследовательной, шокирующей и завораживающей.

Антропоним *Настасья Филипповна* сложен и неоднозначен в интерпретации, что, с одной стороны, обусловлено энциклопедическим характером имен собственных художественного текста, а с другой, – спецификой идиостиля писателя. В сознании носителя русской культуры Настасья Филипповна является символом трагической судьбы русской женщины, которую ничто не может спасти от гибели. Во время работы над переводом «Антония и Клеопатры» Б. Пастернак заметил, что «сама Клеопатра – это **Настасья Филипповна** античности. Все трагически спуталось и только смерть распутывает, разрубает концы» [2, с. 340]. Основанием, на котором базируется метафорический перенос значения, является понимание гибели как развязки жизненной драмы, смерти как избавления от жизненных страданий.

Своеобразный взгляд на национальное самосознание русскоязычного человека, представил Дмитрий Воденников в стихотворении «Реквием по моим литературным кумирам»:

Пепел Настасьи Филипповны *и Хлестакова стучит в моем сердце,*
вот я и мечусь между пошлостью и позором,
между двумя полюсами национального самосознания. [см. 1]

В данном контексте образы Настасьи Филипповны и Хлестакова выводят в фокус душевные метания, по сей день актуальные для сознания русского интеллигента. Черты, характерные героям русской классики, осознаются как устоявшиеся, типовые, формирующие национальное самосознание.

В современной журналистике поэтоним *Настасья Филипповна* не только референцирует к героине романа, но также употребляется в функции вторичной номинации, представленной такими риторическими фигурами, как **метафора** и **сравнение**.

Метафорическое значение данного поэтического антропонима неоднократно реализуется в статьях, затрагивающих тему денег: *В России никогда деньги не были главными. Поэтому и в русской литературе нет почти страстей из-за денег, а где они есть, там обязательно* ***появится Настасья Филипповна****, которая возьмет да и швырнет их в огонь…* (КП 2006, 25 августа). В данном случае основанием для метафорического переноса является эпизод сжигания денег, апелляция к которому свидетельствует о том, что традиционно для русского человека материальное благополучие не является определяющим началом в жизни. Ср. также: *Русская красавица выше, благороднее, аристократичнее этих мелочных буржуазных принципов. Она принимает мужские деньги как должное*

<…>, не находя в этой ситуации ничего для себя унизительного, а то и ***не без гордости ощущая себя этакой Настасьей Филипповной****, получающей законную компенсацию за свои страдания* (Русская жизнь 2007, 21 декабря). Контекстуальное метафорическое значение в данном примере опирается на ряд смысловых компонентов, формирующих поэтоним *Настасья Филипповна,* как то: «отношение к деньгам», «внешняя красота», «страдание», «смелость». Для автора статьи важно представить русскую красавицу как гордую, свободную женщину, не зависящую от обстоятельств, сложившихся вокруг нее.

В газетных текстах встречается употребление поэтонима *Настасья Филипповна* во множественном числе: *Если в мире животных в этом киносезоне моду задают волки, то в царстве женщин —* ***Настасьи Филипповны.*** *<…> Бурная жизнь, поиск любви, копошение в подсознанке и драматический экивок под занавес* (НГ 2003, 11 июня). В возможных мирах киноиндустрии персонаж романа «Идиот» становится эталоном создания женских образов, выводя на первый план такие личностные характеристики, как «страстность», «эмоциональность», «необычность».

Поэтоним *Настасья Филипповна* используется при описании колоритных женских образов современного шоу-бизнеса: «*Там, где Настя, всегда адреналин, искры, страсти. Это не "Санта-Барбара" в режиме нон-стоп, а Достоевский в наше время. Главная героиня в этой истории –* ***Настасья Филипповна Заворотнюк****!!!* (КП 2008, 5 июня). Языковая игра, в которой, прежде всего, используется тезоименитство предметов метафорической номинации, актуализирует воспроизводимость выведенного Ф. М. Достоевским женского типа – пусть и в новых условиях, в новой, сниженной, модификации.

Поэтоним *Настасья Филипповна* нередко употребляется в качестве вспомогательного компонента **сравнений**. В анализируемом материале нами были выявлены буквальные сравнения, в основе которых лежит эпизод сжигания денег: *Если от меня непременно нужен какой-то экстраординарный поступок – пожалуйста, я готова! Если мне дадут миллион долларов, я эти деньги брошу в печку,* ***как Настасья Филипповна*** *у Достоевского. Я сделаю это из ненависти к тому, что души продаются черту – причем дешево и в большом количестве!* (Лениздат 2008, 12 мая) – сравнение выводит на первый план смысловой компонент «экстраординарность поступков». В качестве объекта сравнения может выступать не только человек, но и государство: *В те времена* [времена СССР. – *Л.С.*] *государство не собирало по дырявым карманам медяки с налипшей табачной крошкой, а щедро****, как Настасья Филипповна в печку****, бросало в небо миллион за миллионом* (Газета.ru 2007, 12. апреля).

Или: *Если посмотреть на «униженных и оскорбленных» героинь последнего двадцатилетия, у кого из них хватило бы духу кинуть в горящий камин запредельную сегодня сумму,* ***как это сделала Настасья Филипповна****?* (Московская правда 2008, 4 апреля) Сравнение актуализирует в сознании представителей русскоязычного культурного пространства образ сильной духом русской женщины с обостренным чувством справедливости, способной на самый неожиданный поступок и подчеркивает «измельчание» современных аналогов Настасьи Филипповны.

В основе сравнения могут лежать и другие смысловые компоненты значения поэтонима *Настасья Филипповна*. Ср.: *И страна моя родная тоже широка. И любит страна обманываться,* ***подобно*** *роковой, но такой непоследовательной красавице* ***Настасье Филипповне.*** (Правда 2004, 26 октября) – для автора статьи, сравнившего Россию с Настасьей Филипповной, важным представляется «мятущаяся душа» героини, ее непоследовательность. *Ненавидишь ли ты анимацию так, как ненавижу ее я? Проклятая,* ***точно Настасья Филипповна,*** *к которой чем ближе, тем опасней и притягательней…* (Новая газета 2004, 2 сентября) – здесь семы «притягательность» и «опасность» порождают новый смысловой признак – «проклятие», который проецируется на обреченность судьбы Настасьи Филипповны.

Рассмотренные примеры убеждают нас в том, что поэтоним *Настасья Филипповна* является важным компонентом поэтической персоносферы русского языка и в национальной картине мира выступает как символ «чрезвычайно русской женщины», «роковой красавицы», которой присущи такие качества, как «экстраординарность» (в поступках), «непредсказуемость», «принципиальная свобода от обстоятельств», «решительность» и «импульсивность». Кроме того, Настасья Филипповна является символом трагической судьбы русской женщины, которую ничто не может спасти от гибели.

Литература

1. *Воденников Дм.* Как надо жить – чтоб быть любимым. Интернет-адрес: http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/VODENNIKOV/DimaV4.html
2. *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак. Биография. М., 1997.
3. *Ратникова И. Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск, 2003.

ДА ПЫТАННЯ ПРА КАНЦЭПТ «СКВАПНАСЦЬ» (НА МАТЭРЫЯЛЕ ПРЫКАЗАК І ПРЫМАВАК УСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ І АНГЛІЙСКАЙ МОЎ)

Н. М. Луновіч

Паняцце *канцэпт* характарызуецца неадназначнай структурай. З

аднаго боку, у яго склад уваходзіць тое, што з’яўляецца зместам паняцця, з другога – тое, што робіць канцэпт з’явай культуры: этымалогія, асацыятыўныя рады, ацэнкі і канатацыі. Незалежна ад свайго тыпу, канцэпт мае базавы ўзровень, канцэптуальныя ўзроўні і поле інтэрпрэтацыі.

Для аналізу ядра канцэпта неабходна вызначыць дамінантныя лексемы-рэпрэзентанты, пры дапамозе якіх часцей за ўсё актуалізуецца канцэпт. У дадзеным выпадку гэта такія лексемы і вытворныя ад іх, як: *сквапны (*бел. *Сквапны апошні розум губляе;* руск. *Жадный сам себе покою не даёт;* укр. *Жадібний складає, а щедрий споживає); скупасць* (бел. *Скупы чарвякоў на скуру збірае*; *Скупому рубель даражэйшы за душу*; *Як жонцы цяжка нарадзіць, так скупому даўгі плаціць*; укр. *У скупого все по обіді*); *прагнасць* (бел. *Прагнаму заўседы мала*; *Прагавітасць і здрада – родныя сёстры*); *грэбці* (бел. *У яго (яе) рукі як крукі – толькі сабе і грабе*; руск. *Глаза (очи) завидущи, руки загребущи*; *В одну лапу всего не сгребешь*; укр. *Гребе, як кінь копитом*; *То лиш курка від себе гребе*); *браць* (бел. *Хоча толькі браць і нічога не даваць*); *хацець* (бел. *Хоча выдраць з вулля мёду і каб не укусіла пчала*; руск. *Чем больше ешь, тем больше хочется*; *Горе наше – гречневая каша: есть не хочется, а покинуть жаль*); *даваць* (бел. *З другіх апошняе дзяруць, а самі ніткі не дадуць*; *І сам не гам, і другому не дам*; руск. *Чур одному: не давать никому*; *Дай с ноготок, запросит с локоток*, укр. *Дайте мені та ще й моїм дітям!*); *greedy* (англ. *Greedy folk have long arms)* і інш.

На перыферыі зместу канцэпта знаходзяцца разнастайныя азначэнні, адлюстраваныя ў парэміях, афарызмах, выслоўях. Пры іх даследаванні вылучаецца інтэрпрэтацыйнае поле канцэпта, у якім можна прасачыць сэнсавыя паказчыкі, прыхаваныя ад непасрэднага назірання. У выніку аналізу парэміялагічнага матэрыялу мы атрымалі магчымасць аднавіць асэнсаванне канцэпта, якое склалася на працягу часу і змянялася ў залежнасці ад месца, непасрэдных акалічнасцей і ўмоў праяўлення канцэптуальнай сутнасці. Такім чынам, даследаванне парэмій дазваляе прасачыць развіццё канцэпта ў дыяхронным зрэзе.

У традыцыйнай народнай свядомасці сквапнасць знаходзіцца ў адным семантычным сегменце з беднасцю і жабрацтвам на аснове семы ‘безупынная патрэба ў матэрыяльным забеспячэнні’: (бел. *Скупы хлеба не паесць;* руск. *Кто много желает, тот и малого не ведает*; *Много желать – добра не видать*; укр. *Бачить чуже під лісом, а не бачить свого під носом;* англ. *He is not poor that has little, but he that desires much* (Бедны не той, у каго мала ёсць, а той, хто многа жадае); *A greedy person and a pauper are practically one and the same* (Сквапны ды бедны – амаль аднолькавыя) і інш. Прычым, у дачыненні да канцэпта *беднасць* такая патрэба з’яўляецца абгрунтаванай, а для канцэпта *сквапнасць* унутраныя матыватары будуць

выступаць незалежна ад наяўных сродкаў. З гэтага вынікае немагчымасць задаволіць прагу: бел. *Горла як прорва, праглыне, што ў рот пападзе; Мае смак бы да коней ваўкалак;* руск. *В провальную яму не напасешься хламу; Не вылакает собака реки, так всю ночь стоит над рекой да лает; Бездонной кадки водою не наполнишь; Всех сластей не переешь, всего добра не переносишь; укр. Дірявого мішка не наповниш;* англ. *No gain satisfies a greedy mind* (Ніякая карысць не задавальняе сквапную свядомасць)*; There's always more fish in the sea* (Рыбы заўсёды болей у моры)*; He that will steal an egg will steal an ox* (Той, хто выкрадзе яйка, выкрадзе і быка).

Апрача таго, як паказвае парэміялагічны матэрыял абраных намі моў, матэрыяльныя каштоўнасці, якімі валодае чалавек, не задавальняюць патрэб, а толькі садзейнічаюць самасцвярджэнню, бо ніякая маёмасць не здатная задаволіць непамерную сквапнасць: бел. *Нахапіўся з каўшом на брагу*; *Трыбух кажа «годзе», а вочы – «яшчэ»!»*; укр. *Заліз кіт на сало та й кричить: «Мало!»*; *Як мед, то ще й ложкою*; *Повадиться вовк до кошари, то все стадо переберe*; англ. *Greed keeps men forever poor, even the abundance of this world will not make them rich* (Сквапнасць ператварае людзей на бедных назаўсёды, нават раскоша гэтага свету не зробіць іх багатымі); *Greed lessens what is gathered* (Сквапнасць змяншае сабранае).

Пры аналізе функцыянавання канцэпта *сквапнасць* у парэміях выяўляецца імпліцытнае значэнне 'несвядомае нанясенне шкоды самому сабе': бел. *Ногі дзярэ, а боты на кійку нясе; Шэсць аўчын купіўшы на кажух, памарозіўшы вушы: пашкадаваў сёмай на каўнер*; руск. *Железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает; Съел волк кобылу, да дровнями подавился; Хоть лопни брюшко, да не оставайся добро!;* укр. *Заздрий від чужого щастя сохне*; *Заздренному боком вилізе*; *Гірко з'їсти, і шкода покинути;* англ. *Money often unmakes the men who make it* (Грошы часта губяць тых, хто іх нажывае); *Greedy eaters dig their graves with their teeth* (Сквапныя едакі капаюць сабе магілу ўласнымі зубамі); *There is no greater calamity than being consumed by greed* (Няма большай бяды, як быць ахопленым сквапнасцю).

Неад'емнай часткай даследавання з'яўляецца адлюстраванне тэалагічнага аспекту дадзенага канцэпта ў парэміях. Варта адзначыць, што сквапнасць, у адрозненне, напрыклад, ад ганарлівасці ці гневу, падаецца ў прыказках і прымаўках як першагрэх, што праяўляецца ў той час, як толькі асоба становіцца сацыяльна актыўнай: руск. *Зависть прежде нас родилась; When all other sins are old, greed still stays young* (Калі ўсе іншыя грахі старыя, сквапнасць застаецца маладой); *A greedy man God hates* (Бог ненавідзіць сквапнага); *Greed is eternal* (Сквапнасць вечная). Але неабходна адзначыць, што ў калекыўнай народнай свядомасці багацце ўспрымалася як боская міласць, таму, напрыклад, рускія парэміі фіксуюць і іранічныя звароты дыдактычна кшталту: *Господи, Господи! Свою часть проспали: к людям*

приваливат, от нас отваливат; *Господи, Господи! Убей того до смерти, кто лучше нашего живет (*или*: у кого денег много да жена хороша); Дай Бог много, а захочется и побольше.*

Дзейнасць, скіраваная на неправамернае ўзбагачэнне, асуджалася: руск. *Честным трудом богат не будешь; От трудов праведных не нажить палат каменных;* англ. *Honour and profit lie not in one sack* (Шчырасць ды карысць у адным мяху не ляжаць). Аднак, сустракаюцца і парэміі, семантыка якіх так ці інакш апраўдвае сквапнасць і празмерную беражлівасць: руск. *Многому научишь, сам без хлеба будешь*; *Для всего села каравай не нарежешь; Мил гость, да велик пост*.

Вялікая колькасць парэмій, якія карэлююць з лексіка-семантычным полем *сквапнасць*, маюць структуру, пабудаваную на антанімічных апазіцыях: бел. *Чужая жонка мёдам мазаная, а свая смалою*; *Чужое ўзяць – сваё загубіць; Ты па чужое – чорт па тваё;* руск. *За маленьким погнался – большое потерял; За малым погонишься – большое потеряешь; За чужим погонишься – свое потеряешь;* укр. *Бачить чуже під лісом, а не бачить свого під носом; На чужий коровай очей не поривай, а свій дбай*. Або змяшчаюць у сабе бінарнасць дзеяння: бел. *Скупому два разы баліць; Скупы два разы гіне; Скупому два разы ліха;* руск. *Завистливый поп два века живет;* укр. *Скупий, якби міг, то б два рази одно їв* англ. *You can't have your cake and eat it too* (Адзін пірог двойчы не з'ясі).

Даследаванне парэмій паказвае, што сквапнасць заснаваная на іррэальных патрэбах і, адпаведна, з рэчаіснасцю не суадносіцца: бел. *Прамытае вады не дасць; У яго дарма і лёду зімой не возьмеш; У яго яшчэ горш, як з каменя вады дастаць;* руск. *Съел волк кобылу, да дровнями подавился*; укр. *То такий, що й каменя не дасть голову провалити*; англ. *Nothing on earth is greedier than the eye* (Нішто на зямлі не можа быць больш сквапным за вока); *A man's greed is like a snake that wants to swallow an elephant* (Людская сквапнасць як змяя, што хоча праглынуць слана).

Можна заўважыць, што найбольш яскравыя і характэрныя індывідуальныя канататыўныя значэнні на працягу доўгага часу пераўтвараюцца ў вобразныя выслоўі, якія адлюстроўваюць погляд канкрэтнага этнасу на праблему. Так фарміруецца другасная семантыка канцэпта.

Такім чынам, у выніку праведзенага аналізу прасочваецца шматслойная структура канцэпта *сквапнасць*, паколькі ў залежнасці ад прагматычнай сітуацыі можа актуалізавацца адзін са шматлікіх кагнітыўных сегментаў. Кантрастыўны аналіз парэміялагічнага фонду розных этнасаў дае магчымасць зразумець, што кагнітыўная мадэль дадзенага канцэпта нязначна адрозніваецца толькі перыферыйнымі значэннямі. Ядро ж канцэпта, яго эмацыянальна-пачуццёвае ўспрыманне ў калектыўнай свядомасці розных этнасаў прынцыповых разыходжанняў не мае.

Літаратура

1. Анталогія беларускай народнай прыказкі, прымаўкі і выслоўя / Уклад. і аўт. прадм. А. С. Фядосік. Мінск, 2002.
2. Білоруські прислів'я та приказки: Зб. / Упорядкував та переклав, вступ.слово О. Жолдак. Київ. 1970.
3. *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. М., 2007.
4. Пераначуеш – больш пачуеш: Прыказкі і прымаўкі для дарослых і школьнікаў, для разум. і шкоднікаў / Уклад. Ф. М. Янкоўскі. Мінск, 2002.
5. *Санько З. Ф.* Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. Мінск, 1991.
6. *Стернин И. А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. Воронеж, 2001.
7. Українські прислів'я та приказки / Упорядкування та передмова В. Бойка; Пер. И. Грубера. Київ, 1978.
8. Dictionary of Proverbs / Wordsworth Editions, 2006.
9. Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford, 2004.

О ВЗАИМОСВЯЗАННОМ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИРАНСКИМИ СТУДЕНТАМИ

Абрахам Мехразин

Преподавание русского языка в Иране начинается с основанием Тегеранского государственного университета в 1934 году.

В настоящее время кафедры русского языка работают в 9 иранских университетах. К наиболее крупным центрам по подготовке русистов в Исламской Республике Иран относятся Тегеранский и Педагогический университеты.

В последние десятилетия русский язык изучается не только в государственных, но и в частных университетах. В Тегеране работают также различные курсы русского языка на платной основе. Количество владеющих русским языком составляет до 4,5 тыс. человек.

В связи с поступательным развитием российско-иранского сотрудничества интерес к изучению русского языка, прежде всего среди представителей деловых кругов Ирана, возрастает.

В последние годы наблюдается увеличение количества иранских студентов, обучающихся в России и странах СНГ. На данный момент их число составляет около 1000 человек.

В целом складывающаяся самым благоприятным образом ситуация с изучением русского языка в Исламской Республике Иран является результатом роста в иранском обществе значимости русского языка в сравнении с другими иностранными языками.

Положительную динамику в преподавании русского языка в Иране можно наблюдать не только в количественном, но и качественном отношении.

На протяжении долгих лет базовым принципом обучения русскому языку оставалось сознательное усвоение знаний в качестве основы для

практического владения языком.

Такой подход к обучению был продиктован несколькими причинами:

1.Отдаленность персидского и русского языков.

2. Отсутствие языковой и культурной среды носителей русского языка.

3. Традиции обучения в иранских образовательных учреждениях.

Сознательный подход находит свое воплощение в грамматико-переводной методике обучения иностранному языку. При реализации данной образовательной стратегии основным аспектом преподавания русского языка является грамматика. Значительная часть учебного времени отводится на переводы. Как результат, студенты приобретают широкие теоретические знания о языке, а на практике сталкиваются с многочисленными трудностями [1].

Современная лингводидактика в качестве основной цели обучения рассматривает формирование у обучаемых коммуникативной компетенции, обеспечивающей успешное практическое владение иностранным языком [2].

Важнейшее направление совершенствования процесса обучения русскому языку иранских студентов – взаимосвязанное изучение языка и культуры. Подтверждением тому является включение в учебную программу кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета таких дисциплин, как «История России » и «Россиеведение».

В то же время даже в ведущем вузе страны вопросам изучения русской литературы уделяется недостаточное внимание.

С целью получения сведений о состоянии преподавания русской литературы в Иране, мы провели анкетирование студентов-русистов Тегеранского университета.

Им было предложено ответить на следующие вопросы:

1. Какое место в вашей жизни занимает чтение художественной литературы? Какие книги вы любите читать?

2. Опишите вашу домашнюю библиотеку. Есть ли там книги русских авторов? Укажите, какие.

3. Книги русских писателей вы берете:

а) в библиотеке университета;

б) в домашней библиотеке;

в) у знакомых;

г) через в интернет;

д) на электронных носителях.

4. Читаете ли вы книги русских писателей, кроме тех, что надо по программе?

а) да, постоянно;

б) да, периодически;

в) нет, это неинтересно;

г) нет времени;

д) другое.

5. Назовите имена знаменитых русских писателей (известные произведения русской литературы).

6. Есть ли у вас любимый русский писатель или произведение? Назовите их.

7. Как, по-вашему, нужно изучать русскую литературу в университете?

а) достаточно того, что есть;

б) нужно больше изучать биографий писателей;

в) нужно больше изучать вопросы истории русской литературы;

г) нужно проводить обсуждение прочитанных самостоятельно книг;

д) необходимо ввести специальный курс на продвинутом этапе обучения;

е) другое.

8. Цель изучения русской литературы в университете?

а) изучение русского языка по произведениям русских писателей;

б) знакомство с психологией, традициями и обычаями русского народа;

в) знакомство с культурой русского народа;

г) подготовка к чтению неадаптированных произведений русской классики;

д) овладение литературоведческой терминологией;

е) изучение систематического курса истории русской литературы.

9.При чтении произведений русских писателей вы:

а) испытываете большие трудности;

б) иногда возникают проблемы;

в) проблем не возникает, все понятно;

г) другое.

10. Книги русских авторов вы читаете:

а) только в адаптированном виде;

б) в сокращении;

в) некоторые в оригинале, большую часть в адаптированном виде;

г) только в оригинале.

К сожалению, даже у студентов ведущего вуза страны знания о русской литературе минимальные. Очевидно противоречие между большим интересом к одной из великих мировых литератур, желанием знать о ней больше и реальным состоянием преподавания.

А ведь художественная литература может стать своеобразным цементирующим началом в создании общих зон междисциплинарного ее использования на стыке русского языка и страноведения.

Практика работы показывает, что никакими лекциями и семинарскими занятиями по отдельным дисциплинам нельзя добиться той эффективности, которая достигается при комплексном междисциплинарном использовании художественной литературы в системе обучения иностранцев русскому языку.

Идея комплексного подхода к общим проблемам педагогики является результатом обобщения богатейшего опыта, накопленного в системе образования.

Объективные связи сближения между лингвистами и литературоведами на современном этапе обучения иностранцев русскому языку требуют разработки общей методики лингволитературоведения, основанной на языковой общности лингвистической науки и художественной литературы как искусства слова. Связь художественной литературы с языком, соотнесенность языка писателя с нормами литературного языка, идейно-нравственная насыщенность художественных текстов – вот базовые компоненты системы координирования, стягивающие работу лингвистов и литературоведов в комплексную сопряженность педагогического процесса.

Текст художественного произведения не только может служить средством повышения мотивации к изучению русского языка, но и, будучи сам по себе фактом русской культуры и образцом русской речи, выступает источником языковых знаний и материалом для повышения навыков рецептивных умений в области чтения как вида речевой деятельности.

Тематика и проблематика художественного текста, идеи, выражаемые его автором, могут глубоко затронуть сознание и душу учащихся, вызвать у них познавательные побуждения и эмоциональные порывы, желание задуматься над прочитанным и выразить свою точку зрения о нем в устной и письменной формах, чтобы поделиться ею с товарищами по группе и сравнить свои суждения с их мнениями. Благодаря этому чтение художественного произведения становится мощным стимулом к порождению собственного устного и письменного высказывания, а, следовательно, к развитию продуктивных видов речевой деятельности, что особенно важно при обучении вне языковой среды.

Широкое использование произведений писателей в процессе обучения русскому языку иранских студентов должно стать одним из основных средств оптимизации обучения.

Литература

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1998.
2. *Баба-Заде Джамиля Голамали*. Традиции и тенденции: язык или язык и культура. [Электрон. ресурс] Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji, No. 44, 2008. Режим доступа: http://journals.ut.ac.ir

УЛАДЗІМІР КРАТКЕВІЧ І УМБЭРТА ЭКА: ПАРАДЫГМА «ДАБРО – ЗЛО»

В. В. Навіцкая

Наяўнасць у творчасці абодвух пісьменнікаў выразнай бінарнай апазіцыі «дабро-зло» падвяргаецца дэканструкцыі як аўтарскім

метафізічна-светапоглядным мысленнем, так і праходзіць крытычную рэ-інтэрпрэтацыю інтэртэкстуальнай свядомасцю чытача. Адбываецца раз'яднанне, пераасэнсаванне дыхатамічнага светаўспрымання, характэрнае для постмадэрнісцкага дыскурсу.

Канкрэтным полем рэпрэзентацыі апазіцыі «дабро-зло» ў Караткевіча з'яўляецца антытэза Хрыста-Братчыка палітычнай (намінальнай) і царкоўнай (фактычнай) уладзе старажытнай Гародні. Здавалася б, перад чытачом – чарговая гісторыя барацьбы дабра со злом, актуалізаваная ў канкрэтных прасторава-часавых і культургістарычных умовах (эпоха позняга Сярэдневякоўя), дзе Братчык тоесны боскім сілам (святлу), а прадстаўнікі ўлады – д'ябальскім (цемры). Якраз уважлівае прачытанне і дае магчымасць разглядзець размыканне і трансфармацыю класічнай бінарнай апазіцыі ў нешта іншае. Сам тэкст прапануе чытачу арыгінальны падыход. Каб абстрагаваць увагу ад фальклорна-міфалагічнай традыцыі і пашырыць інтэрпрэтатыўную сферу, наратар пазбаўляе нас архетыповай базы прачытання. У А. Вераб'я знаходзім: «А з айцоў царквы Уладзімір Караткевіч смяецца і здзекуецца больш, чым з каго. Аўтар выкрывае іх крывадушнасць, хлусню і распусту, іхні паразітычны лад жыцця. У іх і прозвішчы адпаведныя» [1, с. 192]. Аднак іранічны пачатак у рамане «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» выходзіць за межы свайго звыклага існавання. Як і ў раманах У. Эка, ідэальны аўтар Караткевіча прапануе замяніць страх смехам і менавіта ў такім кірунку разглядаць як гістарычныя рэаліі, так і ўласна жыццё. Дадзеная інтэрпрэтацыя дазваляе ўбачыць айцоў царквы не ў якасці бязлітасных катаў, а як «прадукт» сваёй эпохі. «Магло б здацца (бо гэтая іхняя «дзейнасць» была паслядоўнай), што яны ўсё разумеюць, што яны нясцерпна-разумныя чорным сваім розумам, што яны – свядомыя воіны цемры. А яны былі проста людзі свайго саслоўя, якія баранілі сваю ўладу і «веліч», свой мяккі кавалак. Яны былі проста дзеці свайго часу...» [2, с. 23].

Разам з гэтым і фокус характаралагічнай функцыі прозвішчаў Лотр, Басяцкі змяшчаецца, вобразы з унікальна-гратэскных трансфармуюцца ў збіральныя, мазаічныя. Ворагам Братчыка выступаюць у тэксце не канкрэтныя людзі і нават не царкоўная сістэма, а таталітарызм мыслення, або «логацэнтрызм» (Ж. Дэрыда). Дагматызм, характэрны для чалавечай свядомасці, можна назіраць у розных праявах і формах ва ўсіх сацыяльных пластах мастацкай рэальнасці, часам нелагічных, нечаканых. Напрыклад, носьбіты прагрэсіўных ідэй Альбін Крыштофіч і Кашпар Бекеш амаль да самага канца твора застаюцца дагматыкамі, якія бароняць супрацьлеглую афіцыйнай гуманістычную догму. У тэксце пастулюецца па-мастацку зашыфраваная справядлівая для ўсёй чалавечай гісторыі думка, якую амаль праз дзесяць гадоў пасля напісання рамана «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» акрэсліць у рабоце

«Супраць метада» амерыканскі філосаф Пол Фейерабенд: ідэалагізаваная тэорыя, што мае сваіх паслядоўнікаў, сваіх «святароў», імі ж абвяшчаецца сакральнай і тым самым ператвараецца ў рэлігію, з характэрным для апошняй ваяўнічым непрыманнем чагосьці новага, якое не стасуецца з яе асноўнымі канцэпцыямі [5].

Размыканне бінарнай апазіцыі «дабро-зло», нягледзячы на інтэрпрэтатыўную мутацыю і праз яе пазбаўленне лагічнай дамінанты, на гэтым не спыняецца, пераходзячы на ўзровень ідэйна – філасофскі, дзе замест дуалі чытач знаходзіць стракатае, плюральнае, рызаматычнае супрацьстаянне, планам рэалізацыі якога выступае мастацка-эстэтычная палеміка з папярэднімі (класічнай і некласічнай) культурфілософскімі эпохамі.

У рамане У. Эка назіраецца пераход канцэпту «дабро – зло» у плоскасць «ісціна – не ісціна», якая з'яўляецца вызначальнай для постструктуралісцка-дэканструктывісцка-постмадэрнісцкага комплексу. У філасофскім постмадэрнісцкім дыскурсе ісціна «існуе, але як магчымасць яе спасціжэння ў форме не-ісціны (г. зн. няпоўнай, адноснай <...> ісціны)» [4, с. 27]. Па сутнасці, раман «Імя ружы» бачыцца як пошук, спроба спасціжэння чалавекам ісціны і наступнае зліццё ў ягонай свядомасці ісціны і ілюзіі, арганічнае іх узаемапранікненне і, як вынік, – маніфестацыя суб'ектыўнасці, фантомнасці чалавечага светаўспрымання, сумнення ў магчымасці адэкватнай рэпрэзентацыі рэчаіснасці свядомасцю, непрымальнасць дагматызму і сакралізацыі любой тэорыі.

У рамане «Імя ружы» дыхатамію «ісціна – не ісціна» прадстаўляюць дзве канкрэтныя фігуры – сляпы бібліятэкар Хорхе і «сярэдневяковы семіётык» (Ю. Лотман) Вільгельм Баскервільскі. Ідэальны аўтар Эка, аднак, не спяшаецца з элімінацыяй прыведзенай апазіцыі. Ягоная інструктыўная прысутнасць амаль незаўважная за педантычным паведамленнем падрабязнасцей, дэталяў станаўлення персаніфікаванай анталагічнай канфрантацыі. Больш таго, ідэальны аўтар у рамане «Імя ружы», нібы міфалагічны лесавік, блытае чытача, даючы прывідную карту дарогі, якой ніколі не існавала. Скіроўваючы ўвагу на «інтэлектуальны стрыжань рамана – паядынак паміж Вільгельмам і Хорхе» [3], ён займае пазіцыю назіральніка. Сваю інструктыўную ўладу ідэальны аўтар У. Эка актывіруе толькі напрыканцы рамана, калі сэнсаўтваральны канфлікт дасягае сваёй кульмінацыі і выходзіць за межы чалавечага ўспрымання, набываючы трансцэндэнтны характар, актуалізаваны ў дыскурсе хрысціянскай міфалагемай:

« – Ты дьявол, - сказал тогда Вильгельм. – <...> Дьявол – это не победа плоти. Дьявол – это высокомерие духа. <…>

– Ты хуже дьявола, минорит, - сказал тогда Хорхе. – ты шут [6, с. 594–595].

Можа падацца, што інструктыўная дэтэрмінаванасць тэкста пераконвае чытача ў прыналежнасці брата Вільгельма да “светлай сілы” і прагнастычна акрэслівае магчымы фінал рамана. Насамрэч, барацьба заканчваецца парытэтам, здзіўляючы і адначасова расчароўваючы чытача, пакідаючы яго ў рэцэптыўным вакууме. Але такі фінал і з’яўляецца адзіна магчымым.

Як і ў рамане У. Караткевіча, у творы У. Эка непрыманне ваяўнічага дагматызму мае функцыю своеасаблівага ідэйна-філасофскага маркера, які змяшчае палемічна-аналітычнае пераасэнсаванне вопыту папярэдніх эпох. У прапанаваным кантэксце становіцца відавочным, што Хорхе і Вільгельм «увасабляюць дзве розныя арыентацыі культуры» [3]. Сляпы іспанец не столькі нашчадак свайго часу, колькі самаарганізаваная, гіпербалізаваная сутнасць. Пазбаўлены магчымасці пачуццёвага пазнання рэальнасці, Хорхе вымушаны будаваць свой уласны сусвет, што базуецца толькі на памяці, у лабірынтах якой манах заблукаў. І калі Вільгельм Баскервільскі можа быць акрэслены як носьбіт ідэі *хаосмасу*, то Хорхе рэпрэзентуе канцэпт, які мы прапануем абазначыць кантамінаваным тэрмінам *танаксіс* (ад грэч. tanatos – смерць і taxis – парадак), імкненне да стабільнасці, спакою. Але спакой гэты мае фінальную стадыю – вечны. Разам з тым, асноўным інструментам уздзеяння і на персанажаў, і на чытачоў з’яўляецца страх: «Хорхе заражае эсхаталагічнымі спадзяваннямі увесь кляштар. Ён гаворыць аб магутнасці Антыхрыста, які ўжо пакарыў цэлы свет <…>. Гэта пропаведзь нясе страх, аднак яна сама народжаная страхам. Пад уладай страха людзі ператвараюцца ў натоўп, ахоплены атавістічнымі міфамі» [3]. Для ідэалогіі такога кшталту характэрна татальнае непрыманне іншадумства, якое разглядаецца як хвароба, што неадкладна ліквідуецца.

У якасці выйсця ў тэксце рамана прапанавана некалькі магчымых варыянатў, адзін з якіх – барацьба са страхам пры дапамозе смеху, што мае даўнюю міфолага-філасофскую традыцыю. Другі варыянт падаецца парадаксальным: страх можна перамагчы пры дапамозе смерці. Але абодва варыянты маюць агульным устаноўку на блізкае знаёмства з уласнай фобіяй і адрозніваюцца планам рэалізацыі. Прадстаўніком «танаталагічнай» барацьбы з праявамі страху ў творы з’яўляецца ўсё той жа Хорхе. Ён разглядае смерць як выключна чалавечы прывілей і надзяляе сябе няхай і выканаўчай, але ўладай над чужым жыццём і чужой смерцю. Далей Хорхе гаворыць аб сваім назначэнні – абараняць бібліятэку. Сляпы вар’ят бачыць забітых манахаў у якасці неабходных ахвяр у імя трыумфа Царства Боскага. Такое ўспрыманне смерці адрозніваецца гістарычнай абумоўленасцю. І, як лагічнае завяршэнне, - смерць самога Хорхе, які загінуў у ахопленай полымем бібліятэцы.Скажонае светаўспрыманне Хорхе прыводзіць да ўспрымання

сучасным чытачом персанажа як камп'ютэрнага віруса, месцам жыхарства якога з'яўляецца загрузачны сектар – бібліятэка. Калі праводзіць далейшую аналогію са сферы стасункаў чалавека і машыны, то «антывірусам» павінен стаць Вільгельм. Але гэтага не адбываецца. Якраз тут назіраецца відавочны разрыў бінарнай апазіцыі, актуалізаваны ў філасофска-эстэтычным аспекце: калі Хорхе – смерць, то Вільгельм, адпаведна логіцы філасофскай гістарычнай традыцыі, павінен сімвалізаваць нараджэнне, як генетычна звязанае, таму што смерць ёсць не адсутнасць жыцця, а яго завяршэнне. Францысканец паўстае як персаніфікацыя ідэйнай квінтэсэнцыі жыцця, якому ўсё ж даводзіцца сутыкнуцца са смерцю – неад'емнай сваёй часткай.

Такім чынам, падобны спосаб выяўлення парадыгмы «дабро – зло» ў раманах Уладзіміра Караткевіча і Умбэрта Эка, ідэйна-сэнсавым цэнртам мае адрозныя светапоглядныя імператывы. Ядром парадыгмы ў рамане «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» з'яўляецца сістэма чалавечых каштоўнасцей, яе трансфармацыя і ўвасабленне ў разнастайныя аксіялагічныя канфлікты. Раман «Імя ружы» цэнтруе зменену парадыгму ў праксеалагічным кампаненце – у перакананнях і дзеяннях персанажаў.

Літаратура

1. *Верабей А.* Уладзімір Караткевіч: жыццё і творчасць /А.Верабей. – 2-е выд., дапрац. і выпраўл. – Мінск: Беларус. навука, 2005. – 271 с.
2. *Караткевіч У.* Збор твораў: у 8 т. / У.Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1990. – Т. 6: Хрыстос прызямліўся ў Гародні: Раман. – 494 с.
3. *Лотман Ю.* Выход из лабиринта / [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: http://www.philology.ru/literature3/lotman-98.htm /. – Дата доступа: 28.04.2010.
4. *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература: учеб. пособие / И.С.Скоропанова. – 3-е изд., исп. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с.
5. *Фейерабенд Пол.* Против метода. Очерк анархистской теории познания./ [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/feyer01/index.htm /. Дата доступа: 28.04.2010.
6. *Эко Умберто.* Имя розы / пер. с итал. Е.А.Костюкович/ Умберто Эко. – СПб.: Симпозиум, 2002. – 632 с.

РУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И СЛУЧАЙНЫЕ ЧИСЛА

В. В. Порицкий

Витгенштейн в «Коричневой книге» говорит: «Если мы отдаём человеку приказ: *Назови любое число, которое пришло тебе на ум*, – он, в общем, может исполнить его сразу же» [1, с. 151]. Было сочтено возможным положить это наблюдение в основу простого психолингвистического эксперимента.

Когда мы предлагаем собеседнику назвать какое угодно, случайное с его точки зрения число, имеет место опыт по определению ассоциативной нормы, суженный до гипонимов, – как если бы на стимул *животное* просили отреагировать не произвольным словом (таким, как *растение, домашнее, дрессировать*…), а именем конкретного вида животных. Назвать какое угодно число – значит, по-видимому, не составить его из цифр в момент речи, а уже готовым достать из памяти, не очень далеко «заглянув» туда. Несомненно, есть числа, которые находятся в памяти «ближе» и «дальше», или – другая метафора – весят в памяти «тяжелее» и «легче». Вес числа может определяться:

- частотой его наименований в речи, воспринимаемой и порождаемой индивидом (одни числа чаще, а другие реже человек слышит-видит-называет);
- силой впечатлений, связанных с ним у данного индивида (многие считают, что есть числа счастливые и несчастливые для них);
- социально-культурным статусом этого числа, мнением о нём целого языкового коллектива.

Первый и, как представлялось нам, основной из этих трёх аспектов нуждался в конкретизации ввиду того, что респондентами опыта выступали ученики средних и старших классов. В речи, которую воспринимают и порождают школьники, статистически значимую частоту должны иметь названия чисел из следующих рядов:

- актуальные идентификаторы чего-либо: сегодняшняя дата и текущий год, номера параграфов, страницы учебников…;
- актуальные идентификаторы кого-либо: телефонные номера и дни рождения знакомых, номера домов, квартир, паспортов, ICQ…;
- числа в учебном материале: ответы на решённые задачи, свежевыученные исторические даты…;
- числа-оценки: баллы от 0 до 10.

Ожидалось, что школьники будут называть в качестве случайных достаточно малые натуральные числа, в пределах десяти тысяч, и что лишь некоторые из них выйдут за рамки наивно-математического понимания числа вообще как числа натурального и напишут нечто наподобие –18, 5/7, $\sqrt{2}$.

Было опрошено 144 ученика 6…8 классов СШ №123 и 223 ученика 10…11 классов Лицея №2 г. Минска. Это количество респондентов соотносимо с выборками, на которых основаны статьи Русского ассоциативного словаря, где учтено, как правило, 100 либо 500 реакций на каждый стимул. При первичном анализе ответов респондентов выяснилось, что представление о случайном числе у младших и старших подростков резко различается. 6…8-классники преимущественно называли «круглые» числа, которые являются номиналами белорусских денег (80 ответов из 144).

Это объясняется тем, что в школах часто собирают небольшие денежные взносы на различные нужды, проговаривая при этом названия чисел-номиналов. В старших классах не обнаружено данной закономерности: респонденты гораздо чаще отвечали культурно или субкультурно значимым числом, таким, как 7, 13, 666, π.

Правомерно сделать вывод, что существует сильная связь между возрастом человека и «весовым распределением» чисел в его памяти. Быть может, по мере усвоения индивидом каких-то стереотипов и норм в его языковом сознании «набирают вес» числа, которые уже имеют большой вес в сознании всего общества, и ослабляются числа актуальные, сиюминутные.

Интересно, что старшеклассники отвечали нечётными числами значительно чаще, нежели чётными (137 реакций из 223). Объяснение этого факта мы получим, рассмотрев вопрос о том, как соотносятся данные эксперимента с частотами имён числительных в речи. Дальнейшее рассмотрение ведётся на примере чисел от 1 до 10, эталонными реализациями которых признаются соответствующие русские количественные числительные.

В подкорпусе художественных текстов Национального корпуса русского языка числительные первого десятка по убыванию частоты выстраиваются, как показано в табл. 1. Наш опыт в той его части, которая относится к старшеклассникам, дал для чисел первого десятка противоположное частотное распределение (табл. 2). Промежуточное положение занимает статистика поисковых запросов *Google Trends* для русских числительных (табл. 3).

Таблица 1

	$N_{абс}$	$N_{отн}$
один	202242	100%
два	95249	47%
три	45551	23%
пять	22976	11%
четыре	16954	8%
десять	16721	8%
шесть	9451	5%
семь	9329	5%
восемь	6820	3%
девять	4085	2%

Таблица 2

	$N_{абс}$	$N_{отн}$
7	22	100%
8	10	46%
9	7	32%
3	7	32%
1	6	27%
6	6	27%
5	4	18%
10	4	18%
2	1	5%
4	1	5%

Таблица 3

	$N_{отн}$
три	100%
два	96%
один	75%
семь	30%
пять	20%
четыре	14%
шесть	11%
девять	7%
десять	6%
восемь	2%

Это наблюдение показывает, что в экспериментальных условиях в уме носителя языка как бы «переворачиваются» априорные частотные распределения, и он склонен отвечать не самыми частыми (обыкновенными, неинформативными) наименованиями чисел, а, напротив, словами, сравнительно редкими в речи, но богато семантизированными в языке. Возможно, именно стремлением к максимуму информации, к неожиданности объясняется выбор нечётного числа, которое мыслится «менее обычным», чем чётное.

После статьи Л. В. Щербы «О трояком аспекте языковых явлений» [2, с. 24–39] распространился взгляд, согласно которому исследование совокупности записанных фактов речи (говоря по-современному, корпусное исследование) и эксперимент (психолингвистическое исследование) – это равноправные пути описания языковой системы, ведущие к одинаковым результатам. Так, А. Е. Супрун и А. П. Клименко пишут: «Результаты ассоциативных экспериментов отражают связь между наиболее частыми ассоциатами и частотностью слов» [3, с. 21], – и далее прямо говорят о «свойстве ассоциативного эксперимента имитировать количе-

ственную сторону организации словаря».

Главный, как кажется, смысл нашей заметки в том, чтобы показать упрощённую схематичность этой точки зрения и дать к ней контрпример. Возможны, оказывается, случаи, когда употребление некоторой группы лексем в речи и её же ассоциирование в условиях опыта частотно организованы по-разному, с корреляцией, близкой не к 1, а к –1. И причина здесь лежит в прагматике: целеустановки тех, чьи тексты вошли в корпус, и тех, кто участвовал в эксперименте, резко разнятся. У первых употребление числительных отражает (в той или иной мере) количественную организацию мира, а реакции вторых подсвечивают количественную сторону только их сознания, к тому же поставленного в специальные условия.

С описанного опыта мог бы начаться тщательный и глубокий анализ всей наивной математики в её ассоциативном разрезе – анализ связей между наивно-математическими понятиями в уме носителя русского языка.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги: Предварительные материалы к «Философским исследованиям» / Пер. с англ. В. А. Суровцева, В. В. Иткина. Новосибирск, 2008.
2. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
3. *Супрун А. Е., Клименко А. П.* Ассоциативный эксперимент в ряду других методов семантических исследований // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. С. 17–24.

«БЕЛОРУССКИЙ ТЕКСТ» В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ А.А. БЛОКА

Е. И. Путырская

Период пребывания А.А. Блока во время Первой мировой войны (с июня 1916 по март 1917 года) не раз освещался в блоковедении. Сам поэт так говорит об этом этапе в своей жизни: «Что вы называете писать? Пачкать чернилами бумагу? Откуда вы знаете, пишу я или нет? Я и сам это не всегда знаю» [2, с. 208]. Блок многолик в своем творчестве: поэт-символист, драматург, критик. А. Блок многолик и в своих жизнетворческих масках: то «рыцарь-мистик» и «поклонник Прекрасной Дамы», то в «Богемно-шутовской» маске поэта, «пригвожденного» к трактирной стойке. А. Блок на Пинских болотах по его самоопределению - «сейсмограф исторических встрясок России» [3, с. 319].

Война вынудила А.А. Блока служить табельщиком в 13-й инженерно-строительной дружине, расквартированной в прифронтовой полосе белорусского Полесья. Основная деятельность дружины заключалась в сооружении окопов, блиндажей, временных жилищ. Письма и дневниковые записи Блока Пинского периода свидетельствуют о резкой перемене в

мировоззрении поэта. По словам М.А. Бекетовой, военная служба страшно пугала Александру Андреевну, мать А. Блока: «Она боялась и климата Пинских болот, относительно которого её кто-то жестоко напугал, и близости фронта, а главное, Сашиной склонности рисковать с опасностью, идти ей навстречу» [3, с. 11]. Все эти страхи имели основание. В письмах из Пинских болот мы видим уже не утонченного поэта-символиста и представителя петербургской богемы, а А. Блока, в котором медленно умирает поэт. Он сухо сообщает матери, что в его обязанности входит: «поддержание установленного порядка, наблюдение, разбор жалоб и недоразумений между рабочими» [1, с. 249].

В «Письмах к родным» А. Блок называет топосы Пинского Полесья: это белорусские города Пинск и Лунинец, местечки – Парахонск, Камень, Ловга, деревни – Колбы, Селище, Вылазы. Встречаются бытовые и пейзажные зарисовки Полесского края, которым поэт пытается придать музыкально-лирическое звучание, однако суровые обстоятельства изменяют и стиль поэта. В одном из писем он сам отмечает, что «описать все это – выходит похоже на любую газетную корреспонденцию» [2, с. 309]. Каждое письмо отражает внутреннюю перемену в Блоке, его переход от высокой поэтической мистики к установке на эмпирическую образность и поэтический минимализм. Именно в пейзажных эпистолярных фрагментах запечатлена напряженная саморефлексия поэта, в чем он невольно признается: «Природа участвует в происходящем – она необыкновенно ярка и разнообразна: один день – жара, другой день – сильная гроза, потом холодно, потом моросит» [2, с. 308]. Вполне объяснимо, что предметом описаний в эпистолярных текстах поэта-символиста становятся не строительно-оборонительные работы и военные будни, а бабье лето с «прохладными безоблачными днями, паутиной», зимний пейзаж с «глубоким снегом», темная снежная ночь, в которую «встречные деревья и кусты принимаешь за сани, кажется, что они движутся» [2, с. 337]. Используя традиционный символистский образ звезды, Блок замечает, что «Большая Медведица довольно низко над горизонтом, направо – Юпитер», а лунные ночи на Полесье кажутся «олеографическими».

Художественная мысль Блока теперь связана с самопознавательной деятельностью, поэтому и сконцентрирована на образах природы, которые традиционно связаны с внутренним состоянием лирического героя: «Природа удивительна. Сейчас мягкий и довольно глубокий снег и месяц. Остальное все – кинематограф, непрестанное мигание, утомительное разнообразие» [2, с. 322]. В прогулках для Блока кроется единственная возможность уединения, бегства от вынужденного общения, которое угнетает поэта. «Современные люди в большом количестве хороши разве на открытом воздухе, но жить с ними в одном хлеву долгое время бывает тягостно» [2, с. 321]. А. Блок составляет поэтическую карту Пинского

Полесья. К одному из писем к жене А. Блок приложит нарисованную им реальную карту прифронтового района – Парахонска и его околиц. На карте отмечены Гомель и Лунинец с железной дорогой до Пинска, Ловга I и Ловга II, Новый Двор, Погост, Камень, Улька, Куденово, Молодельчицы, Селище, Вылазы, Ясельда, Бобрик. Именно это территориальное пространство охватывает служба А. Блока в белорусском Полесье. Позже к этим топонимическим объектам добавятся еще местечки Колбы, Черново, Парахонск. Линия фронта проходила рядом со станцией Парахонск, но в имении, которое отдаленно напомнило Блоку Шахматово, царит тишина: река Бобрик и ее окрестности привлекательны для купания и конных прогулок. Иногда в письмах встречаются подробности о военных обязанностях, например о том, что необходимо контролировать строительные работы в окрестностях деревень. Мистическим, вырастающим из тумана кажется Блоку город Пинск. Он из пригородных местечек кажется «приподнятый над туманом», а два симметричных храма , белый собор и красный костел , вызывали в культурной памяти сюжет картины Бёклина «Остров мертвых». В одном из писем Л. Менделеевой Блок сравнивает город Пинск с мифическим городом Китежем. Как известно, во время строительных работ на участке «Лемешевичи – Лопатино» Блок поселился в затерянной среди болот деревне Колбы в доме потомков шляхтичей Лемешевских. Быт деревни Колбы, её обитатели находят свое изображение в письмах: «устроились очень уютно – в трех комнатах (в избе) в каждой по три человека. На дворе – стадо гусей, огромная свинья, поросенок» [3, с. 146]. В стихах, написанных ранее на десять лет, уже мелькал мифопоэтический образ затерянной в болотах избушки: «И запомнилось мне,| Что в избе этой низкой| Веял сладкий дурман,| Оттого, что болотная дрёма| За плечами моими текла» [3, с. 112]. Так, образы, воплощенные в стихах, перетекали в реальную жизнь. Блок, как и многие поэты-символисты, был наделен даром предвидения, предчувствия. Он был подвержен частым приступам отчаяния, вызванным разладом мечты с реальностью. Предчувствия, воплощенные в образах-символах, находили свое воплощение в стихах. В сентябрьском письме Блока уже ощутимы тревожные сигналы: «Я озверел, полдня с лошадью по лесам, полям и болотам разъезжаю, почти неумытый; потом дремлем, сидим на завалинке, смотрим на свиней и гусей. Когда это прекратится, все покажется сном» [1, с. 148]. К концу ноября депрессия усугубляется, Блок пишет: «Мама, жить здесь стало гораздо хуже: гораздо больше одиноко, потому что все окружающие ссорятся» [1, с. 148]. В декабрьском письме мотив одиночества звучит яснее: «Очень уж здесь одиноко и многолюдно. Много приходится ругаться» [3, с. 49.]. У склонного к аутизму художника уже не раз звучали поэтические строки: «Как тяжко мертвецу среди людей| Живым и страстным

притворяться!» [3, с. 235]. Январское письмо полно отчаяния: «События окончательно потеряли смысл, а со смыслом – интерес. Может быть, я тоже устал нервно, к тому же немного болен (бронхит и осип так, что говорю шепотом, раскашлял и разругал горло)» [1, с. 152.]. Подобное поэт уже пережил в стихах 1909 года: «Сырой туман ползет с полей,| Сырой туман вползает в грудь| По бархату ночей». Удивительное созвучие настроений, отраженных в письмах с фронта, и мотивов написанных ранее стихов обусловлено символистской эстетикой жизнетворчества, восприятием реальности, как художественного текста.

Образ-символ «болото» доминировал в поэзии петербургских символистов. «Поэзия это дурман, оцепенение», – так анализирует Блок процесс художественного мышления в «болотных» метафорах. «Поэзия – это сладкое болотное зелье, навевающее тяжкую дрему» [3, с. 64], – так определяет поэт свои эпифании. Не случайно символика цвета в ранней поэзии Блока восходит к врубелевским болотным тонам: глубокие сине-зеленые, зеленовато-лиловые – демоническим цветам. Образ Болота попрежнему является центральным в пейзажных зарисовках Пинского периода. Это совсем другое, южное болото, отличное от увиденных ранее северных финских болот. Так, в письме к Л. Менделеевой Блок признается: «Болота совсем не таковы, как их представляешь себе, на разной высоте, не сплошные, частью сухие» [2, с. 408]. Полесье – «глушь», «это болото забыто не только немцами, но и богом». Пинские болота воспринимаются поэтом-символистом как граница миров: уже не Россия, но еще и не Польша. В поэме «Возмездие» А. Блок так скажет о белорусских землях, не называя их белорусскими: «И вот в лучах больной зари |Задворки польские России». Из подтекста следует, что символический Дом-Россия в поэтическом мире Блока повернут фасадной частью на Восток, а российско-польское пограничье – пинские болота, Полесье ассоциируются у поэта с «польскими задворками». В сфере мистического опыта раннего Блока образ Болота символизировал пограничные состояния, возможность падения в бездны бессознательного. Оказавшись в неподвижной тишине белорусских болот, поэт вспоминал свои скитания по болотам в окрестностях Петербурга: «Полюби эту вечность болот| Никогда не иссякнет их мощь| Этот куст без нетления, тощ»; «Мне болотная схима – желанный покой…» – такие мотивы звучали в стихах 1905 года. Они созвучны настроению поэта, запечатленному в письме к Л.Д.Менделеевой из Пинских болот: «Здесь спасение от страстей, от дикой воли, в смирении и покорности» [1, с. 159]. В образную память поэта врезались кадры фронтовой жизни, спустя полгода в Петрограде поэт будто просмотрит эти слайды. Цитируем дневник 1919 года: «По вечерам иногда на меня находят эти грубые, сильные, тяжелые и здоровые воспоминания о дружине – об этих русских людях, о лошадях, попойках,

рабочих, пышной осени, лютой зиме, о белом пароходе, который кристальным утром ползет среди леса, о соснах, о Пинске вдалеке, о могилах, колокольнях, вонючем бараке, о хате Лемешевских, о саперах, о бабах с капустой – все. Хватит!!!» [3, с. 68]. А. Блок на пинских болотах потерял поэтический слух. Русь, взвихренная столбами революционной метели, уже звучит неблагозвучно. Эту какофонию сам поэт называет «музыкой революции»: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию». Таким образом, «белорусский текст», так ярко проявившийся в эпистолярном и мемуарном наследии Александра Блока, на уровне латентной образности отражен в поэме «12».

Литература

1. *Бекетова* М.А. Воспоминания об А.А. Блоке. М., 1990.
2. *Блок* А.А. Письма Александра Блока к родным| с предисл. и примеч. М. А. Бекетовой// Л.,: «ACADEMIA», 1927.
3. *Блок* А. А. Собр. соч. в восьми томах. Том 8.| Письма 1898 – 1921 г.// М.-Л.: Гос. изд. худ. лит., 1963.

ДЭКАНСТРУКЦЫІ «ГАМЛЕТА» У. ШЭКСПІРА Ў ПОЛЬСКАЙ ДРАМАТУРГІІ XX СТ.

М. А. Пушкіна

Сярэдзіна XX стагоддзя прэзентавала грамадскасці сваю рэакцыю на крызіс ідэй мадэрнізму і некласічнай філасофіі, на смерць надасноваў: Бога, аўтара, чалавека – плынь постмадэрнізму, накіраваную на іранічнае ўспрыняцце свету ва ўсёй яго эклектычнасці і хаатычнасці і свабоднае канструяванне светаў падобных.

Ужо ў часы мадэрнізму ў Польшчы пачалося найбольш актыўнае пераасэнсаванне вызначальнай для палякаў рамантычнай эпохі, вызначальных для культуры і літаратуры кодаў, што ў папярэднія эпохі адыгралі асаблівую ролю ў фарміраванні светапогляду. З часам на змену мадэрнісцкім прыёмам прыйшлі постмадэрновыя падыходы і стратэгіі.

Адной з такіх вызначальных для літаратурнага працэсу пазіцый з'яўляецца творчасць У. Шэкспіра (William Shakespeare, 1564 – 1616) і яго трагедыя «Гамлет» («Hamlet», 1601). «Гамлет» – гэта не проста тэкст, які мусіць існаваць у традыцыі літаратуры еўрапейскай краіны, у корпусе яе перакладной літаратуры, гэта культурна-літаратурны код і міф, адзін з найбольш папулярных герояў і сюжэтаў польскай літаратуры, культуры і нават ідэалогіі. Міф Гамлета як увасаблення лёсу і развагаў польскай інтэлігенцыі падаравала палякам XIX ст..

Мэта дадзенага даследавання – выявіць постмадэрновыя прынцыпы і механізмы дэканструкцыі трагедыі У. Шэкспіра «Гамлет» у польскай драматургіі XX ст. на прыкладзе п'ес «Пасля Гамлета» («*Po Hamlecie*»,

1981) Ежы Журка (*Jerzy Żurek, нар.*) [5] і «Фартынбрас спіўся» (*«Fortynbras się upił», 1983*) Януша Главацкага (*Janusz Głowacki, нар. 1938*) [3], вылучыць агульнаеўрапейскія і нацыянальна адметныя складнікі ў рэцэпцыі і дэканструкцыі сусветна вядомага твора.

Прадмет даследавання – мастацкая мадэль названых п'ес, выяўленая ў канцэпцыі героя, асаблівасцях будовы сістэмы персанажаў, спецыфіцы канфлікту і кампазіцыі, жанравых характарыстык у суаднясенні з мадэллю, прапанаванай трагедыяй У. Шэкспіра «Гамлет» і паэтыкай постмадэрнізму.

Мы будзем арыентавацца на дэфініцыю дэканструкцыі, пададзеную І. Ільіным у «Слоўніку постмадэрнізму», згодна з якім дэканструкцыя – «стратэгія і ключавое паняцце аналізу тэксту, сэнс якога заключаецца ў выяўленні ўнутраных супярэчнасцей тэксту, у выкрыцці ў ім схаваных і нязаўважных, як для чытача, так і для аўтара, сэнсаў» [1].

Акрамя манаграфіі кракаўскай даследчыцы Малгажаты Сугеры [4], у польскім літаратуразнаўстве больш няма поўных даследаванняў, прысвечаных паэтыцы постмадэрнізму і дэканструкцыі твораў Шэкспіра на матэрыяле польскай драматургіі, хоць вобраз Гамлета часта разглядаўся як увасабленне тыпова польскага характару, аналізаваўся яго уплыў на польскую палітыку, культуру, грамадазнаўства. На беларускай літаратуразнаўчай прасторы асабліва каштоўнай з'яўляецца дысертацыйная праца В. В. Халіпава «Постмадэрнісцкія дэканструкцыі «Гамлета» Шэкспіра ў драматургіі Тома Стопарда» [2].

Дакладна можна прасачыць накірунак дэканструкцыі шэкспіраўскага тэксту пры супастаўленні сістэмы персанажаў, фабулы, сюжэту і хранатопу.

Ежы Журэк у п'есе «Пасля Гамлета» прадстаўляе нам аналагічную шэкспіраўскаму «Гамлету» лінію падзей, але з гледзішча Нарвежскага каралеўства. У дзеянні п'есы ўдзельнічаюць тыя персанажы, якія па часе не прысутнічаюць на сцэне ў «Гамлеце» У. Шэкспіра, а таксама пэўная колькасць новых дзейных асобаў-прадстаўнікоў двара. Галоўны герой п'есы Е. Журка, гэтаксама як і Я. Главацкага, – Нарвежскі прынц Фартынбрас. Пры чым у абедзвюх п'есах героі, якія павінны былі б рухаць дзеянне, хутчэй імкнуцца функцыі рухальнікаў пазбыцца: герой Я. Главацкага з гэтай прычыны п'е, герой Е. Журка хоча збегчы ў Англію. У п'есе ўзнікаюць пары двайнікоў: разгорнута лінія Фартынбрас – яго сябра Гротэ, намеснік караля Лізон – яго сын Вік, сябры прынца і адначасова шпіёны Франт і Дана. У шырокім сэнсе п'еса Е. Журка – гісторыя станаўлення Фартынбраса-жорсткага ўладара, такога, якім мы яго ведаем з шэкспіраўскай версіі, перадгісторыя, расказаная з імкненнем псіхалагічнага праўдабенства складаных інтрыг пры двары.

Кола дзейных асобаў п’есы «Фартынбрас спіўся» пашырана, каб стварыць вобраз каралеўскага двара Нарвегіі, гратэскавае адлюстраванне Дацкага каралеўства: прынц Нарвежскі Фартынбрас (што з’яўляецца двайніком прынца Гамлета і паводле традыцыйнага літаратуразнаўства, у п’есе Главацкага Фартынбрас абірае ролю алкаголіка, каб выжыць у барацьбе за ўладу), старэйшы брат Фартынбраса Мартынбрас (персанаж з гаворачым іменем), дух бацькі Фартыбраса (супрацьпастаўляецца духу бацькі Гамлета па прынцыпе «сапраўдны – несапраўдны»), міністр унутраных спраў Нарвегіі і яго асістэнт (сапраўдная ўлада ў Нарвегіі), пляменніца міністра (артыстка, юрлівы персанаж-двайнік Афеліі), акрамя таго, у дзеянні непасрэдна ўдзельнічаюць здраднік Палоній і Гамлет, а некаторыя героі трагедыі У. Шэкспіра толькі ўскосна ўзгадваюцца. Прычым пры такіх узгадках актуалізуецца стэрэатыпнасць успрымання вобраза: «Усе ведаюць прынца Гамлета, гэта самы вядомы датчанін у свеце» [3, ст. 356], «Бедны Ёрык бываў у мяне на абедах» [3, ст. 376].

Такім чынам, у абедзвюх п’есах узмоцнена роля другапланавых персанажаў, створаныя пэўныя лініі двайнікоў на ўзор кананічнага тэксту, а некаторыя персанажы ўзяты непасрэдна з трагедыі Шэкспіра.

Нарвегія ў Я. Главацкага выступае як ініцыятар усіх падзей у шэкспіраўскай Данііі: нарвежскі шпіён атрымаў заданне сыграць ролю прывіду бацькі Гамлета. Інфармацыю пра падзеі ў Данііі мы атрымліваем з данясенняў шпіёнаў. Час дзеяння, паводле заўвагі самога Я. Главацкага, супадае з часам дзеяння шэкспіраўскай трагедыі, прасторавы кампанент хранатопу прадстаўлены нарвежскім дваром, праз які ў адной сцэне бачна Эльсінор – «віртуальны малюнак», выкліканы чарадзейскімі сіламі вядзьмаркі. Лакальна дыстанцыянаваныя дзеянні на момант перакрыжоўваюцца, што пацвярджаецца прамымі цытатамі з тэксту Шэкспіра: «Праз момант на задняй сцяне сцэны мы бачым сцэну дуэлі Гамлета з Лаэртам», аднак зменены апошнія словы прынца Дацкага: «Памятай, маім спадкаемцам павінен быць Фартынбрас» [3, ст. 414].

Дзеянне п’есы Ежы Журка «Пасля Гамлета» гэтаксама дыстанцыравана ад дзеяння шэкспіраўскага «Гамлета» і, як і ў п’есе Я. Главацкага, адбываецца ў Нарвегіі, а фінал дзеяння «Пасля Гамлета» лакалізаваны ў Эльсіноры, то бок непасрэдна напрыканцы пятага акту «Гамлета». Часава дзеянне «Пасля Гамлета» амаль дакладна супадае з дзеяннем шэкспіраўскай трагедыі, захопліваючы большы прамежак часу напачатку, да з’яўлення прывіду на вежы Эльсінора. Гэтаксама, як і ў Я. Главацкага, Нарвегія ў п’есе вырашае лёс Данііі. У творы Е. Журка прысутнічаюць алюзійна пабудаваныя сцэны, цытаты, выкарыстаны прыём тэатру ў тэатры (чаго фактычна няма ў Главацкага), шырока ўжываецца прамыя і ўскосныя рэмінісцэнцыі, асабліва ў апошняй сцэне, дзе гучыць польскі пераклад «Гамлета» Ежы Сіта, аднак у святле

папярэдніх падзей актуалізуюцца ўжо іншыя сэнсы гэтых словаў, твор Шэкспіра губляе аб'ектыўнасць, зрабіўшыся адной з магчымых інтэрпрэтацый.

«Фартынбрас спіўся» насычаны прамымі (напрыклад, стэнаграма размовы Гамлета з Гарацыо) і ўскоснымі вольнымі цытатамі з шэкспіраўскага тэксту, прычым часта стылістыка выказванняў зніжана, уведзена шмат элементаў прастамоўя, лаянкі, неалагізмаў. Пры пастуляванні паралельнасці развіцця сюжэтаў, алюзійнай пабудове мізансцэн і характараў, Януш Главацкі надае свайму твору выразны характар абсурднасці, буфанадызацыі і травестацыі, якасна зніжае імідж персанажаў, што бачна ўжо на ўзроўні мовы: героі Я. Главацкага размаўляюць між сабой кароткімі рэплікамі ў прозе. У жанрава-стылістычным плане псіхалагічная «Пасля Гамлета» бліжэйшая да «Гамлета», чым абсурдысцка-фарсавы «Фартынбрас спіўся» Я. Главацкага.

Ключавая тэма абодвух твораў – тэма ўлады (выключна актуальная для тагачаснай Польшчы), змены ўлады і безабароннасці чалавека перад сістэмай. Зварот да вобразу Фартынбраса характэрны для польскай літаратуры другой паловы XX ст., прынц Нарвежскі ўвасобіў вобраз новага часу і новай улады, што прыходзяць на змену стагоддзям удумлівага Гамлета. Але высвятляецца, што новыя ўладары гэтаксама няўпэўненыя ў сваіх сілах, сваім мінулым і будучыні. І таму вобразы Шэкспіра, увасабленне памяці, вяртаюцца ў тэкст твораў. Менавіта зварот да нацыянальна актуальных палітычных і культурных праблемаў у працэсе дэканструкцыі класічнага твора адметна характарызуе польскую драматургію постмадэрнізму.

Падводзячы высновы, можна сказаць, што дэканструкцыя з'яўляецца асноўнай мастацкай стратэгіяй, у розных ступенях выкарыстанай Янушам Главацкім і Ежы Журкам у дачыненні да класічнага тэксту. Абодва аўтары якасна змяняюць лакалізацыю дзеяння, пакідаючы часавыя характарыстыкі такімі самымі, пераствараюць сістэму персанажаў, дастасоўваючы яе да пэўнага кананічна-стэрэатыповага вобразу каралеўскага двара, актуалізуючы сімвалічныя супрацьпастаўленні герояў-двайнікоў. Пры блізкасці завязкі і развязкі да тэксту «Гамлета», выкарыстанні алюзійнага канструявання сцэн і характараў персанажаў, мы бачым прынцыповую дыстанцыянаванасць сюжэтаў. Не пераносячы час дзеяння ў сучаснасць, абодва польскія драматургі з дапамогай пэўнай правакацыі ўводзяць у свае творы элементы гульні з рэцэпцыяй шэкспіраўскага тэксту на працягу яго існавання, ставяць пад сумнеў «надзейнасць» твора Шэкспіра, свабодна карыстаюцца прыёмамі паэтыкі постмадэрнізму, а таксама падымаюць праблемы сучаснай ім Польшчы.

Літаратура

1. *Ильин И. П.* Деконструкция // Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2007.
2. *Халипов В. В.* Постмодернистские деконструкции «Гамлета» Шекспира в драматургии Тома Стоппарда: Автореф. дис. … канд. фил. наук. Мн., 1997.
3. *Głowacki J.* Fortynbras się upił // Pięć i pół. Warszawa, 2007.
4. *Sugiera M.* Wariacje szekspirowskie w powojennnym dramacie europejskim. Kraków, 1997.
5. *Żurek J.* Po Hamlecie. Warszawa, 1997.

ПРЫРОДА ЯК МАСТАЦКАЯ КАТЭГОРЫЯ Ў РАМАНТЫЧНЫХ ТВОРАХ Я. БАРШЧЭЎСКАГА І Э.Т.А. ГОФМАНА

Т. А. Рабаткевіч

Рамантызм – мастацкая мова эпохі, калі стваралі свае творы Я. Баршчэўскі і Э.Т.А. Гофман. Менавіта ў рэчышчы рамантызму найвялікшую каштоўнасць набывае мастацкі пейзаж. Ён прымае на сябе сімвалічную функцыю. Для рамантыкаў прырода – гэта філасофская катэгорыя, а таму ўключае ў сябе не толькі натуральнае, але і штучнае асяроддзе жыцця чалавека.

Паспрабуем прасачыць асаблівасці мастацкага асэнсавання прыроды ў рамантычных творах Э.Т.А. Гофмана і Я. Баршчэўскага, падцвердзіць тыпалагічную сувязь творчасці нямецкага і беларускага пісьменнікаў.

Большасць герояў Гофмана – гараджане але, негледзячы на тое, што асноўныя сюжэтыя падзеі разгортваюцца ў горадзе, урбаністычны пейзаж займае далека не першае месца ў мастацкай прасторы яго твораў. Безумоўна, непаўторную прыгажосць маюць гофманаўскія Берлін, Дрэздэн, Венецыя, іх шматлікія вуліцы, плошчы, паркі,. Але ўнутраны свет так званых «энтузіястаў» галоўных персанажаў Гофмана – раскрываецца менавіта тады, калі яны застаюцца сам-насам з сабой на ўлонні прыроды. Прыродныя пейзажы абуджаюць чуллівасць, узносяць думкі па-над светам. Незаўважна героі-энтузіасты апынаюцца ў фантастычных казачных краінах, пераносяцца ў ідэальны свет. І ў дадзеным выпадку мы не можам з упэўненнасцю сказаць, які свет сапраўдны (свет мараў, ці рэальнасці), бо ў рамантычнай паэтыцы свядомае і падсвядомае, аб'ектыўнае і суб'ектыўнае зліты ў адно.

У тую хвіліну, калі таямніца прыадкрываецца, калі чараўніцтва дазваляе чалавечай свядомасці пранікнуць у сваю сутнасць і пачаць умоўную вандроўку па неіснуючых абшарах, сама прырода пачынае размову з героем. Галасы дрэў, кустоў, крыніц і ручаёў становяцца яе мовай і правадніком у новую рэчаіснасць. Прырода пачынае ажываць, і гэта не метафара: ажывае літаральна. Усё навокал: пахі, адценні колераў, гукі, істоты ўспрымаюцца Ансельмам, Бальтазарам і Фабіянам як праявы звышнатуральнага. Ад Бальтазара мы не аднойчы пачуем штосьці

накшталт: «Я ўцякаю з дому і сузіраю прыроду, і разумею ўсё, што гавораць мне кветкі і ручаі, і мяне агортвае нябеснае шчасце!» [2, с. 19]. Ён заклікае прыслухацца і адчуць «якая нябесная музыка ў пошапце вечаровага ветру, як яна прасякае ўвесь гэты лес» [2, с. 19]. А ў выніку яго назавуць або вар'ятам, або прымуць яго заклік за плён гарачкі.

У Гофмана не знойдзем класічнай персаніфікацыі. Тыя персанажы, што належаць гофманаўскаму двухсвеццю (знаходзяцца на мяжы фантастычнага і рэальнага), адкрываючы свае таямнічыя якасці, ператвараюцца ў прыродныя з'явы, расліны, жывёлы, рэчывы (Саламандр, Лілея, Фосфар і інш). У нейкі момант ужо цяжка зразумець: перад табой жывела, расліна, або сам чараўнік. Гэта таму, што чараўнікі не толькі валодаюць і кіруюць прыродай, яны з'яўляюцца неаддзельнай яе часткай (фея Розабэльвэрдэ, Праспэр Альпанус). Гофман піша пра адну са сваіх гераінь: «Вельмі ясна выяўлялася сваяцтва паненкі Розэншэн з кветкамі, імя якіх яна насіла» [2, с. 3], або «ўзляцела пад столь прыгожым аксамітна-чорным матыльком-антыопам… узвіўся за ёю следам Праспэр Альпанус, узяўшы сабе выгляд дароднага жука-рагача» [2, с. 29]. Прырода набывае міфалагічны сэнс.

У рэальнай часцы двухсвецця пейзаж ужываецца для адлюстравання псіхалагічнага стану персанажаў. Сілы дабра, спачування, спагады прыходзяць у празрыстых, светлых, аксамітных танах, у суправаджэнні лагоднай музыкі і водара невядомага, або незразумелага простаму абывацелю паходжання. Напрыклад: «Па кустоўі пранёсся салодкі подых, і ружы запахлі яшчэ мацней. Прыгожая жанчына з крыламі за спінай зляцела ўніз» [2, с. 26]. Начная ці змрочная, шэрая прыроды, апісанні з'яў стыхійнага характару адпавядаюць адчуванню напружання, неспакою, узбуджанасці. Напрыклад: «Непраглядная ноччу, праз дождж і буру, у шаленстве бег няшчасны Бальтазар дамоў» [2, с. 16]. Або прыклад адлюстравання нежывога пейзажа: «Як шалёны, выскачыў я ў абдымкі чорнай завейнай ночы. Праразныя флюгера на металічных флагштоках роспачна скрыгаталі, нібы сам час голасна рухаў сваю вечную зубчастую перадачу, і здавалася, што праз некалькі імгненняў стары год сарвецца і з глухім гукам кане ў жахлівую бездань» [3, с. 264]. Дэталевае апісанне адценняў колераў, дынамічная змена гукаў і пахаў, – усе гэта непасрэдна ўздзейнічае на пачуцці чытача.

Як і ў Гофмана, надзвычайнае месца займае прырода ў творчасці Баршчэўскага. Ужо ў прадмове да зборніка «Шляхціц Завальня» ён адзначае, што сама прырода Беларусі, яе дзікі і змрочны выгляд, вузкія камяністыя дарогі, дзікія берагі азёраў, паклалі адбітак на фантазіі жыхароў і абумовілі змест і паэтыку народных паданняў. Баршчэўскі піша, што «у многіх з іх згадваюцца гістарычныя выпадкі, іншыя ж – болей плён фантазіі ды меланхалічнага духу, што вызначае жыхара гэтых

дзікіх і лясістых ваколіц; ад прыроды ён здольны да жвавае думкі, уяўленне яго стварае дзіўныя карціны» [1, с. 8]. Аўтар прызнаецца, што таямнічая кніга прыроды адкрывалася яму і вучыла сапраўднай паэзіі, калі блукаў ён у цёмнай пушчы або па бязлюдным беразе возера. Тут варта прыгадаць гофманаўскага Бальтазара, які ў часіну роспачы бег у лес і вучыўся мове прыроды.

Прырода Баршчэўскага заўсёды ўзаемадзейнічае, існуе ў суладдзі з чалавекам. Толькі тыя, хто працуе на зямлі, ведае яе каштоўнасць, могуць ацаніць падарункі і прыгажосць самой маці-прыроды. На думку Я. Баршчэўскага, менавіта у гарадах людзі знайшлі духоўнае спусташэнне, яны згубілі сувязь з натуральным асяроддзем. Толькі з вёскай пісьменнік звязвае захаванне традыцый і надзею на будучыню.

Цікава, што і ў Гофмана і ў Баршчэўскага існуе вобраз ідэальнай краіны. У Гофмана «акружаная высокімі гарамі, гэтая маленькая краіна з яе зялёнымі духмянымі гаямі, квяцістымі лугамі, шумнымі патокамі і гулліва плескатлівымі крыніцамі, была падобна на дзівосны, прыгожы сад, жыхары якога быццам гулялі ў ім дзеля сваёй уцехі, ані не ведаючы пра цяготы жыцця» [2, с. 4]. І падобная яна была на гэты дзіўны сад асабліва таму, «што ў ёй зусім не было гарадоў, а толькі ветлыя вёсачкі ды сям-там самотныя замкі» [2, с. 4].

Здзіўляе блізкае да апісання ідэальнай краіны Гофмана і мроя Баршчэўскага: «Калі хто, будучы ў гэтым краі, узышоў на вяршыню Пачаноўскае гары, і глядзеў на дзікія ваколіцы, што ляжаць навокал, дык бачыў, як азёры тут і там, нібы люстэркі, адбіваюць дзённы прамень, а над іх берагамі дрэмлюць густыя лясы, як дзе-нідзе па схілах чарнеюць бледныя сялянскія хаціны; але не ўбачыш тут нідзе ні гарадскіх муроў, ні вежаў старога замка. Там чалавек забывае пра свет» [1, с. 6], там «шырокія паплавы, усеяныя купамі лазняку, сям-там рэчкі, бегучы здалёк сярод чароту, хаваюцца ў разліве азёрнае вады. Там вясна – рай; самыя розныя птушкі, здаецца збіраюцца з усіх канцоў свету, тысячы розных меладычных, дзікіх і чуллівых галасоў адгукаюцца над вадою па лугах і лясах... Гэтая дзівосная суладнасць і гэты канцэрт прыроды пераносілі мае ўяўленні ў нейкі чарадзейны край» [1, с. 6].

Два вобразы, здавалася б адной краіны, краіны-мары, краіны-утопіі, былі створаны пісьменнікамі розных народаў. Толькі вось ў Гофмана гэта сапраўды мара, ідэальны бок рэальнасці, месца, куды можна збегчы ад недасканаласці свету, прытулак, які ёсць у падсвядомасці кожнага рамантыка. А вось у Я. Баршчэўскага гэты край абсалютна рэальны. І мае ён ўсім нам вядомую назву – Беларусь.

Апавяданні Баршчэўскага разгортваюцца на дзікіх неабсяжных абшарах Віцебшчыны. Шчырая любоў пісьменніка да гэтай няяркай, маркотнай прыгажосці адкрывае перад намі сапраўдныя цуды, якіх не

пабачыш і ў самых экзатычных краінах. Простыя краявіды праламляюцца ў народным светаўспрыманні і прымаюць фантастычнае аблічча. Прырода знаёміць нас са сваімі фантастычнымі насельнікамі: Купалам, Лесавіком, русалкамі, ваўкалакамі, цмокамі; адкрывае цудадзейныя якасці раслін, жывёл і іх уладароў: вужыны цар, лясны бог, папараць-кветка, разрыў-трава, пералёт-трава.

З вышэй пералічаных акалічнасцяў можна зрабіць вынік, што прырода як мастацкая катэгорыя займае значнае месца ў творчасці і Гофмана, і Баршчэўскага. Абодва аўтары даказваюць, што прырода дапамагае чалавеку пазбавіцца ад горадской фальшы і пранікнуць у таямніцу Сусвета.

Абагаўленне прыроды, тонкае яе ўспрыняцце, магчымасць зразумець яе прыгажосць – паказчыкі духоўнасці чалавека. Але для Гофмана вышэйшая праява гэтай духоўнасці – мастацкі талент, а для Баршчэўскага – набожнасць. Дзве асабліва ўзвышаныя сферы чалавечага жыцця – мастацтва і рэлігія – асэнсаваны пісьменнікамі як праявы чалавечай дабрачыннасці. Кожны паслядоўна, упэўнена ідзе сваім шляхам і даказвае сваю правату праз творчасць.

Агульна вядома, што Гофман не толькі быў выдатным музыкай, а лічыў музыку самым дасканалым з мастацтваў. У яго творах часта музычныя прыёмы супастаўляюцца з прыроднымі з'явамі. По словах Крэйслера (можна меркаваць самого Гофмана), мелодыя цурчыць, як срэбраны ручай сярод ззяючых кветак, мудрагелістыя пасажы Бетховена нагадваюць заблытаныя сцежкі фантастычнага парка, дзе пераплятаюцца рэдкія расліны, а пах кветак, які адчувае Ансельм, нагадваюць яму цудоўныя спевы тысяч флейт. У душы Бальтазара ўзнікае боскі гук, народжаны дзівоснай гармоніяй самых запаветных пачаткаў прыроды. А кавалер Глюк кажа нам: «Зірніце на сонца – яно трохгучнасць, з яго сыплюцца акорды як зоркі і ахінаюць вас вогненнымі промнямі» [3, с. 35]. Музыка для Гофмана бясконца ідэальная з'ява, а таму толькі праз вобразы зямной прыроды не магчыма ў поўнай меры адлюстраваць глыбіню прыроды музычнай.

Як шчыры хрысціянін Баршчэўскі ведаў, што прырода – гэта Боскае тварэнне. А знычаць яе трэба шанаваць так як і Бога. Праз прыроду чалавек пазнае свет і прымае Божае вучэнне. Пра сябе Баршчэўскі пісаў: «Любіў чытаць у кнізе прыроды, калі вечаровай парой адкрыецца старонка, на якой мільёнамі зіхоткіх угары зорак напісана Божая Усемагутнасць. На зямлі, пакрытай бязліччу раслін і жывёл, я чытаў аб Міласэрнасці і Волі Творцы» [3, с. 5].

Літаратура

1. *Баршчэўскі* Я. Шляхціц Завльня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Ян Баршчэўскі; уклад., пер. з пол.мовы, паслясл., камент. Міколы Хаўстовіча. – Мінск: Маст. літ., 2009. – 326 с.

2. *Гофман* Э.Т.А. Курдупель Цахес, якога звалі Цынобер / Э.Т.А. Гофман; пер. з ням. мовы В. Сёмухі. – Мінск, інтэрнэт-адрас: http: kamunikat.fontel.net /www /knizhi /pieraklady/ siomucha/hoffman/kurdupel/index.htm.
3. *Гофман* Э. Т. А. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. Фантазии в манере Калло; Принцесса Бландина; Необыкновенные страдания директора театра: Пер. с нем. / Редкол.: А. Ботникова и др.; Сост. А. Ботниковой и А. Карельского; Коммент. Г. Шевченко. – М.: Худож. лит., 1991. – 494 с., ил.

МЕТАЛИТЕРАТУРНОСТЬ В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО (СБОРНИК «ЧАСТЬ РЕЧИ»)

В. А. Синюк

Феномен металитературности необычайно заманчив для современных теоретиков и историков искусства слова. Причина этого интереса, пожалуй, очевидна: «тайны ремесла», механизмы творчества, закономерности и случайности в происхождении прекрасного не могут не волновать пытливые умы тех, кому не безразлична природа литературы и парадоксы эстетического сознания. Полномасштабное, исчерпывающее разрешение указанных проблем, вероятно, под силу лишь таким дисциплинам, как теория (философия) литературы и психология художественного творчества. Металитературность же – это попытка самого творца дать объяснение тому, что и как выходит из-под его пера, в чем смысл и какова судьба его деятельности в мировом культурном контексте. Иными словами, под металитературностью (термин введен в 1970 году У. Гассомом) ученые понимают «повествование о повествовании, художественную литературу о творческом процессе создания и социально-рецепционном бытии литературных произведений, когда сама креативность сознания становится предметом искусства, предметом самопознания и рефлексии» [3, с. 155]. Это явление любопытно не только тем, что призвано посвятить читателя и исследователя в секреты писательской лаборатории, – в нем непременно отражается индивидуальность мастера, его самовосприятие и мироощущение, а это, согласимся, необходимая информация для формирования литературоведческой концепции творчества того или иного автора.

Поэзия Иосифа Бродского – ярчайшего русского поэта второй половины 20 века – является уникальной по степени присущего ей аналитизма и рефлективности. Устремленность за пределы возможностей поэтического искусства в философском объяснении действительности, тяготение к концептуализации, попытки расширить границы образа и приблизить его к понятию, умение «разъять» окружающий мир на детали и нюансы, и в то же время подчеркнуть всеобщую связь вещей – таковы, на мой взгляд, основополагающие свойства творчества Бродского. Аналитизм его поэзии направлен не только на внешнюю реальность, но и во внутренний мир самого по-

эта. В мастерстве образного воспроизведения хорошо знакомых ему эмоциональных состояний (обычно, к слову, передающихся в холодном свете аналитической отстраненности) Бродский достиг небывалых высот. Именно поэтому столь интересным представляется рассмотрение того, как поэт комментирует и оценивает свой творческий поиск.

Стихи, вошедшие в сборник «Часть речи», создавались Бродским с 1972 по 1976 гг., то есть в сложный для него период жизни: эмиграция в США (1972), первые годы которой спровоцировали духовный кризис, с большим трудом преодоленный поэтом. Экзистенциальный вакуум, опустошенность от разрыва с родиной, близкими, родным языком, влекущая за собой ощущение утраты смысла существования – такие настроения преобладают в сборнике. «Все то, что я писал в те времена, // Сводилось неизбежно к многоточью» [1, с. 37], – напишет Бродский в стихотворении «В озерном краю» (1972), передающем состояние невыразимой, лишающей дара речи тоски от одиночества. Эта же тема будет развиваться в стихотворении «Темза в Челси»:

Эти слова мне диктовала
не любовь, и не Муза, но потерявший скорость
звука, пытливый, бесцветный голос;
я отвечал лежа лицом к стене.
«Как ты жил в эти годы?» – «Как буква “г” в “ого”».
«Опиши свои чувства». – «Смущала дороговизна».
«Что ты любишь на свете сильней всего?»
«Реки и улицы – длинные вещи жизни». [1, с. 57]

Обратим внимание на то, как лирический герой – alter ego поэта – описывает источник своего вдохновения – это не традиционные для художника любовь или Муза, но «потерявший скорость звука, пытливый, бесцветный голос», иными словами – предельное отчаяние, граничащее с бессильным равнодушием, и вопреки, и благодаря которому создаются процитированные строки.

В стихотворении «Колыбельная Трескового мыса» (1975) основополагающие черты мировосприятия Бродского и его лирического героя явлены в концентрированном виде. Металитературный комментарий в этом произведении базируется на ощущении поэтом бессмысленности собственных творческих усилий, связанном, вероятно, с уверенностью автора: ни на что, кроме безмолвия и одиночества, он рассчитывать не может:

Я пишу эти строки, стремясь рукой,
их выводящей почти вслепую,
на секунду опередить «на кой»,
с оных готовое губ в любую
минуту слететь и поплыть сквозь ночь,
увеличиваясь и проч. [1, с. 121]

В 1987 г. на церемонии вручения Нобелевской премии Иосиф Бродский высказал одну из самых заветных своих идей: «Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература, и в частности, поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собою, грубо говоря, нашу видовую цель» [2]. Эта мысль не просто воплощена в стихотворениях сборника, – ее фундаментальность в своей эстетической концепции поэт подчеркивает самим названием книги. «Часть речи» – это Слово, оставленное человеком на земле как самое ценное и высокое наследие: «От всего человека вам остается часть // речи. Часть речи вообще. Часть речи» [1, с. 111].

В стихотворении «1972 год» Бродский с предельной ясностью раскрывает смысл и назначение своего творчества:

Слушай, дружина, враги и братие!
Все, что творил я, творил не ради я
славы в эпоху кино и радио,
но ради речи родной, словесности.[1, с. 34]

Как видим, идея, высказанная в этих стихах, вполне созвучна мысли из «Нобелевской лекции».

Мировоззрению Бродского была близка распространенная среди лингвистов структуралистского толка концепция о языке как о «доме бытия», в которой язык наделялся онтологическим статусом и рассматривался как субстанция, оказывающая первостепенное влияние на формирование человеческого взгляд на мир. Человек в этой теории – своего рода «заложник» языковой стихии, вынужденный подчиняться ее законам и быть ведомым ею на пути постижения действительности. Эту идею Бродский распространял в первую очередь на поэта – человека, постоянно находящегося в контакте с законами языка и, более того, в прямой зависимости от них.

Вновь обратимся к Нобелевской лекции: «Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал» [2]. Это рассуждение содержит в себе справедливый с точки зрения психологии художественного творчества тезис о во многом бессознательной, неподотчетной природе искусства. Подобного рода идеи высказывались Бродским и в сборнике «Часть речи». Например, в стихотворении «Бабочка» легкому, непредсказуемому полету насекомого поэт уподобляет процесс создания поэтического произведения:

Так делает перо,
Скользя по глади

Расчерченной тетради,
Не зная про
Судьбу своей строки… [1, с. 39]

Психологическая природа поэзии, как и искусства в целом, позволяет проявляться и «проговариваться» самым потайным и скрытым от непосредственного наблюдения явлениям человеческой души, поэтому Бродский в стихотворении «Декабрь во Флоренции» (1976) утверждает: «Чернила честнее крови» [1, с. 130], воспринимая эту «честность» как «ключ» к самопознанию.

Сказанное убеждает нас в следующем: металитературность является значимой чертой поэтики творчества Бродского (в частности сборника стихов «Часть речи»), раскрывающей читателю специфику творческой индивидуальности поэта, позволяющей глубже изучить драматичный и завораживающий мир его души с царящим в нем беспокойством о судьбе поэтического слова.

Литература

1. *Бродский И. А.* Часть речи: Стихотворения / И.А. Бродский. – СПб., 2004.
2. *Бродский И.* Нобелевская лекция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt
3. *Чупринин С.* Русская литература сегодня: жизнь по понятиям / С. Чупринин. – М., 2007.

ПАМЫЛКІ Ў БЕЛАРУСКІМ МАЎЛЕННІ БІЛІНГВАЎ: ПСІХАЛІНГВІСТЫЧНЫ АСПЕКТ

А. М. Чарнавокая

Псіхалінгвістыка – навука, што існуе на мяжы лінгвістыкі з псіхалогіяй. Складанасці, з якімі сутыкаецца чалавек пры засваенні другой мовы (мовы В) уяўляюць цікавасць для псіхалінгвістаў, бо могуць быць карыснымі для вывучэння кагнітыўных і моўных працэсаў. Падаецца цікавым прааналізаваць з пункта гледжання псіхалінгвістыкі і памылкі ў беларускім маўленні, што з'яўляюцца ў выніку міжмоўнай інтэрферэнцыі.

У лінгвістыцы пад інтэрферэнцыяй разумеюць узаемадзеянне моўных сістэм ва ўмовах двухмоўя, якое складаецца пры моўных кантактах альбо пры індывідуальным засваенні народнай мовы (мовы В) і выяўляецца ў адхіленнях ад нормы і сістэмы другой мовы пад уплывам роднай (мовы А). Двухмоўнага індывіда яшчэ называюць білінгвам, прычым білінгвізм разглядаецца як кантынуум, што ўключае як элементарнае веданне кантактнай мовы, так і поўнае, вольнае валоданне ёю.

Пры карыстанні дзвюма мовамі, паводле У. Вайнрайха, у білінгва можа адбыцца моўны зрух (мова А замяняецца мовай В), пераключэнне (у залежнасці ад абставінаў моўца звяртаецца то да першай, то да другой

мовы) альбо зліццё (аб’яднанне моў А і В у адзіную сістэму) [1, с. 39].

У дадзеным даследаванні ўвага была звернута на сіметрычны аўтаномны білінгвізм (білінгв на аднолькавым узроўні ведае абедзве мовы і пры размове на пэўнай мове выкарыстоўвае моўныя сродкі адпаведнай мовы) – маўленне двухмоўных індывідаў, у якіх роднай мовай з’яўлялася руская, але ў свядомым узросце – з падставы фарміравання светапогляду альбо з-за прафесійнай неабходнасці – адбыўся зварот да беларускай мовы, што мела вынікам моўны зрух альбо пераключэнне. Аб’ектам аналізу сталіся памылкі, зафіксаваныя падчас 2008–2009 навучальнага года, дапушчаныя ў беларускім маўленні студэнтамі і выкладчыкамі філалагічнага факультэта БДУ – асобамі, мова якіх мае быць прыгожай і бездакорнай.

У межах артыкула мы спынімся на аналізе маўленчых памылак, абумоўленых граматычнай і лексічнай інтэрферэнцыяй, і на магчымасці суаднясення іх з некаторымі гіпотэзамі псіхалінгвістаў.

1. У выніку назірання за афатыкамі (людзьмі з парушэннямі моўнай дзейнасці) Т. В. Ахуціна вызначыла наступнае: «Слоўнік арганізаваны ў адпаведнасці з частотнасцю следавання слоў адно за адным. Гэта гіпотэза пацвярджаецца для парадкавага лічэння, пералічэння месяцаў, дзён тыдня і складу ідыём. Пры шэрагу моўных парушэнняў гэтыя паслядоўнасці захоўваюцца і аднаўляюцца цалкам, што сведчыць аб іх сумесным захаванні ў памяці» [2, с. 97].

Пацверджанне сумеснага захавання ў памяці ідыём і фразеалагізмаў – вялікая колькасць выпадкаў ужывання рускамоўных устойлівых спалучэнняў («*бразды праўленія*» замест «*стырно ўлады*», «*чэснае слова*» замест «*слова гонару*», «*бясіцца з жыру*» замест «*шалець з раскошы*»). Часта ўстойлівае спалучэнне перакладаецца часткова (*«весці сябе годна», «паглядзець са стараны» , «праблема паправімая»*).

2. Яскравым сведчаннем таго, што роднай мовай білінгва з’яўляецца руская, ёсць сталае ўжыванне ў беларускім маўленні рускамоўных часціц (*«да», «вот», «іменна»*), злучнікаў (*«то есць», «как бы», «каторы»*), некаторых знамянальных часцін мовы (*«знаеце», «харошы»*). Верагодна, гэта адбываецца несвядома і аўтаматычна: большая частка гэтых слоў (*«да», «вот», «то есць», «как бы», «знаеце»*) робяцца г. зв. «словамі-паразітамі» і «пакрываюць» у маўленні білінгва «паўзы хезітацыі» [5, с. 250], што маюць месца ў кожным сказе і патрэбныя для планавання наступнай часткі выказвання. У час планавання выказвання моўца больш заклапочаны прадумваннем далейшай фразы, чым тым, якія словы ўжываюцца ім дзеля злітнасці маўлення. Вынікам памяншэння самакантролю робіцца неадкладнае з’яўленне русізмаў. Магчыма, білінгву складана замест слова *«да»* – аднаго з першых, засвоеных у дзяцінстве – ужываць інтанацыйна іншае (закрыты склад) слова *«так»*. Больш насцярожвае

тое, што для некаторых білінгваў відавочныя русізмы (тыя самыя *«знае це», «харошы»*) свядома робяцца характэрнымі слоўцамі, якія нібыта дадаюць іх маўленню індывідуальнасці і адмысловасці…

3. Аналіз зафіксаваных памылак паказвае, што ў маўлені білінгваў, якія на высокім узроўні валодаюць беларускай мовай, часта трапляюцца рускамоўныя словы, што належаць да абстрактнай, кніжнай лексікі і маюць значэнне адцягненых паняццяў *(«жаласць», «самаісцязанія», «нявіннасць»*), псіхічных якасцей *(«страптывы», «запальчывы», «паблажлівы»*), дзеясловаў дзейнасці *(«абагатвараць», «дабівацца», «прымяняць»*). Падставай для гэтага можна лічыць уплыў мастацкай ці навуковай літаратуры і цяжкасці з хуткім падборам эквівалентнага слова ў беларускай мове, якія паўстаюць з-за недастатковага лексічнага запасу альбо самазагыбленасці і стомы моўцы. Разам з тым, у большасці выпадкаў ужыванне русізмаў можна патлумачыць асаблівасцямі формы альбо значэння эквівалентных слоў.

Праблемным з'яўляецца суаднясенне слоў з рознай этымалогіяй. Так, у беларускім маўленні білінгваў былі ўжыты русізмы з наступных эквівалентных пар: *«лицемер»* («От *lice и *-me□nъ (см. ме́на), т. е. "меняющий лица, двуличный"» [3, с. 506]) і *«крывадушнік»* (*«*крывіць душой»); *«кукушка»* (ад гукаперайманння *«*куковать») і *«зязюля»* («ад ст-рус. зегула, праформа *gheghug» [6, с. 356]), *«любитель»* і *«аматар»* (*«*польск. amator ад лацінск. amator» [6, с. 109]). Безумоўна, падчас маўлення моўца не вызначае этымалогію слоў, проста корань рускамоўнай лексемы, якая прыходзіць на думку першай, не выклікае асацыяцыі з коранем беларускамоўнага адпаведніка. Частотным з'яўляецца ўжыванне русізмаў і ў выпадках, калі словы эквівалентных пар утвораны паводле розных словаўтваральных мадэляў (*«блюсціцель»* замест *«ахоўнік», «даглядальнік»*; *«невясомасць»* замест *«бязважкасць»*; *«прымесь»* замест *«дамешак»*).

Пры спантанным маўленні не аднойчы паўстаюць праблемы з перакладам тых рускамоўных назоўнікаў, прыметнікаў і прыслоўяў, якія маюць у беларускай мове вектарную адпаведнасць (выпадак частковай лакуны: больш агульнаму па значэнні слову рускай мовы адпавядаюць некалькі больш канкрэтных слоў беларускай мовы). Прыклады вектарнай адпаведнасці: рускамоўная лексема *«грязный»* перакладаецца як *«брудны»* і *«гразкі»* (пра вуліцу), слова *«жалость»* – як *«жаль»* і *«літасць», «скользкий»* – як *«коўзкі»* і *«слізкі»*.

Праўда, білінгв, які ўвесь час *«*пераключаецца» з адной роднаснай мовы на другую, наўрад ці перакладае (перакадзіруе) словы ці фразы. Пры падабенстве моў у «аператыўнай памяці», верагодна, месцяцца лексемы абедзвюх моў, моўца ж імкнецца выкарыстоўваць словы толькі той мовы, на якой у дадзены момант размаўляе, і падбіраць найбольш дакладныя адпаведнікі словам іншай мовы, калі тыя першымі «прыходзяць у галаву». Калі ж з'яўляюцца праблемы з хуткім выбарам адпаведніка, білінгв бянтэжыцца і

робіць памылку альбо прапускае слова. Тое, што «пераключэнне» роднасных моў ускладняе селекцыю, можа мець вынікам дыскамфорт моўцы.

4. Маўленне білінгваў пацвярджае і наступную гіпотэзу Т. В. Ахуцінай: «Памяць на словы існуе як карцінная галерэя ўяўных вобразаў, кожны з якіх асацыіруецца са словам» [2, с. 98]. Яшчэ З. Фрэйд, аналізуючы выпадкі забывання слоў, заўважаў: «Імя, што знікла з маёй памяці, закранула ўва мне “асабісты комплекс”. Суаднесенасць гэтага імя з маёй асобай можа быць нечаканай, часцяком з’яўляецца праз паверхневую асацыяцыю (двухсэнсоўнае слова, сугучча)… » [4, с. 207]. Памылкова ўжытае слова (слова не той мовы, якой у дадзены момант карыстаецца білінгв) таксама можа тлумачыцца асабістымі асацыяцыямі моўцы. Прыклад гэтага – памылкова ўжытыя словы, якія выклікаюць яскравую эмацыйную рэакцыю (*«арбуз»* замест *«кавун», «радуга»* замест *«вясёлка», «бабушка»* замест *«бабуля»*).

Але больш цікавым з’яўляецца ўжыванне беларускіх слоў у маўленні пераважна рускамоўных асоб – гэтыя выпадкі тлумачацца альбо «асабістымі комплексамі», альбо патрэбай у стылістычнай ці экспрэсіўнай маркіроўцы. Так, словы *«грошы», «боты», «трэба», «трохі»* часам ужываюцца з адценнем грэблівасці, словы ж накшталт *«лашчыць», «кутасік», «птушаня»* верагодна падаюцца моўцы больш выразнымі, мілагучнымі, чым іх рускамоўныя адпаведнікі. Падставай ужывання беларускамоўнага слова можа быць яго матываванасць (*«вяршкі», «без акалічнасцей», «да пабачэння»*), гукавая форма (звонкае *«абурэнне»*, шыпячае *«шкода»*), адрозненне ў наборы сем.

Безумоўна, маўленчыя памылкі – з’ява адмоўная, але непазбежная для білінгва. Немагчымасць хутка і дакладна падабраць адпаведныя словы на патрэбнай мове ўскладняе працэс камунікацыі, бо мае вынікам няўпэўненасць, разгубленасць моўцы. Разам з тым, маўленчыя памылкі падаюцца ўдзячным матэрыялам для навуковага аналізу, бо зробленыя высновы могуць быць цікавымі не толькі для псіхалінгвістаў, але і для выкладчыкаў беларускай мовы, для тых білінгваў, што імкнуцца ўдасканаліць сваё маўленне.

Литература

1. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. 1972. № 6. С. 25–60.
2. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Лексическая система языка. Воронеж, 1984.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. М., 1964. Т. 2: Е – Муж. 1964.
4. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Минск, 1999.
5. *Эйчысан Дж.* Гаваркія істоты / Пер. з англ. Дз. Багушэвіча, Л. Рускевіч. Мінск, 1995.
6. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / АН БССР Інстытут мовазнаўства ім. Я. Коласа. Мінск, 1978. Т. 1: А – Б. 1978; Т. 3: Г – І. 1978

ДА ПЫТАННЯ АБ ФАНЕТЫЧНЫМ І МАРФАЛАГІЧНЫМ ВАР'ІРАВАННІ Ў ВУСНЫМ ГАРАДСКІМ МАЎЛЕННІ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ЗАПІСАЎ У Г. П. ХОЦІМСК)

Н. В. Яненка

Гэты артыкул з'яўляецца працягам нашай ранейшай публікацыі [1].

Аналізуюцца запісы вуснага маўлення жыхароў г.п. Хоцімск Магілёўскай вобласці (усяго больш за 30 тысяч словаформаў). Удзельнікі праекта – члены адной сям'і і іх блізкія сябры. Усе дыялогі запісваліся дома – гэта бытавыя размовы ў сям'і.

Аналізуемыя запісы – гэта гарадское маўленне на субстраце хоцімскіх гаворак, у якім яўна суіснуюць рускія і беларускія рысы. Трэба адзначыць прынятае намі правіла: інфарманты гавораць на адной «мове», поўных пераключэнняў з мовы на мову тут няма. На дадзеным этапе даследавання мы не ставім задачы вызначыць рускае або беларускае паходжанне кожнай формы, і азначэнні «рускі» або «беларускі» выкарыстоўваюцца ўмоўна. Асаблівую ўвагу мы засяродзім на стылістычным вар'іраванні асобных фанетычных і марфалагічных формаў і прывядзём некаторыя лічбы, якія ілюструюць характар ужывання таго ці іншага варыянта рознымі інфармантамі.

1. ФАНЕТЫЧНАЯ ВАРЫЯНТНАСЦЬ (ФРЫКАТЫЎНЫ [Г] // ВЫБУХНЫ [Ґ])

Выбар інфармантамі выбухнога [ґ] або фрыкатыўнага [г] мае, праўдападобна, стылістычны характар. Ва ўсім нашым корпусе сустракаецца толькі 5 выпадкаў ужывання выбухнога [ґ], у той час як фрыкатыўны [г] сустракаецца 1729 разоў. На нашу думку, такая вялікая розніца ў лічбах можа быць растлумачана тым, што абсалютная большасць дыялогаў, адлюстраваных у корпусе, перадае звычайныя, бытавыя размовы блізкіх людзей.

Малая колькасць выпадкаў ужывання выбухнога [ґ] дазваляе растлумачыць кожны з іх.

(1) ***Йоґу́рт!*** (43: 10; N)[1]

У звычайнай бытавой размове інфармант ужыў слова з выбухным [ґ] для экспрэсіі, бо гэтая форма здалася яму цікавейшай за форму з фрыкатыўным [г]. Акрамя фанетычнай, у дадзеным прыкладзе назіраецца акцэнтная варыянтнасць.

(2) *Пайе́таму так'і́йе* ***п'іра́ґі.*** (52: 117; L)

[1] Тут і далей пасля ілюстрацый першая лічба абазначае нумар дыялога ў нашым матэрыяле, другая – нумар выказвання, літара абазначае шыфр канкрэтнага інфарманта.

Гаворка ў выказваннях, якія ў дыялогу папярэднічалі гэтай фразе, ішла аб правядзенні работ па паклейцы шпалерамі кухні, пра неабходную для гэтага колькасць матэрыялу. Дадзенае выказванне завяршае гэтую тэму, і далей адбываецца пераход размовы да іншай тэмы. Трэба звярнуць увагу на фанетычнае афармленне слова *поэтому*. Выкарыстоўваючы варыят з *йе*, інфармант гуляе са словам. Верагодна, гэты варыянт ужыты для экспрэсіі, ён больш «цікавы». Магчыма, усё выказванне трэба разглядаць як жаданне інфарманта выклікаць забаўляльны эфект, зрабіць размову больш разнастайнай з дапамогай фанетычных сродкаў.

(3) *Йа гавар'у , ма́ма* ***дараɣа́йя!*** (59: 42; L)

Гэтае выказванне – рэакцыя на паведамленне пра нечакана вялікі кошт парфумы, якую хацеў купіць інфармант. З дапамогай варыянта з выбухным [г] асоба перадае здзіўленне.

(4) *Н'і* ***ф'іɣа́*** *с'іб'е́!* (76: 90; N)

Інфармант N, якому належыць выказванне, здзівіўся таму, што ў яе з суразмоўцам быў адзін і той жа настаўнік, нягледзячы на тое, што ўдзельнікі размовы закончылі ў розны час. Акрамя таго, характар самога выказвання спецыфічны, экспрэсіўны, і ўжыта яно ў сітуацыі размовы двух інфармантаў з не вельмі вялікай розніцай ва ўзросце.

(5) *А* ***ɣдзе-та*** *тыс'ічу шыссо́т стран'іц.* (78: 157; N)

Інфармант распавядае пра тое, што студэнты філалагічнага факультэта чытаюць тоўстыя кнігі. Выбухны [г] ужыты, магчыма, для таго, каб ужо ў пачатку выказвання «падрыхтаваць» суразмоўцу да нечаканай інфармацыі, якая павінна здзівіць.

2. ФАНЕТЫЧНАЯ ВАРЫЯНТНАСЦЬ (ЦВЁРДЫ [Ч] // МЯККІ [Ч'])

З 1990 ужытых варыянтаў **ч** у нашым корпусе 1821 раз быў ужыты цвёрды [ч] і толькі 169 разоў мяккі [ч']. Выкарыстанне мяккага [ч'] характэрна для сітуацый, якія маюць пэўную стылістычную афарбоўку. Так, мяккі [ч'] ужываюць інфарманты пад уплывам афіцыйнай тэмы размовы, у сітуацыях, якія маюць крыху ўрачысты характар, для перадачы розных адценняў экспрэсіі, пры цытаванні слоў іншага чалавека, жаданні перадаць характар яго маўлення і ў некаторых іншых.

Цікавая з пункта гледжання маўленчых паводзінаў інфармантаў размова дзвюх жанчын 1966 года нараджэння, адна з якіх – настаўніца пачатковых класаў, другая – медсястра (інфарманты А і К). Размову можна падзяліць на дзве часткі згодна з тэмай, якая дамінавала ў кожнай з іх. Так, у першай частцы інфарманты разглядалі фотаальбомы і ўспаміналі знаёмых, якіх бачылі на здымках. У другой частцы гаворка ішла пра адпачынак аднаго з інфармантаў на Чорным моры. Цікава, што нават у досыць спецыфічнай сітуацыі, калі размаўлялі пра даволі

«экзатычную» сітуацыю знаходжання на моры, моўцы не выкарыстоўвалі мяккага [ч’]. Але казаць пра аднолькавыя маўленчыя паводзіны інфарманта К у дзвюх частках гэтага дыялогу нельга: адсутнасць у яго маўленні мяккага [ч’] падчас размовы пра мора кампенсуецца перавагай рускіх варыянтаў некаторых формаў. Так, напрыклад, суадносіны беларускіх – мясцовых – рускіх варыянтаў займенніка *які* і яго формаў (*якей, ікей, какой*), займеннікавага прыслоўя *як (як, как)* у размове пра фота адпаведна 9: 9: 12, у той час, як у размове пра мора – 6: 5: 15. Да ўмоўна «беларускага» адносім варыянт *якей*, у корані якога назіраецца ўплыў беларускай літаратурнай мовы. Суадносіны варыянтаў з мяккім [ц’] – цвёрдым [т] у канчатку формы 3-й ас. адз. і мн. л. дзеясловаў цяперашняга і будучага простага часу *(ідзець – идет, пайдуць - пойдут)* адпаведна 12: 5 і 7: 14.

3. КАНЧАТАК РОДНАГА СКЛОНУ АДЗ. Л. ПРЫМЕТНІКАЎ, ЗАЙМЕННІКАВЫХ ПРЫМЕТНІКАЎ (*ЯКОГА, ТАКОГА*) І ПАРАДКАВЫХ ЛІЧЭБНІКАЎ М. Р. І Н. Р.

Разглядаюцца канчаткі пасля цвёрдай і мяккай асноў.

Са 161 выпадку выкарыстання дадзенай формы варыянт з канчаткам *-ога, -ага, -яга* ўжыты 81 раз, з *-ова, -ава, -ева* – 80.

Цікавая размова інфарманта А з калегай пра рэферат, які інфарманту А трэба напісаць для курсаў павышэння кваліфікацыі. У суседніх выказваннях тут ужыты розныя варыянты:

Р’іф’ірáт на двáццыц’ п’ац’ – тр’іццыц’ стран’íц ***ручнóва*** *ц’éкста.* (53: 61; А)

Íлі дз’éс’іц’ – п’ітнáццыц’ ***п’ічáтнага.*** (53: 62; А)

Пóмн’іш? (53: 63; А)

Магчыма, варыянтнасць абумоўлена рознай ацэнкай рэспандэнтам інфармацыі ў двух выказваннях: абодва выказванні з’яўляюцца, напэўна, цытатай з афіцыйнага дакумента (патрабаванні да тых, хто едзе на курсы), але выказванне 62 змяшчае інфармацыю, не вельмі «прыемную» для асобы А, праз адсутнасць камп’ютэра, на якім можна было б набраць тэкст. Таму гэтая інфармацыя (ў выказванні 62) становіцца дадатковай, страчвае абавязковы (а значыць – афіцыйны) характар, і моўца выбірае варыянт з *-ага*. Заўважым, што ў дадзеным выпадку магчымы і іншыя інтэрпрэтацыі.

Трэба адзначыць, што сярод марфалагічных адзінак, якія ўжываюцца ў дадзенай форме, вылучаецца займеннікавы прыметнік *якога*. Выбар таго ці іншага варыянта канчатку тут можа быць «прадыктаваны» коранем прыметніка. Так, варыянт з коранем *як-* можа патрабаваць канчатку *-ога*, варыянт з коранем *как-* - канчатку *-ова*. Мы праверылі дадзеную гіпотэзу, і аказалася, што, сапраўды, з канчаткам *-ова*

ўжываюцца формы з коранем *как-* (*какова*), а з канчаткам *-ога* – з коранем *як-* (*якога*) і *ік-* (мясцовая форма *ікога*). Але, акрамя гэтага, сустракаецца адзін выпадак ужывання інфармантам М (мужчына 55 гадоў, муляр) варыянта *какога*:

*Ты с **како́га** го́да?* (62: 99; М)

Акрамя названых, мы прааналізавалі асаблівасці выкарыстання варыянтаў наступных формаў: займенніка**вы**я прыметнік і прыслоўе, злучнік, часціца (размеркаванне варыянтаў у залежнасці ад характару пачатковага зычнага ў корані – *якая* /мясцовы варыянт *ікая* / *какая*), канчатак дзеяслова трэцяй асобы адз. і мн. л. цяперашняга і будучага простага часу (цвёрды / мяккі зычны ў канчатку: *идет / ідзець*), суфікс дзеясловаў прошлага часу адз. л. м. р. (*-ў / -л*), постфікс дзеясловаў прошлага часу ж. р. і н. р. адз. л., прошлага часу мн. л. *(-ся / -сь*).

Наша даследаванне дае магчымасць гаварыць пра ўплыў стылістычных фактараў на выбар інфармантам таго ці іншага варыянта формы. У прыватнасці, перавага рускіх варыянтаў назіраецца ў выпадках афіцыйнай тэмы размовы, урачыстай сітуацыі, досыць высокага статусу адрасата, жадання інфарманта перадаць цікавы характар інфармацыі, выказаць добрыя адносіны да таго, пра каго распавядае, і іншых. Наш матэрыял патрабуе далейшага аналізу.

Літаратура

1. *Запрудскі С. М., Яненка Н. В.* Варыянтнасць у вусным гарадскім маўленні: унутранае і сацыяльнае вар’іраванне (на матэрыяле запісаў у гарадскім пасёлку Хоцімск) // Беларускае слова: гісторыя і сучаснасць: Зб. арт. па матэрыялах навук. чытанняў, прысвеч. памяці праф. А. І. Жураўскага (27 кастрычніка 2009 г., г. Мінск) / Пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча. Мінск, 2010. С. 63–66.

ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК МЕХАНИЗМ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ВУЗА

О. В. Басова

Принципиальное изменение отношения общества к качеству образовательного процесса, переосмысление его социокультурных функций определили и стратегию современного образования, которое ориентировано на осознание возможностей соединения человечного и человеческого. «Гуманизация образования» в широком смысле означает создание в обществе гуманной системы образования, соответствующей гуманистическим идеалам (прежде всего личностной свободе, социальной справедливости и человеческому достоинству) [1, с. 74].

В рамках гуманистической педагогики и психологии подчеркивается необходимость предоставления человеку определенной свободы и независимости, которые являются важнейшими условиями для самоактуализации личности; отмечается, что индивид должен сам строить жизненный путь, приобретая при этом способность понимать и принимать других людей и самого себя. Исходя из этого, можно сделать вывод, что педагогика должна быть ориентирована не столько на передачу молодежи общественно-исторического опыта, сколько на создание условий личностного роста и развития, а это, в свою очередь, и будет являться одной из главных задач гуманизации образования в широком смысле. В педагогической науке понятие «гуманизация образования» означает распространение идей гуманизма на содержание, формы и методы обучения; обеспечение образовательным процессом свободного и всестороннего развития личности, ее деятельного участия в жизни общества. Гуманизация образования – это поворот к «человеку»: студенту и преподавателю. Смысл этого поворота состоит в учете в деятельности образовательной системы интересов личности и общества. Цель образования – развитие личности, а не знания, умения, навыки сами по себе. Эти установки являются исходными при рассмотрении гуманизации как ведущего направления реконструкции всей образовательной сферы, которая началась, а Беларуси в середине 90-х. Гуманизация образования – пусть не всегда однозначно, определенно, всеми понимаемая реальность современного образования. Отрадно и то, что педагогическая общественность республики соотносит свои шаги по этому пути с прогрессивными идеями мирового сообщества.

Сущность гуманизации образования определяется как установка всей педагогической системы на развитие у студента главной способности человека – способности превращать себя, свои знания, умения, свои чувства и волю

в активную силу, изменяющую обстоятельства жизни людей соответственно их идеалам и целям. Идеи гуманизма были и остаются актуальными. Можно сделать вывод, что истинное образование – это самоформирование человека, где главная роль принадлежит самому человеку, только тогда образование будет соответствовать своему названию и человеческой сути. А это возможно только в том случае, когда оно будет выполнять функции гуманизации личности, где результатом должна быть личность не только социально акцентируемая, но и творчески индивидуальная.

К гуманистическим аспектам системы образования мы относим: создание творческой атмосферы в обучении специалиста, обеспечение возможностей общекультурного развития студентов, материальные аспекты студенческой жизни, организацию досуга студентов. Отсутствие успеха в гуманизации образования зачастую объясняется распространенностью сциентистских и материалистических представлений в обществе и в образовании, исключающих общечеловеческое и метафизическое понимание сущности ноумена «человечность»[2, с. 80]. Очевидно, что человечность изначально присуща каждому человеку, но скрыта под слоем психологических защит. Можно выделить два пути гуманизации человека: самопознание и диалог. Гуманизация образования зависит от распространения сферы диалогического образования. Одним из возможных путей решения этих проблем непосредственно в вузе, на наш взгляд, является реализация личностно ориентированного подхода к подготовке специалистов на основе внедрения в образовательный процесс образовательных технологий.

Личностно ориентированные технологии ставят в центр образовательного процесса личность студента, обеспечение комфортных условий ее развития, реализацию ее природных потенциалов[3, с. 14]. Личность студента в этой технологии является приоритетной; она является целью образовательной системы, а не средством достижения какой-либо отвлеченной цели. Личностно ориентированные технологии характеризуются антропоцентричностью, гуманистической и психотерапевтической направленностью и имеют целью разностороннее, свободное и творческое развитие субъекта познания. В рамках личностно ориентированных технологий самостоятельными направлениями выделяются: личностно ориентированные технологии, технологии сотрудничества, свободного воспитания, эзотерические технологии. Личностно ориентированные технологии «исповедуют» идеи уважения и любви к студентам, оптимистическую веру в их творческие силы, отвергая принуждение. К ним относятся, например, индивидуализация и дифференциация обучения. Технологии сотрудничества реализуют демократизм, равенство, партнерство в субъект-субъектных отношениях преподавателя и студента, которые совместно вырабатывают цели, дают оценки, находясь в состоянии сотрудничества, сотворчества. Среди таких технологий в первую очередь следует отметить коллективные способы обучения (А.Г.Ривин,

В.К.Дьяченко). Технологии свободного воспитания делают акцент на предоставлении студенту свободы выбора и самостоятельности. Эти технологии достаточно свободно вписываются в традиционную систему, но при условии, что преподаватель изменит сам подход к процессу обучения; осознает, что студент является центральной фигурой; деятельность познания является главной; самостоятельное приобретение и, особенно, применение полученных знаний становится приоритетными, а не усвоение и воспроизведение готовых знаний; совместные размышления, дискуссии, исследования имеют значение для развития личности; уважение к личности должно проявляться в процессе общения со студентами в любых ситуациях.

Резюмируя выше сказанное, можно сделать вывод, что гуманизация образования является одной из актуальных проблем реконструкции образовательной сферы. В современных условиях объективно начинают меняться не только требования к личности преподавателя, но и условия организации образовательного процесса[5, с.10]. Исходное направление изменений задается прежде всего гуманистической философией образования, которая реализуется с помощью новых разнообразных стратегий и технологий, ориентированных на развитие творческих интересов и способностей каждого студента, формирование профессиональных умений и навыков, повышение общей культуры.

Литература

1. *Плескевич Н. М.* Гуманизация образования / Н.М.Плискевич // Общественные науки и современность. – 1992. №2. – с. 74-80
2. *Гомбоева Л. В.* Гуманизация образования: от «недочеловеченности» к «человечности» / Л.В.Гомбоева // Философия образования. – 2009. №1. с.79-85
3. *Бондаревская Е. В.* Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования / Е.В.Бондаревская // Педагогика. – 1997. № 4. – с. 11-17
4. *Берулава М. Н.* Состояние и перспективы гуманизации образования / М.Н. Берулава // Педагогика. – 1996. № 1. с.9-11

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ШКОЛЬНИКОВ

Т. И. Белая

Одной из основных целей, стоящих перед педагогом на современном этапе развития школьного математического образования, является формирование модели выпускника, владеющего не только определенной системой математических знаний, умений и навыков, но и обладающего способностью к решению разнообразных социально значимых задач.

Однако, как отмечают отечественные и российские педагоги Н.И.Запрудский, И.А.Зимняя, Г.С.Ковалева, современная школа недоста-

точно обеспечивает развитие социально-личностных компетенций учащихся, востребованных современным обществом. Это связано с тем, что учащиеся мало вовлечены в социально-учебную деятельность, не проявляют в должной степени познавательного интереса к предмету.

В отношении изучения математики основными причинами низкой учебной мотивации школьников являются:

- несоответствие содержания учебного материала по математике требованиям современного информационно насыщенного общества по получению социально эффективных результатов. Содержание отчуждено от школьника, поскольку учащийся не испытывает потребности в его освоении из-за малой применимости математического знания для решения проблем социального характера и их личностно ценностной оценки;
- недостаточный учет опережающего характера социокультурного компонента математического образования, направленного на формирование универсальных умений и навыков. Выполнение учащимися заданий социального и межпредметного характера часто происходит без опоры на собственный опыт учащихся. Нередко у школьников отсутствует субъектный опыт способов деятельности и оценки ее результатов;
- недостаточное использование в учебном процессе активных форм и методов обучения, способствующих формированию у учащихся социально-личностных компетенций: коммуникативных, организационно-управленческих, рефлексивных, умений работать в команде, отстаивать свою точку зрения.

Сказанное подтверждает необходимость использования на уроках математики задач социокультурного и научно-практического содержания, обеспечивающих формирование у учащихся системы математических знаний, умений и навыков, необходимых в повседневной жизни и будущей профессиональной деятельности.

Под социокультурным компонентом содержания обучения математике будем понимать совокупность обобщенных знаний и умений, необходимых для формирования у учащихся социального мышления, социально ценностного отношения их к окружающему миру и направленных на развитие личности учащегося в контексте общечеловеческой культуры с учетом конкретных социальных, экономических и культурных условий жизнедеятельности человека и развития социума.

Социокультурный компонент содержания математических дисциплин является своеобразным общекультурным фундаментом современного математического образования и ориентирован на формирование готовности выпускника к реальной жизни, творческому мышлению, критическому анализу окружающей действительности, постоянному овладению новыми видами деятельности и коммуникации.

Для этого необходимо обогащать содержание обучения математике прикладными задачами. Их решение способствует формированию у учащихся целостного знания об окружающем мире, развитию категориального мышления. Анализ литературы (Н.В.Бровка, А.П.Сманцер и др.) позволил определить, что стимулирующее влияние содержания задач повышается за счет:

- самостоятельной исследовательской работы учащихся, в процессе которой школьники учатся выявлять, устанавливать и анализировать межпредметные связи между различными математическими процессами и явлениями;
- практического обучения школьников построению математических моделей, соответствующих различным социально-личностным ситуациям, что позволяет рассмотреть динамику некоторых математических процессов;
- интеграции теории и практики обучения математике, базирующейся на связи содержания задач с реальной жизнью и отвечающей потребностям личностного развития учащихся;
- введения в учебный процесс занимательных примеров, опытов, парадоксальных фактов, основанных на возникновении положительных эмоций и мотивации не только по отношению к учебной деятельности, ее содержанию, но и к математике в целом.

К одним из наиболее эффективных средств развития социально- личностных компетенций школьников на уроках математики можно отнести практические задачи экономического, физического, эколого-географического содержания. Такие задачи позволяют подготовить современного школьника к решению реальных жизненных задач, таких как минимизация потерь на производстве, выявление динамики демографических процессов, нахождение наибольшего значения численности популяций микроорганизмов.

Рассмотрим практико-ориентированную задачу, решая которую, учащиеся не только применяют умения вычислять длину окружности и площадь круга, но и осознают проблему чистого воздуха для человека, находят способы защиты окружающей среды.

«На химическом заводе, находящемся в городе Гомеле, где в большом количестве имеются ядовитые и опасные для жизни вещества, разгерметизирована ёмкость с сероводородом. Необходимо срочно принять меры по защите населения и определить площадь заражённой зоны. Известно, что в безветренную погоду сероводород стелется по земле, распространяясь, он занимает участок поверхности в форме круга».

В совместной беседе учителя с учениками определяется круг задач, основными из которых являются:

задача 1

срочно изготовить средства защиты органов дыхания человека (по инструкции);

разработать рекомендации по защите органов дыхания на случай пожара, пыльной бури или других несчастных случаев;

задача 2

вычислить площадь заражённой территории, продумать методы оповещения населения об угрозе их жизни;

задача 3

вычислить длину верёвки для ограждения заражённой территории;

подсчитать стоимость данной длины верёвки.

Решение таких задач направлено на развитие у учащихся не только учебных (умение обобщать, анализировать и исследовать простейшие математические модели), но и социально-личностных, коммуникативных компетенций: умений мобилизовать свой личностный потенциал для решения различного рода социальных, экологических и других задач и разумного нравственно-целесообразного преобразования действительности.

Литература

1. *Зимняя И. А*. Ключевые компетентности − новая парадигма результата образования / И.А.Зимняя // TERTIA: альманах.−Дніпропетровськ, 2005.
2. *Запрудский Н. И*. Современные школьные технологии-2 / Н.И.Запрудский. − Минск, 2010.
3. *Ковалева Г. С.* Результаты международного исследования // Школьные технологии, /Г.С.Ковалева. − № 3. − 2005.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

В. В. Бурсевич

Сегодня на повестку дня ставится вопрос о том, что высшая школа должна не просто снабдить учащихся готовым знанием, но стимулировать мотивацию студентов, творческую активность, желание учиться. Задачей университета становится создать определенные условия, научно-техническую базу для самостоятельной подготовки студентов. В этих процессах едва ли не первое место занимают процессы компьютеризации и информатизации. Появление персонального компьютера и сети Интернет поднимает проблему возможностей использования их в образовательном процессе.

Применение компьютеров в обучении студентов создает широкие возможности при использовании их для аудиторных и самостоятельных занятий. Существует множество различных подходов к классификации обучающих компьютерных программ, но единого мнения и, соответственно, общей классификации нет. Например, исследователь Н.И. Потапенко выделяет следующие виды электронных средств обучения: элек-

тронные учебники, электронные учебные пособия, электронные справочные издания, компьютерные программы педагогического назначения, педагогические Интернет-ресурсы [1, с. 24].

Одной из многочисленных и интенсивно развивающихся сегодня форм компьютерных обучающих систем является электронный учебник. Учебник, в классическом понимании, – это книга для учащихся или студентов, в которой систематически излагается материал в определенной области знаний на современном уровне достижений науки. Электронный учебник – компьютерное педагогическое программное средство, предназначенное для предъявления новой информации, дополняющей печатные издания, служащее для индивидуального и индивидуализированного обучения и позволяющее в ограниченной мере тестировать полученные знания и умения обучаемого.

Следует подчеркнуть важное положение, которое акцентируют все исследователи: электронный учебник не должен пониматься как аналог печатного учебника и не должен сводиться к тексту, реализованному в электронном формате. Электронный учебник, в отличие от печатного, является принципиально нелинейной системой, работающей в формате гипертекста, или «интертекстуальности», поскольку благодаря гиперссылкам для учебника создается возможность постоянного выхода в другие тексты.

Электронный учебник оказывается сложной иерархической системой с множеством подуровней. Верхний слой этой системы составляют основные понятия и концепты предметной области. Более низкие уровни призваны детализировать и раскрыть их с различной степенью глубины. Иными словами, структура электронного учебника, по мнению Н.И.Пака и В.Н.Лаврентьева, представляет собой сложный семантический граф, где узловыми точками оказываются понятия, от которых тянутся связи к новой информации по таким направлениям, как, например, определение; свойства понятия; применение понятия и так далее. Такой модульный характер учебника позволяет учащимся самостоятельно выбирать стратегию обучения в соответствии с собственными знаниями и интересами.

Среди основных элементов электронного учебника чаще всего выделяют: модель знания; многоуровневую структуру представления информации; демонстрационные модели и примеры; справочники, шаблоны, образцы; контроль в виде тестов, вопросов [2, с. 89]. Электронный учебник как учебное средство нового типа может быть закрытой, т.е. используемый в локальных сетях, и открытой системой, которая позволяет выходить в Интернет, а также вносить изменения в содержание и структуру учебника. Открытая структура предполагает возможность модификации электронного учебника в зависимости от особенностей конкретного учебного плана, возможностей материально-технической базы, опыта преподавателя, базового уровня подготовленности обучаемых и т.д.

Можно выделить следующие положительные моменты в использовании электронных учебников. Электронный учебник обладает гораздо большей доступностью, чем печатные издания, количество которых в библиотеках ограничено. Во-вторых, электронный учебник не ограничен в своих объемах в такой степени как печатный. За счет содержащихся в нем гиперссылок объем его информации практически не ограничен. Привычный список литературы в электронном учебнике дополняется системой ссылок, благодаря чему учебник может предъявлять необходимую информацию по запросу обучаемого. Кроме того, электронный учебник не ограничен в возможностях по использованию иллюстративного материала, схем, таблиц, диаграмм, которые обладают высокой дидактической значимостью. Электронный учебник по конкретному учебному предмету может содержать материал нескольких уровней сложности, что повышает индивидуализированность обучения. С помощью определенных технологий электронный учебник обеспечивает многовариантность, многоуровневость и разнообразие проверочных заданий. Электронный учебник позволяет задания и тесты выполнять в интерактивном режиме.

Несмотря на эти преимущества, использование электронных учебников имеет и свои недостатки. Наибольшую трудность представляет собой переход от текстовой информации к системе практических действий, имеющих принципиально иную логику, однако с подобными проблемами можно столкнуться и при использовании печатного учебника. Определенные трудности могут возникнуть в результате неограниченной свободы в поиске информации, предоставляемой электронным учебником. Более того, как отмечают психологи, кратковременная память человека обладает достаточно ограниченными возможностями. Как правило, человек способен помнить и оперировать одновременно лишь семью различными категориями. Когда учащемуся одновременно демонстрируют информацию разных типов, может возникнуть ситуация, в которой он отвлекается от одних типов информации, чтобы уследить за другими, пропуская важную информацию. Кроме того, финансирование и материально-техническая база, предоставляемая учреждениями образования, на сегодняшний день недостаточны, что создает определенные ограничения для широкого использования современных компьютерных средств обучения.

Следует также отметить, что эффективным процесс внедрения электронных учебников может быть лишь при наличии соответствующих умений работы с компьютером у преподавателей. И, наконец, так как использование электронных учебников и других электронных средств обучения ориентировано на самостоятельную работу и подготовку учащихся, то для своей эффективности такая работа требует высокой мотивации учащихся.

Касаясь вопроса непосредственно возможностей использования электронных учебников в преподавании философских дисциплин, следует

отметить практическое отсутствие подобных информационных обучающих средств по данной тематике. Это ставит вопрос о попытках создания учебников и пособий и, следовательно, ведет к ряду проблем. Во-первых, при разработке электронных учебников должны учитываться в первую очередь стандартные дидактические требования обучения. При проектировании и создании электронных учебников, так же как и других обучающих программ, требуется соблюдать и психологические принципы взаимодействия человека и компьютера. Кроме того, необходимо учитывать эргономические требования. Другими словами, создание электронных учебников оказывается сложным процессом, в котором необходимо участие компетентных специалистов таких сфер, как информатика и программирование, педагогика, психология и методика преподавания. К тому же, часто оказывается, что усилия, затраченные на создание электронного учебника, не оправдывают себя в силу быстрого его устаревания. Эту проблему, наверное, может разрешить лишь отказ от традиционного отношения к учебнику как к готовому продукту и понимание того, что электронный учебник должен в силу своего открытого характера постоянно трансформироваться и развиваться.

Однако следует обратить внимание и на более узкую проблему использования электронных учебников в преподавании философских дисциплин. С одной стороны, философское знание изобилует широким спектром персоналий, концепций, понятий высокой степени идеализации, о которых студенты неспециальных отделений нередко имеют весьма смутное представление. В этом случае многоуровневая организация электронных учебников обладает большими возможностями, так как позволяет студенту в любой момент раскрыть неизвестное понятие, восстановить подзабытые знания благодаря системе ссылок. Кроме того, электронный учебник имеет большие возможности сделать сухое, абстрактное философское знание более наглядным с помощью схем, таблиц, примеров. Однако все эти преимущества могут превратиться и в недостатки. Поскольку в таком случае философские идеи и системы примитивизируются и алгоритмизируются. Несомненно, так поданное знание легче усваивается, но возникает закономерный вопрос: нужно ли это, если в результате мы получаем набор вульгаризированных стереотипов в сознании студентов, где сложные философские системы будут представлены в виде нескольких знаков или понятий. Таким образом, при модульном изложении утрачивается историчность философского знания, студенты не видят самого хода мысли, благодаря которому появилась та или иная идея. Философия превращается в некое не проблемное знание, набор схематичных ответов, на надуманные вопросы, которые, казалось бы, не имеют никакого отношения к реальной жизни. К тому же, хотя электронные учебники содержат богатый спектр контролирующих заданий, все они фокусируются вокруг тестов, которые ориентированы на запоминание, поэтому реализо-

вать развивающие и воспитательные цели, имеющие первостепенное значение для комплекса социо-гуманитарных наук, им не под силу.

Помимо использования электронных учебников в процессе преподавания философских курсов могут широко использоваться мультимедийные технологии. Мультимедиа презентация – это программа, которая может содержать текстовые материалы, фотографии, рисунки, слайд-шоу и анимацию. Важнейшей особенностью мультимедийных технологий является их интерактивность. Преимущества презентации определяются тем, что при ее создании упорядочивается материал лекций и повышается наглядность.

Кроме того, в зависимости от специфики предмета конкретной лекции и учебного курса, даже в абстрактном философском знании возможен выход от теоретической сферы к прикладному исследованию наглядных примеров. Все это способствует тому, что преподавание социогуманитарной тематики может сопровождаться демонстрацией с помощью ряда медиаресурсов. Например, просмотр с помощью проектора записей лекций известных философов (курс философии), политических интервью (курс политологии), показ фотографий, культурных артефактов с последующим их анализом (курс культурологии), что позволяет привнести элемент развлекательности в академические практики.

Тем не менее, использование электронных технологий в рамках гуманитарных курсов имеет одну опасность. Применение электронных учебников и иных средств компьютерного обучения не должно отразиться на количестве часов непосредственного контакта и совместной работы студента и преподавателя. Конечно, электронные учебники способны помочь в самостоятельном усвоении знания. Однако для гуманитарных дисциплин принципиальной задачей является формирование мировоззрения, аналитических способностей и коммуникативных навыков, достигнуть чего вне живого общения невозможно. В целом, широкое внедрение информационных технологий потенциально содержит опасность отчуждения человека от человека, подмену человеческого общения простым обменом текстом посредством клавиатуры и компьютера. Поэтому, учитывая позитивные моменты, использование электронных средств должно внедряться в процесс обучения, но лишь в качестве одного и не самого главного компонента. При этом оно должно дополняться другими видами взаимодействия педагога и учащихся, позволяющими нивелировать возможные негативные последствия использования информационных технологий.

Литература

1. *Потапенко Н. И.* Электронные средства обучения/ Н.И.Потапенко. – Мн., 2005.
2. *Лаврентьев В. Н., Пак Н. И.* Электронный учебник / В.Н.Лаврентьев, Н.И.Пак // Информатика и образование. – 2000. – № 9.

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ СТУДЕНТА ФИЗКУЛЬТУРНОГО ВУЗА: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

С. И. Бусько

Гражданское воспитание является приоритетным направлением воспитательной работы в учреждениях образования Республики Беларусь. Основная цель подобной работы состоит в воспитании гражданина, обладающего определенными знаниями правового, политического, экономического толка, соответствующими умениями, системой ценностных ориентаций гражданина, активную жизненную (гражданскую) позицию и осознающего себя неотъемлемой частью правового государства.

С января 2009 года по ноябрь 2009 года проходил опрос студентов УО «Белорусский государственный университет физической культуры» (БГУФК) на основе анкеты, разработанной учебно-научно-исследовательской лабораторией кафедры философии и истории БГУФК. В анкетном опросе приняли участие студенты I-V курсов университета в количестве 465 человек.

Цель анкетного опроса состояла в изучении гражданской позиции студентов очного отделения БГУФК. Задачи анкетного опроса состояли в выяснении: системы ценностных ориентаций студенчества; меры понимания студентами ценностей общенационального масштаба; особенностей религиозного сознания студенчества; уровня гражданской образованности студентов; меры гражданского самосознания студенчества; характера мотивов поступления в БГУФК. В данной работе обратим внимание на ценностные ориентации молодежи.

Наблюдается очевидная дифференциация ценностных ориентаций среди студентов всех курсов. Можно выделить ориентации рационально-оптимистического, романтического и прагматического толка. Первые отличаются стремлением молодых людей ставить перед собой реальные цели и их достигать, причем соотносить личные потребности с общественным благом («Мое материальное положение в настоящем и будущем зависит только от меня», «Человек должен иметь те доходы, которые заработал честным путем»).

Вторые в большей мере рассматривают человеческую жизнь и карьеру сквозь призму морально-нравственных ценностей и личной духовной удовлетворенности («Только на интересную работу стоит потратить большую часть своей жизни», «Я лучше не достигну материального благополучия и не сделаю карьеру, но никогда не перешагну через свою совесть и моральные нормы»).

Третьи в качестве основных жизненных приоритетов имеют в виду материальные аспекты жизни в отрыве от ее духовной стороны («Главное в работе – это сколько за нее платят», «Современный мир жесток,

чтобы выжить и преуспеть, необходимо драться за свое место в нем, а то и переступить через некоторые нормы морали»).

Анализ анкетных данных позволяет выделить некоторую динамику в становлении ценностных ориентаций студентов от курса к курсу. Существенно возрастает число приверженцев рационально-оптимистических ценностей (от 33% на первом курсе до 60% на четвертом), однако к пятому курсу количество подобных студентов сопоставимо с младшими курсами (35%). Напротив, романтические устремления к старшим курсам перестают быть актуальными (с 21% процента на первом курсе до 3% на пятом). Серьезно возрастают прагматические умонастроения (с 25% до 56% соответственно). Также наблюдается некоторая прослойка респондентов с несформировавшейся системой ценностей, однако количество подобных студентов неуклонно уменьшается (от 21% на первом курсе до 6% на пятом) (таблица 1).

Таблица 1

Система ценностных ориентаций студентов БГУФК.

Типичные ценностные ориентации (в % от числа опрошенных студентов)	I курс	II курс	III курс	IV курс	V курс
Рационально-оптимистические	33	35	41	60	35
Романтические	21	13	22,5	0	3
Прагматические	25	26	22,5	30	56
Размытые	21	26	14	10	6

Таблица 2

Понимание ценностей общенационального масштаба.

Уровни понимания ценностей общенационального масштаба (в % от числа опрошенных студентов)	I курс	II курс	III курс	IV курс	V курс
Способность выделить общенациональные ценности в общей системе ценностей	29	44	49	40	72
Слабая дифференциация общенациональных и личностных ценностей	58	39	37	50	15
Определение в качестве главенствующих ценности личного характера	13	17	14	10	13

В отношение понимания студентами ценностей общенационального масштаба можно выделить респондентов, способных в общей системе наиболее популярных ценностей выделить ценности именно данного толка («Общественное благо», «Эффективная экономическая политика», «Правовое государство и права человека», «Успехи в науке и технике», «Достижения в области искусства», «Здоровье нации» и пр.); респондентов, слабо дифференцирующих систему разнообразных ценностей («Эффективная экономическая политика», «Дружба», «Любимый человек ря-

дом»); а также респондентов, выделяющих в качестве общенациональных ценности сугубо личностного толка («Продвижение по карьерной лестнице», «Отдельная квартира (дом)», «Хороший заработок»).

Очевидно, что в количественном выражении у студентов БГУФК наблюдается очевидный рост понимания общенациональных интересов и ценностей (от 29% на первом курсе до 72% на пятом курсе), однако практически половина респондентов на первых-четвертых курсах слабо дифференцирует общенациональные и личностные ценности (от 58% на первом до 50 % на четвертом) и лишь к пятому курсу количество неопределившихся студентов существенно снижается (15%). Стабильно десятая часть анкетируемых студентов в качестве общенациональных указывает на сугубо индивидуальные интересы (от 13% и 13%).

Исследование показало, что гражданское воспитание особенно актуально в высшей школе. Люди, получающие профессиональное образование и применяющие свои знания на практике, становятся социальной базой для дальнейшего развития общества, поскольку образование не только дает возможность трансформировать реальность сегодняшнего дня, но и формирует будущую.

Известно, что гражданская позиция личности варьируется от полной индифферентности до активной борьбы за свои идеалы; формируется и развивается на протяжении всей жизни в процессе общения человека с другими людьми, получения образования, накопления жизненного опыта, под влиянием различных политических сил и социально-экономических условий жизнедеятельности. В современных условиях экспансии информационных технологий и становления единого информационного мирового пространства на гражданскую позицию молодежи и прежде всего студенчества оказывают влияние различные политические силы. Это требует изучения гражданской позиции последних в мониторинговом режиме, а также осмысление воспитательного потенциала дисциплин, преподаваемых гуманитарными кафедрами.

Таким образом, результаты анкетного опроса студентов I-V курсов БГУФК показали, что большинство респондентов неравнодушны к судьбе Отечества, понимают меру личной ответственности за свои поступки, испытывают потребность руководствоваться в своей жизни общечеловеческими (гуманистическими) ценностями.

«ПРОЕКТНЫЙ МЕТОД КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА АВТОКРЕАТИВНОСТИ»

В. В. Быхта

Двадцать первый век принес нам не только новую карту мира, новые технические изобретения, но и новые требования к образованию и воспитанию

человека. Современное общество, характеризующееся рядом проблем, среди которых экологические, демографические и ресурсные, выдвигает потребность в пересмотре принципов, лежащих в основе системы образования.

Основной целью обучения сегодня стоит всестороннее развитие личности, способной к саморазвитию, а также владеющей основными социальными ролями. Эти роли определяются многообразием отношений, в которые вступает человек, и характеризуют их. Базовым является отношение «Я и Я». Оно определяет потребности личности, целесообразность и продуктивность его существования, являясь основой для дальнейших отношений. Далее человек проецирует свои действия по реализации поставленных целей на отношения с другими людьми, обществом, природой. Следует подчеркнуть их двустороннюю направленность: «Я с другими» и «Я в других», «Я к Культуре» и «Я в Культуре», «Я в Мире» и «Я к Миру». Основой реализации таких отношений является диалог.

Таким образом, в XXI информационном веке все более значимой становится задача развития индивидуальности в такой степени, в которой по окончании среднего образования личность осознанно будет владеть культурой жизнетворчества, будет уметь разрабатывать аутентичный стиль по реализации программы самоактуализации и самосовершенствования.

Понятие «жизнетворчество» не является новым в педагогике и психологии и связано с различными его аспектами. К примеру, развитие личности с опорой на субъективный опыт (В.А.Сухомлинский, А.С.Белкин, А.С.Макаренко) и предрасположенности к определенным видам деятельности (А.Н.Тубельский), стремление человека к самоактуализации (А.Маслоу, Н.В.Калинина) и личностного роста (К.Роджерс, Н.Р.Битянова), концепции творческих способностей (В.Н.Дружинин, Я.А.Пономарев), идея жизненного пути (А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн), концепция жизнетворчества (Л.В.Сохань), принцип автокреативной кумуляции у студентов (А.В.Торхова).

Однако в педагогике принцип автокреативности не является обоснованным дидактическим регулятивом обучения и нуждается в разъяснении. «Автокреативность» представляет новое понятие в педагогике, которое близко к понятию «жизнетворчество». Однако мы видим принципиальное различие в том, что концепция жизнетворчества рассматривает жизнь человека как творческий процесс реализации проекта своей жизни, а принцип автокреативности предполагает работу, как самих учащихся, так и педагогов по стимулированию субъектной позиции учащихся, по раскрытию собственных интересов, потребностей, по разработке жизненного проекта, по развитию жизненноважных компетенций.

В процессе обучения нам представляется важным развитие таких качеств, как: самостоятельность, ответственность, подлинная заинтересо-

ванность в своей деятельности, готовность к преодолению трудностей, умение планировать и анализировать, умение ставить цели и достигать их. Развитие этих качеств может проходить как в жестко контролируемой среде, так и при минимальном вмешательстве учителя, но при этом учителю не следует доводить процесс обучения до стихийного. Второй вариант способствует реализации принципа автокреативности и дает возможность ребенку понять и творить себя.

Общей философской основой принципа автокреативности и метода проектов является философия экзистенциализма. Экзистенция, будучи основополагающей «структурой» человеческого бытия, ее способом, предполагает выбор человеком своих возможностей, своего будущего, себя. Этот выбор нуждается в свободе. К нему нужно быть готовым, уметь проектировать свою жизнь. Проектирование можно рассматривать как экзистенциальную необходимость человеческого бытия.

Идея того, что человек – это свой собственный проект, и как таковой он постоянно находится в стадии становления, завоевала много сторонников среди психологов и педагогов, которые видят миссию образования в том, чтобы направить каждого к преодолению своей эмоциональной пустоты и открытию того, что он может и должен сам выбрать свои ценности.

Проект является одним из способов стимулирования саморазвитие личности, так как проект создает естественную среду обучения, способствует развитию критического мышления и саморефлексии. Проектирование всегда индивидуально и неповторимо, а значит представлет особую значимость для ребенка.

Таким образом, принцип автокреативности стимулирует субъектную позицию. Понимание учителем неповторимости и индивидуальности каждого ребенка предполагает создание учителем условий свободного выбора, развитие чувства ответственности и стремление к самосозиданию. Проектный метод является универсальным методом для реализации данного принципа, так как создает естественные условия обучения, развивает мышление, позволяет применить теоретические знания на практике и увидеть значимый для ребенка результат.

Литература

1. *Торхова А. В.* Принцип автокреативной кумуляции как методологический регулятив профессиональной подготовки педагога / Педагогическое образование и наука: история и современность: материалы респ. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1./Бел. гос. пед. ун-т М. Танка. – Минск: БГПУ, 2009.
2. *Фельдштейн Д. И.* Закономерности поуровневого развития личности в онтогенезе / Хрестоматия по возрастной психологии. – М.: Междунар. пед. академия, 1994.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

А. И. Вайтехович

Качество образования – комплексное понятие, характеризующее эффективность всех сторон деятельности вуза: разработка стратегии, организация учебного процесса, маркетинг. Качество образования опирается на три ключевых основания:

- цели и содержание образования;
- уровень профессионализма преподавательского персонала и организации их деятельности;
- состояние материально-технической и научно-информационной базы процесса обучения [1, с. 90].

Данные основания образуют систему, элементы в которой тесно взаимосвязаны между собой. Очевидно, что только при условии высокого уровня профессионализма преподавателей вузов и эффективной организации их труда можно достичь цели и решить задачи образовательного процесса. Поэтому оценка качества деятельности профессорско-преподавательского состава – важная часть системы оценки качества образования в вузе.

С целью узнать мнение магистрантов Белорусского государственного университета о профессионализме преподавателей вуза, в период с 22 февраля по 9 марта 2010 г. было проведено социологическое исследование (метод анкетного опроса; выборка методом основного массива). Опрошено 62 женщины и 34 мужчины в возрасте от 22 до 32 лет.

Большинство магистрантов оценили общий уровень профессионализма профессорско-преподавательского состава в целом как высокий (67,7%); 27,1% как средний, 5,2% полагают, что уровень педагогического мастерства преподавателей находится на низком уровне.

Для большинства молодых людей преподаватель в первую очередь является профессионалом, дающим знания (68,8%), для 13,5% - профессионал, с которым интересно общаться; примером для подражания педагог является для 3,1% респондентов. Для остальных участников опроса преподаватель предстает в качестве ученого-исследователя, воспитателя, профессионала, который учит думать, вырабатывать свое независимое мнение, а также обучает навыкам самостоятельной работы. По мнению некоторых респондентов, педагог – это харизматическая личность, хороший психолог, знающий свое дело, который понимает студентов и помогает им найти свою профессиональную нишу. Для некоторых магистрантов педагог является очень значимым человеком, который стремится воспитать достойных себе преемников.

При первом знакомстве с преподавателем студенты обращают внимание на манеру его поведения (44,8%), внешний вид (32,3%), культуру речи (14,6%), чувство юмора (6,2%).

Хороший преподаватель должен уметь вызывать интерес аудитории (83,3%), излагать материал ясно и доступно (70,8%), разъяснять сложные вопросы и приводить примеры (50%), показывать практическую значимость изучаемого материала (30,2%), демонстрировать культуру речи (18,8%), задавать и отвечать на вопросы (13,5%), чувствовать студентов, быть воспитанным, обладать чувством юмора, уметь критически мыслить.

В отношении к студентам преподаватель должен быть объективным (77,1%), доброжелательным (52,1%), тактичным (52,1%), требовательным (43,8%), последовательным (32,3%), терпеливым (28,1%).

Быть педагогом – это большая ответственность, особенно в высшей школе. По мнению магистрантов для преподавателя недопустимо брать взятки, появляться в нетрезвом виде на занятиях (85,3%), переходить на личности (75,8%), использовать ненормативную лексику (70%). Серьезным недостатком преподавателей является плохой уровень подготовки к лекции (63,2%), срыв занятия (32,6%), опоздание на занятия (10,5%). Данные характеристики однозначно относят к профессиональным и личностным деформациям педагога. Однако есть виды деятельности присущие педагогам, которые вызывают много споров в отношении их правомерности. Недавно появилась такая форма экономической активности преподавателя, как написание курсовых и дипломных работ на заказ. Данный вид деятельности является в Республике Беларусь легальным и подлежит регистрации. С точки зрения профессиональной этики данная деятельность является некорректной, так как нарушается контрольно-оценочный компонент образовательного процесса. Четверть респондентов (25,3%) осуждают данный вид деятельности преподавателя.

По мнению респондентов наиболее важными являются компетентности, относящиеся к профессиональной квалификации: общие знания в области деятельности, способность к анализу и синтезу. В современных условиях для преподавателя важно уметь генерировать новые идеи, владеть информационными навыками управления, обладать исследовательскими навыками, т.к. в образовательном процессе важно использовать новые достижения в той или иной научной области.

Важным является и уровень культуры речи: грамотное устное и письменное общение на родном языке. К личности преподавателя предъявляются и этические требования: коммуникабельность, способность к самокритике. Успешность образовательного процесса определяется заинтересованностью преподавателя в качестве образования, что во многом зависит от самообразования самого преподавателя.

Магистранты считают менее важными такие компетентности, как знание иностранных языков, способность преподавателя работать в международном контексте, оценивать особенности других культур, а также воспринимать традиции и обычаи других стран. Очевидно, магистранты

не учли, что Республика Беларусь успешно функционирует на международном рынке образовательных услуг. Результаты исследования, проведенного в 2009 году отделом международных связей БГУ, свидетельствуют, что для повышения эффективности экспорта образовательных услуг необходимо в первую очередь научить преподавателей работать со студентами из других стран. Отсутствие диалога культур у субъектов образовательного процесса делает обучение непродуктивным. Магистранты как будущие преподаватели и ученые-исследователи должны понимать, что в условиях глобализации хорошая ориентация в традициях других стран, знание иностранных языков, а также умение работать в международном контексте являются важными показателями профессионализма в сфере науки и образования.

Молодые люди отмечают, что для преподавателя менее важно стремление преуспеть в профессии педагога, а также его лидерские качества.

С целью выявления наиболее важных с точки зрения магистрантов компетентностей, им было предложено выбрать из списка пять самых значимых компетентностей и проранжировать их в порядке убывания.

По оценкам магистрантов наиболее важными составляющими профессионализма являются: общие знания в области деятельности (59,4%), практическое применение базовых профессиональных знаний (49,0%), коммуникабельность (38,5%), забота о качестве образования (38,5%) способность к самообразованию (33,3%), грамотное устное и письменное общение на родном языке (32,3%), способность к генерированию идей (32,8%).

Результаты исследования показали, что, по оценкам магистрантов, профессорско-преподавательскому составу БГУ в наибольшей степени присущи такие профессиональные компетентности, как общие знания в области деятельности (79,1%), исследовательские навыки (49,5%), способность к анализу и синтезу (35,1%).

Участники опроса отметили, что преподаватели в недостаточной мере обладают способностью к конструктивной самокритике (55,2%). Действительно, такая тенденция имеет место в системе отечественного образования. Данная ситуация сложилась в силу того, что в советское время действовала традиционная модель «Учитель ->ученик», где студент являлся объектом педагогического воздействия. Все действия учителя считались правомерными и не подлежали критике со стороны учащихся. Для самого же преподавателя способность к конструктивной самокритике не представлялась важной составляющей профессионализма. В современных условиях студент (магистрант, аспирант) является полноценным субъектом педагогического взаимодействия и наравне с преподавателем определяет вектор развития образовательного процесса. Поэтому важно, чтобы преподаватель прислушивался к своим подопечным, постоянно пересматривал свою стратегию поведения, объективность обучающих

методик и т.д. Это является важнейшим условием повышения качества образования, заботы о котором, по мнению 40,2% магистрантов, белорусским преподавателям также не хватает. По оценкам магистрантов преподаватели в недостаточной мере владеют иностранными языками (42,5%), способностью генерировать новые идеи (34,5%).

Относительно обладания такими навыками как грамотная устная и письменная речь на родном языке мнения разделились:29,8% респондентов считают, что преподаватели владеют этим навыком, а 26,8% полагают, что не совсем. По мнению некоторых магистрантов, данный навык отсутствует в отношении белорусского языка. О том, что преподаватели умеют применить свои профессиональные знания на практике, говорят 35,2%; 28,7 % свидетельствуют о том, что данная компетентность не является сильной стороной преподавателей БГУ.

Таким образом, идеальным преподавателем, по мнению магистрантов, является преподаватель-фасилитатор. Он должен руководствоваться следующими установками в работе со студентами: открытость своим собственным мыслям, чувствам, переживаниям; поощрение, доверие как выражение внутренней личностной уверенности преподавателя в возможностях и способностях обучаемых.

Литература

1. *Иродов М. И.* Создание системы управления качеством подготовки специалистов в ВУЗе / М.И.Иродов, С.В.Разумов // Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – N 2(25). –С. 90-95

ПОЛОЖЕНИЕ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ США

С. М. Витковский

Американское общество с самого начала государственного оформления Соединённых Штатов воспринимало себя как некий «плавильный тигль», в котором происходит смешение различных расовых, этнических, национальных и культурных общностей и создаётся совершенно особая демократичная социальная среда. Тем не менее довольно длительное время данный тезис не в полной мере соответствовал общественным реалиям. Подтверждение тому — проблема расовой дискриминации, активная борьба с которой началась лишь в середине прошлого века, и продолжается по сей день.

Частью этой масштабной проблемы можно полагать неравный доступ к образованию для представителей белого большинства и чернокожего меньшинства. Вообще, положение афроамериканцев в области образования входит сегодня в число важнейших общественно-научных проблем, обсуждаемых на политическом, экспертном и широком общественном

уровнях, с привлечением новейших исследований в сферах социологии, политологии, педагогики, психологии. Это вполне объяснимо, поскольку в современных условиях растёт степень взаимодействия между различными социальными группами, более значимой становится также и мультикультурная составляющая общественной жизни. И в этих условиях интеграция всех американцев в существующую систему образования представляется важнейшей задачей, от решения которой во многом зависит социально-экономическое и культурное будущее Соединённых Штатов.

Принимая во внимание всё вышесказанное, сформулируем цель статьи: рассмотреть современное состояние проблемы получения среднего и высшего образования представителями чернокожего меньшинства в США.

Вначале обратимся к истории. Как известно, проблема получения образования выходцами из этнических меньшинств стала активно обсуждаться в середине прошлого века, после съезда специалистов в этой сфере образования, прошедшего под эгидой Организации Объединённых Наций (1951 г.). В Соединённых Штатах внимание к этой проблеме было привлечено благодаря деятельности Совета по национальной оценке образовательного прогресса, созданного более 30 лет назад. В задачи этой организации входят мониторинг текущего состояния национальной системы образования, выявление её слабых и сильных сторон, анализ различий в успеваемости представителей разных социальных групп. Всё это необходимо для того, чтобы составлять и выносить на обсуждение насущные проблемы национальной системы образования, привлекая к ним внимание ответственных лиц и учреждений [1, с. 113].

Как показывают соответствующие исследования, проведённые под эгидой вышеупомянутой организации, чернокожие ученики сильно отстают от своих белых сверстников, что заведомо снижает их шансы поступить в высшие учебные заведения и получить хорошо оплачиваемую работу [1, с. 113].. Было высказано множество предположений о причинах этого явления. Среди них: этнически обусловленные особенности интеллекта; косвенная дискриминация, связанная с тем, что школьные тесты в основной своей массе составляются белыми педагогами; преобладание в преподавательском составе белых американцев, что может вести к опосредованной дискриминации [2].

Однако этническая обусловленность школьной успеваемости убедительно не была доказана. По крайней мере, не существует каких-либо достоверных эмпирических данных, на основании которых можно было бы сделать подобные умозаключения. Что же касается преобладания в преподавательском составе представителей белого большинства, то объяснить данным фактом отличия в успеваемости учеников ещё труднее, нежели в случае с предыдущей гипотезой. В этом случае даже результаты социологических исследований не дают точных результатов, т.к. мно-

гие ученики стремятся оправдать свои низкие оценки именно расовыми предрассудками преподавателей [3].

Более внушительная эмпирическая база наличествует у тех исследователей, которые склонны объяснять сложившееся положение социальными причинами. В частности, американский социологи Дж. Бирнс, проведя анализ школьной успеваемости по математике, выяснил, что лучшие результаты по математическим дисциплинам показывают ученики из полных семей, в которых родители имеют хорошее образование и достаточный уровень достатка, чтобы купить своим детям всё необходимое для учёбы. Бирнс пришёл к выводу, что этническими различиями можно объяснить лишь 5% случаев неуспеваемости чёрных учеников в сравнении с их белыми сверстниками [4].

Оппоненты Бирнса апеллируют к тому, что дети из семей с одинаковым уровнем достатка могут иметь разные показатели в уровне учебной подготовки. И, как правило, худшие результаты у тех, кто принадлежит к этническим меньшинствам. Корень проблемы, по их мнению, находится не в разном уровне доходов или образовании родителей, а в мотивации. Она ниже у представителей этнических меньшинств. Как следствие, чёрные школьники и латиноамериканцы хуже учатся в школе и имеют гораздо меньше шансов продолжить образование в вузах [5].

Однако наибольшее признание получила т.н. «теория культурной экологии Огбу». Эта научная концепция постулирует наличие у чёрных американцев «культурной оппозиции» тем моделям поведения, которые приняты среди белого большинства. Это оказывает влияние и на школьную успеваемость афроамериканцев [1, с. 115].

В сфере высшего образования также имеется целый ряд специфических проблем. Основная из них – обособленность чёрных студентов, их стремление к «академическому сепаратизму», что, разумеется, негативно влияет на всю систему высшего образования. В Соединённых Штатах существует более 100 «чёрных» университетов, которые призваны дать афроамериканцам возможность получить высшее образование в «комфортной» социальной обстановке.

Однако на деле такого рода практика выливается в ещё большее обособление чёрного населения, в том числе наиболее одарённой, интеллектуально развитой его части. И зачастую «чёрные» вузы становятся трибунами для радикальной риторики и сепаратистских призывов [1, с. 125–126].

Подводя итог, отметим: несмотря на пристальное внимание к рассматриваемой нами проблеме и комплекс мер по её решению, положение афроамериканцев в системе образования США по-прежнему вызывает дискуссии, и ставит множество вопросов. От ответов на них зависят и эффективность американской системы образования, и общественная ситуация в Соединённых Штатах в среднесрочной перспективе.

Литература

1. *Борисова У.* Афроамериканцы: к исследованию социообразовательных проблем / У.Борисова // США, Канада: экономика, политика, культура.–2009.–№10. – С. 100–127.
2. См.: *Ченг С., Старкс Б.* Расовые различия в восприятии школьниками авторитетного мнения взрослых и влияния этого мнения на их учёбу / С. Ченг, Б. Старкс // Социология образования. – 2003. – №9. – С. 13–26.
3. См.: *Tyson K.* Notes From the Back of the Room: Problems and Paradoxes in Schooling of Young Black Students // K.Tyson // Sociology of Education. – 2003. – №4. – P. 326–343.
4. См.: *Byrnes J.* Factors Predicative of Mathematics Achievement in White, Black and Hispanic 12th Graders / J.Byrnes // Journal of Education Psychology. – 2003. – №2. – P. 316–326.
5. См.: *McWhorter J.* Eliminating the SAT Could Derail the Progress of Minority Students / J.McWhorter // The Chronicle of Higher Education. – 2001. – №26. – P. 11–12.

ВОСПИТАТЕЛЬНО-РАЗВИВАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОЛИМПИАД ПО ИНФОРМАТИКЕ

А. Г. Головнёв

Международное олимпиадное движение по информатике берет свое начало с 1988 года. С 1992 года Беларусь принимает в нем активное участие, стабильно показывая высокие результаты.

По словам академика А.П. Ершова, программирование – вторая грамотность. Эти слова сейчас уже не кажутся экзотическими. В настоящее время олимпиады по информатике (или программированию) – одно из перспективных направлений работы с одаренными детьми, эффективное средство стимулирования у школьников интереса к компьютерному моделированию и развитию алгоритмического мышления как универсальных инструментов познания.

К сожалению, современное олимпиадное движение в информатике имеет ряд особенностей:

- во-первых, участие в конкурсе не в полной мере способствует формированию (и проявлению) коммуникативных качеств участника, столь необходимых для программиста;
- во-вторых, наш опыт позволяет заключить, что конкурсные задания и сам процесс организации не дают видения всего процесса разработки программного обеспечения;
- в-третьих, надо отметить, что существующие индивидуальные олимпиады по программированию в большей степени поощряют участников, способных и решать и реализовывать конкретные задачи. Однако в реальном программировании эти два процесса нередко разделяют и доверяют разным разработчикам;
- в-четвертых, командные олимпиады практически не развивают у участников навыков сотрудничества из-за отсутствия четкого разделения ролей. Как правило, команда состоит из трех участников. Наиболее

популярные схемы команд такие: «программист – программист – программист», «алгоритмик – программист – математик».

Первая схема часто проигрывает в реальном программировании по причине отсутствия четкого дифференцирования ролей, вторая – из-за неестественной пропорции решающих и реализующих задачи участников.

Наш опыт участия и подготовки олимпиад позволяет говорить о необходимости пересмотра подходов к организации олимпиад по информатике. Мы предлагаем новый тип олимпиад, призванный формировать и развивать навыки сотрудничества, работы в команде и создавать конкуренцию между командами. Олимпиады будут более эффективны при выполнении следующих педагогических условий:

1) каждый участник самостоятельно выбирает команду;

2) попробовав себя в различных ролях, участник выбирают наиболее близкие себе роли;

3) задания олимпиады – реальные проекты с четкими критериями оценки результатов;

4) проекты включают в себя головоломки, требующие внимания всех членов команды.

Анализ педагогического и собственного опыта в организации олимпиад показывает, что рассматриваемую олимпиаду целесообразно проводить в три тура. Первый тур заочный, проходит по интернету. Разыгрываются олимпиады по всем направлениям, но не одновременно, чтобы дать олимпиадникам возможность проявить себя в нескольких дисциплинах. Перед вторым туром стоит устроить очный семинар на несколько дней с множеством разнообразных лекций и занятий по интересам. Это даст школьникам шанс наладить общение и начать подбирать команды.

Второй тур проходит по Интернету индивидуально по всем дисциплинам. Участникам, позиционирующим себя как алгоритмик, кодировщик или специалист по информационным технологиям, следует объединяться в команды.

Однако следует разрешить и индивидуальные выступления по этим направлениям, в случае отсутствия у участника команды (например, кодировщиков может оказаться многим больше, чем остальных участников, и многим из них не хватит команд).

Третий тур проходит очно в течение длительного промежутка времени (1–2 недели). Сначала проходят общие семинары, дающие участникам последнюю возможность найти команду. После, каждая команда выбирает себе задачу и, по окончании третьего тура, демонстрирует свое решение. К этому туру также допускаются участники, не нашедшие себе команд. Но, организаторам следует наблюдать и, по возможности, объединять таких олимпиадников в команды.

Основываясь на опыте участия в разработке программного обеспече-

ния, мы выделяем 9 ролей. Основные пять ролей:

- Алгоритмик;
- Кодировщик;
- Архитектор;
- Web-программист;
- Специалист по информационным технологиям;

В силу сложившихся стереотипов, участие в проекте некоторых из приведенных ролей сильно недооценивается. Кажется необходимым на каждом уровне показывать равноправность участников всех направлений олимпиад, так как популярность многих дисциплин олимпиады пока стоит под вопросом. В списке ролей намеренно не использовались понятия «программист» и «информатик», чтобы насильственно не навязывать команде лидера. Однако у любого проекта должен быть координатор или менеджер. Мы предлагаем добавить эту роль архитектору. При правильной организации процесса разработки, после первого этапа решения поставленной задачи, архитектор прекращает свою работу. Но в это время начинается работа координатора. Возможно, на эту роль стоит назначить студента.

Мы предлагаем также организовать online-существование олимпиады в несколько нестандартном формате. Online-олимпиада требует создания сайта. Было бы интересным и целесообразным реализовать его в формате социальной сети. Пользователи могли бы быть преподавателями или учениками. Преподаватели проводят online-семинары и сборы, ученики решают поставленные задачи и участвуют в олимпиадах. Добавив к этим функциям весь спектр сервисов социальной сети, мы можем не только привлечь больше участников, но и способствовать организации команд. Ведь это действительно быстрый и удобный способ общения всех олимпиадников.

Кроме того, посредством такого портала можно предлагать для решения задачи из реальных проектов. Участники будут высказывать свои мысли и предлагать реализации для поставленных задач.

Таким образом, в процессе участия в олимпиаде школьник не только совершенствует свои специальные умения и навыки, но и развивает важные социальные качества: коммуникативные умения, умения сотрудничать, проектировать свою деятельность. Результаты олимпиады могут представлять собой ценный учебный материал, который можно непосредственно использовать в учебном процессе.

КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

И. В. Гусарева

Стремительное развитие современного общества поставило человека пе-

ред выбором: либо приобрести навык быстрого реагирования на изменяющиеся события, либо остаться беспомощным перед многочисленными, требующими разрешения, проблемами. Умение ориентироваться в жизненных ситуациях предполагает наличие у каждого члена общества определенных качеств: способности находить наиболее рациональный выход из создавшегося положения за наименьшее количество времени; самостоятельности в выборе варианта решения возникающих проблем; умения общаться с другими людьми; стремления к постоянному самосовершенствованию.

В прошлом данные качества формировались на протяжении всей человеческой жизни, но темпы развития современного общества требуют, чтобы личность владела всем комплексом оформившихся навыков уже к окончанию процесса обучения. Это означает, что после выхода из средних или высших образовательных учреждений человек должен уметь самостоятельно решать любые из возникающих в жизни ситуаций. Но традиционное обучение, методы которого используются в подавляющем большинстве образовательных заведений, оказывается не в состоянии обеспечить личность всеми необходимыми в решении возникающих проблем знаниями. В связи с этим возникла необходимость включения в образовательный процесс современных педагогических технологий.

Наиболее эффективными технологиями обучения, на наш взгляд, являются личностно-ориентированные технологии, обеспечивающие «развитие и саморазвитие личности учащегося» [3, с. 22]. В рамках данного образования учитываются индивидуальные способности, склонности, интересы, мотивы и опыт учащихся. Ученик имеет право выбора собственного пути развития, а педагог создает для этого все условия и моделирует ситуации, в которых каждый учащийся может проявить себя в познании, учебной деятельности и поведении.

Одной из наиболее продуктивных личностно-ориентированных технологий является кейс-технология, или метод анализа конкретных ситуаций. Из истории данного метода известно, что впервые он начал использоваться в США, а именно, в Школе бизнеса Гарвардского университета. В 1910 году декан Гарвардской школы бизнеса посоветовал преподавателям применить в качестве дополнения к лекциям студенческое обсуждение конкретных управленческих ситуаций. С тех пор на занятия начали приглашать директоров фирм и организаций, которые «презентовали» проблему и в процессе дискуссии со студентами пытались найти ее решение. Первый учебник по написанию ситуационных упражнений был опубликован доктором Коуплендом (Copeland) в 1921 году. Со временем кейс-метод начал применяться во многих образовательных учреждениях не только США, но и других стран. [5, с. 10]

В настоящее время сосуществуют две классические школы по применению кейс-метода – Гарвардская (американская) и Манчестерская (ев-

ропейская). В рамках первой школы целью метода является обучение поиску единственно верного решения, вторая – ориентируется на поиск всех возможных вариантов решения проблемы. [1]

Что же такое кейс? Под кейсом понимаются конфликтные ситуации, взятые из реальной жизни или разработанные специально на основе фактического материала, которые требуют решения. Учащиеся сообща, в команде стараются найти решение заключенной в кейсе проблемы. Каждый кейс можно разделить на три составляющие. Первая часть представляет собой описание конкретной ситуации, которая имела место в реальной жизни. Особенность данной ситуации заключается в том, что в ней (зачастую в скрытом виде) содержится требующая разрешения проблема. Во второй части кейса приводится краткая дополнительная информация, которая помогает обучающемуся в решении основной проблемы. Данная информация может быть представлена в виде схем, таблиц, диаграмм, отражающих содержание существующей проблемы. В третьей части содержатся задания к тексту кейса. В основном они представляют собой вопросы, ответы на которые подталкивают участников обсуждения к решению проблемы кейса. [4]

Далее рассмотрим этапы работы над кейсом:

1) подготовительный: преподаватель раздает участникам кейсы-ситуации; кратко разъясняет суть кейс-метода; формулирует цели, задачи каждого этапа работы над кейсом; сообщает критерии оценки результата. Учащиеся знакомятся с ситуацией, дополнительной информацией, заданиями к тексту кейса. После того, как у участников сформируется самостоятельное решение ситуации, они объединяются в небольшие группы по 3–4 человека и формулируют общее решение проблемы.

2) основной: презентация каждой группой своего решения найденной проблемы, коллективное обсуждение различных вариантов решения.

3) заключительный: ведущий подводит итоги работы; даются комментарии наиболее интересных решений; проводится оценка полученных результатов.

Основной задачей кейс-метода является инициирование самостоятельного изучения ситуации обучающимися, формирование их собственного видения проблемы и ее решения, выработка умения дискутировать и обсуждать ситуацию со своими коллегами и преподавателями. [2]

Данный метод комплексный, он включает в себя все виды речевой деятельности: чтение, говорение, письмо, аудирование. На уроках английского языка кейсы могут использоваться как в течение, так и при завершении работы над определенной темой. Кейсы дают возможность применить изученный лексико-грамматический материал в разговорной речи.

Необходимо отметить, что применение кейс-метода в преподавании иностранного языка возможно лишь при обучении студентов старших курсов. Студенты должны при этом владеть иностранным языком не ни-

же уровня Intermediate.

В заключение, хотелось бы подчеркнуть, что использование кейс-технологии на уроках английского языка способствует: 1) повышению общего уровня владения языком; 2) развитию творческого мышления (заставляет думать на английском языке); 3) развитию умения вести дискуссию, аргументировать свои ответы; 4) совершенствованию навыков чтения и обработки информации на английском языке; 5) развитию навыков работы в команде и принятия коллективных решений; 6) росту самостоятельности учащихся, вырабатыванию ответственности за принятые решения.

Литература

1. *Долгоруков А.* Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения // Российское право в Интернете. 2009. № 10 Режим доступа: http://www.vshu.ru/lections.php?tab_id=3&a=info&id=2600 Дата доступа: 23.04.2010.
2. *Залогина Т. В.* Общая характеристика кейс-метода (case-study). Роль преподавателя в проведении кейс-метода // Российское право в Интернете. 2009. № 2 Режим доступа: http://rpi.msal.ru/prints/200903zalogina.html Дата доступа: 20.05.2010.
3. *Запрудский Н. И.* Современные школьные технологии: Пособие для учителей. Мн., 2006.
4. *Малинина М.* «Метод case-study в неформальном образовании/М.Малинина//Адукатар. 2009. №2. С. 2–8 Режим доступа: http://adukatar.net/wp-content/uploads/2009/12/Adukatar_2_Pages_2-8.pdf Дата доступа: 13.03.2010.
5. *Сурмин Ю., Сидоренко А., Лобода В., Фурда А., Катерыняк И., Меер К.* Ситуационный анализ, или Анатомия Кейс-метода; Под ред. Сурмина Ю.П. Киев, 2002.

ЦАЦКІ Ў БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ ПЕДАГОГІЦЫ

Г. Д. Жаўняровіч

Бясспрэчна, што ўсе важнейшыя ўласцівасці асобы закладваюцца ў дзяцінстве. Таму на гэтым этапе вялікае значэнне маюць усе фактары. Адным з такіх чыннікаў, што ўплываюць на дзіця з самага пачатку яго пазнавальнай дзейнасці, з’яўляюцца цацкі. Іх педагагічны эфект быў заўважаны вельмі даўно. У гэтым даследаванні зроблена спроба разгляду месца традыцыйнай цацкі ў сістэме беларускай народнай педагогікі, разнастайнасць яе формаў, задачы, ускладзеныя на яе, спосабы яе выкарыстання і іншыя аспекты.

Цацка – прадмет, прызначаны для дзіцячых гульняў, які дае ўяўленне пра рэчы і вобразы, дапамагаючы дзіцяці пазнаваць навакольны свет і з’яўляецца адным са сродкаў разумовага, эстэтычнага і фізічнага выхавання. Змест і знешні выгляд цацкі вызначаюцца канкрэтнымі выхаваўчымі задачамі ў адпаведнасці з узростам, развіццём і інтарэсамі дзіцяці (адрозніваюць дыдактычныя, тэхнічныя, тэатральныя, музычныя, спартыўныя цацкі, а таксама цацкі-забаўкі). Цацка заўсёды нясе на сябе

адбітак сацыяльнага ладу грамадства, узроўню яго культуры, нацыянальных мастацкіх традыцый і эстэтычных запатрабаванняў. Цацкі выкарыстоўваюцца таксама як сувеніры і мастацкія вырабы для аздаблення інтэр'еру.

На Беларусі самымі старажытнымі і распаўсюджанымі былі гліняныя цацкі, пустацелыя гліняныя шарыкі, яйкі з каменным шарыкам унутры, фігурныя цацкі свістулькі. Верагодна, гэтыя цацкі ў старажытныя часы мелі таксама і рытуальнае прызначэнне: свіст ці бразгаценне павінны былі адганяць злых духаў. Фігуркі людзей, якія абазначалі продкаў, хатніх жывёл, ляпілі з надзеяй паўплываць на дабрабыт сям'і. Масавы выраб гліняных цацак пачаўся ў XI–XIII стагодзях разам з развіццём ганчарства. Свістулькі рабіліся ў выглядзе птушак і конікаў, ляпілі фігуркі людзей. Яны вызначаюцца умоўнасцю форм і вобразаў, створаныя прасцейшымі прыёмамі лепкі. Сярод знаходак XVI–XVII стагоддзяў сустракаюцца вырабы, ўпрыгожаныя зялёнай, карычневай, празрыстай палівай. Свайго росквіту мастацтва глінянай цацкі дасягнула ў XIX – першай палове XX стагоддзя, калі цацкі выраблялiся практычна ва ўсіх ганчарных цэнтрах Беларусі. Для большасці цацак характэрна выпрацаваная яшчэ ў старажынасці стылістыка – абагуленасць, стылізаванасць і ўмоўнасць форм. Звычайна іх пакрывалі зялёнай, карычневай або жоўтай палівай, а ў традыцыйных цэнтрах чорна-задымленай керамікі цацкі таксама мелі чорны колер. З канца XIX стагоддзя пашыраецца таксама цацка наіўна-рэалістычнага характару, у якіх дакладна і падрабязна мадэляваныя фігуркі жывёл, людзей у тагачасным адзенні, часта ў нескладаным дзеянні.

Значнае пашырэнне ў народным побыце мела драўляная цацка, звычайна з імітацыяй рухаў ці дзеяння. Тут пыталіся як бы ажавіць цацку. Папулярнымі былі пілавальшчыкі. Для пілавальшчыка-адзіночкі з дошчачкі выстругвалі схематычны сілуэт чалавечай фігуры, у плечы ўстаўлялі дзве палачкі-рукі, а ў іх жорстка мацавалі «пілу» з трэскі. Ніжні завостраны канец цацкі ўтыкалі ў бульбіну, якая служыла процівагай. Цацку ставілі на край стала і яна паціху пагойдвалася – «пілавала» уяўнае бервяно. Складаней было зрабіць парных пілавальшчыкаў. Адзін стаяў на дошчачцы-аснове, а другі на перакладзіне, што імітавала падстаўку (сталюгу) для распілоўкі бярвенняў. Праз стойкі «сталюгі» і «пілу», за якую трымаліся фігуркі, прапускаўся каленчаты рычажок з дроту. Круціш за рычажок і пілавальшчыкі пілуюць. Дрывасекі ці кавалі (мядзведзь і каваль) рабіліся на гарызантальных палачках. На верхняй – адзін, на ніжняй – другі. Пасоўваеш палачкі ўправа-улева, і кавалі па чарзе б'юць па «кавадле».

Акрамя такіх рухаючыхся драўляных цацак рабілі і іншыя. Такія, напрыклад, як цацкі-птушкі. Іх падвешвалі над дзіцячымі калыскамі і

яны «лятялі» ад павеваў паветра. Тулава такой птушкі рабілі з цуркі апрацаванай накшталт птушынага цела, хвастом была тая ж цурка, рашчэпленая на канцы на лучыны. Крылы рабілі таксама як і хвост толькі з другой цуркі.

У канцы XIX – пачатку XX стагоддзя выраб драўлянай цацкі меў характар промыслу. Яе прадавалі на кірмашах, вывозілі за межы Беларусі. Вырабы людзей і жывёл трактаваліся звычайна схематычна, ўмоўна. Часам вырабы мелі нескладаную расфарбоўку, а фігуркі людзей аздабляліся кавалачкамі тканіны.

Пэўнае распаўсюджанне атрымалі цацкі з саломы. Іх рабілі з аднаго-двух па-рознаму слкадзеных і перавязаных саламяных пучкоў. Гэта былі розныя фігуркі: людзі, птушкі, жывёлы. Сюды ж можна аднесці і так званых «павукоў». Гэта даволі аб'емныя, але легкія вырабы. З асобных саломінак спляталі геаметрычныя фігуры. Гэтыя фігуры мелі ў асноўным рытуальны сэнс.

Таксама выраблялі лялькі – фігуркі чалавека. Іх рабілі з драўлянай цуркі, што была асновай, да яе мацавалі валасы з кудзелі, вуглём малявалі твар, а з кавалка тканіны шылі аденне. Акрамя гэтага выраблялі цацкачную мэблю, посуд, прылады працы.

Для вырабу цацак выкарыстоўвалі таксама лучынкі, шышкі, жалуды, розныя тканіны.

Набор цацак у сялянскіх дзяцей у XIX – сярэдзіне XX стагоддзя быў вельмі сціплы. Пакупная цацка рэдка трапляла ў дзіцячы быт і была сапраўдным цудам. Цацкі былі самаробныя, зладжаныя бацькамі ці старэйшымі дзецьмі. Падрастаючы, дзеці самі рабілі сабе цацкі. Найбольш пашыранай ў дзяцей малодшага ўзросту, асабліва ў дзяўчат, была лялька з анучы. Добра зробленая, яна нярэдка была любай усім дзецям у сям'і і перадавалася «у спадчыну». Звычайна ляльку шылі з тканіны, паперы. Валасы рабілі з кудзелі, воўны, нітак ці конскага воласа. Шылі і адзенне для лялек, нярэдка вельмі ўмоўнае, недэталізаванае. Хоць былі майстрыхі, якія рабілі сапраўдны касцюм, што насілі ў дадзенай мясцовасці, толькі маленькіх памераў. Рабілі лялькі і з гліны, кары дрэва. Яшчэ адзін абавязковы прадмет для дзіцячых гульняў – мячык – валялі з воўны. Мячыкі рабілі і з анучаў, якія, як і поўсць, прапітвалі дзёгцем.

Роля цацак заключалася ў тым, што яны рыхтавалі мысленне дзіцяці да вытворчай дзейнасці. Цацкі дапамагалі замацоўваць сувязь з традыцыйнай бытавой культурай, засвойваць розныя аперацыі і ўсведамляць розніцу палоў. Дзяўчынкі, гуляючы з лялькамі, посудам, вучыліся даглядаць маленькіх, шыць, выконваць іншыя бытавыя аперацыі, якія ў будучым спатрэбяцца жанчыне. Хлопчыкі, выкарыстоўваючы ў сваіх гульнях цацкі ў выглядзе прылад працы (плуг,

барана, лапата і г.д.), атрымлівалі першыя навыкі сельскагаспадарчай працы мужчыны-селяніна.

Немаўляці яшчэ да таго, як яно пачынала самастойна сядзець, давалі розныя цацкі, каб яно не плакала. «Цацкай» была і хлебная корка, пернік, сухарык, абаранак, кавалак морквы, бручкі, рэпы або маленькая цурачка, костачка і інш. «Чым бы дзіцёнак ні бавіўся, абы не плакаў» – так лічылася ў народзе. Калі ж цацкі ў руках не было, дзіця гуляла са сваімі ручкамі, ножкамі: перабірала пальчыкі, ссала іх. Па народнай прымеце такое дзіця лічылі недаўгавечным, а таму стараліся прадухіліць такія заняткі і давалі яму цацкі ці забаўляльныя прадметы. У сялянскай сям'і цацкам не прыдавалі выхаваўча-развіваючае значэнне. Перш за ўсё трэба было на нейкі час забавіць дзіця, каб мець магчымасць справіцца з хатняй працай.

Ведаючы, што кожны прадмет або цацку, якія траплялі ў рукі маленькіх, яны без разбору цягнуць у рот, маці старалася даваць тыя, што не пашкодзяць ім, папярэдне памыўшы ці выцершы іх.

Першыя гульні дзіцяці, якое самастойна магло сядзець, а потым і станавіцца на ножкі, былі звязаны з лялькай. Маці ці старэйшыя дзеці, падаючы такую цацку, казалі дзіцяці, што гэта «лялька», і паказвалі, як яе «няньчыць». Дзіця засвойвала першыя паняцці: «ляля» есць, п'е, ходзіць, размаўляе, спіць і г.д.

Гульня з цацкамі вельмі захапляла дзіця, і маці ў гэты час магла займацца хатнімі справамі. Таму, пачынаючы з калыскі, малому давалі для забаўкі самаробныя цацкі або прадметы, якія б не былі вострымі, калючымі, каб яно не зрабіла сабе шкоды. Немаўля магло працяглы час гуляць з такімі прадметамі-цацкамі. Час ад часу маці ці старэйшая дзеці падыходзілі да яго, каб зноў даць згубленую цацку ў маленькія ручкі – «лапуркі».

Падрастаючы, дзіця пачынае разумець, што не кожны прадмет, з якім яно гуляе, «смачны». На другі год жыцця дзеці пачынаюць ужо гуляць з цацкамі больш свядома. Дзяўчынкі апранаюць ляльку або звычайную цурку, якая выконвае яе ролю, у «сукенку», «спавівае», «корміць» ляльку. «Лялькай» дзіця называе ўсё, што падобна на людзей («ляля ідзе»).

Усе астатнія прадметы гульні ў маленькіх называліся «цацкі, цацы, цыцынькі, цацунькі». Як адзначалася, цацак «мануфактурнага» паходжання ў сялянскіх дзяцей амаль не было. Як правіла, цацкі дзеці рабілі самі альбо з дапамогай старэйшых дзяцей ці бацькоў. Што датычыць гульні «у лялькі», то звычайна ў яе гулялі дзяўчынкі, пачынаючы з маленькага ўзросту да падлеткавага, а то і пазней. Забавай хлопчыкаў лялька была толькі ў перыяд маленства.

Такім чынам, варта адзначыць важнае месца цацкі ў народнай педагогіцы. Яна спрыяла сацыялізацыі асобы, рыхтавала дзіця да ўспрыняцця дарослага жыцця. Праз гульню дзіця спасцігала свет, мадэлявала розныя з'явы рэчаіснасці. Яшчэ цацка давала прастор

творчаму і эстэтычнаму развіццю асобы. Акрамя выхаваўчага значэння, яна часта мела і магічны, абарончы сэнс. Народная цацка і сёння мае педагагічнае значэнне, выконваючы, акрамя ўсяго пералічанага, функцыю далучэння новых пакаленняў да традыцыйнай культуры беларускага народа, што так важна ў сучасным глабалізаваным свеце.

Літаратура

1. *Ракава Л. В.* Традыцыі сямейнага выхавання ў беларускай вёсцы. / Л.В.Ракава – Мн.: «Ураджай», 2000. – с. 111.
2. *Сахута Я.* Беларускае народнае дэкаратыўна-прыкладное мастацтва: 2-ое выд., перапрац. і дап. / Я. Сахута. – Мн.: Беларусь, 2001. – с. 110.
3. *Грымаць А. А.* Метад. дапам. / А.А.Грымаць, Л.М.Варанецкая, У.В.Пашкевіч. – Народная педагогіка беларусаў. – Мн.: Выд. Ул. М. Скакун, 1999. – с. 256.
4. *Сахута Я.* Народнае мастацтва Беларусі. – Мн.: БелЭн, 1997. – с. 287.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК ВЕДУЩАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ЗАОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВУЗА

М. Ю. Зинченко

На макроуровне одной из основных наряду с очной формой организации обучения в вузе выступает заочная форма получения образования. При практическом осуществлении обучения на заочном отделении объем непосредственных контактов студентов и преподавателей и аудиторных занятий резко снижен, предусмотрен в основном рубежный и выпускной контроль, объем изучаемого материала неизбежно редуцирован. При этом объем и тематика знаний и умений для обязательного усвоения студентами задается практически в тех же пределах что и для студентов стационара. Исходя из этой специфики, заочной форме подготовки специалистов, несмотря на ее массовость, в большинстве случаев отводиться второстепенная роль и значение. В таких условиях дидактическая и воспитательная система заочного обучения в рамках университета зачастую недостаточно реализует свой потенциал как в аспекте профессионального так и личностного развития студентов. Общепризнанно, что наиболее значительные изменения в личности студента происходят под влиянием тех факторов и условий, которые возникают в ведущих видах деятельности. Ведущей же формой совместной деятельности в системе высшего образования является учебно-познавательная деятельность. То, в каких формах и условиях протекает эта деятельность студентов, в значительной степени определяет их социальное и профессиональное становление. В отличие от студентов стационара, которые включены в различные виды деятельности (общественную, спортивную, научно-исследовательскую, культурно-развлекательную), студенты заочной формы обучения проводят в стенах университета весьма ограниченный период вре-

мени. Во время сессии учебная деятельность становиться для них абсолютно доминирующей, а зачастую и единой их деятельностью в вузе. Сущностью же учебно-познавательной деятельности выступает процесс приобретения новых или изменения уже имевшихся знаний, умений и навыков. Своеобразие учебной деятельности состоит в том, что в процессе ее осуществления студент овладевает знаниями и формирует себя как личность.

Для студентов заочного отделения вузов учебная деятельность выступает главным средством профессионального и личностного развития. Вместе с тем в условиях заочного обучения наиболее рациональным и дидактически оправданным является постулирование определяющей и доминирующей роли самостоятельной формы работы. Это обуславливается спецификой заочного обучения, где на данный вид работы отводится основная часть учебного времени, и теми требованиями к качеству образованию, которые выдвигает формирующееся постиндустриальное общество, в котором систематическое рационально и творчески организованное пополнение своего интеллектуального багажа является необходимым условием профессионального и личностного развития для каждого специалиста с высшим образованием.

В современных условиях решение задач, направленных на совершенствование образовательного процесса в рамках заочного отделения вуза, придает самостоятельной работе студентов статус базовой составляющей профессиональной подготовки специалиста и гражданина. Под самостоятельной работой студентов понимаются многообразные виды индивидуальной и групповой учебной деятельности, осуществляемых без непосредственного (или при частичном руководстве) руководства со стороны преподавателя. [1, с. 112] При этом можно констатировать, что декларируемая и признаваемая в трудах различных авторов в качестве одного из основных принципов, методов и форм заочного обучения самостоятельная учебная работа зачастую не занимает надлежащего места в обучения, имеет стихийный характер, низкую интенсивность и, как следствие, невысокую результативность.

Необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что эффективность заочного обучения напрямую зависит от «качества» внеаудиторной работы, которая для заочного отделения практически полностью сводиться к самостоятельной работе. Самостоятельная работа должна носить характер целенаправленный, внутренне мотивированный, структурированной самим субъектом и им же корректируемой учебно-познавательной деятельности. Ее выполнение предполагает достаточный уровень самосознания, самодисциплины, рефлективности, ответственности и креативности обучающегося, что в совокупности позволяет рассматривать самостоятельную деятельность студентов как процесс самосовершенствования и самопознания. [2, с. 11–12] При этом нельзя не от-

метить, что приоритет в деятельности по проектированию самостоятельной работы принадлежит профессорско-преподавательскому составу кафедр, который должен выступать в качестве «организатора образовательной среды». [3, с. 255].

Важными условиями успешного осуществления самостоятельной работы студентами является наличие дидактических и организационных умений и навыков ее осуществления. Степень готовности к самостоятельному выполнению учебной работы определяется наличием у студента определенного вида мотивации, достаточного уровня интеллектуального развития, культуры учебного труда. Важным условием осуществимости и эффективности самостоятельной работы является овладение эталонными знаниями о системе и этапах ее выполнения, перманентным сравнением студентом своих реальных действий с образцами выполнения самостоятельной работы, установление совпадений и различий между ними, внесение поправок в процесс своей учебной деятельности. Самостоятельная работа является логическим продолжением аудиторной работы. Основой самостоятельной активности служит научно-теоретический курс, комплекс знаний, полученных студентами.

Исходя из всего вышесказанного, представляется целесообразным выделить следующие *этапы организации самостоятельной работы* студентов в условиях заочного отделения. Во-первых, о*знакомительный этап*, предполагающий определение уровня знаний и умении студентов в области самостоятельной работы; ознакомления их с предстоящей и требуемой системой такого вида учебной деятельности. Во-вторых, т*ренировочный этап*, в процессе которого ставиться задача сформировать общеучебные умения и практические умения по применению знаний по образцу в стандартных ситуациях. Познавательная деятельность на данном этапе проявляется в узнавании, осмыслении и запоминании материала, закреплении знаний. В-третьих, это *творческо-практический этап*, направленный на развитие у студентов умений и навыков применения исследовательского подхода к изучению проблем учебной дисциплины, требующий анализа новой ситуации, получения и обработки новой информации, самостоятельного выбора средств и методов деятельности. [4, с 103]

В свете этого, также представляется возможным сформулировать ряд самых общих *условий-рекомендаций*, которые призваны повысить эффективность осуществления самостоятельной работы студентов заочной формы обучения в системе получения высшего образования. В частности, это особый учет специфики зрелого возраста и высокой степени сформированности личности у студентов, что должно проявляться во всестороннем обеспечении и постоянном поддержании мотивации, в четком презентировании и глубоком разъяснении студентам целей, содержания, результатов и значения самостоятельной работы для их про-

фессионального и личностного роста, учете субъективной позиции личности студента, корреляция самостоятельной работы с жизненным и профессионально-трудовым опытом студента. Также важно акцентировать внимание на необходимости разработки преподавателем (либо совместно со студентами) программы-алгоритма (схемы, графика) самостоятельной работы, применении и чередовании различных видов и форм контроля за выполнением самостоятельной работы, определение преподавателем четких критериев результативности. В качестве еще одной рекомендации может выступает широкое применение дифференцированного, личностно ориентированного подхода, модульно-рейтинговой системы, либо отдельных ее элементов, систематическое предоставление (в том числе и дистанционно) различных видов педагогической и психологической поддержки и консультативной помощи, обеспечивающей рефлексивный диалог между преподавателем и студентом, а также внутри студенческого сообщества. Предоставление студентам широкого многовариантного доступа к информационно-справочным ресурсам. Согласованность и преемственность в максимально возможном количестве организационно-методологических аспектах в области самостоятельной работы студентов на кафедрах и факультетах вуза.

Литература

1. *Дьяченко М. И.* Психология высшей школы / М.И.Дьяченко Л.А.Кандыбович – Мн.: Тесей, 2003. – 352 с.
2. Педагогические основы самостоятельной работы студентов / О.Л.Жук и др. – Мн.: РВИШ, 2005. – 111 с.
3. *Хитрюк В. В.* Педагогика высшей школы / В.В.Хитрюк. – Барановичи: РИО БарГУ, 2008. – 305 с.
4. Педагогика и психология высшей школы / М.В.Буланова-Топоркова, А.В.Духавнева Л.Д.Столяренко и др. – Ростов – н/Д: Феникс, 1998. – 526 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

С. С. Змачинский

Актуальность рассмотрения национальных факторов развития общества в данных конкретно-исторических условиях объясняется тремя основными причинами.

Во-первых, потребностью познания и использования всех, в том числе и национальных, движущих сил, которые умножают совокупную силу общества в его прогрессивном развитии. Во-вторых, необходимостью воспитания гражданина с высоким уровнем национального самосознания, способностью преобразовать национальную и гражданскую действительность. В-третьих, учетом того, что на национальной проблеме,

на ее недостаточной разработке, спекулируют различные национальные движения с националистической ориентацией, пытаясь усилить свое воздействие, прежде всего на национальное самосознание, в котором заключена огромная политическая и моральная сила.

Между идеологией национального превосходства и национальным самосознанием есть грань, переступив которую заблуждения могут возобладать над научным сознанием. Отыскать эту грань, не дать личности скатиться в болото национализма – актуальная задача преподавателя любой учебной дисциплины. Педагог, для участия в процессе формировании национального самосознания учащихся, должен в высокой степени владеть понятийным аппаратом, уважать культуру и историю своего народа, быть в курсе главных проблем, которые стоят перед обществом.

В условиях национального возрождения, активность национального самосознания рассматривается как высший уровень духовного проявления личности. Функционирование его ныне теснейшим образом вплетено в решение многих социально-экономических и общественно-политических задач национального масштаба.

Трудности, с которыми сталкивается педагог в этом процессе, связаны с общей теоретической обезглавленостью и недостаточной эмпирической иследовательностью феномена национального самосознания, ибо он является новым предметом педагогической науки.

Актуальность указанной проблемы, недостаточная научная и методологическая разработанность, предопределили выбор темы данного исследования. Центральное место в нем занимают собственно теоретико-педагогические аспекты анализа сущности формирования национального самосознания. Данную проблему мы рассматриваем во взаимосвязи достижений психолого-педагогической науки и социологии воспитания.

Этническое и национальное самосознание с разной степенью отвечающим требованиям науки рассматривают исследователи В.В.Ивановский, П.И.Кушнир, С.А.Токарев, В.И.Козлов, Ю.В.Бромлей, Л.Н.Гумилев, И.И.Потехин, Т.Р.Шаранова, С.И.Дубиницкий, В.Б.Иорданский, О.А.Михневич и др.

Для стандартного этнографического подхода характерно тождество понятий «этническое самосознание» и «национальное самосознание». Понятие «этнические процессы» и «этническое самосознание» используется и в настоящее время в качестве синонимов терминов «национальные процессы» и «самосознание нации», это создает определенные трудности при их интерпретации. Однако данные понятия следует развести. Под этносом (этнической общностью, народом) по мнению К. Чистова, следует понимать исторически сложившуюся и социально устойчивую общность, которая осознается людьми, причисляющими себя к ней по рождению, прежде всего как общность внесоциальная [1; 74].

Что касается понятия «национальное самосознание» то многие авторы определяют его слишком абстрактно, упрощенно и узко, для того, чтобы претендовать на охват всего многообразия этнической реальности.

Выявляя содержание понятия национальное самосознание, О.А.Михневич опирается не только на ранние определения, но и учитывает то, что любое положение научного понятия может развиваться, как эмпирически, так и теоретически.

Изложенное позволяет гипотетически продефилировать понятие национальное самосознание как устойчивую, внутренне осознанную идентификацию личности со своей нацией; систему ее представлений об общности исторического прошлого, настоящего и будущего своего народа; оценку положения своей нации в структуре общественных, в том числе и международных отношений; глубокое понимание национальных потребностей, интересов, идеалов и ценностей как своих личных; экономическую, территориальную, культурно-языковую и государственную общность; Гражданский национальный патриотизм, а также духовную индивидуальность своей нации [1; 74].

Данная дефиниция понятия «национальное самосознание» вполне приемлема для педагогической науки, так как она отражает сущность и основные ориентиры формирования национального самосознания на современном этапе развитии наций и национальных отношений.

Вполне понятно, что педагогические цели конкретизируются и обретают реальное содержание в зависимости от состояния конкретно-исторических условий развития национального общества и теории воспитания в целом.

В процессе исследования была сделана попытка выявить у студентов 3 курса исторического факультета и факультета международных отношений Белорусского Государственного Университета уровень знаний понятия «национальное самосознание».

На историческом факультете был опрошен 61 студент, на факультете международных отношений – 21.

На основе имеющихся попыток градации уровней усвоения знаний были выделены пять основных уровней усвоения знаний:

A. Высший уровень

B. Высокий уровень

C. Средний уровень

D. Низкий уровень

E. Отсутствие знаний

Обнаружить особенности знания понятия «национальное самосознание» у студентов позволяют данные представленные в таблице

Уровни знаний	Факультеты			
	Мж		Исторический	
A. Высший уровень	0	0%	0	0%
B. Высокий уровень	5	24%	3	5%
C. Средний уровень	11	52%	32	52%
D. Низкий уровень	0	0%	13	21%
E. Отсутствие знаний	5	24%	13	21%

Уровни знаний	82 студента
A. Высший уровень	0%
B. Высокий уровень	10%
C. Средний уровень	51%
D. Низкий уровень	16%
E. Отсутствие знаний	22%

Проведенное исследование открывает перспективы для изучения путей формирования национального самосознания студентов; также полученные данные показывают на недостаточный уровень знаний студентов, в вопросе формирования национального самосознания. Так без должного уровня знания понятийного аппарата, и не понимания аспектов формирующих национальное самосознание в дальнейшем невозможно качественным образом влиять на процесс развития национального самосознания. Важную роль в этом процессе должны играть как семья, так и школа, высшие учебные заведения.

Литература

1. *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое самосознание и некоторые проблемы духовной культуры // Советская Этнография. 1972. № 2. – С.74.
2. *Михневич О. А.* Психолого-педагогические проблемы формирования национального самосознания будущих учителей. Мн. 2007 – С.35.
3. *Челядинский А. А.* Теория международных отношений: курс лекций – Минск: БГУ, 2004
4. *Михневич О. А*. Национальное самосознание как интегративный признак нации. Мн. 2007

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УМЕНИЙ У ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ

Ю. В. Кислая

Небывалый рост объема информации требует от современного человека таких качеств, как инициативность, изобретательность, предприимчивость,

способность быстро и безошибочно принимать решения, а это невозможно без умения работать творчески, самостоятельно. В этой связи возрастает роль эвристического обучения, которое ориентировано на изначальное конструирование учеником знаний, отнесенных к содержательной части учебного материала, создание в процессе обучения образовательного продукта.

В ходе выполнения нами дипломного проекта осуществлен экскурс в историю возникновения проблем формирования исследовательской деятельности учеников при эвристическом обучении, осуществлен анализ реализации эвристического обучения в школьной практике (рассмотрены действующие программы для школ, учебники математики, проведено анкетирование учителей и учеников), также нами была внедрена методика эвристического обучения в образовательный процесс. Сущностной характеристикой реализованной нами методики эвристического обучения является придание креативного смысла обучению посредством включения учащихся в активную учебно-поисковую, творческую и рефлексивно-оценочную деятельность на уроках математики в 8 классах. Отличительной особенностью эвристического типа обучения является его направленность на деятельностное освоение школьниками содержания учебного материала по математике посредством эвристических методов обучения, что обеспечивает эффективное формирование исследовательских умений у школьников. Приоритетным направлением построения содержания эвристического обучения является создание условий для творческой деятельности самого ученика, его внутреннего образовательного приращения и развития.

Результаты проведенного констатирующего эксперимента показали, что проблемой школьной практики является недостаточная ориентация учителей на развитие творческих способностей и исследовательских умений учащихся. Анализ эксперимента показал, что отсутствие интереса к предмету учащиеся объясняют отсутствием на уроках творческих и интересных заданий (45%), проведением уроков по единообразной классно-урочной схеме (80%), отсутствием заданий, расширяющих кругозор (55%); 95% опрошенных учителей указывают на отсутствие конкретных технологий эвристического обучения как на причины, препятствующие его реализации.

Устранение этой проблемы мы видим в обогащении школьного курса математики таким учебным материалом, который мог бы обеспечить ученику возможность активно привлекаться к учебно-поисковой деятельности, в процессе которой у него происходило бы формирование исследовательских умений. На наш взгляд, таким материалом может стать система открытых задач эвристического типа

Включение в обучение открытых задач позволяет имитировать полный процесс математического исследования или отдельных его этапов, которое содействует развитию у учеников интереса к исследованию. Заметим, что в процессе решения открытых задач ученики знакомятся с

большим количеством эвристических приемов общего и специального характера. Именно методы и приемы эвристического обучения позволяют сформировать устойчивые универсальные исследовательские умения. В нашем дипломном проекте особая роль принадлежит открытым задачам как моделям реальных процессов, а также как средству обобщения математических понятий, предложений, задач. Исходя из этого, сформулированы основные требования к открытым задачам, которые могут войти в содержание школьного курса математики: a) содержание задач должно отвечать школьному курсу математики, способы их решения соответствовать структуре формируемых исследовательских умений в соответствии с возрастными особенностями;b) понятийный аппарат задач и их условия должны быть доступны ученику;c) открытые задачи как модели должны демонстрировать практическое использование математических идей и методов в определенных областях науки, производства и жизненной практики; числовые данные, приведенные в задачах, должны отражать количественные характеристики социально жизненных процессов и явлений (например, популяция зубров в Беловежской пуще).

Использование систем открытых задач в процессе обучения математике содействует: стимулированию научно-познавательной активности в процессе изучения математике; практической подготовке учащихся к изучению теоретических вопросов курса; формированию исследовательских умений; закреплению ранее изученного материала; контролю усвоения математических знаний.

В дипломном работе разработана такая система открытых задач, которая содействует формированию у учеников исследовательских умений и навыков, реализации межпредметных связей, развитию мышления, что позволяет сформировать у школьников исследовательский стиль умственной деятельности. Предложенная система задач разработана согласно содержательным линиям курса алгебры и начал анализа. Она содержит задачи разного уровня сложности, задачи для факультативных, кружковых занятий, а также самостоятельные исследовательские задачи. Формирование исследовательских умений учеников непосредственно зависит от целенаправленного использования учителем разнообразных форм, методов, средств обучения. В ходе экспериментального обучения установлено, что эффективность формирования исследовательских умений в процессе решения открытых задач обеспечивается:

1. рациональным сочетанием объяснительно-иллюстративного, частично-поискового и исследовательского методов;
2. использованием разных форм организации занятий (традиционное и нестандартное построенных уроков, математических соревнований др.);
3. оптимальным соотношением фронтальной, групповой и индивидуальной форм работы с учетом дифференциации обучения;

4. применением в учебном процессе современных информационных технологий.

Результаты проведенной экспериментальной работы в рамках дипломного проекта свидетельствует о том, что эвристическое обучение является эффективным средством развития исследовательских умений. Так в экспериментальных классах повысилась эффективность усвоения учебного материала по математике, а также прочность и качество знаний. Учащиеся стали лучше анализировать задачи, предлагать различные способы их решения, включаться активно в учебно-поисковую и исследовательскую деятельность, при этом у них повысились интерес к предмету и творческая активность. Результаты анкетирования и контрольные срезы на заключительном этапе эксперимента подтвердили эффективность эвристического обучения: 80% учеников отметили у себя заинтересованность предметом, рост таких личностных качеств, как самостоятельность при решении нестандартных заданий, сформированность исследовательских умений (анализ, синтез, моделирование, проектирование и т. д.), находить выход в незнакомых учебных и практических ситуациях. При этом эксперты отметили, что у (85%) учащихся наблюдался творческий рост и рост успеваемости.

Литература

1. *Хуторской А. В.* Эвристическое обучение / А.В.Хуторской. – М., 1998.
2. *Кулюткин Ю. К.* Эвристические методы в структуре решений / Ю.К.Кулюткин. – М.: Педагогика, 1970.
3. *Жук О. Л.* Педагогика. Практикум на основе компетентностного подхода / О.Л.Жук, С.Н.Сиренко. – Минск: РИВШ, 2007.
4. *Хабибуллин К. Я.* Обучение методам решения нестандартных задач / К.Я.Хабибуллин. – Школьные технологии. – №3. – 2004.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ СИСТЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ «MOODLE» ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ УЧЕБНЫХ КУРСОВ

И. Е. Ковалёва

Обеспечение доступного качественного образования является одной из приоритетных задач вуза. Достижению этой цели во многом способствует широкое применение информационных технологий, которые соответствуют целям и содержанию конкретной дисциплины. В связи с этим все более актуальным становится вопрос о создании электронных учебных курсов (ЭУК). В современном понимании электронный учебный курс представляет собой «учебные материалы, структурированные особым образом и доступные через компьютерную сеть» [2, с.62].

В качестве программного продукта для создания ЭУК может служить система дистанционного обучения (СДО) Moodle (англ. Module Objekt-Oriented Dynamic Learning Environment = модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда) [5].

Структура курса представлена на главной странице в виде ресурсов курса (текстовая страница, web-страница, ссылка на файл или web-страницу, книга, пояснение и др.) и элементов курса (Hotpot Quiz, Wiki, игра, задания, рабочая тетрадь, глоссарий, форум, чат, тест и др.). Стандартная система маркируемых ярлыков позволяет легко определить тип файла, размещенного в блоке.

При работе с такой системой от преподавателя требуется структурировать и подготовить в виде файлов необходимые материалы, а затем сформировать сценарий для организации аудиторной или самостоятельной работы обучаемого и представить его в виде тематических или временных блоков в определенной иерархии.

Электронный учебный курс как система включает в себя следующие функциональные блоки: информационно-содержательный, контрольно-коммуникативный и коррекционно-обобщающий. [2, с. 67]

Информационно-содержательный блок включает в свою очередь информационную и содержательную части. Информационная часть содержит общие сведения об изучаемом курсе или конкретной теме, сроки изучения данной темы, формы и время отчетности и т. п. Возможность синхронизации курса с реальным календарем семестра делает удобным определение сроков сдачи работ и отслеживание их выполнения.

Содержательная часть включает в себя учебные материалы и методические рекомендации в виде различных ресурсов или элементов курса. Также в этот блок могут быть включены учебные планы, программы и другие документы. Формируя информационно-содержательный блок, преподаватель должен принять решение о его внутренней структуре, включая относительные пропорции отдельных элементов и взаимосвязи между ними. Следует принимать во внимание, что порция информации не должна иметь огромный объем (рекомендуется от одного до пяти экранов) и ее содержание должно иметь логически целостный характер.

Текстовый материал в сочетании с графическим (схемы, диаграммы, рисунки и т.д.) или без него может быть представлен в различных форматах (*.txt, *.doc, *.html, *.pdf и др.). На наш взгляд, наиболее удобным является формат html (web-страница), поскольку он позволяет визуально представить информацию в удобном для чтения режиме. Кроме этого, в данном формате можно автоматически связывать термины с записями глоссария, с другими web-страницами и файлами. Для удобства изучения материала большого объема целесообразно использовать ресурс «Книга», который предоставляет возможность разбить материал по частям не-

большого объема для наилучшего восприятия.

Современная высокопроизводительная компьютерная техника сделала возможным достаточно широкое применение технологии мультимедиа. Файлы мультимедийных форматов могут встраиваться в текстовую страницу либо отображаться непосредственно на главной странице.

Широкое применение находит гипертекстовая технология, которая благодаря возможности создания гипертекста с помощью специального языка HTML помогает осуществлять переходы по так называемым гиперссылкам. Гипертекстовая технология упрощает навигацию и предоставляет возможность выбора индивидуальной схемы изучения материала. На основе моделирования процесса обучения становится возможным отслеживать и направлять траекторию изучения материала.

Для создания учебных материалов с целью формирования определенных навыков и развития умений предназначены инструментальные программы-оболочки. Одной из таких программ, интегрированных в СДО Moodle, является HotPotatoes. С помощью программы можно создать 10 видов интерактивных упражнений с использованием текстовой, графической, аудио- и видеоинформации (на установление соответствий, в виде тестовых заданий, на заполнение пропусков, на восстановление последовательности, кроссворды и др.).

Контрольно-коммуникативный блок включает в себя инструментальные средства компьютерных коммуникаций («Чат», «Форум»), различного вида задания, а также системы тестирования с реализацией обратной связи (элементы «Задания», «Тест», «Hotpot Quiz»).

Элемент курса «Задание» предназначен для подготовки ответов в электронном виде и стимулирует работу по выполнению письменных заданий, например, сочинений, эссе, сообщений, рефератов, компьютерных презентаций и т.д. Элемент курса «Тесты» позволяет создавать наборы тестовых вопросов (с несколькими вариантами ответов, с выбором верно/неверно, предполагающие ответ в краткой форме) непосредственно на обучающей платформе.

Оценивание работы осуществляется с помощью элементов курса «Задания», «Рабочая тетрадь», «Тесты» путем выставления отметок и комментирования выполненных заданий. Создание собственных шкал дает широкие возможности для разработки определенных критериев оценивания результатов. Для отображения оценок существует возможность заведения электронного журнала успеваемости. Применение информационных технологий для оценивания качества обучения имеет ряд преимуществ перед проведением обычного контроля. Прежде всего, это объективность, централизованность его организации, мониторинг качества знаний на протяжении всего времени изучения курса на основе протоколирования хода и итогов тестирования.

Средства компьютерных коммуникаций («Чат», «Форум») позволяют преподавателям и обучающимся совместно использовать информацию, сотрудничать в решении общих проблем, обмениваться своими идеями и комментариями, участвовать в решении задач и их обсуждении в режиме реального времени. Это также удобный способ получать информацию о том, как учащиеся усвоили материал.

Для создания совместных проектов и организации коллективной работы группы можно использовать такие элементы курса как «Wiki» (позволяет совместно работать над проектами, документами прямо в окне браузера, добавляя, расширяя и изменяя их содержание) или «Глоссарий» (для создания списка определений, словаря и т.п.). При умелом подборе заданий и создании атмосферы творчества использование элементов «Wiki», «Чат», «Форум» помогают развивать у обучаемых воображение, фантазию, интуицию, инициативность, т.е. те личностные качества, которые относятся к разряду творческих. Целенаправленное использование вышеназванных элементов позволяет вывести на новый уровень продуктивную поисково-исследовательскую и творческую деятельность обучаемых. Творческие работы способствуют возможности самовыражения обучаемых и их положительной мотивации к выполнению самой работы.

В коррекционно-обобщающий блок входят итоговые результаты учебной работы обучающегося, диагностика учебно-познавательной деятельности, анализ результатов различных видов контроля и т.п. Удобное осуществление мониторинга возможно благодаря выводу отчетов по группе с результатами работы, средним показателем по группе, графиком изменения успеваемости и т.д.

Таким образом, для обеспечения эффективного учебно-воспитательного процесса нужно учитывать то, что ЭУК должен управлять деятельностью обучаемого по изучению учебной дисциплины, стимулировать учебно-познавательную деятельность, обеспечивать рациональное сочетание различных видов учебно-познавательной деятельности и социальных форм работы, рационально сочетать различные технологии представления материала, обеспечивать совместную работу на основе коммуникационных технологий. Так как обучение и развитие являются взаимосвязанными процессами, необходимо использовать различные методы и средства для активизации познавательной деятельности обучаемых, в том числе и информационные технологии, во всех звеньях учебного процесса.

Литература

1. *Башмаков А. И.* Разработка компьютерных учебников и обучающих систем / А.И.Башмаков. – М.: Филинъ, 2003. – 611 с.
2. *Захарова И. Г.* Информационные технологии в образовании: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/ И.Г. Захарова. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 192 с.

3. *Лебедева М. Б.* Дистанционные образовательные технологии: проектирование и реализация учебных курсов./ М.Б.Лебедева [и др.]. Под общ. ред. М.Б.Лебедевой. – СПб.: БХВ-Петербург, 2010. – 336 с.: ил.+CD-ROM.
4. http://dl.bsu.by
5. http://moodle.org

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Л. О. Козлова

Большинство современных технологий обучения помогает усваивать, закреплять, совершенствовать знания. Из огромного количества технологий привлекают игровые, которые способствуют повышению эффективности урока и поддержанию интереса у детей.

Игра, наряду с трудом и учением, – один из основных видов деятельности человека, который использовался еще с древности. Однако и сейчас игра широко используется в педагогическом процессе.

Следует отметить, что в современной школе игровая деятельность используется для освоения понятий, овладения темой и даже разделом учебного предмета на уроке с целью введения, объяснения учебного материала, осуществления контроля.

Существенным признаком игры является четко поставленная цель обучения и соответствующие ей педагогические результаты. Игра создает эмоциональный подъем, а мотивация игровой деятельности обеспечивается ее добровольностью, возможностями выбора и элементами соревнования, удовлетворения потребностей, самоутверждения, самореализации.

Игры на уроках должны выступать как средства побуждения, стимулирования учащихся к учебной деятельности.

Игровые технологии помогают организовывать учебный процесс. Среди многообразия игр, которые используются в работе с детьми в школе, различают: сюжетно-ролевые и дидактические. Дидактические игры используются для достижения учебно-воспитательных целей, являются познавательными и развивающими.

Отличительной особенностью ролевых игр является то, что ученики вместе с учителем становятся исполнителями определенных ролей. Ролевые игры развивают фантазию, воображение и речь, имеют большое значение для нравственного воспитания.

Как показало изучение и обобщение педагогического опыта, весьма эффективными являются такие игровые задания как: игра «По щучьему велению», умный редактор, игра «Я работаю волшебником», игра «Помоги Пете Ошибкину», диктант-шутка, «Загадки-шутки»,

Игра «По щучьему велению»

Игра помогает учащимся ориентироваться в системе изученных орфограмм, четко формулировать наименования орфограмм. Суть работы за-

ключается в том, что учащиеся по очереди высказывают пожелания, указывая, какую орфограмму хотели бы они видеть в тетрадях своих товарищей. Остальные ученики называют и записывают слова с указанной орфограммой.

Например: «По щучьему велению, по моему хотенью, назовите мне слова с орфограммой *-тся- -ться-* в глаголах».

Умный редактор

Исправить предложения, заменив в одном из придаточных союзное слово *который* союзными словами *где, откуда, когда*. Исправленные предложения записать, расставляя знаки препинания.

Образец: *город, в котором я родился, славится заводом, который выпускает автомобили. – Город, где я родился…*

1. Дом, в котором поселились строители, был окружен тайгой, в которой было много дичи. 2. Год, в который я переселился в Тюмень, был богат такими событиями, которые невозможно забыть. 3. Поезд, на котором ехал Глеб, прибыл на станцию в час, в который все еще спали.

Игра «Я работаю волшебником»

Игра не только пробуждает интерес к работе, но и формирует умения применять полученные знания в новых ситуациях.

Например: превратить имена нарицательные в собственные.

Птица орел (*город Орел*), цветок роза (*девочка Роза*), плодородная земля (*планета Земля*).

Игра «Помоги Пете Ошибкину»

Задания.

В слове *вьюга* Петя Ошибкин написал твердый знак, так объяснив выбор орфограммы: после приставки *в-* перед гласной *ю*, с которой начинается корень *юг*, пишется твердый знак. Согласны ли вы с Петей?

В слове *соленый* Петя написал гласную *а*. «Проверочное слово – *сало*», объяснил он. Правильно ли это?

Ненавидел в тетради Пети написано раздельно. «Не с глаголами пишется раздельно», – заявил Ошибкин. Прав ли Петя?

Диктант-шутка

Такой диктант позволяет обыграть в небольшом тексте какие-либо трудные для запоминания слова. Так, например, при изучении орфограммы «Гласные после шипящих в корне» большую сложность вызывают слова-исключения. Возможно, шуточный диктант, в который включены эти слова, поможет детям запомнить их.

По *шоссе* мчалась машина. В кабине сидел *шофёр*, а в кузове тряслись чопорный *шотландец, жонглёр и шорник*. Каждый был занят своим делом. *Жора* ел *шоколад* и запивал *крюшоном*, жонглёр *жонглировал крыжовником*, пытаясь нанизать его на *шомпол*. Жокей с шорником договаривалась о *шорах* для лошади. Шотландец чопорно молчал, надви-

нув на глаза *капюшон.* Жора предлагал чокаться крюшоном. Настроение у него было мажорное, будто он ехал на веселое *шоу.*

Вдруг раздался *шорох.* Это у *обжоры* лопнул *шов* на *шортах*. Все, конечно, были *шокированы* происшествием.

Загадки-шутки

В каком глаголе 100 отрицаний? (*Сто-нет*);

В каком – 100 букв й? (*Сто-й*);

В каком – 100 букв «ю»? (*Сто-ю*).

Таким образом, игра обучает, развивает и воспитывает. Она способствует развитию мышления детей, помогает использовать полученные знания на практике. Использование игровых технологий на занятиях по русскому языку, на мой взгляд, является процессом формирования в классе общения. А коллективная работа помогает развивать сотрудничество и взаимопомощь.

Литература

1. Педагогические технологии: Учебное пособие для педвузов / В.С.Кукушин [и др.]; под общ. ред. В.С.Кукушина. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Серия «Педагогическое образование», 2007. – С. 84 – 91.
2. Игровые технологии на уроках русского языка 5–9 кл. Игры со словами, разработки уроков / В.Н.Пташкина [и др.]; под общ. ред. В.Н.Пташкиной. – Издательство: Учитель, 2009. – С.5 – 39.
3. *Селевко Г. К.* Педагогические технологии на основе активизации, интенсификации и эффективности управления УВП / Г.К.Селевко. – М.: НИИ школьных технологий, 2005. – С. 40 – 50.

КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ С ПОЗИЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Н. В. Лихачёва

Образование в целом и высшее профессиональное образование в частности играют важную роль в социально-экономическом, научно-техническом и культурном развитии общества. Сегодня высшее профессиональное образование предстает не просто как целенаправленный процесс и результат овладения выпускниками систематизированными знаниями, практическими умениями и навыками. В первую очередь, оно направлено на развитие личностных качеств будущих специалистов, которые позволяют им не только конструктивно и свободно использовать полученные в вузе знания для решения профессиональных задач различного класса сложности, но и активно участвовать в развитии социума в целом.

В современных условиях совершенствования системы высшего профессионального образования в целях достижения его соответствия социально-экономическим преобразованиям, удовлетворения требований

рынка труда особо остро ставится проблема улучшения качества подготовки выпускников. Анализ научно-педагогической литературы показал, что единого, однозначного подхода к оценке качества профессиональной подготовки студентов в системе высшей школы пока нет. Вопросы качества профессиональной подготовки исследуются в работах С.И. Архангельского, А.А.Вербицкого, Е.В.Яковлева, В.П.Беспалько, В.Д.Шадрикова, А.В.Макарова и др. Проблема качества образования интерпретируется по-разному учеными, занимающимися данной проблемой. Так, в частности, в словаре по педагогике под качеством образования понимается определенный уровень знаний и умений, умственного, нравственного и физического развития, которые достигли обучаемые на определенном этапе в соответствии с планируемыми целями. В.Д.Шадриков, рассматривая качество образования как подготовленность субъекта, получившего образование определенного качества, к выполнению конкретных функций отмечает, что при оценке качества образования следует учитывать качественные отличия разных уровней и видов образования. Н.М.Халимова, О.З.Халимов, Т.Г.Кузнецова под качественным образованием понимают, прежде всего, становление человека, обретение им своей неповторимой индивидуальности, духовности, творческого начала. Способность человека к самореализации, саморазвитию, саморегуляции и самовоспитанию, по мнению авторов, является существенной характеристикой их образования. Качество профессионального образования, по мнению Ю.В.Фролова, Д.А.Махотина определяется степенью приобщения студента к целостной сфере будущей профессиональной деятельности, достигнутой в процессе реализации образовательной программы. По мнению М.Н.Вишневского, о качестве образования следует судить по тому, как оно сказывается и на выполняемой профессиональной деятельности, и на жизни человека в целом, на его мировосприятии и самооценке.

Большинство современных ученых (И.А.Зимняя, Ю.Г.Татур, В.Д.Шадриков, В.И.Байденко, А.В.Хуторской, В.А.Болотов, В.В.Сериков, В.Шершнева, А.А.Вербицкий, А.А.Орлов, Е.И.Исаев, А.В.Макаров, О.Л.Жук и др.) к вопросам качества образования сегодня подходят с позиции компетентностного подхода. Согласно авторитетному мнению исследователей, компетентностный подход, в отличие от традиционного «знаниевого» подхода, ориентирует систему подготовки выпускников не на готовые знания, получаемые в процессе обучения в высшей школе, а на умение «успешно организовывать деятельность в широком социальном, экономическом, культурном контекстах» [1, с. 8–9]. Сегодня востребован специалист, который способен самостоятельно справляться с возникающими трудностями, принимать необходимые решения и нести

ответственность за свой выбор. Именно такое качество образования призван обеспечить компетентностный подход, на основе которого сегодня разрабатываются государственные образовательные стандарты нового поколения в отношении высшего образования.

Компетентностный подход в системе высшего профессионального образования позволяет: перейти в профессиональном образовании от его ориентации на воспроизведение знания к применению и организации знания; «снять» диктат объекта (предмета) труда (но не игнорировать его); положить в основание стратегию повышения гибкости в пользу расширения возможности трудоустройства и выполняемых задач; поставить во главу угла междисциплинарно-интегрированные требования к результату образовательного процесса; увязать более тесно цели с ситуациями применимости (используемости) в мире труда; ориентировать человеческую деятельность на бесконечное разнообразие профессиональных и жизненных ситуаций [1, с. 11].

Анализ научно-педагогической литературы показывает, что стержневыми педагогическими категориями компетентностного подхода выступают понятия «компетенция» и «компетентность». Несмотря на повышенный интерес ученых к различным аспектам проблемы компетентностного подхода в образовании, определенную сложность по-прежнему продолжают представлять разнообразные определения данных понятий и принципы их классификации. Исследователи либо отождествляют эти два термина, либо разделяют их, придавая каждому разные смыслы. Распространенной точкой зрения является подход, согласно которому компетенция является комплексом продуктивно приобретенных знаний, умений и навыков, личностных качеств и опыта практической деятельности по предметной области. Компетентность, в свою очередь, определяет способность применить указанный комплекс в произвольной внешней ситуации в профессиональной сфере. По мнению А.В.Макарова, «компетенции студента (выпускника) отражают «скрытые» потенциальные качества будущего специалиста. Компетентность, напротив, – актуализированное интегральное качество (выпускника) специалиста, включающее как необходимые знания, умения, навыки, так и приобретенный социально-профессиональный опыт, выраженные личностные качества, ценностные ориентации и установки» [4, с. 16]. Таким образом, под компетенцией подразумевается некоторое заданное требование к образовательной подготовке выпускника, а под компетентностью – уже состоявшееся его личностное качество.

Реализация компетентностного подхода в высшей школе направлена на формирование у выпускника социально-профессиональной компе-

тентности как главного интегрированного результата высшего профессионального образования и основного критерия оценки его качества. И.А.Зимняя под социально-профессиональной компетентностью понимает совокупное, личностное качество человека, позволяющее определить его как компетентного в своей области [3]. Социально-профессиональная компетентность выпускника, характеризующаяся как интегральное, целостное качество его личности, которое позволяет будущим специалистам более эффективно и конструктивно решать широкий круг вопросов из профессиональной, социальной и личностной сфер, проявляется в способности критически мыслить и самостоятельно действовать в решении задач, выполнять не только типовые, но и сложные задачи в нестандартных ситуациях, быть ответственным, стремиться к самообразованию и повышению уровня своей квалификации; проявлять творческую активность и нести ответственность за свой выбор.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в виду жестких требований к системе высшего профессионального образования, к качеству и уровню подготовки выпускников высших профессиональных учреждений, компетентностный подход позволяет увидеть результат образовательного процесса с точки зрения запросов общества, рынка труда и конкретных ожиданий работодателя. При реализации компетентностного подхода социально-профессиональная компетентность выступает в качестве целостного результата высшего профессионального образования и главного критерия оценки его качества.

Литература

1. *Байденко В.* Компетенции в профессиональном образовании (К освоению компетентностного подхода) / В.Байденко // Высшее образование в России. – 2004. – № 11. – С. 3 – 13.
2. *Зимняя И. А.* Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека / И.А.Зимняя // Интернет-журнал «Эйдос» [Электронный ресурс]. – 2006. – 4 мая. – Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2006/0504.htm. – Дата доступа 13.01.2010.
3. *Макаров А. В.* Проектирование стандартов высшего образования нового поколения: компетентностный подход / А.В.Макаров // Вышэйшая школа. – 2006. – № 5. – С. 13 – 19.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАТРАТЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА И СНГ

Н. О. Мурашева

Расходы на образование являются приоритетными инвестициями в любом гражданском государстве, поскольку развитие всех отраслей экономики напрямую зависит от уровня образованности общества. Состоя-

ние и развитие национальной системы образования в быстро изменяющейся социально-экономической жизни на постсоветском и мировом пространстве – важнейшая проблема белорусского общества. В современных условиях общая задача для системы образования состоит в изменении вектора развития от ее впечатляющих достижений в жестких условиях социалистической плановой экономики и закрытой политической системы к реформированию в соответствии с реальным развитием рыночных механизмов открытого гражданского общества.

В соответствии с Законом РБ «Об образовании» государственные учреждения образования финансируются из республиканского и (или) местных бюджетов. Объем бюджетного финансирования на содержание и развитие национальной системы образования утверждается законом Республики Беларусь о бюджете на очередной финансовый (бюджетный) год и устанавливается в размере не менее 10 процентов от ВВП [2, с. 53]. Дополнительное финансирование может осуществляться за счет иных средств, выделяемых базовыми шефствующими предприятиями, попечительскими советами, спонсорами, а также за счет полученных в соответствии с законодательством доходов от платных образовательных услуг, производственной и научной деятельности, гуманитарной помощи. По данным «Доклада о развитии человека 2007/2008 гг.», подготовленного для Программы развития ООН (ПРООН), текущие государственные расходы Беларуси на дошкольное и начальное образование в 2002–2005 гг. составляли 27% от общего объема госрасходов на образование, на среднее образование – 48%, на высшее образование 25% от общего объема расходов государства на образование [3, с. 266].

Общеобразовательные частные учебные заведения Беларуси переживают не лучшие времена. Первые частные школы в стране появились в 1991 г. В середине 90-х гг. только в Минске функционировало 11 частных школ, на сегодняшний день осталось четыре – две гимназии и два учебно-образовательных комплекса. Причина тому – отсутствие собственных зданий, правовых механизмов по отведению земельных участков под строительство, льготных кредитов [7].

В последние годы финансирование высшего образования основывается на мобилизации средств населения, а этот источник постепенно иссякает. Белорусские вузы сталкиваются с прогрессирующим дефицитом внутренних финансовых ресурсов, хотя стоимость платного обучения, например, на первом курсе в высших учебных заведениях Беларуси составляет от 52 до 70% от стоимости подготовки специалистов за счет бюджета. В 2009 году государственные вузы увеличили прием студентов на платные отделения на 1,8 тыс. человек.

В 2007 г. была принята программа по экспорту образовательных услуг, предполагающая, что за счет иностранных студентов можно будет компенсировать недостаток средств. В этом учебном году в Беларуси получают образование 9028 иностранных граждан из 84 стран (в 2008 г. – 7537). Наибольшее количество студентов приехало в Беларусь из Туркменистана (2803) и Китая (1828). Наиболее популярны у иностранных студентов Белорусский государственный университет, где учится 1465 иностранцев, Белорусский государственный медицинский университет (786), Белорусский национальный технический университет (559) и Витебский государственный Ордена дружбы народов медицинский университет (551) [7].

Активно сотрудничают в сфере образования страны СНГ. Начало процессу взаимодействия образовательных систем стран Содружества было положено в мае 1992 года, когда было подписано Соглашение о сотрудничестве в области образования. Подписание в январе 1997 года правительствами государств – участников СНГ Концепции формирования единого (общего) образовательного пространства СНГ и Соглашения о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства СНГ придало сотрудничеству в области образования новый импульс, определило конкретные направления, цели и задачи его развития. Согласно статистике, по расходам консолидированного бюджета СНГ, на образование и профессиональную подготовку (в % к ВВП) Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия Молдова, Российская Федерация, Таджикистан лишь незначительно отстают от стран Евросоюза [4].

В 2003 году в странах ЕС на высшее образование было израсходовано в среднем 1,18% ВВП. Большинство стран незначительно отклоняются от среднеевропейского показателя [5, с. 56]. Исключения составляют Кипр (1,57%) и скандинавские страны: Дания (1,75%), Финляндия (1,75%), Швеция (1,73%), а также Италия (0,9%), Мальта (0,61%) и Словакия (0,9%). Если же принимать во внимание только финансирование из государственных, региональных и местных бюджетов, то в среднем на обучение в колледжах, университетах и докторантуре страны ЕС израсходовали 1,14% ВВП. Доли ВВП, характеризующие расходы на высшее образование из государственных и местных бюджетов, варьируются более заметно: от 2,5% в Дании до 0,68% в Румынии [5, с. 55].

Высшее образование в ЕС финансируется на 79,9% за счет общественно-государственных расходов, 5,4% поступает от некоммерческих организаций и фирм и 11,5% средств вносится в качестве платы за обучение. Структура бюджетов учреждений высшего образования весьма

различна, но удельный вес государственных субсидий высок во всех странах. В Дании, Греции, Португалии и Финляндии доля бюджетных ассигнований покрывает более 90% всей суммы расходов университетов. В Болгарии, на Кипре, в Латвии и Польше она составляет около 70%. Бизнес-корпорации и благотворительные организации, как правило, редко перечисляют деньги прямо в бюджеты вузов, однако в Венгрии, Нидерландах, Швеции и Великобритании их взносы составляют 11–16% бюджетов учреждений высшего образования. Зарубежные источники играют важную роль в финансировании университетов и колледжей в Греции, Латвии, Литве и Мальте [5, с. 56].

В целом правительства стран Европы прилагают значительные усилия, чтобы устранить социально-экономические барьеры на пути к высшему образованию. Финансирование высшего образования осуществляется либо непосредственно, путем прямого перечисления средств учебным заведениям, либо опосредованно через финансовую поддержку студентов или перевод некоммерческим благотворительным организациям бюджетных средств для их последующего перераспределения. В Дании и Норвегии 32,2 и 36,7% средств выделяется на поддержку студентов, обеспечение их финансовой независимости. Такая финансовая политика привела к тому, что в этих странах более 15% обучающихся в вузах и докторантуре старше 35 лет. В Лихтенштейне, Мальте, Кипре нет обучения по некоторым специальностям, поэтому значительная доля средств выделяется здесь на обеспечение студентам возможности получить образование за границей.

Во многих странах ЕС студенты частично компенсируют учебным заведениям издержки на свое образование. С них взимается плата за обучение, за административные расходы (вступительные взносы, которые платят при зачислении; ежегодные регистрационные взносы; сертификационные взносы на оплату экзаменов и оформление дипломов).

Как показал проведенный анализ, проблемы финансирования образования в ЕС и странах СНГ во многом совпадают. Самоизоляция от мирового образовательного пространства может иметь отрицательные последствия для любой национальной образовательной системы. Следует объединять усилия по развитию образования, сохраняя при этом национальные достижения и традиции. Необходимо развивать международную интеграцию, сохраняя все лучшее из собственного опыта. По мнению экспертов Всемирного Банка реконструкции и развития, странам с переходной экономикой «необходимо привести финансирование своих образовательных систем в соответствие с бюджетными реалиями, не ставя под угрозу равный доступ и качество образования. Необходимо улучшение системы финансирования образования с целью обеспечения стабильного, качественного и справедливого предоставления образовательных услуг» [1, с. 3].

Целесообразно было бы провести целый комплекс мероприятий, направленных на повышение качества образования, в том числе на платной основе: делегировать учебным заведениям больше полномочий в осуществлении самостоятельной финансовой деятельности, перейти на нормативное подушевое (бюджетное) финансирование общеобразовательных учреждений, обеспечить доступность качественного общего образования, повысить качество школьной учебной литературы, уровень оплаты труда работников образования, модернизировать систему подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников образования, повысить качество профессионального образования, расширить общественное участие в управлении образованием, развивать сеть негосударственных общеобразовательных учреждений [6].

Литература

1. Образование в странах с переходной экономикой: задачи развития / Всемирный Банк Европа и Центральная Азия. Сектор социального развития. USA, 2000. 146 с.
2. Закон Республики Беларусь «Об образовании» от 29 октября 1991 г. N 1202-XII.//Национальный правовой Интернет-портал РБ [Электронный ресурс]. 2010. http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=V19101202.
3. Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в измененном мире / Пер. с англ. М., 2007. 400 с.
4. Образование в СНГ [Электронный ресурс]. 2010. http://cis.unibel.by/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=158.
5. Затраты на высшее образование в Европе. // Отечественные записки. 2008. № 1. С. 55–65.
6. Сайт Министерства образования и науки РФ [Электронный ресурс]. 2010. http://mon.gov.ru/work/obr/prior//
7. Образование и обучение в Беларуси. [Электронный ресурс]. 2010. http://www.obrazovanie.by/news/2010-02-03.html, http://www.obrazovanie.by/news/2009-05-06-2.html.

СТИМУЛИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ АКТИВНЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ

М. В. Пачковский

Социальные и культурные изменения в обществе столь велики, что консерватизм школьной практики часто оказывается тормозом социального развития и ограничивает возможности выпускников школ в самореализации, успешной деятельности в быстро меняющемся мире.

Школьное образование может стать механизмом подготовки школьников к самостоятельной жизни и их эффективной социализации при условии владения выпускниками функциональной грамотностью и универсальными компетенциями: делать выбор в ситуации неопределенно-

сти, принимать ответственные решения, ставить цели собственной деятельности, ее планировать и организовывать, работать в команде, оценивать полученные результаты и т.п. Формирование этих компетенций во многом определяется учебно-познавательной активностью школьников.

Анализ проблемы стимулирования учебно-познавательной активности личности в обучении показывает, что стратегическим направлением активизации обучения является не увеличение объема передаваемой информации, не усиление и увеличение числа контрольных учебных мероприятий, а создание дидактических и психологических условий осмысленности учения, включения в него учащегося на уровне как интеллектуальной, так и социально-личностной активности [3, 4].

От учащегося в процессе личностно ориентированного обучения требуется не только понять, запомнить и воспроизвести полученные знания, но и уметь ими оперировать, применять их в практической деятельности. Чем активнее протекает этот мыслительный и практический учебно-познавательный процесс, тем продуктивнее его результат. У учащегося начинают более устойчиво формироваться новые знания и опыт, которые обеспечивают формирование личностного новообразования.

Результаты ряда исследований показывают, что проблема формирования и стимулирования учебно-познавательной активности может решаться средствами активных форм и методов обучения, которые выступают альтернативными традиционному типу обучения [1, 2, 4].

Активные формы и методы обучения – это формы и методы, которые побуждают учащихся к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения учебным материалом, способствуют приобретению универсальных умений (осуществлять системный анализ, самоконтроль, самооценку, самоопределение, общение и др.). Эта система методов направлена главным образом не на изложение преподавателем готовых знаний, их запоминание и воспроизведение учащимися в готовом виде, а на самостоятельное овладение школьниками знаниями и умениями в процессе активной мыслительной и практической деятельности.

Появление и развитие активных форм и методов обусловлено тем, что перед обучением встали новые задачи: не только дать учащимся знания, но и обеспечить формирование и развитие познавательных интересов и способностей, творческого мышления, умений и навыков самостоятельного умственного труда. Если раньше знания, полученные в школе, техникуме, вузе, могли служить человеку относительно долго, иногда в течение всей его трудовой жизни, то в условиях научно-технического прогресса и информационного роста их необходимо постоянно обновлять. Это может быть достигнуто главным образом путем самообразования,

что требует от человека учебно-познавательной активности и самостоятельности.

Применение учителем активных форм и методов обучения также меняет привычную для ученика ситуацию, характер его деятельности, ставит в иную позицию: ученик перестает быть «пассивным объектом», который принимает очередную порцию знаний, а становится активным участником учебного процесса.

Результаты проведенной нами экспериментальной работы в 7–8 классах средней общеобразовательной школы №115 г. Минска показали, что только 36% учителей лишь частично используют активные методы обучения. Среди них: обучение решению ключевых задач по математике (18%), технология разноуровневого обучения (36%), дидактические и деловые игры (27%), метод объяснения с использованием средств наглядности (27%), незначительное количество учителей используют на своих уроках семинары, учебные дискуссии, поисковые самостоятельные работы, метод мозгового штурма. Более 64% учителей отдают предпочтение традиционным методикам. Такой незначительный процент использования активных форм и методов обучения учителя обосновывают некоторыми трудностями их применения: значительными временными затратами на подготовку уроков (73%), низкой готовностью учащихся к самостоятельной работе и работе в коллективе (45%), недостаточным уровнем психологической и педагогической готовности учителей применять активные формы методы обучения (36%), недостаточным количеством методических разработок для проведения уроков посредством активных форм и методов обучения (36%).

Результаты анкетирования показали, что применение активных форм и методов обучения влияет на совершенствование учебного процесса (учебный процесс становится более личностно ориентированным, повышается его проблемность и исследовательский характер, активизируется самостоятельная работа школьников, усиливается функция самоконтроля учащихся).

По результатам самооценки количество учащихся контрольной группы, у которых сформировались в ходе педагогического эксперимента нижеперечисленные умения и личные качества, выросло: умение работать в группе (с 15 до 40%), самостоятельно действовать в незнакомых ситуациях (с 18 до 37%), умение анализировать, обобщать, систематизировать материал, делать выводы (с 23 до 65%), умение самостоятельно решать задачи (с 28 до 59%), организованность (с 15 до 53%), дисциплинированность (с 8 до 39%). Кроме того, учащиеся отметили повышение мотивации решения задач: они решают задачи на уроках математики не потому, что их задает учитель, а потому, что эти задачи пригодятся в

личной жизнедеятельности. При этом учащиеся подчеркнули, что у них появилось желание научиться самостоятельно решать задачи, контролировать и оценивать полученные результаты.

Таким образом, благодаря использованию на уроках математики активных форм и методов обучения у учащихся развивается учебно-познавательная активность, самостоятельность, инициативность, ответственность за принятые решения.

Литература

1. *Жук О. Л.* Педагогика / О.Л.Жук. – Минск: БГУ, 2003.
2. *Запрудский Н. И.* Современные школьные технологии: Пособие для учителей / Н.И.Запрудский. – Минск, 2003.
3. *Казимирская И. И.* Организация и стимулирование учебно-познавательной активности учащихся старших классов: учеб.-метод. пособие для рук. и педагогов общеобразоват. шк./ И.И.Казимирская. – Минск: РИВШ, 2007.
4. *Грибальчик Е. К.* Обучаем иначе: Стратегия активного обучения в школе / Е.К.Грибальчик, Д.И.Губаревич, И.И.Губаревич, С.В.Петрусев. – Минск: Красико-Принт, 2001.

ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ГИМНАЗИИ № 7 г. СВЕТЛОГОРСКА

А. А. Пигина

Личностно-ориентированное обучение – это построение учебного процесса, в котором одинаково заинтересованы и те, кто обучает, и те, кто обучается: это образование, которое не только учитывает самоценность каждой детской личности, но и прогнозирует индивидуальную траекторию развития ребенка. Ведущим стратегическим направлением развития системы школьного образования в мире, на сегодняшний день является, личностно-ориентированное обучение. Личностно-ориентированное обучение понимается, как обучение, выявляющее особенности ученика – субъекта, признающее самобытность и самоценность субъектного опыта ребёнка, выстраивающее педагогические воздействия на основе субъектного опыта учащегося. Личностно-ориентированное обучение – это система работы учителя и школы в целом, направленная на максимальное раскрытие и выращивание личностных качеств каждого ребёнка.

Возможность целенаправленного личностного развития определяется, прежде всего, личностными и профессиональными качествами самого учителя. Немаловажное значение имеет выбор учебников и пособий, написанных в рамках личностно-ориентированного подхода, форм и ме-

тодов классно-урочной и внеурочной деятельности. Следует учитывать, что параллельно со школой на детей влияют семья, бытовое окружение, круг внешкольного общения со сверстниками, средства массовой информации. Нельзя упускать из вида необходимость коррекции их воздействия и использования для решения педагогических задач. Личностный подход заставляет переосмысливать формы организации урока и классно-урочной деятельности. Он предполагает изменение структуры, а также форм его организации. Урок превращается в творческое обобщение и проблемную дискуссию. Учителя постепенно начинают отходить от фронтальной работы со всем классом, комбинируя её работой малыми группами и индивидуальной.

Хотелось бы предложить вашему вниманию пример системы личностно-ориентированного образования, которая сложилась у нас в гимназии №7 г. Светлогорска Гомельской области.

Классно-урочные, групповые занятия их организация предполагают широкое использование различных технических средств обучения, в том числе персональных компьютеров, сопровождение некоторых занятий тихой музыкой, свободное перемещение учащихся по классу в процессе занятий, различную расстановку индивидуальных парт для коллективных или фронтальных занятий (круговое расположение парт, соединение индивидуальных парт в общий стол для занятий бригадой и т.д.).

Содержание школьного компонента учебного плана представлено 45 формами занятий по интересам: это факультативы, курсы по выбору, кружки, студии, что позволяет реализовать учащимся свои интересы, способности и склонности, создает необходимые условия для обучения с учетом их будущего профессионального самоопределения.

Внеурочная работа гимназии – это своего рода ансамбль различных занятий по интересам, который обеспечивает большое количество различных кружков, вокальных ансамблей, спортивных секций, других объединений учащихся по интересам. Каждый ученик может выбрать для себя занятие во внеурочное время.

Общешкольное ученическое самоуправление свою работу организует и осуществляет совместно с учителями и классными руководителями. Для проведения конкретного мероприятия создаются временные творческие группы учителей, родителей, учащихся. Их работа организуется и проводится, как правило, в режиме КТД (Коллективная Творческая деятельность)

Трудовое обучение и трудовая деятельность учащихся – это главный принцип, на котором строится жизнедеятельность учащихся. Трудолюбие как качество личности формируется у учащихся в процессе полезной трудовой деятельности, фронт работ для которой практически неограничен.

Мониторинг процесса личностного развития каждого ученика – это ещё одно из обязательных условий организации личностно-ориентированного обучения в нашей гимназии. Систематическая диагностика и коррекция процесса личностного развития каждого ученика проводится с момента поступления ребёнка в школу. В проведении диагностики и коррекции процесса личностного развития учащихся принимают участия все учителя, классные руководители под руководством психолога гимназии. Оценка результатов диагностики личностного развития учащихся проводится, прежде всего, по параметру динамики индивидуального развития каждого ученика.

Методическое обеспечение личностно-ориентированного обучения в гимназии можно оценивать как хорошее: для учителей и учащихся подготовлены методические памятки «Основные требования к личностно-ориентированному уроку», «Критерии эффективности проведения личностно-ориентированного урока», «Деятельность учителя на уроке с личностно-ориентированной направленностью», «Виды заданий для развития индивидуальной личности», «Самоанализ личностно-ориентированного урока», «Самооценка моей работы на уроках», «Рефлексия моего эмоционального состояния в течение урока» и др.

Личностно-ориентированное обучение может быть реализовано при условии, что вся школа работает на общую идею. Это предполагает создание единой образовательной среды от первого до выпускного класса, непрерывность преемственность между всеми ступенями образования, единство методических подходов на протяжении всего периода обучения, единое психологическое пространство, единый стиль отношений к учащимся и учителей, и завуча, и директора, и учащихся между собой.

«Нельзя двигать вперед головой, повернутой назад, а потому недопустимо в школе XXI века использовать неэффективные, устаревшие технологии обучения, изматывающие и ученика, и учителя, требующие больших временных затрат и не гарантирующие качество образования…» – подчеркивает М.М.Поташник.

Литература

1. *Полат Е. С.,* Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учебное пособие для студентов педагогических вузов и системы повышения квалификации педагогических кадров / Е.С.Полат, М.Ю.Бухаркина, М.В.Моисеев, Е.С.Петров; Под ред. Е.С.Полат. – М.: Издательский центр «Академия» , 2001. – 272 с.
2. Управление качеством образования: Практикоориентированная монография и методическое пособие / М.М.Поташник, Е.А.Ямбург,
3. *Матрос Д. Ш.* / Под ред. М.М.Поташника. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 352 с.

СУЧАСНЫ ВОПЫТ ВЫВУЧЭННЯ ЭТНАКУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ У АГУЛЬНААДУКАЦЫЙНЫХ ШКОЛАХ

Д. С. Пратасевіч

Этнакультурныя нацыі – гэта стварэнне, назапашванне і трансляцыя з пакалення ў пакаленне бытавых і культурных асаблівасцей народа, яго поглядаў, ідэалаў, які ствараецца яго індывідамі і існуючай ў побыце людзей паэзіі (эпаса, паданняў, легенд, казак), тэатральнага і музычнага фальклора побытавых танццаў, дойлідства, ужытковага мастацтва. Да этнакультуры звычайна адносяць:

- Традыцыйную рэлігію (язычніцтва);
- Рытуалы і святы землробчага календара;
- Сямейныя абрады;
- Нацыянальну кухню;
- Нацыянальны касцюм;
- Музычныя інструменты;
- Нацыянальны этыкет;
- Звычаі;
- Грамадскія рытуалы;
- Традыцыйныя працоўныя заняткі, рамествы.

У 1993 годзе дацэнт Беларускага дзяржаўнага універсітэта культуры і мастацтваў І.І.Сучкоў прапанаваў увесці ў агульнаадукацыйных школах інтэграваны прадмет «Этнакультура беларусаў». Першай яго ініцыятыву падтрымала школа ў Сеніцы. Першай мінскай школай з паглыбленым вывучэннем прадметаў тэнамастацкага цыклу стала СШ № 89. Затым пляцоўка «Этнашкола» была адчынена ў Міханавічах, Наваполацке, Вілейцы, в.Дземідавічы, в.Палачынцы, Навагрудку, Любані, СШ № 3 г. Мінска.

У склад інтэграванага прадмета «Этнакультура беларусаў» уваходзяць наступныя прадметы паглыбленага вывучэння этнамастацкага цыклу:

- Тэатральны фальклор (у базавай школе – фальклорны тэатр);
- Мастацтва вуснага слова (вусны фальклор);
- Харэаграфічны фальклор;
- Музычны фальклор;
- Песенны фальклор;
- Акрабатыка (фізічная культура);
- Мастацкая праца (ужытковае мастацтва).

Эксперыментальныя праграмы прадметаў паглыбленага вывучэння ўмоўна падзелены на тры часткі. У першую ўваходзяць праграмы прадметаў

паглыбленага вывучэння для вучняў першага класа. У другую частку – для вучняў пачатковай школы (2-я – 4-я класы). Трэцюю частку складаюць праграмы прадметаў для вучняў базавай школы (5-я – 9-я класы).

Дзеля заняткаў па прадметах паглыбленага навучання клас дзеліцца на 2 групы. На групавых, дробнагрупавых занятках, у ансамблях, аркестрах і зводных занятках дзеці вучацца тэартральнаму дзеянню і ігры на фальклорным музычным інструменце, побыткавым танцам і спевам сваей мясцовасці, ужытковаму мастацтву: вышыўцы, вязанню, выцінанцы, разьбе і размалеўцы па дрэве, ганчарству, ткацтву,пляценню з саломы, лазы і г.д.

Вопыт паказвае, што адукацыя сродкамі этнакультуры садзейнічае выхаванню творча актыўнай асобы, дапамагае перадаць нашчадкам велізарны міфалагічны, філасофскі, мастацкі, маральны, эстэтычны вопыт, які назапашылі беларусы.

Заняткі па прадметах паглыбленага вывучэння этнамастацкага цыклу накіраваны адначасова ў два напрамкі:

- Развіць ва ўсіх дзецях попыт да мастацка-творчай работы і даць ім трываля навыкі ўласнай мастацкай дзейнасці;
- Развіць у вучняў цікавасць да фальклору і на гэтай аснове навучыць правільна, эмацыянальна глыбока ўспрымаць творы мастацтва, яго розныя формы і напрамкі.

Галоўнымі задачамі выкладання ўсіх прадметаў паглыбленага вывучэння з’ўляюцца:

- Выхаванне актыўных адносін да жыцця і з’яў мастацкай культуры, да фальклору і ўжытковага мастацтва;
- Ужыўлення вучня ў кантэкст беларускай этнакультуры;
- Сістэматычнае развіцце мастацка-творчых здольнасцей усіх без выключэння вучняў, фарміраванне ў дзяцей практычных навыкаў работы ў разных відах і жанрах фальклорна-аўтэнтычнай дзейнасці;
- Далейшае развіцце ўжытковага мастацтва сваей іясцовасці, аднаўленне, рэстаўрацыя і рэканструкцыя аўтэнтычных формаў фальклору;
- Выхаванне дакладных уяўленняў аб нацыянальнай сваеасаблівасці роднай культуры, свят і абрадаў земляробчага календара, мастацкіх традыцый аўтэнтычнага фальклору ўжытковага мастацтва;
- Збіранне, вывучэнне і захаванне мясцовага фальклору;
- Фарміраванне здольнасцей выкарыстоўваць мастацкія навыкі і веды ў жыцці і практычнай дзейнасці незалежна ад прафесіі.

Асобныя заняткі па ўсіх прадметах паглыбленага вывучэння этнакультурнала цыклу аб’ядноўваюцца вакол апроных практыкаванняў для вырашэння адзіных вучэбна-выхаваўчых і творчых задач. Ядром

апорных практыкаванняў «Этнашколы» з’яўляюцца сінкрэтычныя з’явы фальклору, якія ў першасным сінтэзе яднаюць усе (альбо амаль усе) яго жанры. Ланцужок апорных практыкаванняў складае адукацыйна-выхаваўчыя модулі. У кожным класе такіх модулей два:

1 – «Калыханка», «Ляльнік»
2 – «Каляды», «Камаедзіца»
3 – «Багач», «Грамніцы»
4 – «Масленіца», «Абрад ініцыяцый (выпускны баль)»;
5 – «Жаніцьба коміна», «Семуха»
6 – «Дзяды», «Юр’я»
7 – «Дамавік», «Купалле»;
8 – «Жаніцьба Цярэшкі», «Вяселле»;
9 – «Радзіны», «Абрад ініцыяцый (Выпускны баль)».

На працягу навучальнага года настаўнік прадметаў паглыбленага вывучэння прадметаў этнамастацкага цыкла павінен праводзіць бягучую ацэнку ўменняў і ведаў вучняў. Ацэнка паспяховасці за чвэрць і год выстаўляецца на подставе адзнак за кожную практычную работу і за вучныя адказы вучняў. З улікам спецыфікі фальклору і ўжытковага мастацтва (як вучэбных прадметаў) і асобных адносін вучняў да фальклорна-мастацкай дзейнасці ацэнка бягусых работ павінна быць стымулюючай, яна павінна заахвочваць старанасць і захапленне школьнымі заняткамі. Адмоўная адзнака не дапускаецца.

Такім чынам, у разглядаемым вопыце зроблена спроба ўзнавіць святы, якія дапамагаюць больш зручным і цікавым спосабам пазнёміць школьнікаў з традыцыямі нашых продкаў.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ

Д. А. Рудь

Применение современных информационных технологий в обучении – одна из наиболее важных и устойчивых тенденций развития мирового образовательного процесса. В отечественной общеобразовательной школе в последние годы компьютерная техника и другие средства информационных технологий стали всё чаще использоваться при изучении большинства учебных предметов.

Информация существенно повлияла на процесс приобретения знаний. Новые технологии обучения на основе информационных и коммуникационных позволяют интенсифицировать образовательный процесс, увеличить скорость восприятия, понимания и глубину усвоения огромных массивов знаний.

Информационная технология обучения – это процесс подготовки и передачи информации обучаемому, средством осуществления которого является компьютерная техника и программные средства.

В информационных технологиях обучения выделяют два компонента**,** участвующих в передаче учебной информации: технические средства, (компьютерная техника и средства связи), и программные средства, к ним относится компьютерная техника и средства связи, и программные средства (ПС), различного назначения. Для разработки уроков с компьютерной поддержкой учителю важно знать функциональные возможности и условия применения каждого из вышеназванных компонентов. Как технические, так и программные средства вносят свою специфику и оказывают определенное влияние на учебный процесс.

Педагогические цели использования ИТ направлены на:

- Развитие личности:
- мышление;
- эстетическое воспитание;
- развитие умений исследовательской деятельности;
- формирование информационной культуры.
- Выполнение социального заказа:
- общая информационная подготовка пользователя (« компьютерная грамотность»);
- подготовка специалиста в определенной области.
- Интенсификация учебно-воспитательного процесса:
- повышение эффективности и качества обучения;
- обеспечение мотивов познавательной деятельности;
- углубление межпредметных связей за счет интеграции информационной и предметной подготовки.

Информационные технологии обладают и методическими возможностями:

- визуализация знаний;
- индивидуализация, дифференциация обучения;
- возможность проследить процесс развития объекта, построение чертежа, последовательность выполнения операций (компьютерные демонстрации);
- моделирование объектов, процессов и явлений;
- доступ к большому объему информации, представленному в занимательной форме, благодаря использованию средств мультимедиа;
- осуществление самоконтроля;

- усиление мотивации обучения (игры, средства мультимедиа, презентации);
- развитие определенного вида мышления (например, наглядно-образного);
- формирование культуры учебной деятельности;
- формирование информационной культуры.

Информационная технология обучения предполагает использование наряду с компьютерной техникой специализированных программных средств. Под программным средством учебного назначения понимается ПС, в котором отражается некоторая предметная область, где в той или иной мере реализуется технология ее изучения, обеспечиваются условия для осуществления различных видов учебной деятельности. Такие ПС, функционально поддерживающие различные виды учебного процесса, называются педагогическими программными средствами (ППС).

В настоящее время существуют различные классификаций и типологии ППС.

По методическому назначению ППС выделяют:

- компьютерные учебники (уроки);
- программы-тренажеры (репетиторы);
- контролирующие (тесты);
- нформационно-справочные (энциклопедии);
- имитационные;
- моделирующие;
- демонстрационные (слайд-или видео-фильмы);
- учебно-игровые;
- досуговые (компьютерные игры: аркадные, квесты, стратегии, ролевые, логические, спортивные и др. типы).

Повышение качества общего образования в средней школе и подготовки специалистов высшей школой в значительной степени определяется достижениями информатики, внедряемыми в образовательный процесс.

Этапы информатизации:

Первый этап информатизации имеет целевое назначение – компьютеризацию общества. К наиболее существенным результатом этого этапа в области образования можно отнести экстенсивное распространение и первоначальное насыщение вычислительной техникой школ и вузов.

Второй этап информатизации можно свести к персонализации информационного фонда, что связано с интенсивным применением вычислительной техники на всех уровнях образования, с переводом информационных фондов в компьютерную форму, а также с резким возрастанием компьютерной грамотности молодежи.

Третий этап можно обозначить как социализацию информационных фондов, что приведет к возникновению высокого уровня информационной культуры, созданию интегрированных компьютерных информационных фондов с удаленным доступом и при последующем развитии к полному удовлетворению растущих информационных потребностей всего населения.

Процесс информатизации сферы образования осуществляется по двум основным направлениям:

- неуправляемая информатизация, которая реализуется снизу по инициативе педагогических работников и охватывает, по мнению преподавателей, наиболее актуальные сферы деятельности в предметной области;
- управляемая информатизация, которая поддерживается материальными ресурсами и в соответствии с общими принципами обладает концепцией и программой.

При использовании ИТ необходимо стремиться к реализации всех потенциалов, личности – познавательного, морально-нравственного, творческого, коммуникативного и эстетического. Чтобы эти потенциалы были реализованы на достаточно высоком уровне, необходима педагогическая компетентность в области ИТ. Развитие этой компетентности надо начинать при обучении будущих педагогов в вузе.

Литература

1. *Селевко Г. К.* Современные образовательные технологии: учебное пособие / Г.К.Селевко – М.: Народное образование», 1998.
2. *Полат Е. С.* Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие / Е.С.Полат. – М.: Издательский центр « Академия», 1999.

МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

А. В. Сивицкий

Последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008 – 2009 гг., с которыми столкнулась Республика Беларусь (падение уровня ВВП, рецессия, падение уровня жизни и т.д.), оказавшись вовлеченной в его первую волну, свидетельствует о необходимости кардинального пересмотра основ общественного уклада белорусского государства, важнейшей из которых является система высшего образования.

Нынешний кризис не является только финансовым или финансово-экономическим. По своей сущности и воздействию на все человечество в целом он является цивилизационным. Ставя под сомнение не только порядок функционирования капиталистической микросистемы, но и все без исключения аспекты жизни социума, он свидетельствует о несостоятель-

ности тех программ и стратегий существования мировой цивилизации, которые характерны для современных процессов цивилизационной динамики (глобализация, потребительское общество, постиндустриальный тип цивилизации и др.). Последствия этого кризиса конституировали невозможность жить старыми социальными укладами, старыми типами урбанизации и вообще расселения, старыми технологиями и фундаментальными принципами познания, старыми политическими формами и др.

Национальная система высшего образования как средство трансляции познавательных программ, стратегий, практик и кодифицированного корпуса знаний в современных условиях также испытывает на себе воздействия вызовов, обусловленных мировым кризисом.

В настоящий момент Республика Беларусь сталкивается со следующими ключевыми проблемами в сфере образования:

- Структурное несоответствие результатов работы системы образования и кадровых потребностей общества.
- Отсутствие стратегической занятости выпускников ВУЗов, то есть, таких рабочих мест, которые востребовали бы высокий уровень квалификации, получаемый выпускниками вузов, и обеспечивали соответствующее вознаграждение за труд.
- Дефицит кадров в многочисленных сферах деятельности и регионах Республики Беларусь на фоне отсутствия перспективных рабочих мест для значительной части выпускников вузов.
- Работа не по полученной специальности как массовое явление: более трети выпускников вузов по гуманитарным специальностям работают не по специальности.
- Несоответствие структуры качеств выпускника как продукта системы образования требованиям времени (прежде всего – потребностям инновационной экономики).
- Низкая степень интеграции науки и экономики, низкая доля высокотехнологичной продукции в структуре ВВП и экспорта, не востребованность передовых фундаментальных разработок (например, в сфере лазерных технологий, нанотехнологий, оптических технологий и др.) со стороны промышленности.
- Отсутствие проектов обеспечения практической ориентированности научной работы.

Эти проблемы обусловлены тем, что сформированная в условиях государственного планирования, обеспечивавшего предсказуемый в среднесрочной перспективе спрос на трудовые ресурсы, белорусская система образования функционирует как система подготовки кадров для существующих или независимо от образования развивающихся структур и институтов. В то же время, общемировой тенденцией в сфере подготовки кадров является внедрение проектного подхода, формирование предпринимательь-

ских университетов и превращение образовательных структур в субъект развития и формирования экономической и других сфер общества.

Таким образом, именно несоответствие между характером общественных (прежде всего, экономических) отношений в Республике Беларусь и той моделью общественных отношений, на которую ориентирована система образования, порождает ряд проблем, несущих более глобальную угрозу системе общественного воспроизводства белорусского социума, а значит и белорусскому государству в целом.

Вместе с тем, решение проблем системы высшего образования должно рассматриваться в рамках более широкого поля проблем, актуализировавшимися перед Республикой Беларусь в связи с мировым кризисом. Список этих проблем эксплицирован в публикации под названием «Беларусь 2018: к региональному лидерству на основе суверенного развития страны» Белорусской группой развития:

- Проблема миросубъектности Беларуси.
- Проблема обеспечения безопасности и суверенитета Беларуси в условиях высокой экономической и политической открытости.
- Проблема определения места и роли Беларуси в современной Восточной и Центральной Европе.
- Проблема промышленного труда и обеспечения экономической самостоятельности Беларуси.
- Демографическая проблема.
- Проблема общественного воспроизводства и суверенного развития.
- Проблема личности и справедливого общественного устройства.

Итак, фактически перед системой высшего образования сегодня стоит серьезная задача по выработке цивилизационной стратегии развития для Республики Беларусь, смысл которой заключается в поиске ответа на вопросы: «В чем состоит уникальность белорусской нации? В чем состоит ее глобальная историческая миссия? Что может предложить миру Беларусь, чтобы внести вклад в развитие мировой человеческой цивилизации?»

Это требует новых организационно-содержательных подходов к построению образовательного процесса в университетах.

- Введения двухступенчатой системы подготовки в высших учреждениях заведениях, состоящей из бакалавриата и магистратуры. Целью первого этапа (бакалавриата) должны стать помимо получения общих знаний в предметной сфере, формирование ключевых в современных условиях компетенций и способностей. Таких способностей как способность работать в команде, способность к самообучению, социальные навыки, критическое мышление, способность решать проблемные ситуации (problem solving), способность выносить суждения и принимать решения, компетенции управления временем (time management skills), что соответствует общемировым тенденциям. Целью второго этапа должна

стать подготовка к профессиональной практической либо научной деятельности в соответствующей сфере в соответствии с общемировыми требованиями: (с выходом на самостоятельную разработку и/или реализацию идей (проектов), большей частью в ходе проведения исследований).

■ Отказа от сохранения господства вербально-созерцательной (школярно-семинарской) парадигмы и акцента на получении только знаний в высшем образовании в пользу проектно-деятельностной парадигмы, направленной на формирование компетенций и высших способностей (идеализация, проблематизация, критическое мышление, анализ и др.), что является общепризнанным в мире критерием эффективности системы образования.

■ Распространение проектно-деятельностного подхода, внедрение научной составляющей во все сферы деятельности и институциональная интеграция науки и других сфер общественной практики, формирование культуры и инфраструктуры стратегического диалога и взаимодействия образования, науки и промышленности.

■ Снятие противоречия между фундаментальной и прикладной науки через конституирование практикоориентированной фундаментальной науки как стратегии научной деятельности, что предполагает разработку проектов и программ развития различных сфер общественной практики, ориентированных на будущее.

■ Формирование на базе университетов открытых дискуссионных площадок с вовлечением студенческого состава для обсуждения направлений, приоритетов, проблем и проектов развития Республики Беларусь с выходом на дальнейшую реализацию конкретных инициатив и проектов, сформулированных в рамках данных площадок.

■ Смена типа идеологической работы с информационно-пропагандистского на проектно-идентификационный, что предполагает формирование идентичности через реализацию конкретных проектов.

■ Создание на базе факультетов университетов конкурентоспособных предприятий различного характера: начиная от промышленных и заканчивая структурами духовного производства (естественно, с активным вовлечением студенческого состава).

Таким образом, выше перечисленные изменения должны способствовать трансформации университетов (и даже отдельных факультетов) в механизм и субъект развития Республики Беларусь, созданию систем стратегической занятости выпускников вузов, решению значительного количества проблем развития локального и общегосударственного характера в Республики Беларусь в социальной, политической, культурной, экономической сферах.

Именно такой национальный университет, с нашей точки зрения, сегодня необходим для белорусского государства и общества как никогда ранее!

ТЕСТИРУЮЩИЙ КОМПЛЕКС «E-UNIVERSITY» КАК ФОРМА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

И. С. Турлай

Усиление самостоятельной работы студентов на современном этапе развития высшего образования придает все большее значение организации контроля их знаний на той или иной стадии обучения.

Систему педагогического контроля образуют экзамены, зачеты, устные опросы (собеседования), письменные контрольные, рефераты, коллоквиумы, семинары, курсовые, лабораторные контрольные работы, проектные работы и др. [1]

Перечисленные формы контроля успеваемости студентов в настоящее время широко используются в белорусских вузах, хотя и имеют ряд недостатков. Рассмотрим некоторые из таких недостатков.

■ Могут возникать трудности, связанные с особенностями преподавательской работы:

• возможная небеспристрастность преподавателя (по психологическим и иным причинам) к оценке ответов некоторых студентов;

• при организации текущих проверок знаний большого числа студентов, когда оценивание проводится, главным образом, лишь по формальным критериям, наблюдается загруженность преподавателя рутинной, малой творческой работой, связанной с большим объемом информации, которую требуется подготовить и обработать за короткий промежуток времени;

• иногда оценки, выставляемые студентам, оказываются недостоверными из-за опасения преподавателя, что они будут использованы для оценивания работы самого преподавателя.

■ Могут возникать трудности, связанные с психологическими особенностями студенческой аудитории: использование шпаргалок, списывание, «взаимопомощь» на экзамене, что искажает достоверность оценки знаний студентов и качества работы преподавателя.

■ Принятая преимущественно методика приема экзаменов и зачетов по 3 вопросам в билете не позволяет оценить полноту освоения материала и провоцирует списывание [2, с. 178–179].

На современном этапе при оценке знаний студентов перечисленные проблемы в большей степени могут быть решены использованием такой формы контроля как тестирование. Тестирование как форма контроля заняло прочные позиции на вступительных экзаменах в вузы, однако еще не получило широкого распространения на последующих этапах подготовки специалистов высокой квалификации.

Белорусскими программистами разработана автоматизированная система контроля знаний «e-University» («е-Университет»), когда тестиру-

емый выполняет задание в непосредственном диалоге с компьютером.

По своей природе тесты (от лат. testa – ваза из глины, в которой алхимики проводили свои опыты) представляют собой наборы задач, вопросов или других заданий, которые испытуемый должен решить в условиях дефицита времени [3, с. 101].

Из приблизительно 20 заданий, которые включены в тесты системы контроля знаний «e-University», программа случайным образом выбирает сама около 5–6 заданий. Это исключает студенческую взаимопомощь в виде шпаргалок, передаваемых по эстафете. При этом студентам предлагаются задания с ответами в закрытой форме, когда нужно выбрать один из нескольких предложенных ответов, или в открытой форме, требующие при выполнении самостоятельного получения ответов. Последние во многом близки традиционным контрольным заданиям и потому воспринимаются положительно абсолютным большинством педагогов. С помощью таких заданий можно оценить умения, характеризующие познавательную деятельность учащихся разного уровня, вычленить этапы мыслительного процесса и подвести итоги отдельных этапов, что особенно важно для анализа типичных ошибок студентов [4, с. 112, 183]. Что же касается заданий с ответами в закрытой форме, то их использование в тесте развивает у студента потребность в поиске разных путей решения задачи, что необходимо для достижения основной цели обучения в вузе – умения самостоятельно выбирать способ выполнения поставленной задачи [5].

Во время тестовых мероприятий студент за компьютером отвечает на вопросы, высвечивающиеся на экране, и в конце тестирования получает оценку по стопроцентной шкале. Результаты фиксируются блоком обработки.

Тестирующий комплекс «e-University» внедрен в Белорусском государственном университете при прохождении студентами третьего курса факультета международных отношений дисциплины «Международный маркетинг». После выполнения определенного цикла лабораторных работ студенту предлагаются тесты по тематике данного цикла. В качестве минимума при прохождении дисциплины студентам необходимо представить отчет по лабораторной работе (включающий обработку результатов маркетинговых исследований, анализ результатов и выводы), а также получить допуск к защите, набрав по результатам тестирования не менее, скажем, 75 % правильных ответов. Обязательная защита результатов выполнения лабораторного цикла воспитывает умение представить свою собственную экспериментальную работу, демонстрируя не только полученные технические навыки, но и теоретический минимум. В существующей системе обучения автоматизированное тестирование становится дисциплинирующим и активизирующим звеном самостоятельной работы студентов.

Использование тестов в учебном процессе обеспечивает оптимальный

психологический настрой испытуемых. Студент не является пассивным объектом измерений при тестировании (подобно гире при взвешивании) – он всегда остро эмоционально реагирует на тест. Тестовая ситуация оптимальной сложности является оптимальным возбудителем – студенты испытывают нормальный уровень стресса (напряжения), необходимый для того, чтобы показать наивысший результат [6, с. 154].

При методически грамотном подходе к формулировке тестовых заданий студенты очень быстро обнаруживают бесполезность заготовленных шпаргалок и необходимость вернуться к более глубокому изучению проблемы. В такой тестовой системе исключено угадывание и списывание. Ответы на подавляющее число вопросов не предусматривают знание известных формул и определений, а соответствуют глубокому пониманию сути изучаемых явлений. Готовых ответов, как правило, в учебниках нет. Студентам предоставляется возможность пользования литературой, что снимает многие психологические проблемы и активизирует

умственную деятельность. Чем тернистее путь прохождения тестов, тем более яркие эмоции вызывают результаты.

В связи с промежуточным характером тестового контроля знаний в практикуме и возможности многократной пересдачи тестов возникает элемент азарта в обучении, который также открывает в данной форме контроля стимулирующие функции [7, с. 168–169].

Подытожив все вышесказанное и учитывая опыт работы с автоматизированной тестирующей системой контроля знаний «e-University» на факультете международных отношений в Белорусском государственном университете, можно сделать следующие выводы. Тестирующий комплекс «e-University» исключает многие недостатки субъективного характера, присущие традиционным формам педагогического контроля знаний студентов, а внедрение автоматизированных тестов на промежуточных этапах контроля стимулирует познавательную активность и самостоятельную работу студентов.

Литература

1. *Демкин В. П.* Организация учебного процесса на основе технологий дистанционного обучения / В.П.Демкин, Г.В.Можаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ict.edu.ru|ft|003625|\2/htm1 – Дата доступа: 01.04.2010.
2. *Никифорова К. Н.* Тестирование как метод педагогического контроля /К.Н.Никифорова // Информационные технологии в науке, образовании, искусстве: Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2005. – С. 177–180.
3. *Кроль В. М.* Психология и педагогика: учеб. пособие / В.М.Кроль. – М.: Высшая школа, 2001. – 319 с.
4. *Челышкова М. Б.* Теория и практика конструирования педагогических тестов: учебное пособие / М.Б.Челышкова. – М.: Логос, 2002. – 432 с.
5. *Сафин А. А.* Автоматизация процесса контроля уровня знаний учащихся как один из элементов электронного учебного пособия / А.А.Сафин [Электронный ресурс]. – Ре-

жим доступа: http://festival.september.ru|frticles|532531| – Дата доступа: 05.04.2010.
6. *Зоткин Н. В.* Основы психодиагностики: учебно-психологический комплекс / Н.В.Зоткин. – Самара: Универс групп, 2007. – 208 с.
7. *Якушенко К. В.* Тестирующий комплекс как форма педагогического контроля, стимулирующая самостоятельную работу студентов / К.В.Якушенко, И.С.Турлай // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. научи, статей / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.В.Данильченко [и др.]. – Минск, 2010. – Выпуск 7. – С. 166–169.

ВЛИЯНИЕ НАСТРОЕНИЯ И ЦВЕТОВОЙ ГАММЫ НА ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ

О. С. Черкасенко

Проявлением эмоциональной жизни человека являются его настроения, которые представляют собой психические (эмоциональные) состояния, образующие общий эмоциональный фон жизнедеятельности человека и интегрирующие все его эмоциональные отклики на воздействия любого характера. П.М.Якобсон называет настроения «эмоциональным самочувствием» человека. Настроение занимает значительное место в поведении человека т. к. накладывает существенный отпечаток на его поведение, стимулирует или подавляет деятельность [3.].

Настроение имеет огромное значение для повышения эффективности деятельности, которой занимается человек. Например, известно, что одна и та же работа при одном настроении может казаться легкой и приятной, а при другом – тяжелой и удручающей. Естественно, что при повышенном настроении человек в состоянии выполнить гораздо больший объём работы, чем при пониженном. Настроение может стать причиной снижения притязаний и отказа от действий, что может привести в итоге к неудовлетворению данной потребности [3].

Каждому человеку присуще своё настроение, будь оно радостное или печальное, грустное или веселое, и каждому человеку нравится какой-то определенный цвет или их сочетание. Довольно часто цвета у людей с чем-то ассоциируются, поэтому активно влияют на настроение [3].

Таким образом, настроение – это длительное эмоциональное состояние, интегрирующее все возникающие эмоциональные отклики на внешние и внутренние воздействия без отчетливого осознания их предметного содержания и образующее общий эмоциональный фон жизнедеятельности человека.

В настоящее время проблема влияния настроения и выбора цвета на процесс обучения становится всё более широко изучаемой в разных науках (философии, педагогике, психологии), которые рассматривают её в контексте своих предметов исследования. Интерес к данной проблеме со стороны специалистов значительно возрос во многом благодаря тому, что настроение накладывает отпечаток на способы поведения и общения,

а также на продуктивность работы человека.

Символика цвета имеет давнюю историю. Люди с незапамятных времен придавали особое значение чтению «языка красок», что нашло отражение в древних мифах, народных преданиях, сказках, различных религиозных и мистических учениях. У разных народов сложилась определенная символика красок, дошедшая до наших дней. [2]. Цвет – свойство света, вызывающее определенные зрительные ощущения в соответствии со спектральным составом отражаемого измерения [3].

Английский физик Томас Юнг провел эксперимент и установил, что шесть цветов спектра можно свести к трем основным: зеленому, красному и синему. Он также классифицировал цвета на теплые (цвета, расположенные в хроматическом круге, начиная с желтого цвета и заканчивая красно-фиолетовым цветом) и холодные цвета (цвета от сине-фиолетового до желто-зеленого).

Цвет влияет на эмоциональное состояние человека, вызывает соответствующие изменения в организме: ускорение пульса, изменение ритма дыхания, скорости реакции и т. п. Несомненно, влияние цвета также и на работоспособность, а, значит, и на процесс обучения, как важного вида деятельности. Осознаем мы или нет, но мы постоянно ощущаем на себе сильнейшее влияние цвета [1].

Для того чтобы проследить влияние цвета на процесс обучения достаточно обратиться к исследованиям психологов, которые рекомендуют для учебных помещений цвета желтовато-зеленые или от желтого до оранжевого. Так, если окна кабинета выходят на юг, то синие и зеленые оттенки также подходят для окраски стен. Необходимо учитывать и возраст учащихся – в начальной школе использовать теплые тона, а в старших классах более спокойную гамму – серо-голубые и серо-зеленые тона. Цвет оборудования также имеет значение. Так, автор книги «Здоровье сберегающие образовательные технологии в современной школе» Н.К.Смирнов указывает на необходимость комбинирования цвета стен и освещения в спортивном зале для создания различных функциональных зон. Даже цвет спортивной одежды, по мнению автора, может служить фактором, оживляющим обстановку урока физической культуры, и быть даже эффективным средством профилактики спортивного травматизма. Например, ярко – желтые майки лидера, «майки лидера» вызывают у ребят прилив сил и бодрости, делают из движения более свободными и даже безопасными [1].

С точки зрения физиологии зрительного восприятия организация школьной среды в значительной степени влияет на психику учащегося, а через неё – на телесную организацию ребёнка и его здоровье. Исследованиями учёных доказано, что бело-серо-чёрное окружение повышают утомляемость человека, понижают эмоциональный настрой. Напротив, разнообразие цвета способствуют более высокой работоспособности,

лучшему настроению, оптимистическим ожиданиям [1].

С целью изучения влияния настроения и выбора цвета на процесс обучения было проведено исследование с помощью методики САН (самочувствия, активности, настроения) и теста Люшера. Объём выборки составил 50 испытуемых в возрасте 19–22 лет, из которых: юношей – 27, девушек – 23. Распределение по полу: в возрасте 19-и лет, участие принимало 8 – девушек и 7 – юношей, в возрасте 20-и лет, 6 – девушек и 8 – юношей, в возрасте 21 года, 7 – юношей и 5 – девушек, в возрасте 22-х лет 5 – юношей и 4 – девушки. Исследование проводилось на базе Белорусского государственного университета.

Результаты исследования позволили сформулировать следующие выводы:

■ Среди всех 8-и цветов теста Люшера, большинство респондентов выбрали первым цветом красный, который характеризует силу и чувство удовлетворенности стремлением к достижению силы, что содействует поддержанию работоспособности. Вторую позицию занял зеленый цвет, который характеризует гибкость волевых проявлений в сложных условиях деятельности, чем обеспечивается поддержание работоспособности. На третьем месте находится желтый цвет. Желтый отражает надежды на успех, спонтанное удовлетворение от участия в деятельности, ориентацию на дальнейшую работу.

■ Корреляционный анализ полученных результатов показал, что наблюдается умеренная, отрицательная и статистически значимая связь между настроением и предпочтением выбора зеленого, красного и желтого цветов, что свидетельствует о более высокой продуктивной деятельности и более высокой работоспособности.

Таким образом, установлено, что цвет и настроение существенно влияют на жизнедеятельность человека, на его физическое и психическое состояние.

Для более продуктивной деятельности и более высокой работоспособности обучаемых необходимо использовать такие цвета и оттенки как: желтый, красный, зеленый.

Данное исследование можно рекомендовать педагогам в подборе цветовой гаммы при оформлении учебных аудиторий, а также при подготовке учебных пособий и дидактических средств обучения.

Литература

1. *Абрамова Г. С.* Возрастная психология: Учебное пособие для студ. вузов / Г.С.Абрамова. – М.: Изд. цент «Академия», 1997. – 704с.
2. *Базыма Б. А.* Цвет и психика. Монография / Б.А.Базыма. – Харьков, 2001. – 98с.
3. *Богословский В. В.* Общая психология: Учебное пособие для студентов пед. институтов / В.В.Богословский. – 3-е изд., перераб.– Москва: Просвещение, 1981. – 383с., ил.
4. *Вайнштейн Л. А.* Общая психология: Учебное пособие / Л.А.Вайнштейн. – Минск: Тесей, 2005. – 368с.
5. *Гёте И. В.* К учению о цвете / И.В.Гёте. – Москва, 1957. – 216с.

6. *Головин С. Ю.* Словарь практического психолога / С.Ю.Головин. – 1998. – 554с.
7. *Грановская Р. М.* Элементы практической психологии / Р.М.Грановская. – 2-е изд.- Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. – 560с.
8. *Дружинин В. Н.* Психология: Учебник для гум. вузов / В.Н.Дружинин. – СПб.: Питер, 2006. – 656с.: ил. (Серия «Учебник нового века»).

ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ В ВУЗЕ

А. А. Шаститко

Процесс адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе затрагивает все уровни жизни, общения и деятельности человека, на его эффективность оказывают влияние целый комплекс факторов: специфика учебной деятельности студентов, новые условия жизнедеятельности, личностные особенности (механизмы психологической защиты, черты характера, скорость и качество адаптивных реакций), фактор адаптированности к педагогической системе (адаптация к новой системе образования, контроля, требований) и т.д.

Поступив в высшее учебное заведение, молодой человек сталкивается с проблемой адаптации к новым условиям жизни. Требования учебного процесса, изменение сферы общения, новые социальные роли требуют умения быстро ориентироваться, осваивать новые виды деятельности, проявлять гибкость по отношению к иным ценностям, нормам и правилам поведения. Резкая ломка многолетнего рабочего стереотипа зачастую приводит к стрессовым реакциям, что может явиться причиной низкой успеваемости студентов и трудностей в общении.

Поэтому начальный этап обучения в высшем учебном заведении связан порой с коренной ломкой сложившихся представлений, привычек школьника, необходимостью менять и перестраивать своё поведение и деятельность. Главной целью студента первого курса становится овладение способами и приёмами учебной деятельности, принятие социального статуса студента. Вхождение в новую среду жизнедеятельности, предъявление ею требований к адаптантам провоцирует кризисы адаптации. Кризисы адаптации – это этап адаптационного процесса, во временных рамках которого имеет место резкое снижение показателей адаптированности студентов, сопровождаемое отрицательными эмоциональными переживаниями как результат неадекватного реагирования на предъявление требований, выход из которого осуществляется посредством развития и саморазвития личности. [1 с. 16] У студентов, вступивших в период адаптационного кризиса, происходят изменения в когнитивной, эмоциональной и мотивационной сферах личности. Наиболее важная составная часть проблемы адаптации первокурсников – это дидактический кризис. Первый симптом, который характеризует наступление дидактического

кризиса, – это резкое снижение успеваемости (по сравнению со школьной). Второй симптом – резкое ухудшение представлений учащихся о собственной успешности и компетентности. Выделяют ещё четыресимтома дидактического кризиса: возрастание тревожности студентов, неустойчивость их настроения, снижение активности и ухудшение самочувствия. Обобщив все симптомы дидактического кризиса, можно сделать вывод о том, что вызван он, прежде всего, оторванность первокурсников от привычных условий жизнедеятельности, отсутствием систематического контроля знаний, характерного для школьного образования, отсутствием навыков самостоятельной работы и т.д.

Результат целостной адаптации первокурсника к условиям обучения в вузе во многом зависит от внешних и внутренних условий. Исходя из анализа психолого-педагогической литературы, можно выделить основные условия внешней адаптации. Во-первых, это новая социальная ситуация, а именно студенческий образ жизни. Для городских обучающихся и обучающихся из сельской местности это проблемы разной сложности. Молодые люди, проживающие непосредственно в городе, где находится ВУЗ, легче входят в новый учебный коллектив, так как в целом для них не происходит смены макросоциального окружения. Они остаются в прежнем семейном окружении с присущим ему ролевым распределением, который выражается в распределении функций жизнеобеспечения (в том числе, правильное расходование финансовых средств, приготовление пищи и др.). Для сельских обучающихся новизна большого города, особенности самостоятельной жизни в отрыве от семьи, насыщенность общения контактами с новыми людьми, множество непривычных ситуаций создают дополнительное напряжение. Во-вторых, это проживание в общежитии, где нужно научиться сосуществовать вместе. Общежитие всегда предполагает пересечение личных пространств, интересов, требований, претензий и необходимо время, чтобы привыкнуть к этому, научиться правильно строить отношения. В-третьих, это ситуация взаимодействие с педагогами, одногруппниками.

К внутренним условиям относятся индивидуально-типологические и личностные характеристики студента-первокурсника. А именно: индивидуально-типологические особенности (тип нервной системы, особенности темперамента); исполнительские характеристики (уровень сформированности общеучебных умений и навыков, учебные способности, познавательный стиль деятельности, навыки самостоятельной работы); способность к саморегуляции (эмоциональная устойчивость, волевые характеристики, готовность решать проблему, наличие эффективных способов совладения в стрессовых ситуациях); уровень самооценки и уровень притязаний, и их соотношение, сформировавшиеся жизненные стереотипы, установки; степень мотивированности на учебу.

Таким образом, социально-педагогическая адаптация студентов-первокурсников – это педагогически организованный целостный процесс накопления ими опыта в учебной, воспитательной деятельности, в результате которых у них возникают модели и стратегии поведения, адекватные меняющимся в этой среде условиям. От того, как долго по времени и по различным затратам происходит процесс адаптации, зависят текущие и предстоящие успехи студентов, процесс их профессионального становления. Для обеспечения нормального протекания процесса адаптации необходимо знать основные факторы, влияющие на данный процесс, которые можно объединить в три блока. Социальный блок включает такие факторы, как возраст, социальное происхождение, тип образования, окружающая социальная ситуация, условия проживания. Психофизиологический блок содержит индивидуально-психологические, социально-психологические факторы: интеллект, направленность, личностный потенциал, степень саморегуляции, степень мотивированности на учёбу. Педагогический блок включает следующие факторы: уровень педагогического мастерства и материально-техническую оснащённость.

Литература

1. *Андреева Д. А.* О понятии адаптации. Исследования адаптации студентов к условиям учебы в вузе / Д.А.Андреева // Человек и общество. – Л.: ЛГУ, 1973. – Вып. 13. – С. 62–69.
2. *Лийметс Х. Й.* Некоторые педагогические меры, способствующие адаптации студентов первого курса в вузе: докл. на пленуме совета / Х.Й.Лийметс, Б.Я.Недзвецкий; Тартус. гос. ун-т. – Тарту, 1970. – 16 с.
3. *Мирзаянова Л. Ф.* Особенности учебно-познавательной и учебно-профессиональной мотивации студентов-первокурсников в период адаптации к профессиональному образованию и профессиональной деятельности / Л.Ф.Мирзаянова, Т.И.Каральчук // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2007. – № 11. – С. 35–38.
4. *Мирзаянова Л. Ф.* Упреждающая адаптация студентов к педагогической деятельности (кризисы, способы упреждения и смягчения) / Л.Ф.Мирзаянова; под науч. ред. Т.М.Савельевой. – Минск: Бел. навука. – 2003. – 271 с.
5. *Ронгинская П. И.* Изменение системы личностных характеристик в процессе адаптации студентов: дис. канд. психол. наук: 19. 00. 01 / П.И.Ронгинская. – Л., 1987. – 136 с.

ПОТЕНЦИАЛ РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ

Н. Г. Шурупова

Постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 18 января 2008 г. № 3 «Об утверждении и введении в действие изменения № 1 в руководящий документ Республики Беларусь «Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень». В цикл социально-гуманитарных дисциплин были внесены изменения, согласно которым кафедры социально-гуманитарных дисциплин должны разрабатывать и внедрять в учебный про-

цесс инновационные образовательные системы и технологии, в частности, рейтинговые системы обучения. Это означает пересмотр системы оценивания. В чем же преимущество и эффективность рейтинговых систем по сравнению с традиционными системами контроля знаний?

Рейтинговая система оценки учебной работы студентов (далее – академический рейтинг) – инструмент управления качеством образовательного процесса, предполагающий ранжирование студентов по результатам кумулятивной оценки (индивидуального индекса) их персональных достижений в учебной деятельности и социальной активности. Целью рейтинговой системы является высококачественная подготовка специалистов, глубокое усвоение студентами изучаемого материала; она предполагает комплексную оценку качества учебной работы студентов при освоении ими основных образовательных программ высшего профессионального образования. С учетом выставленной итоговой оценки.

Рейтинговая система оценивания использует традиционные виды (текущий, тематический, итоговый), формы (коллоквиумы, тестирования, зачеты, экзамены, индивидуальные задания и т.п.) и способы контроля (письменный, устный, практический). Отличительным является непрерывный и тотальный характер контроля, который проводится по правилам, заранее согласованным со студентами, а по результатам проверки проводится ранжирование студентов, которое отображается в рейтинг-листах. Рейтинговую технологию характеризуют гласность, демократизм, диалоговые равнопартнерские отношения, сотрудничество преподавателя и студентов, придающие новое качество воспитательной работе. Ее отличает высокий уровень технологичности, четкость структуры, строгий порядок исполнения. Все это приводит к тому, что рейтинговая система оценивания начинает оказывать определяющее влияние на учебный процесс в целом, что дает основание толковать рейтинговую систему в широком смысле – как *рейтинговую систему обучения.*

С помощью данной системы можно управлять процессом обучения и планировать результат, так как каждый обучающийся может строить индивидуальную траекторию обучения, комбинируя виды работ, сроки их выполнения, объем заданий. Оценка социальных характеристик студента рассматривается как неотъемлемый элемент учебно-воспитательного процесса. В результате повышается организованность, больше ответственности переходит к обучающимся, так как определять, что делать и как делать приходится им, а не преподавателю. Что же касается основных требований, предъявляемых в классической дидактике к контролю (целенаправленности, всесторонности, регулярности, индивидуальности), то уровень их осуществления в рейтинговой системе значительно выше.

Применение рейтинговой системы оценки предусматривает наличие бонусов и штрафов, которые влияют на результат оценки конкретного

студента и возможность получить семестровую оценку без сдачи экзаменов или зачетов. Однако для получения оценки «отлично» обязательно прохождение промежуточной аттестации по дисциплине.

Проведенный анализ показывает, что рейтинговый контроль способствует:

- совершенствованию планирования и организации образовательного процесса посредством 1) увеличения роли индивидуальных форм работы со студентами; 2) упорядочения системы контроля знаний, умений и навыков студентов; 3) выработки единых требований к оценке знаний в рамках каждой отдельной учебной дисциплины или групп дисциплин; 4) создания условий для организации эффективной обратной связи со студентами на протяжении всего семестра;
- обеспечению систематической и целенаправленной самостоятельной работы студентов по усвоению учебной программы и более серьезному отношению к ней, активности на занятиях обучающихся;
- равномерной нагрузке в течение семестра;
- повышению мотивации и качества обучения и прочности знаний студентов;
- возможности непрерывного мониторинга успеваемости самими студентами и преподавателями.
- повышению объективности итоговой оценки знаний обучающихся преподавателями, поскольку усиливается ее зависимость от результатов ежедневной работы студентов в течение семестра;
- снижение роли случайностей;
- получению информации о персональных достижениях студентов для их морального и материального поощрения (рекомендация для поступления в магистратуру и аспирантуру, присуждение грантов для обучения и направление на стажировки, назначение стипендий, преимущества при распределении и др.).

Повышение мотивации студентов при применении рейтинговой системы достигается за счет привлечения внимания студентов к качеству учебы в течение всего семестра (промежуточный контроль знаний), наличия состязательности и блока оценки социальных характеристик, оказывающего влияние на посещаемость, активность на занятиях, выполнение домашних заданий, повышения статуса зачета, введения кумулятивного принципа оценки, который повышает степень объективности итогового результата, использование мер морального и материального поощрения.

Рейтинговая система при должном с ней обращении, способна принести свои положительные результаты в реализации задачи повышения качества образования. Система начинает действовать особенно эффективно, когда студенты рассматривают учебную деятельность, как свой научный потенциал, ресурс проявления своих способностей. Главным поло-

жительным моментом данной системы является активизация самостоятельной работы студентов, работа на протяжении всего учебного периода, что способствует более глубокому усвоению получаемых знаний.

Изменения, реализуемые в сфере высшего образования, являются важными и необходимыми для нашего общества, но насколько они конструктивны и продуктивны, можно будет судить лишь со временем. Ведь как писал Майкл Фуллан, нет недостатка в рекомендациях относительно того, как следует бороться с недостатками в образовании. Но все рецепты представляют собой нереалистические надежды, пока конкурирующие между собой «рекомендации» не найдут ответа на то, как начать и не остановиться.

Литература

1. *Золотухин Ю. П.* Теоретические и практические аспекты использования рейтинговой технологии в обучении математике в вузе. *Эл. ресурс:* mf.grsu.by/Kafedry/kaf_alg/stranicy/zolotuhin/Raz2/10
2. *Морев И. А.* О «подводных камнях» дидактических рейтинговых систем // Труды VI Междунар. научно-метод. конф. «Качество образования: менеджмент, достижения, проблемы», Новосибирск, 2005г. – с. 314–318.
3. *Полищук О. И.* Использование рейтинговых систем оценивания в учебном процессе // Высш. образование сегодня. 2008. № 3. С. 91–93.
4. *Фуллан Майкл* Новое понимание реформ в образовании. – М.: просвещение, 2006.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ АДАПТИВНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ (ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ГИМНАЗИИ №1Г.П.БЕЛЫНИЧИ)

Е. А. Щетинко

В современном мире стремительного развития науки и нашей жизни требует от молодого поколения глубоких знаний и умений разбираться во всем новом. Учителя и ученики должны работать над тем, чтобы у учащихся формировались навыки и потребности самостоятельно оценивать себя, результаты своего труда, разрабатывать планы на будущее.

Проблема адаптивной среды – одна из наиболее актуальных. И педагоги, и учащиеся отмечают недостаток коммуникативной практики ученика, отсутствие возможности общения с носителями языка, трудности в полноценной реализации разностороннего коммуникативного репертуара. Основной задачей обучения иностранному языку является создание среды, максимально приближенной к реальности, в которой бы учитывались индивидуальные особенности ученика, его креативное мышление и которая бы позволила рационально использовать время, отводимое для изучения иностранного языка. Для обеспечения такой адаптивной среды в гимназии №1 созданы группы, в которых учащиеся объединены на ос-

нове общего интереса к иностранному языку. В пределах таких групп организуется работа по внедрению информационных технологий в преподавание предметов гуманитарного и эстетического циклов; разрабатываются варианты использования возможностей Интернета в урочной и внеурочной деятельности учащихся; применяются программы, которые стимулируют языковое общение; составляются индивидуальные творческие проекты с использованием компьютерных технологий.

Безусловно, нельзя отрицать необходимость применения компьютера в обучении. Преподаватели иностранного языка гимназии №1 г.п. Белыничи считают, что использование сети Интернет, обучающих программ, электронных учебников OXFORD English Grammar, программ, таких как Power Point, Total Recorder дает учащимся возможность ориентироваться в бурном потоке информации, учит выделять главное и обрабатывать информацию. Данные технологии помогают ученикам достигать совершенных знаний в изучении иностранного языка.

Преподаватели иностранного языка гимназии №1 г.п. Белыничи считают, что использование сети Интернет, обучающих программ, электронных учебников OXFORD English Grammar, программ типа Power Point, Total Recorder дает учащимся возможность ориентироваться в бурном потоке информации, учит выделять главное, обрабатывать информацию. Данные технологии помогают ученикам достигать более совершенных знаний иностранного языка. Вошли в активную практику изучения иностранного языка следующие компьютерные технологии:

- использование электронных учебников типа OXFORD English Grammar, Oxford Communicative English. Данные учебники помогают качественно подготовиться к ЦТ, задания выполняются на базовом и повышенном уровнях. Тестовые задания на основе содержания этих учебников используются как форма контроля усвоения материала;
- индивидуальная и групповая работа на основе лингвострановедческого компонента с использованием энциклопедий Encarta 2007,Webster English Dictionary. Материал этих пособий расширяет кругозор учеников, они могут выполнять задания на том уровне владения предметом, которые соответствует их реальным знаниям. Энциклопедии предлагают обширный материал о культуре, литературе, традициях и современной жизни англоязычных наций;
- создание проектов с использованием программ Total Recorder, Power Point – это еще одно из средств создания адаптивной среды для изучения иностранного языка.

В данной программе учителем и учениками составляются презентации, которые позволяют обеспечить информационную поддержку при подготовке к занятиям, проведении уроков, а также во внеклассной работе. Презентации позволяют учителю иллюстрировать свой рассказ, вернуться в любую

точку урока и затрачивать на это минимальное количество времени.

Для подготовки презентации учащимся необходимо использовать большое количество источников информации, что позволяет избежать шаблонов, превратить каждую работу в продукт индивидуального творчества. Данный вид учебной деятельности позволяет развивать у ученика логическое мышление, формирует основные знания и навыки. Программа Total Recorder позволяет работать с аудиоинформацией: ученик записывает информацию и работает с ней: слышит свой голос, сравнивает свою речь с речью носителя языка;

- составление проектов с использованием компьютера позволяет более глубоко изучать вопросы развития культуры народов на разных исторических этапах, на таких занятиях возможно проведение интерактивных экскурсий, дает возможность ученикам постоянно пополнять свои знания и рационально использовать время для занятий.
- использование Интернет-технологий позволяет участникам процесса обучения переходить от модели накопления знаний к системе овладения навыками самообразования. При правильно организованной работе, Интернет-технологии делают образовательный процесс открытым для новых идей и источников знаний. Участники занимаются обработкой информации, вырабатывают навыки сокращенного изложения материала, его систематизацией, обобщением, структурированием по различным основаниям.

Литература

1. *Селевко Г. К.* Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998 – 136с.
2. *Третьяков П. И.* Оперативное управление качеством образования в школе. Москва, 2004 – 136с.
3. Управление адаптивной школой: Проблемы и перспективы/ Шамова Т.И., Давыденко Т.М, Рогачева Н.А; – Под ред.Т.И Шамовой – Архангельск,1995 – 384с.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ: РЕГУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО СЕКТОРА

В. Н. Авсянский

Переживая один из самых глобальных кризисов за последние десятилетия, мы наблюдаем, падение совокупного спроса по всему миру, большие спады экономической активности, падение фондовых рынков – все это создает некое впечатление об уникальности мирового финансового кризиса 2008 года. Существует ряд причин породивших кризис – дисбалансы, финансовые пузыри, причины социального характера. Однако, на самом деле, достаточно большие спады экономической активности случаются регулярно, и при анализе прежних катаклизмов можно урегулировать кризис 2008 года. Но, несмотря на сложившуюся ситуацию в мире, стоит уделить больше внимания и ресурсов не на поиски причин мирового финансового кризиса, а проблемам, которые он породил. Я считаю, что кризис (какой бы он ни был), показывает странам с развивающимися рынками, какие системы необходимо исправить и каким секторам экономики нужно уделить больше внимания, как рынкам, так и государству. Уже не далеко не секрет, что для преодоления текущего кризиса, странам с развивающимися рынками необходимо уделить внимание инновационному сектору и делать акцент на будущее. [1]

Сегодняшний кризис указал всему миру на недостаточность инновационного сектора в странах с развивающимися рынками. Отдельного внимания требует сектор инновационных преобразований в бизнесе. Если задаться вопросом, какие процессы препятствуют развитию экономики, то немало ответов можно найти в области бизнеса, науки и исследований. Эти области требуют особого контроля и регулирования. Все чаще за последние два года лидеры стран с развивающимися рынками обращаются к частному сектору, к бизнесу, с приказами внедрить инновации. Неплохой пример можно привести на примере России – ее экономика и сложившаяся ситуация похожа на те которые существуют в странах постсоветского пространства.

Так, президент РФ Дмитрий Медведев встретится с представителями крупного бизнеса, где отчетливо сказал, что в сфере инноваций «движение у нас ничтожное. И если так и дальше пойдет, то новый кризис многие компании, существующие сегодня, просто похоронит».[2] Однако, для беспроигрышного преодоления финансового кризиса слов явно недоста-

[1] [Гуриев С. Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики – 2-е изд.доп., переработ. – М.: «Юнайтед Пресс», 2010. – 41ст.]
[2] [http://www.gazeta.ru/business/2010/02/10/3322322.shtml]

точно. Для того чтобы преодолеть последствия неизбежного затухания восстановительного роста – потому что резервы основаны на выработке до полного физического износа давно устаревшего производственного аппарата – необходим переход к экономике инноваций, представляющей новый тип экономических отношений. Для трансформирования сырьевого роста в инновационное развитие, как показывает изучение зарубежного опыта, необходимы 4 основные условия: *технологический, финансовый и интеллектуальный потенциал, требуемый для запуска инновационного процесса*; *институциональная система, ориентированная на инновационное развитие; постоянный рост числа участников инновационной «цепочки», в том числе в результате вовлечения в нее новых социальных групп и институтов в интеграционной сети «наука-образование-производство» и востребованность инноваций большинством хозяйствующих субъектов, физических лиц, НИС в целом*.[3] При сопоставлении экономики России с этими условиями, выводы не заставляют себя долго ждать, и, к сожалению, они крайне не радостные. **Первый недочет существует в области науки**. Несмотря на длительный период реформирования, традиционная российская прикладная наука не сформировала механизмов, которые смогли бы обеспечить решение стоящих перед страной задач. Основные затруднения, с которыми приходится сталкиваться в последнее время большей части российской науки, общеизвестны. Тут внимание стоит уделить лишь некоторым из них: с одной стороны, и на мой взгляд более существенным затруднением является низкая востребованность научно-технических разработок у российского бизнеса. За 90-е годы количество поданных патентных заявок сократилось примерно в 2 раза. А в периоды с 2001 по 2006 вообще никаких колебаний в сторону роста или дальнейшего спада не произошло. Из этой проблемы вытекает следующее – недостаток бюджетного финансирования научных исследований. Вот уже на протяжении 10 лет, особенно в нынешних условиях, российское государство вынуждено исходить в своих отношениях с наукой из условий жестких ограничений финансирования и финансировать ее по принципу остатка («сперва удовлетворим свои потребности – если что-то останется – пойдет в образование»). Без должного регулирования правительством и без привлечения частного бизнеса к развитию инноваций, все это может привести к тому, что некоторые показатели России и других стран постсоветского пространства просто будет невозможно сопоставить с западными показателями. Хорошо заметил Анатолий Чубайс на съезде 10 представителей крупнейшего бизнеса России - «Картина не очень оптимистичная». Сегодня затраты западного бизнеса на НИОКР раз в 5 выше, чем в России, а производительность труда России составляет 29,5% от показателей США. В конце суще-

[3] [http://www.morvesti.ru/publication/transport/anons.php?ELEMENT_ID=4782]

ствования СССР этот показатель был 29,4%. В США например затраты на фундаментальную науку за последние десятилетия выросли в разы, а затраты на НИОКР росли еще более динамично: в области обороны за последние 10 лет объемы финансирования выросли в 5 раз, медицины – 15 раз, а космоса – 2 раза. А это на 500%, 1500% и 200% соответственно.[4]

Институциональную систему можно построить на привлечении инвестиций. А в странах постсоветского пространства с этим существуют большие дыры. **Сегодня проблема с привлечением частного сектора к разработкам инновационных технологий** принимает совсем другой облик. Лидеры стран постсоветского пространства понимают, что финансирование инновационного сектора за счет государственного бюджета осуществимо лишь в теории. Мировой финансовый кризис особенно доказал это. Конечно, говорить, о том, что начинать приходится с «белого листа», некорректно. В настоящий момент созданы отдельные эффективно работающие элементы национальной инновационной системы, включающей инфраструктуру поддержки инновационной деятельности. В настоящие время РФ более тяготеет к реализации стимулирования частного сектора к инновациям (снижение квот, тарифов, защита прав собственности, все различные льготы и снижение подоходного налога тем, кто связывает свою деятельность с инновационными структурами). За рубежом подобные методы способствовали появлению (у Германии, Норвегии, Великобритании и Швеции) инновационных технологий в сфере финансов, добыче полезных ископаемых, торговле, IT, обрабатывающем производстве, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. А в России, в силу отсутствия подобных мер стимулирования, в сфере финансов и торговли инновации не используются вообще, а в IT и обрабатывающем производстве от силы 10% предприятий внедряют инновационные технологии. Так же представители российского бизнеса пытаются донести до власти, что реализация инновационных проектов возможна, лишь при распределении рисков и ответственности между бизнесом и государством.[5] И правда, повышение коммерческой привлекательности, и увеличение объема прямых вложений в экономику неразрывно связано со снижением инвестиционных рисков, что, в свою очередь, напрямую зависит от наличия адекватной инфраструктуры, которая при стремлении к эффективности для потребителя всегда должна быть адресной и определяться исключительно запросами бизнеса. Неразвитость финансовой инфраструктуры приводит к разрыву инновационной цепочки: ИДЕЯ > ТЕХНОЛОГИЯ > ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО, что не позволяет обеспечить необходимый поток интересных предложений для коммерческих инвестиций на стадии перехода от исследований и разработок к рыночному продукту.

[4] [http://www.gazeta.ru/business/2010/02/11/3322816.shtml]
[5] [http://www.gazeta.ru/business/2010/02/10/3322322.shtml]

Подобные проблемы, как говорят финансовые эксперты, должны решать финансовые учреждения и институты. На сегодняшний день задачи стартового финансирования в сфере НТП в России решают всего 2 федеральных фонда (явный недостаток финансовых учреждений и институтов): Российский фонд технологического развития и Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. Недостаток финансовых и организационных возможностей позволяют лишь в малой степени решить вопросы стартового финансирования компаний инновационной сферы. Как мне кажется, вопрос о внедрении инноваций в бизнес должен стоять на первом месте для стран ранее составлявших СССР.

Вообще, если уж говорить о проблемах внедрения инноваций (касается интеллектуального потенциала) то, как и в России, так и в странах соседках одним из главных препятствий для развития инноваций является незащищенность прав. Как пишет ректор Российской экономической школы Сергей Гуриев в своей книге Мифы экономики – «Для любого экономиста защита прав собственности – краеугольный край капитализма. Без нее не может быть ни инвестиций, ни эффективного функционирования рынков, ни экономического роста». Я согласен с его мнением, ведь чем лучше защищен изобретатель, тем более он заинтересован в получении результата. Отсюда как раз и частичное решение проблемы с финансированием: такой подход помогает получить исходное финансирование – любой инвестор хочет знать, что его доходы будут защищены в случае успеха проекта. Российское правительство уже по не многу руководствуется такой логикой, собираясь передать авторам права на результаты научно-технической деятельности, полученные за счет бюджета. На мой взгляд, это поможет расширить инновационный портфель страны. Опыт подобных мер, США подкрепляет уверенность такого шага. Однако Американский инновационный бум последних 20 лет, как считает Сергей Гуриев, нельзя воспроизвести в России, просто скопировав его. Для этого необходимо сперва снизить политические риски и внести массу изменений в российское законодательство.[6]

Следующим, я бы назвал шагом, регулирования инновационного сектора – это создание наилучших условий для «мозгов» – ученых и исследователей, так как они и являются ядром инноваций. Формирование образцового государства требует некоторых реформ и в области образования – люди это всегда ключевой актив. Все больше молодых людей перенимают зарубежный опыт ведения бизнеса, уезжают учиться за рубеж, и проблема в том, что молодые исследователи там и остаются. А все из-за отсутствия качественных условий для работы ученых. Таким образом, властям необхо-

[6] [Гуриев С. Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики – 2-е изд.доп.,переработ. – М.: «Юнайтед Пресс», 2010. – 166ст.]

димо наладить обратный поток. За рубежом современное общество, приходящее на смену индустриальному производству, все чаще обозначают как экономику, основанную на знаниях – интеллектуально-креативной экономикой. Ей присущи своя форма и структура богатства, собственные критерии оценки эффективности накопления. То, что считается ростом в традиционной экономике, не является таковым в современных условиях. Поэтому роль государства усложняется в связи с поддержкой направленных структурных сдвигов и проведении институциональных реформ, способствующих раскрытию научно-технического потенциала, НИОКР, возможностей интеллектуально-креативных ресурсов человеческого капитала – в рамках единой цепи «наука-образование-производство». [7]

Если свести картину к общему, сегодня «провалы» рынков постсоветского пространства в инновационной сфере вынуждают государство принимать на себя ряд организационных, финансовых и институциональных функций по регулированию инновационного цикла, в рамках которого в большей или меньшей степени присутствуют «нерыночные» фазы. Страны, входящие в СНГ, ориентируются по большей степени на зарубежный опыт, хотя в 21 веке у этих стран имеется огромный потенциал для инновационного прорыва. Все та же экономика Америки построена не без участия русских и белорусских ученых.

Использование возможностей и достижений российского научно-технического комплекса и вовлечение в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности и объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий рассматриваются в настоящее время как главное направление подъема российской экономики, обеспечивающее реализацию национальных интересов России.[8]

Подводя к заключению все выше сказанное, нельзя не оставить без внимания некоторые аспекты инновационного регулирования, в частности регулирования в частном секторе, которое следует учесть при создании и проектировании новой инновационной политики (экономики). В отличие от естественных, любые общественный процессы, будь то хозяйственные или инновационные, всегда являются результатом управления в его самых различных формах. Это означает, что деятельность любых общественных структур можно представать в виде систем управления.[9]

На ранних стадиях функционирования и развития общественных структур, оба вида деятельности могут осуществляться одними и теми же работниками или работниками различных подразделений одних и тех же структур. Однако на более поздних стадиях, особенно в постиндустриальной экономике осуществлять такое совмещение функций работниками струк-

[7] [www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Prvs/2008_1/0039.pdf -]
[8] [http://www.dpr.ru/pravo/pravo_23_4.htm]
[9] [www.mifp.ru/.../bce9aa313869c64e628a225800e1dde401de63ef.doc]

тур, занимающихся повседневной базовой деятельностью, становится либо невозможным, либо неэффективным по ряду объективных причин.

Во-первых, изменились масштабность и характер самих новаций. Если раньше можно было их разрабатывать и внедрять спонтанно, на основе собственного опыта и интуиции в виде своеобразных «рацпредложений», то современные новации сопровождаются радикальными преобразованиями, опирающимися на последние достижения в области науки, техники и технологии, что часто требует специальных знаний, навыков и креативной энергии в области их разработки и практического применения, а также соответствующей материально-технической базы, адекватной системой-управления подобными инновациями. Именно отсутствие или нежелание понимать это, а часто просто отсутствие времени на подобную работу не хватает сотрудникам базовых структур, озабоченным поддержанием достигнутого уровня управления в новых более сложных условиях постиндустриальной цивилизации (глобализации, информатизации, сервисной экономики).

Во-вторых, базовые структуры многих стран с переходной экономикой, к которой относится и Россия, в силу недостаточной управляемости, слабого совпадения личных и групповых интересов с общественными, сильным влиянием неформальных факторов управления и высокой степенью криминализации общества, могут получать значительную, а иногда и подавляющую часть, своих доходов и прибыли за счет непроизводительных факторов и источников. Это в значительной степени снижает привлекательность и востребованность легитимных новаций, ориентированных на реальное повышение производительности общественного труда. Это же происходит в закрытых и монополизированных сферах базовой деятельности, где вполне довольствуются не оптимальным, а допустимым уровнем управления. Поэтому работники базовых структур во многих случаях оказывают серьезное сопротивление радикальным прогрессивным преобразованием, не желая идти на риск и терять свои выгоды от «стабильного консерватизма».

Так же что касается частного сектора, последовательный поиск и использование новых возможностей требуют от предпринимателей, какой бы ни была их личная мотивация – деньги, власть, любопытство или жажда славы и признания, – пытаться создать что-либо полезное. Создание чего-то своего – нового, а не копирование уже неэффективных систем запада. Конечно, опираться на их исследовательский опыт можно, и даже нужно, но скорее с целью не угнаться и держаться на плаву инноваций, а преодоления их опыта и выход вперед на международной финансовой и торговой арене. В то же время недостаточно просто улучшить то, что уже существует, или внести изменения. Необходимо придать новшествам новую, отличающуюся ценность и сделать их привлекательными по-новому, по другому, превратить «материал» в «ресурс» или объединить уже существующие

ресурсы в новой, более удачной комбинации. Чем успешнее это реализуется, тем меньше остаётся мотиваций заниматься получением непродуктивных, а уж тем более антиобщественных доходов. [10]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для преодоления существующих проблем и создание инновационной политики акцентированной на будущее требуется улучшать инновационный сектор и учесть следующее:

- Образование и наука самые главные отрасли в 21 веке.
- Бизнес должен быть ведущим в сфере инноваций, а государство ведомым.

В целом государственная поддержка инновационных процессов должна быть направлена на:

- стимулирование инновационных процессов;
- поощрение сотрудничества университетов и межфирменной кооперации;
- совершенствование системы охраны интеллектуальной собственности;
- совершенствование антимонопольного законодательства;

Литература

1. *Гуриев С.* Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики – 2-е изд.доп.,переработ. – М.: «Юнайтед Пресс», 2010. – 41ст.
2. http://www.gazeta.ru/business/2010/02/10/3322322.shtml
3. http://www.morvesti.ru/publication/transport/anons.php?ELEMENT_ID=4782
4. http://www.gazeta.ru/business/2010/02/11/3322816.shtml
5. http://www.gazeta.ru/business/2010/02/10/3322322.shtml
6. *Гуриев С.* Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики – 2-е изд.доп.,переработ. – М.: «Юнайтед Пресс», 2010. – 166ст.
7. www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Prvs/2008_1/0039.pdf -
8. http://www.dpr.ru/pravo/pravo_23_4.htm
9. www.mifp.ru/.../bce9aa313869c64e628a225800e1dde401de63ef.doc
10. http://www.morvesti.ru/publication/transport/anons.php?ELEMENT_ID=4782

НОВАЯ ПОСТ-КРИЗИСНАЯ ПАРАДИГМА РЕГУЛИРОВАНИЯ И НАДЗОРА ЗА ФИНАНСОВЫМ СЕКТОРОМ

Ю.С. Баранова

Мировой финансовый кризис преподнес много уроков политикам, экономистам, менеджерам. Одним из таких уроков был урок о неспособности существующей системы регулирования и надзора за финансовым сектором восстанавливать финансовую стабильность в период спада. Кризис ярко

[10][http://www.morvesti.ru/publication/transport/anons.php?ELEMENT_ID=4782]

проиллюстрировал основные провалы в обеспечении стабильности финансовой системы: неограниченный оптимизм инвесторов относительно цен активов, подогретый низкими процентными ставками; неспособность надзора и пруденциального регулирования предотвращать чрезмерные риски и учитывать взаимосвязь деятельности регулируемых, нерегулируемых учреждений и рынков; разногласия между национальными и международными подходами к «спасению» и банкротству банков. Данные факторы вызвали необходимость разработки новой глобальной системы регулирования и надзора за финансовым сектором, которая смогла бы преодолеть существующие недостатки и обеспечить его большую стабильность в будущем. Актуальность реформирования системы регулирования финансового сектора подчеркивается активной деятельностью в этой сфере, которая ведется как на национальном, так и на международном уровнях.

Итак, целью данного исследования является анализ недостатков глобальной системы регулирования и надзора за финансовым сектором, а также выработка рекомендаций по ее реформированию с целью содействия глобальной финансовой стабильности. В ходе данного исследования были изучены публикации МВФ, Банка международных расчетов и Базельского комитета, а также различных национальных институтов, таких как Федеральная резервная система и Управление по финансовому надзору в США, Европейский центральный банк, Европейская комиссия, а основными методами исследования являлись описательный, аналитический, графический и экономико-финансовый.

Как было отмечено выше, кризис показал, что правительствам необходимо изменить систему взглядов о регулировании и надзоре за финансовым сектором, которая традиционно включала три компонента: надзор отдельных финансовых учреждений, надзор платежных и расчетных систем и других ключевых рыночных структур, мониторинг функционирования финансовых рынков. Чтобы преодолеть недостатки старой парадигмы, новая система взглядов должна отвечать следующим требованиям: она должна быть комплексной, т.е. в ней должны переплетаться пруденциальное регулирование (включая международное регулирование), а также фискальная и монетарная политики. Кроме того, она должна фокусироваться на системе в целом, а не на отдельных финансовых учреждениях, включать в себя антицикличные и симметричные (срабатывать при подъемах и спадах) инструменты, быть ориентированной на долгосрочную перспективу [4].

Новая глобальная система регулирования и надзора основывается на трех базовых блоках: пруденциальное регулирование, монетарная политика, фискальная политика. Пруденциальная политика все чаще рассматривается как совокупность микропруденциального компонента, цель которого ограничить влияние кризисных явлений на отдельные банки, и

макропруденциального компонента, цель которого ограничить системные последствия кризиса. Однако стоит отметить, что поскольку новая система должна быть глобальной, то включение в данный блок пруденциального регулирования на международном уровне является необходимостью. В рамках микро-компонента пруденциального регулирования рекомендуется увеличить размеры и улучшить качество капитала финансовых посредников, ввести требования по обеспечению капиталом трейдинговых операций, обеспечить более качественный риск-менеджмент и более полное предоставление информации о деятельности финансовых учреждений, ввести нормативы левереджа в дополнение к показателям, основанным на взвешенных по степени риска активах [2, 6].

Макропруденциальное регулирование состоит из двух измерений: временного, цель которого смягчить фазы экономического цикла, и перекрестного, который нацелен на изучение распределения совокупного риска в финансовой системе на определенный момент. В рамках первого измерения реформы предусматривают антицикличные требования к размеру капитала и резервирование «на будущее», с целью создания «подушек безопасности», которые будут служить защитой и поглощать убытки в кризисные периоды. Второе измерение ориентируется на установление требований к капиталу финансовых учреждений в зависимости от их системной важности, идентификацию связей между регулируемыми и нерегулируемыми финансовыми учреждениями и вытекающих из этого рисков. Кроме того, задачей второго измерения является осуществление систематического надзора над рынком производных финансовых инструментов.

Как показал кризис, финансовая напряженность может легко и быстро перемещаться за границы отдельной страны, поэтому отдельное внимание уделяются стабилизации мировой финансовой системы в целом. В рамках международного пруденциального регулирования рекомендуется добиться максимального сближения банковского законодательства стран, создать международные коллегии регуляторов, которые будут заниматься разрешением проблемных ситуаций у транснациональных финансовых посредников, повысить эффективность обмена информацией между регулирующими органами разных стран, разработать механизмы равномерного распределения издержек в случае банкротства международных финансовых посредников [2, 8].

При изучении совершенствования системы регулирования и надзора финансового сектора нельзя обойти вниманием изменение политики в области секьюритизации. Основные реформы в данной сфере нацелены на повышение прозрачности секьюритизированных продуктов, их упрощение, применение более качественных и специально созданных для этих продуктов рейтингов, стимулирование более тщательного риск-менеджмента со стороны оригинаторов, что все в совокупности позволит оживить активность на рын-

ках секьюритизации и вернуть утраченное во время кризиса доверие [1, 5].

Рассматривая новую парадигму регулирования и надзора за финансовым сектором, можно сделать вывод, что она должна привести к большей стабильности финансовой системы, однако стоит отметить, что более тщательное регулирование также связано с определенными издержками и побочными эффектами, которые могут оказать отрицательное воздействие на эффективность функционирования экономики. Новая система финансовой стабильности может улучшить выполнение финансовой системой функций мобилизации ресурсов, аккумуляции информации, осуществления корпоративного контроля. Однако, что касается функций распределения ресурсов и стимулирования обмена, а также риск-менеджмента, то эффект реформ на выполнение финансовой системой этих функций является неоднозначным. Кроме того, более обширные регулирование и надзор всегда связаны с более высокими бюджетными расходами, что отвлекает ресурсы из реального сектора экономики и тормозит экономическое развитие. Также микроэкономический анализ показывает, что вмешательство государства в функционирование рынков влечет за собой потери «мертвого груза», которые являются прямым индикатором неэффективности экономики. Поскольку реформы системы финансового регулирования и надзора влекут за собой как выгоды, так и издержки с точки зрения эффективности, то их влияние на экономическое развитие и рост зависит от направленности результирующего вектора.

Таким образом, мировой финансовый кризис доказал необходимость реформирования системы регулирования и надзора за финансовым сектором и спровоцировал волну исследований и законопроектов в данной области. Однако дееспособность новой системы в кризисных условиях, в случае ее успешного внедрения, сможет доказать только время.

Литература

1. *Fender I., Mitchell J.* The future of securitization: how to align incentives? //BIS Quarterly Review [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: http://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt0909e.pdf./- Date of access: 19.04.2010.
2. Financial Regulatory Reform: a new foundation//US Department of the Treasury [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: http://www.financialstability.gov/- Date of access: 19.04.2010.
3. *Gerlach P.* The dependence of financial system on central bank and government support/ P. Gerlach//BIS Quarterly Review Review [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: http:// www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1003g.htm./- Date of access: 19.04.2010.
4. *Hannoun H.* Towards a global financial stability framework/H. Hannoun//BIS [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: http:// www.bis.org/speeches/sp100303.htm./- Date of access: 19.04.2010.
5. *Keys B.* Financial regulation and securitization: evidence from subprime loans//B. Keys [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: http:// www.ssrn.com/abstract=1346131./- Date of access: 19.04.2010.

6. Lessons of the financial crisis for future regulation of financial institutions and markets and for liquidity management//IMF Monetary and Capital Markets Department [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2009/020409.pdf./- Date of access: 19.04.2010.
7. *Levine R.* Financial Development and Economic Growth: Views and Agenda // J. of Economic Literature. 1997. №35. P. 688-726.
8. *Shin H. S.* Financial intermediation and the post-crisis financial system/ H. S. Shin//BIS Working Papers No. 304[Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: http:// www.bis.org/events/conf090625/hyunshinpaper.pdf./- Date of access: 19.04.2010.

КРИТИКА ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ КАРЛА МАРКСА

А. А. Бельзецкая

Наследие Карла Маркса заслуживает особого внимания, поскольку в его работах дана оригинальная трактовка многих принципиальных проблем экономической науки – предмета и метода политической экономии, системы экономических отношений капитализма, закономерностей перехода от одной формации к другой, классовых взаимоотношений пролетариата и буржуазии. В дальнейшем марксистская политическая экономия развивалась в трудах В.И.Ленина, Г.В.Плеханова, К.Каутского, Р.Гильфердинга и других ученых-марксистов.

Можно с уверенностью сказать, что Маркс был первопроходцем по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, он осознал деградацию человека (отчуждение/обнищание), которая является следствием частнокапиталистических отношений. Во-вторых, Маркс стремился найти лечение этой болезни на пути анализа базисных структур капитализма. Другой вопрос заключается в том, свободен ли от ошибок Марксов анализ человеческой деградации и экономических законов и, особенно, насколько он приемлем сегодня. В данной работе проанализированы недостатки трудовой теории стоимости Маркса и вскрыты причины их возникновения.

ГИПОТЕЗА РАБОТЫ

Карл Маркс ненавидел буржуазное общество и был убежден в неизбежном крахе буржуазной общественно-экономической формации. Но нужна была теория, обосновывающая неизбежность революции. Основной экономический труд Маркса «Капитал» [1, 2] стал попыткой прийти к тому, во что верил Маркс.

На мой взгляд, главной причиной субъективизма Маркса являлась изначальная вера и установка на смену общественно-экономических формаций, в основе которой лежат противоречия между классами, углубляющиеся по мере развития капиталистического общества (рис. 1). Экономическая теория Маркса насквозь социологична, что можно рассматривать как силу и как слабость его концепции. Абсолютизируя революци-

онные способы разрешения противоречий, Маркс недооценивал эволюционные, согласительные формы их преодоления. Не задаваясь целью подвергнуть критике, все экономическое учение Маркса попытаемся выяснить элементы субъективизма в некоторых базовых понятиях и концепциях, изложенных в первом томе «Капитала» [1].

Рис. 1. Схема возникновения субъективизма в экономической теории Маркса

ДЕНЬГИ

Прежде чем приступить к критике экономической теории Маркса, рассмотрим, по моему мнению, один из наиболее удачных разделов «Капитала», который посвящен деньгам. Разработанная Марксом эволюционная концепция происхождения денег, их основные функции, практически в неизменном виде дошли до наших дней. Вкратце эту теорию можно изложить следующим образом.

В главе первой «Товар и деньги» [1, с. 1–32] изложен взгляд на деньги как на историческую категорию. Деньги – это товар-эквивалент, в котором выражается стоимость всех других товаров и посредством которого обеспечивается товарообмен на эквивалентной основе.

Маркс показывает, что деньги появились не сразу, а исторически претерпевали эволюцию. Сначала возникла простая форма выражения стоимости товара. Она имела следующий вид:

$$X \text{ товара } A = Y \text{ товара } B,$$

Полная или развернутая форма стоимости соответствует следующему выражению:

$$X \text{ товара } A = \begin{cases} Y \text{ товара } B \\ Z \text{ товара } C \\ Q \text{ товара } D \\ \text{и т. д.} \end{cases}$$

Всеобщая форма стоимости соответствует тому этапу развития товарообмена, когда возникает всеобщий товар-эквивалент:

$$\left.\begin{array}{l} Y \text{ товара } B \\ Z \text{ товара } C \\ Q \text{ товара } D \\ \text{и т. д.} \end{array}\right\} = X \text{ товара } A$$

На смену всеобщей форме пришла денежная форма стоимости, которую можно представить следующим уравнением:

$$\left.\begin{array}{l} Y \text{ товара } B \\ Z \text{ товара } C \\ Q \text{ товара } D \\ \text{и т. д.} \end{array}\right\} = N \text{ граммов золота}$$

С появлением золотомонетных денег все цены товаров принимают единообразное выражение, они становятся сопоставимыми.

В главе третьей «Деньги или обращение товаров» Маркс раскрывает следующие основные функции денег.

1. Деньги как мера стоимости [1, с. 52–61].
2. Деньги как средство обращения [1, с. 61–84].
3. Деньги как средство платежа [1, с. 89–96].
4. Деньги как средство накопления [1, с. 84–89].
5. Мировые деньги [1, с. 96–99].

Функции денег – это конкретное внешнее проявление их сущности как всеобщего эквивалента стоимости [3]. Важным для дальнейшей критики трудовой теории стоимости Маркса является понятие функции денег как меры стоимости. Рассмотрим эту функцию более подробно.

Выполнение деньгами функции меры стоимости заключается, прежде всего, в их способности оценивать стоимость всех товаров через определение цены. «Цена есть денежное выражение стоимости товара» [4, с. 62]. С позиций рыночной экономики в основе цен товаров лежит закон стоимости [4]. При равенстве на рынке спроса и предложения на товар цена обычно соответствует стоимости товара. При несоответствии спроса и предложения цена товара отклоняется от его стоимости, что свидетельствует о недостатке или перепроизводстве определенных видов продукции.

ТОВАР И ЕГО СТОИМОСТЬ

Основную цель исследования Маркс видел в выяснении тех законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие и разложение рассматриваемого им социально-экономического организма. В первом томе «Капитала» [1] Маркс начинает анализ системы экономических отношений не с богатства (слишком общей категории), а с товара. Именно в товаре, по мысли Маркса, в зародышевой форме заложены все противоречия исследуемой системы.

Для измерения стоимости товара Маркс использует не деньги, хотя, как было показано выше, объективный характер денег он признает и функцию меры стоимости денег он не отрицает, а затраты рабочего времени. Кроме того, Маркс рассматривает только один фактор, лежащий в основе стоимости товаров, – труд наемных работников, игнорируя действие остальных факторов.

«Величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для его изготовления» [1, с. 5].

Итак, изначальная установка на доказательство эксплуатации рабочих капиталистами начинает работать. Закладывая в стоимость товара труд наемных рабочих, игнорируя при этом действие остальных факторов, Маркс получает прекрасный инструмент для решения поставленных задач. Здесь возникает вопрос, насколько правомерна такая абсолютизация труда в качестве основного и единственного фактора стоимости.

В последней трети XIX в. стала развиваться теория предельной полезности. Центральным моментом в теории предельной полезности является утверждение о том, что ценность (стоимость) определяется степенью полезного эффекта, то есть представителями теории предельной полезности была сделана попытка анализа экономических процессов с точки зрения потребителей.

Основные представители нового направления экономического анализа – Уильям Стэнли Джевонс (1835–1882), австрийцы Карл Менгер (1840–1921), Фридрих фон Визер (1851–1926) и Ойген Бем-Баверк (1851–1914) [5], американский экономист Джон Бейтс Кларк (1847–1938) [6].

Сопоставляя оба подхода, можно заметить, что в рамках теории стоимости Маркса решающая роль принадлежала фактору предложения, когда принимались во внимание затраты труда, затраченного на производство товаров. В рамках теории предельной полезности, наоборот, основное внимание было уделено потребительским оценкам. Соответственно, двум подходам была присуща ограниченность, то есть ни один из них не мог претендовать на абсолютную истинность в объяснении реальной хозяйственной практики.

В конце XIX в. в своем выдающемся произведении «Принципы экономики» (1890) [7] Альфред Маршалл (глава кембриджской школы) осуществил синтез трудовой теории стоимости Маркса и теории предельной полезности. Придя к выводу, что классики и маржиналисты по сути сосредоточивались на различных сторонах одного и того же процесса – формирования ценности, он творчески переработал теории трудовой стоимости (действие объективных факторов) и предельной полезности (действие субъективных факторов) в теорию взаимных связей спроса и предложения. Маршалл обстоятельно проанализировал, как складываются и взаимодействуют спрос и предложение и какие факторы их определяют [3].

В теории А. Маршалла определение стоимости и цены сводится к выяснению взаимодействия рыночных сил, лежащих как на стороне спроса (предельная полезность), так и предложения (издержек производства) товаров. Исходя из этого, ценность товара в равной степени определяется полезностью и издержками производства. Осуществленный А.Маршаллом синтез теории предельной полезности и классической теории стоимости открыл путь к созданию общенаучной теории стоимости.

Таким образом, Маркс необоснованно считал источником стоимости товара лишь труд наемных работников, игнорируя при этом труд предпринимателей и другие факторы. Концепция трудовой теории стоимости, разработанная Марксом, не выдержала испытания временем и была отвергнута экономистами.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Теория прибавочной стоимости является краеугольным камнем экономической теории Маркса. В ней Маркс раскрывает механизм эксплуатации рабочих и обогащения капиталистов – собственников средств производства. В отличие от классиков, которые полагали, что товаром выступает сам труд, Маркс вводит новое понятие – «товар рабочая сила». Маркс утверждает, что рабочий продает не труд, а рабочую силу, то есть свою способность к труду.

Как и всякий товар, рабочая сила, по Марксу, имеет потребительную стоимость и стоимость. Стоимость товара соответствует стоимости жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы, а вот его потребительная стоимость для покупателя-капиталиста определяется способностью рабочей силы производить большую стоимость, чем составляет стоимость самой рабочей силы. Эта разница и образует, по Марксу, прибавочную стоимость – источник дохода капиталиста.

Продукт, создаваемый за необходимое и прибавочное время – это, соответственно, необходимый и прибавочный продукт, а стоимость по-

следнего – прибавочная стоимость. Именно присвоение прибавочной стоимости капиталистом служит основой эксплуатации труда капиталом.

Критики Маркса считают, что его теория прибавочной стоимости представляет своего рода теоретическую конструкцию, которая не учитывает, что предпринимательский труд, труд по управлению, организации производства также является источником ценности товара, создает доход. Лежащая в ее основе трудовая (однофакторная) теория стоимости не согласуется с практикой, ибо труд разнороден и отличается не только по затраченному времени, но и по результатам. Обращается внимание на то, что формы эксплуатации возможны и существуют и в условиях, когда участники производственного процесса являются равноправными субъектами отношений собственности [8].

НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Абсолютизация фактора рабочей силы сказывается в теории Маркса и при определении нормы прибавочной стоимости. Маркс полагает, что стоимость создается только рабочей силой и при определении нормы прибавочной стоимости в формуле $c + v + m$ (где c – постоянный капитал, v – переменный капитал, m – прибавочная стоимость) постоянной c пренебрегает и приравнивает ее нулю [1].

Например, два землекопа, один из которых копает яму лопатой, а второй с помощью экскаватора, за один и тот же промежуток времени произведут разную прибавочную стоимость. По Марксу оба рабочих за одно и то же время произведут одну и ту же норму прибавочной стоимости. Поэтому по Марксу $c+v+m$ эквивалентно $v+m$, поскольку добавленная стоимость m создается только в процессе труда. В действительности же при отбрасывании c должно измениться и m, то есть $c+v+m = v+m'$, где в общем случае m не равно m'.

В результате допущенных ошибок Маркс приходит к сомнительным и противоречивым выводам. Капиталисты в конкурентной борьбе закономерно увеличивают свои капиталы, особенно постоянные, что отвечает всеобщему закону капиталистического накопления Маркса: «Накопление капитала осуществляется в непрерывном качественном измерении его строения, в постоянном увеличении его постоянной части за счет переменной» [1, с. 528]. Это не встречает возражений. Однако, согласно Марксу, по мере увеличения количества оборудования, его совершенствования и увеличения количества сырья, доля живой рабочей силы неизбежно снижается. А раз так, то количество эксплуатируемой рабочей силы уменьшается и норма прибыли падает, поскольку живой труд по Марксу является единственным источником капиталистической прибыли.

Самым существенным пороком капитализма Маркс считает именно тенденцию нормы прибыли к понижению. По Марксу, будут наблюдать-

ся две тенденции одновременно: снижение нормы прибыли и растущее обнищание пролетариата.

Полученные Марксом выводы противоречивы и не подтверждаются практикой. Так, чем выше механизация производства, тем ниже норма прибыли, а это явно противоречит тому факту, что капиталисты прибегают к замещению труда капиталом с целью получить высокие прибыли. Кроме того, капитал непрерывно увеличивать просто неразумно, до определенного момента увеличение производственных мощностей ведет к снижению затрат на единицу продукции, но затем капитал уменьшает отдачу, затраты на единицу продукции возрастают.

ДРУГИЕ НЕДОСТАТКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАРКСА

Анализ литературных источников [4–9] позволил выявить другие недостатки экономической теории Маркса. Вкратце их можно систематизировать следующим образом.

1. Непоследовательное, в значительной мере, одностороннее применение закона единства и борьбы противоположностей к отношениям между двумя основными классами буржуазного общества.
2. Маркс недооценил роль частной трудовой собственности в реализации сущностных сил человека.
3. Маркс переоценил роль крупного производства в экономике общества, значение процесса вытеснения мелкого производства крупным.
4. Маркс ошибочно считал, что социализм несовместим с товарно-денежными отношениями.
5. Маркс недостаточно внимания уделял закону спроса и предложения.
6. Предметом исследований у Маркса являются производственные отношения и производительные силы, а влияние окружающей среды и природных факторов не учитывается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая экономическое учение Карла Маркса с позиций сегодняшнего дня можно выделить следующее. Позитивным моментом трудовой теории стоимости Маркса является то, что он критикует буржуазный строй, вскрывает его недостатки и пороки, критикует другие экономические течения. Кроме того, в самой трудовой теории стоимости Маркса есть интересные идеи и конструктивные выводы, которые положительно влияют на развитие всей экономической науки. Примерами являются эволюционная теория денег, трудовая теория стоимости (которая подтолкнула развитие других теорий стоимости), применение методов материалистической диалектики в экономике и др.

Вместе с тем изначальные постулаты трудовой теории стоимости Маркса (классовая борьба, смена общественно-экономических форма-

ций, ликвидация рыночной экономики), многие из которых не подтверждаются на практике, приводят к ее искажению и субъективизму. В качестве примера можно привести работу Маркса «Капитал», в которой исходная установка Маркса на классовую борьбу и смену общественно-экономических формаций привели к абсолютизации и гипертрофированной роли труда наемных рабочих при оценке стоимости товара. А поскольку понятие стоимости является фундаментом всей экономической теории Маркса, то ее неверная трактовка разрушила все здание экономической теории Маркса. Многие предсказания и законы Маркса (закон концентрации, всеобщий закон капиталистического накопления) не подтвердились в процессе исторического развития общества.

Литература

1. *Маркс К*. Капитал. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – Т. 1. 665 с.
2. *Маркс К*. Капитал. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – Т. 2. 455 с.
3. Экономическая теория / Под ред. *И.В. Новиковой*. – Минск: БГЭУ, *Седов В.В*. Экономическая теория: В 2 ч. Ч. 1. Введение в экономическую теорию: Учебное пособие. - Челябинск: Челябинский государственный университет, 2002. - 115 с.
4. *Бём-Баверк О*. Критика теории Маркса. – Челябинск: Социум, 2002. – 283 с.
5. Мочерный С. В., Некрасов В. Н., Овчинников В. Н., Секретарюк В. В. Экономическая теория. – М.: Экспертное бюро, 2000. – 406 с.
6. *Маршалл А*. Принципы экономической науки. [Электронный ресурс]. – http://ek-lit.narod.ru/marsod.htm . – Дата доступа : 08.11.2009.
7. *Бартенев С.А*. История экономических учений в вопросах и ответах. Учебно-методологическое пособие. – Москва: Юристъ, 1998. – 192 с.
8. *Скирбекк Г., Гилье Н*. История философии. Критика взглядов Маркса [Электронный ресурс]. – http://society.polbu.ru/skirbekk_philohistory/ch119_i.html. – Дата доступа : 06.11.2009.

НАЛОГОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ПРОСТРАНСТВ В КАНТЕКСТЕ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Груша

Ничто не требует столько мудрости и ума, как определение той части, которую у подданных забирают, и той, которую оставляют им.
Т. Монтескье

В современных условиях сформировалась тенденция к региональной интеграции, причем данные процессы активизировались после Второй мировой войны, которая ярким образом подтвердила тот факт, что только путем объединения и взаимодействия можно достигнуть эффективности и результативности принимаемых решений.

Большинство экономистов, объясняя причины формирования интегрированных пространств, отмечают, что страны, вступая в данные объединения, ставят себе цель улучшения благосостояния нации. Это обусловлено снижением трансакционных издержек за счет расширения объема рынка, а также использования других преимуществ экономии на масштабе. Важно отметить и тот факт, что экономическая интеграция зачастую преследует не только чисто экономические цели, но политические, социо-культурные и многие другие. Это определяет тот факт, что некоторые страны могут стремиться к экономической интеграции даже тогда, когда ожидаемые экономические выгоды будут очень невелики и даже когда с экономической точки зрения интеграция в целом окажется невыгодной. С другой стороны, значительные потенциальные экономические выгоды какой-либо страны от участия в экономическом блоке не приведут с необходимостью к ее членству в данном интеграционном объединении. Это обусловлено тем, что многие страны оценивают свою независимость более высоко, чем возможность роста благосостояния в результате участия в интеграционном объединении.

Обращаясь к мировой практике можно заметить, что национальные хозяйства сближаются поэтапно: от одной стадии интеграции к другой. Соглашения о региональной экономической интеграции могут принимать различные формы в зависимости от степени интеграции между странами. В зависимости от различных источников различные экономисты выделяют либо пять, либо шесть типов интеграционных объединений.

С целью эффективного функционирования интегрированного пространства, страны-участницы должны координировать свои действия во всех областях экономической политики, в том числе в сфере налогообложения.

Применение единой системы в налогообложении предполагает [14]:

- установление ставок косвенных налогов на экспортируемые и импортируемые товары не выше аналогичных ставок, которыми облагаются товары национального производства;
- применение в торговле с третьими странами принципа страны назначения по взиманию косвенных налогов;
- отмену предоставления индивидуальных налоговых льгот при ввозе и вывозе товаров в торговле с третьими странами в части, касающейся установления ставок и порядка взимания налога на добавленную стоимость и акцизов по подакцизным товарам;
- свободный обмен информацией относительно применения ставок и механизма взимания налогов, предоставляемых налоговых льгот для резидентов и нерезидентов, осуществляющих торговые операции с товарами из третьих стран.

Основными формами наднационального сотрудничества в сфере налогообложения являются сближение, унификация и гармонизация налоговых систем.

Сближение является наиболее мягкой формой правового воздействия на сложившиеся системы. Оно осуществляется через согласование общих подходов и концепций, совместную разработку правовых принципов и отдельных решений, обеспечение их взаимного соответствия.

В отличие от сближения **унификация** – это уже кардинальная мера. Она предусматривает обязательное единообразие юридических норм и правил.

Налоговая **гармонизация** представляет собой процесс устранения различий и противоречий между налоговыми системами юрисдикций, входящих в интеграционное объединение, либо приведение данных различий и противоречий к совместимости друг с другом.

Началом процесса непрерывной интеграции между Российской Федерацией и Республикой Беларусь послужили межправительственные переговоры в январе 1995г., в результате которых был принят пакет российско-белорусских документов, в том числе Меморандум о расширении и углублении российско-белорусского сотрудничества, Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, Протокол о введении режима свободной торговли без изъятий и ограничений между Российской Федерацией и Республикой Беларусь.

В целях усиления интеграционных процессов оба государства взяли курс на формирование единой таможенной территории путем [15, с. 18]:

- отмены в торговле между государствами товарами, происходящими с их территорий, таможенных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие, а также количественных ограничений;
- установления и применения в отношениях с третьими странами одинакового торгового режима, общих таможенных тарифов и мер нетарифного регулирования внешней торговли;
- формирование механизма взаимоотношений Таможенного союза с третьими государствами и международными организациями на основе положений межправительственного Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о едином порядке регулирования внешнеэкономической деятельности от 12 апреля 1994 г.;
- действия однотипного регулирования экономики, базирующихся на рыночных принципах хозяйствования и унифицированном законодательстве.

Таким образом, можно отметить, что при формировании Таможенного союза ставилась цель унификации налогового законодательства. Однако на сегодняшний день существуют различия в ставках таможенных пошлин, акцизов, налога на добавленную стоимость и прочих налогов и сборов. Таким образом, можно говорить о гармонизации налоговых систем в рамках интегрированного пространства. В данной работе будут рассмотрены налог на добавленную стоимость, налог на прибыль, подоходный

налог и налог на социальное страхование, так как они в наибольшей степени влияют на потоки товаров, услуг и факторов производства.

Одним из факторов, обеспечивающих конкурентоспособность товара на международных рынках, является цена. Поэтому таким важным является рассмотрение в данном разрезе именно налога на добавленную стоимость, так как его влияние на увеличение цены достаточно велико. Отсутствие единой налоговой ставки внутри интегрированного пространства ведет к дифференциации цен и перемещению потока товаров и услуг в страну с наименьшей налоговой ставкой, так как при торговле в рамках Таможенного союза используется принцип страны назначения.

Налог на добавленную стоимость (НДС) – налог, которым облагается вклад предприятия (фирмы) в рыночную ценность производимого ею товара или услуги. Вследствие такого способа обложения суммарный налог на каждое потребляемое благо или услугу собирается на всех стадиях производства. В этом смысле НДС является не столько особым видом налога, сколько способом сбора налоговых платежей.

Система взимания НДС в рамках Таможенного союза основана на применении принципа страны назначения, основанного на системе отсрочки платежа.

С целью рассмотрения действующей системы взимания помимо традиционных критериев экономической эффективности, организационной простоты, гибкости, прозрачности и справедливости, необходимо рассматривать специфические характеристики налога на добавленную стоимость в контексте международной торговли [2, с. 4]:

- *Налогообложение по принципу страны назначения.* НДС должен уплачиваться по ставке страны, в которой происходит конечное потребление налогооблагаемого товара. Кроме того, налоговые поступления должны поступать в бюджет этой страны.
- *Автономия стран при установлении налоговых ставок.* Национальные налоговые органы должны иметь возможность устанавливать налоговые ставки по своему усмотрению.
- *Отсутствие налоговой конкуренции между странами.* Реализация полномочий национальных налоговых органов по установлению налоговых ставок может привести к возникновению внешних эффектов в той или иной стране. Поэтому возможности для перемещения налогов на граждан другой страны или расширения налоговой базы за счет этой страны путем сокращения налоговых ставок должны быть ограничены.
- *Надлежащие стимулы к сбору налогов у существующих налоговых органов.* Национальные налоговые органы должны обладать надлежащими стимулами к обеспечению соблюдения налогового законодательства. При этом взимание НДС не должно предполагать создание новых налоговых органов.

- *Отсутствие разрывов в цепочке исчисления НДС.* Одним из основных преимуществ НДС является стабильность налоговых поступлений за счет его взимания на всех стадиях производства и реализации товаров и услуг. Разрывы в цепочке исчисления НДС нарушают целостность налога, искажая поведение экономических субъектов и создавая стимулы для злоупотреблений.
- *Одинаковые требования по уплате налогов при осуществлении внутренней и международной торговли.* В идеале требования, предъявляемые к налогоплательщикам при уплате налога, должны быть одинаковыми вне зависимости от того, где осуществляется реализация товаров и услуг. Данная характеристика известна как «симметричность требований налогового законодательства».

В системе взимания налога на добавленную стоимость в рамках торговых отношений Российской Федерации и Республики Беларусь экспорт облагается по нулевой ставке, а импорт – по ставке страны в котором происходит конечное потребление товаров и услуг, что полностью соответствует *принципу страны назначения*. Это стимулирует экспорт и инвестиции путем устранения искажений во взаимной торговле и таким образом способствует более тесной экономической интеграции двух стран.

Существующая система взимания НДС по принципу страны назначения позволяет странам самостоятельно устанавливать ставки налога на добавленную стоимость по своему усмотрению, что говорит о существовании *автономии стран при установлении налоговых ставок*.

Налогообложение экспорта, используемое при применении принципа страны назначения, помогает ограничить *налоговую конкуренцию*. При применении принципа страны происхождения данная конкуренция может обостряться. Так как НДС является в какой-то степени надбавкой к цене, страны могут снижать налоговые ставки для привлечения потенциальных покупателей, так как налог взимается в той стране, где данные товары или услуги были произведены. Данный критерий является значимым, поскольку с 1 января 2010 года в Республике Беларусь повысилась ставка НДС до 20%, в то время как в Российской Федерации она сохранилась на уровне 18%.

При данной системе взимание налога на добавленную стоимость у обеих стран отсутствуют проблемы со *сбором налоговых поступлений*, так как налоговые органы полностью удерживают у себя собранные ими налоги.

Однако следует отметить, что существующая система не обеспечивает выполнение двух последних требований: отсутствие разрывов в цепочке исчисления НДС и наличие одинаковых требований при осуществлении внутренней и внешней торговли.

Наличие разрыва в цепочке исчисления налога на добавленную стоимость связано с применением нулевой ставки на экспортируемые товары и услуги. Это значительно затрудняет контроль налоговых органов за обоснованностью

требований о возмещении налога: ограничение возможностей для злоупотреблений и обеспечение возмещения налога честным налогоплательщикам является одним из наиболее трудных аспектов администрирования НДС.

Также действующая система ведет к повышению издержек уплаты налогов и налогового администрирования, поскольку требует от налогоплательщиков и налоговых органов по-разному учитывать продажи резидентам своей страны (которые подлежат налогообложению) и продажи субъектам, зарегистрированным в другой стране (которые облагаются по нулевой ставке). Однако не совсем ясно, насколько существенным препятствием к осуществлению торговли между странами является эта асимметрия, и какова будет экономия на издержках в случае ее устранения.

Существуют серьезные практические проблемы, связанные с эффективным взиманием НДС по принципу страны назначения в рамках Таможенного союза Беларуси и России. Исторически, реализация принципа страны назначения базировалась на системе пограничного контроля между странами. Отслеживая товарные потоки на границе, таможенные органы контролировали уплату налога при импорте товаров и применение нулевой ставки налога при экспорте. Однако при создании Таможенного союза пограничный контроль между странами был отменен, частично по политическим причинам, но главным образом вследствие того, что таможенное оформление значительно увеличивало трансакционные издержки взаимной торговли, препятствуя созданию подлинного интегрированного рынка. Таким образом, нынешние проблемы при взимании НДС обусловлены противоречием между целями создания Таможенного союза без пограничного контроля и обеспечения налоговых поступлений и автономии стран при установлении налоговых ставок.

Налог на прибыль является составным элементом налоговых систем Республики Беларусь и Российской Федерации, служащий инструментом перераспределения национального дохода. Налог на прибыль является прямым налогом, поскольку его сумма полностью зависит от конечных результатов хозяйственной деятельности предприятий и организаций.

Достаточно обоснованным является выбор прибыли в качестве основного объекта налогообложения, поскольку сущность налога заключается в распределении прибавочной стоимости между предприятием и государством. В то же время экономической категории прибавочной стоимости ближе всего категория прибыли.

Мировой опыт свидетельствует, что превышение допустимого предела налоговых изъятий из прибыли снижает деловую активность хозяйствующих субъектов и инвестиционную деятельность, развивая теневую экономику. В то же время снижение налоговых ставок не только стимулирует развитие деловой активности, но и приводит к повышению поступлений в бюджет за счет обоснованного увеличения налоговой базы

вследствие роста производства.

Для эффективного распределения производства и использования имеющихся ресурсов в интегрированных пространствах необходимо учесть ряд характеристик: величина процентной ставки, существующая система льгот, отсутствие налоговой конкуренции между странами и прочие.

В настоящее время прибыль в Республике Беларусь облагается по ставке 24%, в Российской Федерации (основная ставка) – 20%. В то же время, ставки налога на прибыль в России являются значительно дифференцированными. Прибыль в зависимости от вида деятельности также облагается по ставкам 0, 9, 10 и 15%. Однако законодательство Республики Беларусь предполагает льготирование налога на прибыль в зависимости от вида деятельности и расположения организации. Многие экономисты, изучающие теорию налогообложения, говорят о том, что как наличие деффиренциации ставок, так и наличие льгот в системе налогообложения является экономически неэффективным, так как служит появлению дополнительных административных издержек у налогоплательщиков, связанных с уплатой того или иного вида налога. Поэтому, для упрощения данного анализа, будем считать их эквивалентными. Таким образом, отличие в 4% основной ставки налогообложения может говорить о том, что для капитала наиболее благоприятный налоговый климат в Российской Федерации.

В налоговой системе любого государства всегда присутствуют два основных компонента – корпоративный и индивидуальный. Среди налогов, уплачиваемых населением, наиболее распространенным является **подоходный налог**, существующих практически во всех странах мира. Подоходным налогом называется налог, который взимается с дохода плательщика.

В настоящее время как в Республике Беларусь, так в Российской Федерации подоходный налог взимается по единым ставкам 12% и 13% соответственно. Однако, несмотря на наличие единой ставки, данные налоги по своей сути являются прогрессивными. Это обусловлено наличием социальных вычетов для малообеспеченных слоев населения. Таким образом, средняя ставка налога увеличивается с ростом дохода, что соответствует экономической сущности подоходного налога в качестве перераспределения доходов населения.

Как и в случае налога на прибыль, в России существует дифференциация ставок (35, 30,9%) в зависимости от видов доходов, а в Беларуси распространены налоговые льготы.

Подоходный налог с физических лиц необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с выплатами на социальное страхование. **Отчисления на социальное страхование** в Российской федерации представлены единым социальным налогом (ЕСН), а Республике Беларусь отчислениями в Фонд социальной защиты населения (ФСЗН). Экономическая сущность данного налога заключается в том, что он предназначен для мобилизации средств с целью

реализации права граждан на государственное пенсионное и социальное обеспечение (страхование) и медицинскую помощь. В Беларуси основная ставка по социальным отчислениям составляет 35%, в России – 26%.

Таким образом**,** сравнивая ставки по подоходному налогу с физических лиц и отчислений на обязательное социальное страхование, можно говорить о существенном различие ставок в странах-участницах Таможенного союза. Это свидетельствует о том, что труд как фактор производства может перемещаться в страну с наименьшими ставками. В данном случае наиболее благоприятной страной является Российская Федерация. Нужно отметить тот факт, что наличие налоговой конкуренции между странами может привести к неэффективному распределению труда на территории Таможенного союза.

Подводя итоги, можно отметить, что в Таможенном союзе Республике Беларусь и Российской Федерации постепенно идет процесс гармонизации налоговых систем, однако на данном этапе существуют возможности неэффективного распределения товаров и услуг и факторов производства. Однако, для полного рассмотрения налогового механизма в функционировании интегрированных пространств, необходимо рассматривать налоговую систему в целом и обращать внимание на такие характеристики налоговой системы как экономическая эффективность, простота администрирования, гибкость, прозрачность, справедливость, что это требует более детального рассмотрения данной проблемы. Налоговая координация является сложным многоступенчатым процессом, которая требует соблюдение определенных требований к налогообложению, а также учета специфики рыночной модели экономики, входящих в интеграционное образование, стран.

Литература

1. *Баканова М. Г.* Международная экономическая интеграция: учебно-методическое пособие для студентов экономических специальностей/ М.Г. Баканова – Мн: БГУ, 2002. – 69 с.
2. *Валевич Ю. В., Бах С., Чубрик А. С.* Взимание НДС а рамках Таможенного союза Беларуси и России: концепция, практика, основные выводы/ Валевич Ю.В., Бах С., Чубрик А.С. – Мн: Немецкая экономическая группа в Беларуси, 2005 – с.12
3. *Вертинская Т. С.* Межрегиональные связи Беларуси и России: теоретический аспект/Вертинская Т.С.// Вестнік БГЭУ – 2002 – №4 – с.11-14
4. *Дадалко В. А., Румянцева Е. Е., Демчук Н. Н.* Налогообложение в системе международных экономических отношений: учебное пособие/ Дадалко В.А., Румянцева Е.Е., Демчук Н.Н. – Мн: Армита – Маркетинг, Менеджмент, 2000 – 359 стр.
5. *Заяц Н. И., Вавилова Т. И.* Налоги: учебник./Заяц Н. И., Вавилова Т. И. – Мн: БГЭУ, 2000 – 268 стр.
6. *Киреева Е. Ф.* Проблемы налоговой политики государств, входящих в экономические союзы/ Киреева Е. Ф.// БЭЖ – 2001 – №4 – с.119–125
7. *Киреева* Е. Ф. Опыт унификации налоговых систем/Киреева Е. Ф.//Вестнік БГЭУ – 2001 – №5 – с.17–22
8. *Киреева* Е. Ф. Формирование налоговых пространств в условиях экономической интеграции: монография /Киреева Е. Ф. – Мн: БГЭУ, 2002 – 355 стр.
9. *Корольчук А. К.* Международная экономическая интеграция/ Корольчук А. К. –

Мн: БГЭУ.2001. – 67 стр.
10. *Киреева Е. Ф.* Формирование налоговых пространств в условиях экономической интеграции: монография /Киреева Е.Ф. – Мн: БГЭУ, 2002 – 355 стр.
11. *Корольчук А. К.* Международная экономическая интеграция/ Корольчук А. К. – Мн: БГЭУ.2001. – 67 стр.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ и часть вторая от 5.08. 2000 г. № 117-ФЗ (с изменениями от 17 мая 2007 г.)
13. Налоговый кодекс Республики Беларусь от 29.12.2009 №71-З
14. *Павлова Л. П.,* Бард В. С. Налоги в условиях экономической интеграции/ Павлова Л. П., Бард В. С. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.pravoteka.ru/lib/np/0038 – Дата доступа: 20.01.10
15. *Чижевская И. В.* «Таможенный союз Беларуси и России: препятствия к объединению»/ Чижевская И. В.// право Беларуси – №4 – 2004 – с.18–22
16. Regional integration and commodity tax harmonization/ De Bonis, Valeria – [Online resourse] – Access mode: http://ideas.repec.org/p/wbk/wbrwps/1848.html – Date of access: 23.04.2009
17. VIVAT, CVAT, and All That - New Forms of Value-Added Tax for Federal Systems/ Keen, Michael – [Online resourse] – Access mode: http://www.imf.org/external/pubs/cat/longres.cfm?sk=3560.0 - Date of access: 03.05.2009

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Г. Демченко

Нельзя не признать тот факт, что в настоящее время инвестиции являются неотъемлемой частью современного общества. Ни одна экономика не может не то, чтобы развиваться, а существовать без инвестиций. Инвестиции – это вложения капитала с целью дальнейшего извлечения прибыли, причем вложения эти, как правило, связаны с некоторой степенью риска.

Простое воспроизводство требует вложения инвестиций в сумме 20–22% от ВВП, расширенное воспроизводство – 24% и выше. В Республике Беларусь прослеживается положительная динамика поступления инвестиций в основной капитал *(см. рис. 1)*.

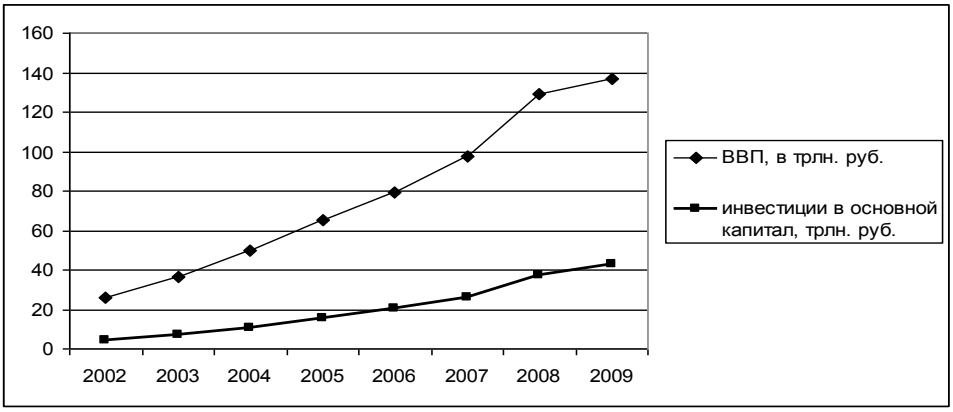

Рис. 1. Динамика поступления инвестиций в основной капитал

Таблица 1

Поступление инвестиций в основной капитал за 2002-2009 гг. [1]

Год	ВВП, в трлн. руб.	инвестиции в основной капитал, трлн. руб.	в %
2002	26,1	4,5	17,2
2003	36,6	7,1	19,5
2004	50	10,8	21,6
2005	65,1	15,1	23,2
2006	79,3	20,4	25,7
2007	97,2	26	26,8
2008	128,8	37,2	28,9
2009	136,8	43,1	31,5

Для нашей страны Беларусь привлечение инвестиций в экономику – одна из самых насущных задач. На самом деле, когда износ основных фондов в промышленности составляет зачастую около 80% (!при критическом 60–65%), а конкурентоспособность падает, именно благодаря инвестициям ситуация может измениться коренным образом. И наряду с внутренними инвестициями, возможность которых сегодня ограничена, весьма важно привлекать иностранные инвестиции.

Практика показывает, что наиболее стабильной формой привлечения средств из экономики других стран являются предприятия с иностранными инвестициями, по сравнению, например, с приобретением иностранцами ценных бумаг или предоставлением кредитных ресурсов. При малейших признаках нестабильности в экономике начинается массовая продажа иностранцами ценных бумаг, что ещё более ухудшает экономическую ситуацию, и сразу же выставляются требования по возвращению кредитных средств. Вывести или закрыть предприятие с иностранными инвестициями значительно сложнее. Поэтому страны стремятся привлекать иностранный капитал именно в совместные или иностранные предприятия, т.е. заинтересованы в привлечении прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Предприятия с иностранными инвестициями способствуют поступлению в страну новых технологий, современных методов менеджмента, «мягкой» конкуренции и сохранению квалифицированных местных кадров. Каждый вложенный доллар ПИИ даёт примерно такой же прирост величины ВВП. Каждое рабочее место, созданное за счёт ПИИ, способствует появлению нескольких рабочих мест в сопутствующих сферах экономики, что повышает занятость населения. Быстрее происходит «встраивание» экономики в мировые хозяйственные связи.

Вместе с тем возможны и отрицательные последствия прихода иностранных инвестиций. Встречаются случаи, когда иностранный инвестор скупает местное предприятие с целью его ликвидации или резко сокращает количество работников, создавая социальное напряжение. Т.е., страна-получатель иностранных инвестиций должна, с одной стороны, стремиться к их привлечению, а с другой – не оставлять этот процесс без разумного контроля.

Сегодня практически все страны, включая наиболее экономически развитые, конкурируют друг с другом в деле привлечения ПИИ. Наша страна также заинтересована в привлечении иностранных инвестиций.

В последнее время отмечается рост поступлений иностранных инвестиций *(см. рис. 2)*, однако, в сравнении с другими странами, их уровень весьма низок *(см. рис. 3)*. Что же препятствует притоку иностранных инвестиций в экономику Республики Беларусь?

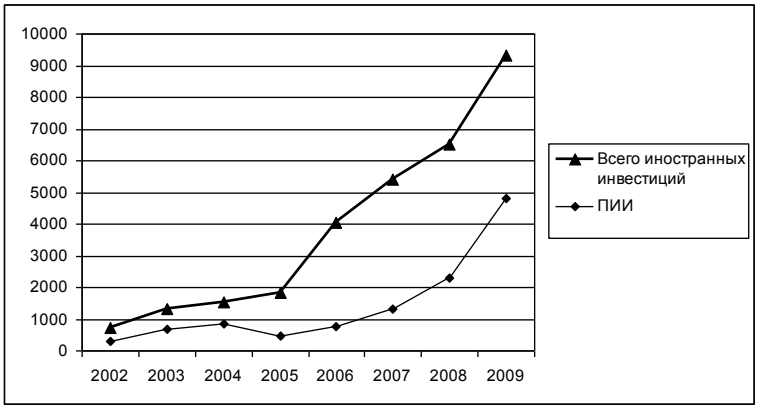

*Рис. 2. П*оступление иностранных инвестиций в экономику Республики Беларусь, млн. долларов США

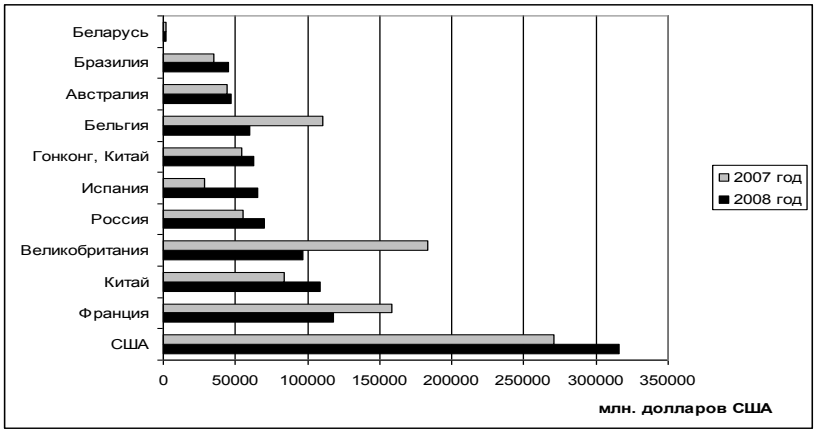

Рис. 3 – Ведущие страны по привлечению ПИИ, (РБ для сравнения)

Таблица 2

Поступление иностранных инвестиций в экономику Республики Беларусь за 2002-2009 гг. (в млн. долларов США) [2]

Годы	Всего	ПИИ	Другие
2002	722	299	423
2003	1306	675	631
2004	1517	859	658
2005	1816	451	1365
2006	4033	749	3284
2007	5422	1314	4108
2008	6526	2280	4246
2009	9304	4821	4483

Таблица 3

Глобальные потоки ПИИ, первая десятка (РБ для сравнения), в млн. долларов [3]

		2007 год	2008 год
1	США	271176	316112
2	Франция	157973	117510
3	Китай	83521	108312
4	Великобритания	183386	96939
5	Россия	55073	70320
6	Испания	28179	65539
7	Гонконг, Китай	54365	63003
8	Бельгия	110773	59680
9	Австралия	44330	46774
10	Бразилия	34585	45058
n	Беларусь	1785	2158

Недостаточный уровень притока иностранных инвестиций связан со следующими проблемами:

● *Провалы законодательства.*

Любая инвестиция – это чья-либо собственность, нуждающаяся в законодательной защите государства. Нестабильность законодательства, наличие большого количества нормативных актов по одному и тому же вопросу настораживают иностранных инвесторов.

В нашей стране с 2001 года действует Инвестиционный кодекс (ИК). Как отдельно взятый документ, он заслуживает высокой оценки, но деятельность иностранных инвесторов регулируется не только ИК. На инвесторов, кроме некоторых моментов, распространяется режим, общий для всех инвесторов страны, и поэтому решающее значение имеет общее состояние законодательства.

Поэтому существует необходимость в разработке нормативно-правовых актов, которые бы могли работать долгое время без постоянного внесения всяческих изменений и дополнений; а также выявление в действующем законодательстве взаимоисключающих или дублирующих друг друга положений.

● *Жесткая система налогообложения.*

Нельзя уклониться и от налогового вопроса, ведь налоговый климат является одним из определяющих факторов привлекательности страны. Налоговый климат непосредственно влияет на рентабельность инвестиционного проекта, срок его окупаемости. Чем жестче налоговая система, тем хуже эти показатели, а вместе с тем, и низкая степень заинтересованности инвестора. Абсолютная величина налогов, сложность и запутанность налоговой системы, таможенных процедур – проблемы, с которыми приходится сталкиваться инвесторам в нашей стране.

Требуется упрощение системы налогообложения, процедуры тамо-

женного оформления товаров; приведение правил ведения финансовой отчетности к международным стандартам.

● *Пассивность приватизационных процессов.*

Медленное проведение программы приватизации порождает недостаточность объектов для инвестиций. В сфере приватизации остается острым вопрос о частных правах на собственность.

● *Непрестижность страны на международной арене.*

Недостаточная включенность Республики Беларусь в международные структуры, такие как ВТО, ЕС, негативный имидж за рубежом снижают возможность привлечения иностранного капитала.

Активизация деятельности национального инвестиционного агентства; организация работы по широкому информированию иностранных инвесторов о разрабатываемых актах законодательства и способах защиты своих интересов поспособствуют решению данной проблемы.

● *Чрезмерный контроль.*

Излишнее количество контролирующих органов, а также число проверок, которые они осуществляют и величина штрафных санкций, назначаемых по итогам этих проверок, вызывают недовольство и незаинтересованность инвесторов.

Требуется сокращение числа органов, осуществляющих проверки и контроль; сокращение самого числа проверок с закреплением их максимального числа законодательно; совершенствование системы применения санкций в сфере хозяйственной деятельности; искоренение практики дублирования проверок из-за слабой координации контролирующих органов и неопределенности границы их полномочий.

● *Сложность при оформлении документов.*

При решении проблем, связанных с оформлением документов, получением лицензий, разрешений на осуществление хозяйственной деятельности, личная договоренность с конкретным чиновником, а также осуществление неофициальных платежей играют первостепенную роль.

● *Недостаток квалифицированно составленных бизнес-планов инвестиционных проектов.*

Данное обстоятельство «тормозит» процесс привлечения иностранных инвесторов. С целью увеличения и грамотного составления бизнес-планов необходимо привлекать квалифицированных специалистов.

Несмотря на ряд существующим проблем, требующих скорейшего разрешения, нельзя не отметить тот факт, что Республика Беларусь уже сделала большой шаг к улучшению инвестиционной привлекательности, став одним из наиболее перспективных рынков в Европе.

Литература

1. Информационный портал министерства статистики и анализа Республики Беларусь, http://www.belstat.gov.by

2. Информационный портал министерства иностранных дел, http://www.mfa.gov.by
3. World Investment Report 2009: Transnational Corporations, Agricultural Production and Development.

КРЕАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Ю. Л. Заводник

Ты никогда не решишь проблему,
если будешь думать так же, как те, кто ее создал.
Альберт Эйнштейн

Экономическое развитие является одним из центральных объектов исследования современной экономической науки. Оно служит основой решения большинства социально-экономических проблем, является результатом развития науки и техники. Вместе с тем, экономическое развитие представляет собой уникальное сложное и многогранное явление, которое изучалось экономистами всех поколений. В последнее время теория экономического развития стала отдельным, сравнительно обособленным разделом экономической науки. Несмотря на это, окончательная интерпретация и формализация этого явления еще не завершена.

В последние годы интерес к проблеме экономического развития усилился. Изучению устойчивости экономического развития, проблемы структурных сдвигов и преобразованию механизмов функционирования национального хозяйства и влиянию институциональных и технологических изменений на экономическое развитие исследуется многими авторами. Немало сделано для обоснования методологических подходов к анализу экономического развития государства. Однако пока нет единого мнения о том, что собой представляет этот процесс и каков механизм его осуществления. Спорным вопросом остается и вопрос о его движущих силах. Требует доработки проблема развертывания экономического развития во времени и в пространстве. Важно определить, как формируется устойчивое экономическое развитие и за счет чего усиливается его неустойчивость.

Политэкономия развития изучает экономические, культурные и политические условия, необходимые для быстрой структурной и институциональной трансформации различных обществ, с тем, чтобы наиболее эффективными путями распространить результаты прогресса на как можно более широкие слои населения. Поэтому политэкономия развития рассматривает активную роль государства и координацию процессов принятия решений по трансформации экономики.

Проблема развития давно перестала быть чисто экономическим вопросом, последнее время ею стали заниматься и социологи, и географы. Еще во введении была сделана ссылка на то, что политэкономический подход к по-

нятию развития намного более широкий, чем чисто экономический, который ограничивается понятием рациональности. В данной работе будет рассмотрен один из новейших индексов, который используется для определения экономического развития регионов на Западе – *индекс креативности*, который был разработан американским географом, специализирующемся на экономической географии Р.Флоридой (кстати говоря, тема экономической географии в последнее время приобретает популярность, Пол Кругман, который в 2008 году стал обладателем премии Швейцарского банка памяти А.Нобеля за достижения в области экономики, получил свою награду за разработки в данной области). Итак, перейдем непосредственно к индексу и начнем с теоретического описания сущности данного индекса.

Методику и описания индекса креативности впервые автор описал в своей работе «Возвышение креативного класса. Как он преобразует сферу труда, отдыха, сообщества и повседневность» [3]. Книга – это плод 10 летнего труда американца, за время которого было проведено огромное количество социологических исследований в различных городах Америки и различных фокус группах. В результате автору удалось определить ряд факторов успешного развития, важнейшие из которых относятся к качеству жизни в них, высокому уровню развития культуры, толерантности и идентичности – характеристик, которые более других привлекают креативных профессионалов. Книга Флориды является попыткой осмысления происходящих изменений в экономике с позиций социологии, психологии и географии. Автор объясняет фундаментальные перемены в нашем мире ростом значимости творческого начала во всех видах деятельности и соответствующим разделением людей на тех, кто занимается творческим трудом (творческих профессионалов) и тех, кто работает по заданным алгоритмам.

Идея индекса креативности строится на теории *«Трех Т»: Талант, Технологии и Толерантность*, необходимых для успешного экономического развития [3, с. 276]. Каждый из этих элементов в отдельности является необходимым, но недостаточным условием: только наличие всех трех может привлечь творческих людей генерировать новаторство и стимулировать экономический рост. Существуют разные взгляды на то, почему одна страна или регион развивается, а другая нет. Но никто не будет спорить с тем, что там, где развито производство, прочные социальные связи и высокий уровень образования населения, скорее всего развитие будет идти быстрее по сравнению с регионом, который по всем пунктом отстает. Основной тезис автора данной работы заключается в том, что экономический рост обеспечивается креативными людьми, которые предпочитают места, отличающиеся разнообразием, толерантностью и открытостью новым идеям. Разнообразие увеличивает вероятность того, что регион привлекает разные категории креативных людей с различными навыками и идеями. Чем больше разнообразие среди креативного населения, тем

больше вероятность новых комбинаций. Более того, разнообразность и концентрация творческих элементов ускоряют обмен знаниями. А более значительная по размеру и более разнообразная, по сути, концентрация креативного капитала, в свою очередь, приводит к более высоким показателям в области инноваций, создания высокотехнологичных предприятий, новых рабочих мест, экономического роста и экономического развития.

Экономисты давно утверждают, что разнообразие является важным экономическим фактором, однако они обычно подразумевают разнообразие компаний и отраслей промышленности. Также часто экономисты говорят, что необходимо, чтобы издержки входа в отрасль были минимальными – это верный путь к успеху. Автор же данного подхода, считает, что для того, чтобы регион или государство развивалось, необходимы низкие барьеры для входа людей, которые обладают знаниями и талантом, способны и хотят работать, что в свою очередь может вывести государство на более высокую ступень развития.

Согласно теории креативного капитала рост является результатом наличия 3 «Т» экономического развития, и для поощрения инноваций и хозяйственного роста необходимо обладать всеми компонентами. Для каждого из необходимых компонентов среды развития четвертичного сектора были разработаны интегральные показатели, по которым в дальнейшем был проведен сравнительный анализ. Итак, подробно изучим, что это за такие 3 «Т», которые просто необходимы для экономического развития. Это, как уже было сказано, технология, толерантность и талант. По порядку разберемся с тем, что автор вкладывает в данные понятия. Начнет с первой Т – технологии.

Для оценки уровня развития технологий были применены: «Индекс высоких технологий» и «Инновационный индекс», вычисляемые ежегодно. Первый был разработан Институтом Милкена. Он базируется на двух факторах:

1. доля продукции высокотехнологичных предприятий региона от общенационального производства в этих отраслях;

2. доля высокотехнологичных компаний в ВВП данного региона по отношению к доле высокотехнологичных производств в ВВП США. Инновационный же индекс равен числу зарегистрированных патентов на душу населения.

Следующий показатель, который мы рассмотрим – это талант. Талант населения – их человеческий капитал – был рассчитан упрощенно: по доле людей, имеющих степень бакалавра и выше. Самым сложным стал «Сводный индекс Толерантности», который был составлен из трех показателей: индекса «Богемности» и индекса «Плавильного котла». Первый из них указывает на долю людей артистических профессий в общем объеме занятого населения, второй – на долю иммигрантов в общей численно-

сти. Флорида отмечает прямую зависимость между количеством иммигрантов, и артистической богемы и долей творческих профессионалов в регионе. Он подчеркивает, что для этих людей крайне важна открытая, толерантная среда, которая принимает каждого вне зависимости от его национальности, ориентации или вероисповедания. Эти же обстоятельства важны и для творческих профессионалов, которые в силу особенностей своей профессии могут иметь странный образ жизни или характер. Поэтому многие из опрошенных Флоридой представителей креативных отраслей назвали развитую культурную жизнь в качестве основных факторов при выборе места жительства. Все эти показатели коррелируют с долей творческих профессионалов в общем числе занятых в экономике региона. На их базе был разработан «Интегральный коэффициент креативности», учитывающий все «Три Т» развития креативной экономики.

Главный вывод исследования автора и книги заключается в том, что сейчас мир переходит от конкуренции фирм за рынки сбыта, через конкуренцию фирм за квалифицированную рабочую силу, к конкуренции регионов за творческих профессионалов – основной ресурс и фактор производства постиндустриальной эпохи. А главный пафос книги заключается в том, что креативный класс набрался сил, и теперь должен самоидентифицироваться и взять власть-ответственность в свои руки. Результаты исследований показывают, что инновационные и высокотехнологичные индустрии в значительной мере связаны с местами концентрации креативного класса и таланта в целом.

Подробно рассмотрев исследование автора, проведенное за океаном, попробует применить его на нашей реальной действительности. Для этого немного упростим индекс креативности, но все же оставим, как положено 3 «Т», необходимые для экономического развития компоненты: технологию, талант и толерантность. Начнем, с технологии, как было описано выше, индекс технологии в оригинале автора является составным, и состоим из доли высокотехнологичных предприятий региона в общем объеме высокотехнологичного производства. И второго индекса, который показывает количество патентов, на душу населения региона. В силу того, что расчет первого индекса является проблематичным, в данной работе заменим его на показатель, который будет показывать удельный вес организаций осуществляющих технологические инновации в общем объеме организаций. Вторую часть индекса оставим без изменения, т.е. посчитаем, сколько патентов приходится на душу населения.

Теперь перейдем ко второму показателю – таланту. Тут не будем сильно уходить от автора и посчитаем долю людей с высшим образование, однако будем рассчитывать этот показатель не по всему населению, а лишь по трудоспособному работающему населению. (В силу того, что только такого рода данные доступны широкому кругу исследователей. Вообще,

стоит заметить, что исследование, которое проводил автор в Америке велось 10 лет, к тому же автор обладал огромной базой для исследование, т.е. он мог использовать необработанные и необнародованные данные переписи населения.) Что касается третьего показателя, индекса толерантности, т.е. индекса терпимости населения к различным меньшинствам. Во-первых, посчитаем долю мигрантов в общей численности населения. А, во-вторых, количество людей, которые заняты в сфере культуры и искусства к общей численности работающего населения. В результате, на основе этих трех агрегированных показателя, посчитаем индекс, который будет отражать новый подход к определению экономического развития.

Для исследования возьмем два государства: прежде всего это, конечно, Республику Беларусь, и ближайшего нашего соседа Россию. На наш взгляд, целесообразность сравнения заключается в том, что именно с Россией мы прожили долгое время вместе под крышей СССР и поэтому данные, которые мы получим, можно будет сравнить, т.е. у всех в 1991 году были практически одинаковые стартовые показатели. Что касается временного промежутка, то остановимся на временном промежутке с 2000 по 2008 гг., данные по которым находятся в свободном доступе, и мы сможем им воспользоваться. В настоящее время нам доступны статистические сборники за 2009 год, данные в котором за 2008.

Итак, временной отрезок и государства, по которым мы попытаемся построить индексы, выбраны. Перейдем непосредственно к расчету. Для этого по каждой из вышеперечисленных стран найдем показатели, которые нам необходимы: количество патентов, численность населения, долю высокотехнологичных предприятий в общей численности предприятий и организаций, долю людей с высшим образованием в общем объеме работающих, количество прибывших в страну мигрантов и долю людей, занятых в сфере культуры и искусства. Таким образом, после поиска в статистических сборниках, мы получили следующие данные, которые представлены в таблице 1 и таблице 2.

На основании Таблицы 3 и Таблицы 4, также Рис.1 можно сделать вывод, что уровень технологий больше всего развит в Республике Беларусь, а РФ с уровнем технологического развития, заметно ниже. Что касается уровня образованности или так называемого индекса таланта, то тут страны находятся не далеко друг от друга, и у России есть лишь небольшие преимущества. Это можно легко объяснить тем, что довольно качественная система образование досталось нам еще с постсоветских времен. Что касается индекса толерантности или терпимости населения к людям, которые от них отличаются, то Беларусь, тут опять оказалась выше, за счет численности населения, занятого в творческих профессиях. Таким образом, соединив все показатели воедино, мы получили, что индекс креативности выше у Беларуси, чем России на протяжении всего исследуемого проме-

жутка времени. Сам индекс для нас интересен, так как он может охарактеризовать, где более благоприятная среда для работы людей с нетрадиционным новаторским мышлением, которые способны генерировать идеи, придумывать новые товары, технологии и методы организации производства, брать на себя риск по воплощению их в жизнь и самим получать за это прибыль, а, кроме того, вести общество вверх по дороге развития.

Таблица 1

Данные для расчета индекса креативности (Россия)

Годы	Количество патентов на 1000 жителей	Количество мигрантов на 1000 жителей	Доля работников, занятых в сфере культуры и искусства	Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в общем объеме организаций, %	Доля населения, с высшим образованием, на 10 занятых
2000	0,120	2,456	1,2	10,6	2,17
2001	0,112	1,329	1,15	9,6	2,42
2002	0,125	1,273	1,2	9,8	2,38
2003	0,171	0,896	1,15	10,3	2,36
2004	0,162	0,830	1,15	10,5	2,49
2005	0,164	1,241	1,25	9,3	2,47
2006	0,164	1,311	1,3	9,4	2,56
2007	0,162	2,021	1,3	9,4	2,78
2008	0,203	1,985	1,3	9,6	2,79

Источники: [Статистические ежегодники РФ].

Таблица 2

Данные для расчета индекса креативности (Беларусь)

Годы	Количество патентов на 1000 жителей	Количество мигрантов на 1000 жителей	Доля работников, занятых в сфере культуры и искусства	Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в общем объеме организаций, %	Доля населения, с высшим образованием, на 10 занятых
2000	0,054	2,589	1,8	13,9	1,88
2001	0,053	2,184	1,8	13,6	1,98
2002	0,069	1,760	1,8	13,9	2,06
2003	0,104	1,833	1,8	13,6	2,14
2004	0,087	1,487	1,8	13	2,23
2005	0,097	1,330	1,9	14,1	2,28
2006	0,116	1,449	1,9	16,3	2,35
2007	0,142	1,457	1,9	17,8	2,42
2008	0,129	1,797	2	17,6	2,38

Источники: [Статистические ежегодники РБ].

Таблица3

Индексы 3 «Т» Россия

Годы	Индекс технологий	Индекс таланта	Индекс толерантности	Индекс креативности
2000	10,720	2,17	3,656	16,546
2001	9,712	2,42	2,479	14,611
2002	9,925	2,38	2,473	14,778
2003	10,471	2,36	2,046	14,877
2004	10,662	2,49	1,980	15,132
2005	9,464	2,47	2,491	14,425
2006	9,564	2,56	2,611	14,735
2007	9,562	2,78	3,321	15,663
2008	9,803	2,79	3,285	15,878

Источник: собственная разработка на основе методики 3«Т»

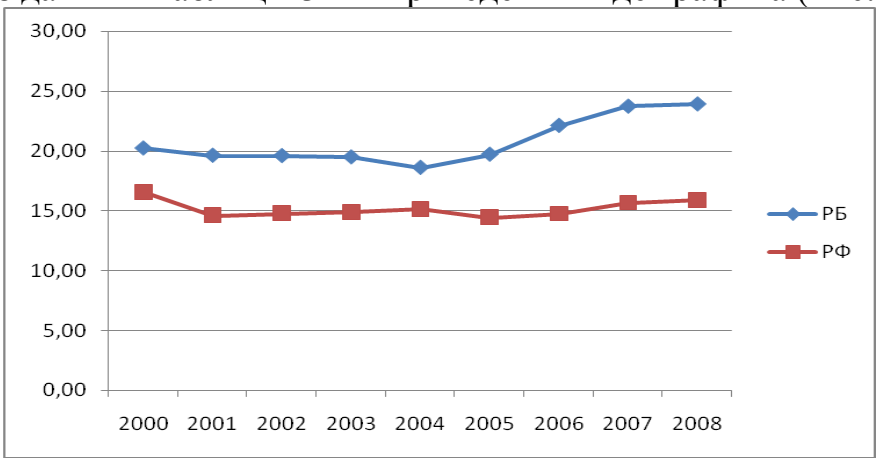
Таблица 4

Индексы 3 «Т» Беларусь

Годы	Индекс технологий	Индекс таланта	Индекс толерантности	Индекс креативности
2000	13,954	1,88	4,389	20,223
2001	13,653	1,98	3,984	19,617
2002	13,969	2,06	3,560	19,590
2003	13,704	2,14	3,633	19,477
2004	13,087	2,23	3,287	18,604
2005	14,197	2,28	3,230	19,707
2006	16,416	2,35	3,349	22,114
2007	17,942	2,42	3,357	23,719
2008	17,729	2,38	3,797	23,906

Источник: собственная разработка на основе методики 3«Т»

Анализ данных Таблицы 3 и 4 приведем в виде графика (Рис.1).

Источник: собственная разработка

*Рис. 1.*Сравнение индекса креативности РБ и РФ

Наличие развитых сообществ мигрантов и богемы не является фактором производства, но лишь индикатором благоприятной среды для развития четвертичного сектора («креативной экосистемы»). Традиционные отрасли вторичного и третичного секторов уже не являются самоценными и достаточными факторами развития экономики, что на современном этапе они перестали быть конкурентоспособными на мировых и даже местных рынках без постоянных инноваций, генерируемых четвертичным сектором. Таким образом, устойчивое развитие каждой конкретной территории невозможно без развития креативных отраслей, а значит, и без привлечения творческих профессионалов. Для их привлечения власти должны создать благоприятную среду жизни и работы.

Литература

1. Доклад о мировом развитии 2007. Развитие и новое поколение / Всемирный банк. Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2007. – 376 с.
2. *Лемещенко П. С.* Инновационный пат, или все же нет ничего практичнее теории развития. [Электронный ресурс]: МГУ, 2009. – 19 с.
3. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Ричирд Флорида. – М.: Классика-XXI, 2005. – 419 с.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ В СТРАНАХ С РАЗВИВАЮЩИМИСЯ РЫНКАМИ НА ПРИМЕРЕ РФ

Е. П. Козловская

МЕХАНИЗМЫ В ОСНОВЕ КРИЗИСА

В настоящее время мы переживаем волну финансового кризиса, поразившего экономики всех стран. Существует множество теорий о причинах возникновения мирового финансового кризиса 2008 года. Однако, как бы не расходились мнения экспертов, большинство солидарны в том, что среди виновников этих событий следует выделить глобальные дисбалансы, которые действительно имели место на протяжении последних лет. Экономисты выделяют следующие разновидности дисбалансов:

Дисбаланс сбережений:

В последние годы норма сбережений сильно падает в американской экономике (норма сбережений ниже 0), в европейской экономике (10%) , в японской экономике (5%). Высокая норма сбережений сохраняется в развивающихся странах, странах-нефтеэкспортерах, а также в Китае – выше 25%.[11]

Дисбаланс бюджетов:

В то время как в развивающихся странах было отмечено поддержание

[11]Bereau of Economic Analysis http://www.bea.gov/

профицита бюджета, США продолжают наращивать свой дефицит, который в 2008 году достиг 407 миллиардов долларов.[12]

По оценкам Министерства финансов РФ в 2006 профицит бюджета в России составил 1,991 триллионов рублей, а в 2007 году 1,782 триллиона рублей. В 2008 показатель этот показатель только за январь-июнь превысил 1,3 триллиона рублей.

Дисбаланс международной торговли:

Дефицит США в 2000-е годы составлял 1–2% мирового совокупного ВВП; примерно таким был профицит азиатских стран и стран-экспортеров нефти (включая Россию).

Финансовая система эпохи глобальных дисбалансов существует в форме последовательности мигрирующих пузырей, надувающихся и лопающихся при оттоках капитала. Для преодоления проблем, вызванных дисбалансами странам с развивающимися рынками необходимы инновационные технологии.

Рассмотрим пример России, страны с развивающейся экономикой, с учетом особенностей как присущих только ей, так и остальным странам постсоветского пространства.

В условиях всемирной глобализации сбережения из России устремляются за рубеж потому, что ее собственная финансовая система не может трансформировать эти средства в инвестиции. Для того, чтобы отправлять деньги на развитые рынки, развивающиеся страны тратили часть экспортной выручки, поэтому у них импорт превышал экспорт, а у развитых – наоборот. Отсюда и дисбаланс международной торговли. Приток сбережений понизил процентные ставки в США и снизил стимулы для сбережений. Правительство США стало финансировать свой дефицит бюджета дешевыми деньгами. Здесь появляются остальные два дисбаланса, дисбаланс бюджета и дисбаланс сбережений. Как это не парадоксально, но экономика все же могла функционировать нормально, пока США могли эффективно контролировать потоки капитала, однако искушение брать на себя риски подвело американцев, и система стала давать сбои.

Ректор Российской экономической школы Сергей Гуриев абсолютно точно отметил: «Глобальные дисбалансы – это не заговор Америки и Англии, а объективное следствие неразвитости финансового сектора других стран»[13]. Сейчас самое время развивать финансовый сектор в России. Это сделает возможным не только удержание капитала в стране и преобразования его в инвестиции, но и даст возможность России сделать прорыв в сфере инновационного развития.

ПУТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ И ОСНОВНЫЕ ОШИБКИ ПРОШЛОГО

[12] По данным бюджетного управления конгресса http://www.cbo.gov/

[13] Сергей Гуриев «Мифы экономики» Альпина бизнес букс Москва 2009 – 294с.

В своей статье «Россия, вперед!» президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев задает гражданам довольно актуальный на сегодняшний день вопрос «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство, на заграницу, на какое-нибудь «всесильное учение», на что угодно, на кого угодно, только не на себя? И есть ли у России, перегруженной такими ношами, собственное завтра?»[14]

Мировой экономический кризис выявил несовершенство Российской экономики. Здесь мы наблюдаем, падение ВВП почти на 15% в III квартале 2009 года по отношению к 2008, уровень безработицы вырос к ноябрю 2009 году до 8,1%, инфляция достигла рекордного уровня 9%.[15] Экономика так и не смогла избавиться от сырьевой зависимости. Современная экономика России не сосредоточена на удовлетворении потребностей ненасыщенного внутреннего рынка, так как, по сути, производит товары низкого качества и с высокой себестоимостью. Современные производства в России существуют, но их явно не достаточно и Российская экономика «сидит на нефтегазовой игле». Как абсолютно точно заявил Дмитрий Медведев: «Добиться лидерства, полагаясь на нефтегазовую конъюнктуру, невозможно».

Так почему же Россия, страна, занимающая одну шестую часть суши, родина всемирно известных ученых за почти двадцать лет преобразований так и не смогла вырваться из пагубных сетей примитивной сырьевой экономики? На сегодняшний день Россия все еще слишком сильно зависит от импортеров, хотя, по сути, имеет свой собственный огромный потенциал для развития и большей самостоятельности.

Что же тормозит Россию на пути инновационного развития? Ответ довольно прост: бизнес все еще имеет хищнический характер и стремится к быстрым выгодам, поэтому инновационные технологии, которые предполагают отдачу только через несколько лет, мало интересуют инвесторов и страдают от хронической недостачи финансирования.

На мой взгляд, самой главной ошибкой России стало то, что огромные профициты бюджета не были использованы должным образом. Вместо того, чтобы вкладывать деньги в свое собственное развитие, Россия направляла активы в стабилизационный фонд США. К 2008 году совокупный счет стабилизационного фонда составил 157,38 миллиардов долларов.[16] Возможно, целесообразнее было бы направить эти финансы на развитие инфраструктуры, как, например, на строительство дорог, на строительство перерабатывающих предприятий и модернизацию уже имеющихся. Как уже упоминалось выше, экономика России носит сырьевой характер. Россия торгует преимущественно сырьем, существует не-

[14] Дмитрий Медведев «Россия, вперед!» http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
[15] Федеральная служба государственной статистики www.gks.ru/
[16] Министерство финансов РФ www.minfin.ru/

достаток перерабатывающих производств. Экспортные пошлины не достаточно высоки, для того чтобы стимулировать инвесторов строить предприятия в России. Одним из немногих положительных примеров является политика высоких экспортных пошлин на автомобили иностранного производства и как следствие строительство на территории России большого количества автомобильных заводов.

Министр финансов Алексей Кудрин в интервью телеканалу Вести заявил: «Если нефтедоллары будут на уровне $70 за барр., то мы их будем тратить, если они будут выше, то нам тогда надо будет их накапливать. С учетом того, что мы в следующем году собирались резервный фонд потратить, это означает, что мы его не весь может быть потратим, что-то у нас и останется».[17] Такая статистика говорит о риске потерять финансовые активы, так и не применив их по назначению. На сегодняшний день ни одна политическая система не может похвастаться совершенством и глупо искать виновников того, что шанс наращивать производственные мощности и внедрять технологии, когда это было возможно, упущен. Основной задачей должна стать превенция подобных ситуаций в будущем и очищение пути для стремительного продвижения.

Россия остро нуждается в инновациях и технологическом прорыве. Государство создало госкорпарацию, занимающуюся инновациями, но несмотря ни на что, как написал один из юмористов «Наглые рыжие молекулы уничтожают все на своем пути», не помогают ни финансовые вливания, ни налоговые льготы, ни призывы политиков. Следует отметить причины торможения этих процессов.

Прежде всего, Россия сталкивается с «утечкой мозгов». Из года в год Россию покидают около 200 тысяч человек.[18] Согласно неправительственным источникам, только «за первую половину 90-х годов из страны выехало не менее 80 тысяч ученых, а прямые потери бюджета составили не менее $60 млрд.[19]Основными причинами миграций становятся маленькие зарплаты, неудовлетворительная материально-техническая и приборная база, пример успеха коллег за рубежом. Для борьбы с «утечкой мозгов» власти принимают следующие меры: повышение зарплат ученых, предоставление жилья, повышение технической и материальной оснащенности лабораторий. Существует много путей борьбы, но при отсутствии осознания, что работать в своей стране – это престижно, ни один закон не сможет удержать народ в России. Элита Российского бизнеса не связывает свое будущее с Россией, стремится уехать жить заграницу, верхние слои общества стремятся увезти свою семью в Европу, дать детям образование в престижных Английских, Французских, Ита-

[17] Интервью телеканалу Вести 29.12.2009 www.oilcapital.ru/.../290847_148629.shtml
[18] http://ru.wikipedia.org
[19] Российский фонд фундаментальных исследований www.rffi.ru/

льянских, Американских и других вузах. Россия является лишь местом быстрого обогащения. Нужно менять психологию личности в данном вопросе. Пока что желание вырваться и безразличие к будущему родины на лицо. И вопрос миграций действительно актуален, человеческий капитал – неотъемлемая часть экономики. Тем более Россия сталкивается с демографическими проблемами: старение нации.

Однако бороться нужно не только с утечками квалифицированной рабочей силы, но и с внутренними миграциями, а также с нелегальными эмигрантами. Нелегально прибывшие в страну низко квалифицированные рабочие вытесняют с рабочих мест коренное население, они готовы работать за более низкие зарплаты и тем самым привлекают бизнесменов. Здесь следует упомянуть, что программы нелегальных переездов нередко создают сами бизнесмены, которые оплачивают дорогу, предоставляют фальшивые документы. Естественно, что иностранные рабочие заинтересованы в получении более высоких зарплат, чем они могли бы получать на родине, но в связи с отсутствием материальных ресурсов вынуждены несколько лет работать бесплатно за возмещение затраченных на транспортировку средств. Фактически в 21 веке мы снова возвращаемся к рабству. Для бизнеса подобные программы являются довольно прибыльными, потому что обеспечивают дешевую рабочую силу и дают возможность укрыться от налогов. Некоторые специалисты утверждают, что подобные миграции не нарушают макроэкономических процессов и не создают угрозы для коренного населения. Сторонники этого мнения подтверждаю свои доводы низким показателем уровня безработицы в Москве – менее 1%[20]. Но, о каком же инновационном развитии можно говорить, если в Россию не останавливается поток низко квалифицированной рабочей силы, хотя ее и так хватает, а, в связи с притоком мигрантов, коренное население теряет работу и все больше подвержено алкоголизации. У бизнеса нет стимулов к развитию технологий, его устраивают низкие издержки на труд. России требуется новое миграционное законодательство. Существуют вариации контроля этих процессов, но, на мой взгляд, эффективнее всего наказывать работодателей. Самое время работать над изменением структуры рабочей силы. Многие страны уже осознали необходимость изменений, например, Китай, пригласил на работу всех менеджеров с Wall Street, оставшихся без работы вследствие кризиса.

Следующим тормозящим процессом является отсутствие должного законодательства о патентах. Для развития инноваций защита прав изобретателя необходима. Если изобретатель чувствует себя защищенным, у него больше стимулов для работы. Правительство России собирается позволить авторам получить права на результаты научно-технической деятельности за счет бюджета. Однако, патенты не единственный компонент защиты прав произ-

[20] Департамент труда и занятости населения www.labor.ru

водителя. Кроме того, чрезмерно жесткие законы могут отрицательно сказаться на развитии инновационных технологий. Речь идет о том, что, слишком сильная защита изобретений может увеличить издержки последующих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог данной статьи, хочется выделить основные шаги, способствующие стимулированию развитий инновационных технологий:

Проведение эмиграционной политики, связанной с привлечением высококвалифицированных кадров и воспрепятствование «утечке мозгов»

Активная роль государства в поддержку инноваций. Обеспечение условий (снижение налоговой нагрузки, льготы) для бизнес производств с инновационными технологиями.

Развитие финансового сектора, использование новых финансовых инструментов.

Активное инвестирование государства в перерабатывающие производства в периоды экономического роста и появления бюджетных профицитов. Экспортные барьеры для вывоза сырья за рубеж.

Расширение единого таможенного союза России, Казахстана, Беларуси и превращение его в единое экономическое пространство. Как сообщает БЕЛТА таможенный союз Беларуси, России, Казахстана начинает действовать с 1 января 2010 года. Создание Таможенного союза позволит Беларуси, Казахстану и России выйти к 2015 году на прирост ВВП в 15%. Создается огромный рынок, совокупные объемы запасов, нефти которого составляют 90 млрд. баррелей. Общий объем ВВП – $2 трлн., совокупный товарооборот – $900 млрд., объем сельхозпродукции – $112 млрд.[21]

В последнее время правительство все чаще выдвигает программы инновационного развития РФ. Например, был принят закон о налоговых льготах для предприятий, внедряющих передовые технологии. Но, к сожалению, это недостаточный стимул для российских бизнесменов. В своем обращении к россиянам Президент поставил определенные цели для страны в будущем, он выделил пять основных направлений для развития:

- Стремление к лидерству по производству, транспортировки и использования энергии, разработка нового вида топлива;
- Вывод на новый уровень ядерных технологий;
- Развития глобальных общедоступных информационных сетей, используя суперкомпьютеры и другую необходимую материальную базу;
- Развитие наземной и космической инфраструктуры передачи всех видов информации;
- Медицина[22].

[21] Национальный источник новостей БЕЛТА http://www.belta.by/ru/news/econom?id=468744
[22] Дмитрий Анатольевич Медведев «Россия, вперед!» http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml

Мировой финансовый кризис 2008 года уничтожил неконкурентоспособные предприятия, оставшиеся от СССР, кризис фактически выявил, какие предприятия имеют право на существование, а какие давно пора модернизировать. Правительство России на данный момент принимает активные меры, чтобы перестроить экономику и заставить бизнес больше вкладывать в модернизацию производств.

Разумеется, технологическое развитие совсем не минутное дело и потребует много времени и усилий: глупо было бы полагать, что Россия через год сможет конкурировать с такими гигантами как, к примеру, США и Китай. Но хотелось бы отметить здесь же, пусть это и не совсем экономический довод, что менталитет российского народа всегда выделяла способность преодолевать любые препятствия и это поистине уникальная нация, ей бы только снова обрести веру в себя и увидеть свет в конце тоннеля, и общими усилиями у российской экономики есть все шансы вырваться на мировую арену со своим собственным высокотехнологическим производством и конкурентоспособной продукцией. Следует здраво осознать, что экономика не сможет функционировать должным образом даже при условии полного заимствования передовых технологий с мирового рынка, необходим свой собственный прорыв.

Литература

1. Bereau of Economic Analysis http://www.bea.gov/
2. По данным бюджетного управления конгресса http://www.cbo.gov/
3. *Гуриев, С.* «Мифы экономики» Альпина бизнес букс Москва 2009 – 294с.
4. *Медведев, Д.* «Россия, вперед!» http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
5. Федеральная служба государственной статистики www.gks.ru/
6. Министерство финансов РФ www.minfin.ru
7. Интервью телеканалу Вести 29.12.2009 www.oilcapital.ru/.../290847_148629.shtml
8. Электронная энциклопедия http://ru.wikipedia.org
9. Российский фонд фундаментальных исследований www.rffi.ru/
10. Департамент труда и занятости населения www.labor.ru
11. Национальный источник новостей БЕЛТА http://www.belta.by/ru/news/econom?id=468744

НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ: ВЫБОР ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А. К. Никитина

Отношения труда и капитала во все времена характеризовались противоречием интересов, что в сочетании с объективной зависимостью наемного работника от средств существования, которые при капитализме он может получить, только работая на владельца реального капитала, приводило к эксплуатации его капиталистом. В современной экономике

происходят коренные изменения, превращающие работника в собственника интеллектуального капитала, который обладает редкостью и возможностью приносить рентный доход [1]. В новых условиях работодатели не имеют возможности эксплуатировать своих работников в тех формах, как это было во времена К.Маркса. Теперь работник более свободен в своих правах, источниках дохода, а, следовательно, и в выборе места работы. На смену массовому стандартизированному производству приходит индивидуализация трудовых функций, превращающая работника в обладателя специфического ресурса. Теперь уже не только работник нуждается в получении работы, но и работодатель не менее заинтересован в привлечении и удержании квалифицированного сотрудника. Все это выводит трудовые отношения на качественно новый уровень – партнерский, для которого характерны, во-первых, относительное равноправие сторон, во-вторых, наличие среди их противоположных в сущности целей некоей «области пересечения». В качестве таковой можно назвать эффективность работы предприятия – источника прибыли капиталиста и гаранта занятости наемных работников. Осознание этой цели и лежит в основе партнерских отношений труда и капитала, которые могут принимать различные формы: от коллективно-договорного регулирования заработной платы и участия в прибылях до разнообразных механизмов непосредственного участия работников в управлении предприятием.

Коллективно-договорное регулирование представляет собой многоступенчатый и иерархически организованный механизм координации и формирования заработной платы, основанный на заключении коллективных договоров между профсоюзами, объединениями нанимателей и государством на национальном, региональном, отраслевом уровне, а также на уровне предприятия, имеющих силу закона. Коллективные договоры содержат сведения о минимальной заработной плате, порядке индексации, формах и системах оплаты труда, размерах социальных выплат и др. условия, которые являются минимальными при заключении индивидуального контракта с работником [2].

Участие в управлении предприятием предполагает создание различных непрофсоюзных органов представительства работников, которые участвуют в решении экономических вопросов, затрагивающих их социально-трудовые интересы, а также непосредственное участие работников в наблюдательном совете компании [3].

Участие в прибылях предполагает повышение заинтересованности работников в результатах своего труда путем начисления им определенной доли прибыли в зависимости от эффективности работы предприятия. Системы участия чрезвычайно разнообразны: от наличных выплат до различного рода опционных программ, т.е. участия работников в капитале компании через покупку акций [4; 5, с. 94–96; 6, с. 96–97].

Все эти формы социального партнерства достаточно подробно описаны в литературе, однако вопрос об их эффективности остается дискуссионным. Традиционно считается, что участие работников в прибылях экономически эффективно, поскольку выплаты носят необязательный характер и зависят от результатов деятельности предприятия, в то время как включение работников в руководящие органы, напротив, снижает эффективность, т.к. решения в таких компаниях принимаются дольше, а социальные интересы работников часто вступают в конфликт с соображениями экономической эффективности. Сторонники же демократии на производстве приводят свои аргументы, доказывающие эффективность рабочего самоуправления. По нашему мнению, подобного рода противоречия возникают по причине того, что понятие «эффективность» носит многовекторный и многоуровневый характер (таблица 1).

Таблица 1

Соотношение видов и уровней эффективности

	Целесообразность =Цели/Потребности	Результативность =Результат/Цели	Экономичность =Результат/Затраты
Управление предприятием			
Деятельность предприятия			
Деятельность предприятия с точки зрения общественного благосостояние			

Источник: [7, с. 349]

Иными словами, не существует эффективности «вообще» - содержание этой характеристики всегда конкретно в ее относительности, поэтому на практике используют такие понятия, как организационная, адаптационная, экономическая, социальная, политическая и др. эффективность. Но даже если определить, какого рода эффективности мы хотим добиться, ни одна из перечисленных форм социального партнерства не обеспечит нам эту эффективность везде и всегда, т.к. необходимо учитывать специфику конкретного предприятия.

Таким образом, для обеспечения эффективного функционирования системы социального партнерства в нашей республике в первую очередь необходимо создать нормативно-правовую базу, регламентирующую *все* ее формы. Вторым шагом должен стать выбор предприятиями конкретной формы реализации социального партнерства, с учетом специфики их работы. В качестве общих критериев, отличающих различные предприятия, можно выделить их размер, форму собственности, организационно-правовую форму, а также уровень конкурентной борьбы в отрасли (таблица 2).

На основе предложенных критериев все предприятия можно условно разделить на 16 групп, для каждой из которых наиболее предпочтительно использование той или иной формы социального партнерства (Рис. 1).

Таблица 2

Критериальные значения основных условий функционирования предприятий

Оценка критерия	Значение критериальных показателей
	Уровень конкурентной борьбы в отрасли:
К+	высокий
К-	низкий
	Размер предприятия:
Р+	крупное
Р-	малое
	Организационно-правовая форма:
О+	хозяйственные общества
О-	унитарное предприятие
	Форма собственности:
С+	частая
С-	государственная

Источник: разработано автором

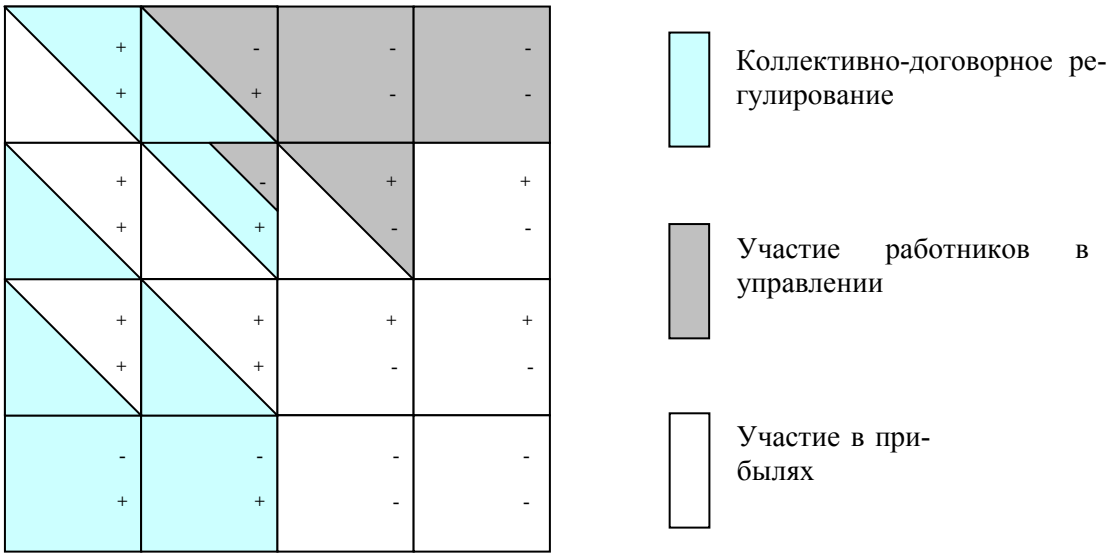

Рис. 1. Матрица применения различных форм социального партнерства в зависимости от основных условий функционирования предприятия.

На рисунке видно, что коллективно-договорное регулирование наиболее целесообразно применять на крупных предприятиях. Это объясняется тем, что, во-первых, здесь существуют большие однородные группы работников, которых легче всего объединить в профсоюзы. Во-вторых, в данном случае именно профсоюзам будет проще отстаивать права работников, поскольку их личное участие в управлении в силу численности штата невозможно, а представительство проще организовать через профсоюз, не создавая каких-либо специальных органов управления работни-

ков. На мелких предприятиях, напротив, более эффективным будет участие работников в управлении, особенно если организационно-правовая форма предприятия предполагает наличие долевой собственности, а, следовательно, возможность участия в ней работника. Если же предприятие действует в условиях высокой конкуренции, то наиболее уместным будет повышение трудовой мотивации работников путем различных форм участия в прибылях, которые могут применяться как самостоятельно, так и в комплексе с практикой коллективных переговоров, либо участия в управлении. Кроме того, участие в прибылях можно использовать и при невысокой конкуренции, если привлечения работников к управлению, либо создание профсоюзов на предприятии нецелесообразно.

На схеме также можно заметить примерное количественное соотношение между различными формами социального партнерства, которое может быть использовано на практике. Так, наибольшую площадь занимает область участия работников в прибылях. Это обусловлено, во-первых, общепризнанной экономической эффективностью данной формы, выражающейся в зависимости выплат работникам от результатов деятельности предприятия, т.е. отсутствием у предприятия обязательства осуществлять эти выплаты в любой экономической ситуации. С другой стороны, это связано с разнообразием способов практической реализации участия в прибылях: от непосредственного участия в собственности через акции компании до прибавок к зарплате.

Участие работников в управлении охватывает гораздо меньшую область, что связано с наличием ряда ограничений объективного и субъективного характера для эффективного применения данной формы социального партнерства. Это и проблемы координации управления, и нежелание крупного капитала «делиться властью» с работниками, чтобы не терять своей маневренности.

Что же касается коллективно-договорного регулирования, то оно охватывает достаточно значительную область, но чаще всего применяется в комплексе с другими формами социального партнерства, являясь скорее институциональной основой трудовых отношений, чем самостоятельной его формой. Другими словами, только профсоюзы не в силах решить проблему эффективности социально-трудовых отношений: это всего лишь база, «почва», на которой каждое предприятие «взращивает» свои формы трудовых отношений, которые развиваются в условиях его специфического «микроклимата» и могут не прижиться в другом месте.

Таким образом, представленная выше матрица может служить лишь примерным ориентиром для выбора оптимальной формы организации социального партнерства – необходимо также учитывать внутренние особенности предприятия, вплоть до менталитета работников. Когда же приемлемая форма социального партнерства будет определена, необходимо

обеспечить условия для ее эффективного функционирования.

В отношении *коллективно-договорного регулирования заработной платы* это, прежде всего, экономическая обоснованность требования профсоюзов по повышению оплаты труда. Вполне очевидно, что при этом, с одной стороны, должны учитываться реальные возможности предприятия, а с другой – общеэкономические условия, такие как уровень инфляции в стране, а также уровень заработной платы в конкретной отрасли, регионе и некоторые другие факторы. При этом в качестве основного недостатка системы коллективно-договорного регулирования заработной платы чаще всего отмечается именно «усредненность», которая, не учитывая особенности конкретного предприятия, вынуждает его ориентироваться при установлении оплаты труда на некие среднеотраслевые показатели, следование которым может ухудшить ситуацию с воспроизводством основных фондов и привести к серьезным проблемам. Однако, на наш взгляд, это утверждение не стоит трактовать столь однозначно. Ведь именно ориентация на конкурентов, стремление как минимум не отставать от них, в конечном итоге, и приводит к повышению эффективности. Так, если предприятие, оценив итоги своей деятельности, делает вывод о невозможности выполнения, к примеру, отраслевого соглашения, это говорит о том, что оно уступает по эффективности своим конкурентам: это может быть неудовлетворительная структура затрат на производство, проблемы с организацией труда или выпуск продукции, которая по каким-либо причинам не пользуется спросом. А осознание этого – первый шаг по исправлению сложившейся ситуации, к поиску путей повышения эффективности. Если же разрыв в уровне заработной платы будет возрастать, то вполне возможно, что наиболее квалифицированные работники перейдут к конкурентам, что еще больше усугубит положение такого предприятия. Подобную ситуацию можно сравнить с переливом капитала в более прибыльные отрасли, что приводит к выравниванию нормы прибыли в среднюю. Таким образом, по нашему мнению, в данном аспекте коллективно-договорное регулирование не столько препятствует, сколько способствует повышению эффективности работы предприятия.

В ходе подготовки и заключения коллективного договора профсоюзному комитету следует провести комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия, выявляя резервы повышения оплаты труда на предприятии, а также оценить различные аргументы работодателей по поводу нехватки финансовых ресурсов, необходимости выделения средств на развитие предприятия и т.п. Для этого необходимы, во-первых, высокий уровень экономической и юридической подготовки профсоюзных работников, а с другой – доступ ко всей необходимой информации, в т. ч. и бухгалтерской отчетности. Поскольку в настоящее время профсоюзы в РБ имеют доступ только к статистической отчетности, представляется необ-

ходимым внесение соответствующих поправок в законодательство.

Таким образом, необходимыми условиями эффективности колдоговорного процесса являются активность, компетентность и равноправие всех сторон-участников.

Указанные выше принципы можно считать справедливыми и для системы *участия работников в управлении предприятием*. Но здесь следует также учитывать и некоторые другие аспекты. Во-первых, необходимо определиться с конкретными формами такого участия. Во-вторых, крайне важно найти баланс, не допуская бюрократизации в среде самих работников. Иными словами, система должна обеспечивать оперативный обмен информацией между рядовыми работниками и руководителями, не создавая у представителей работников «соблазна» оторваться от производства и реальных проблем трудового коллектива. В-третьих, включение работников в управление представляется более эффективным, если оно будет преследовать не только защиту трудовых интересов (для этого существуют профсоюзы), но и вопросы организации производства. Именно в этой области рядовые работники смогут оказать неоценимую помощь своему предприятию, поскольку именно они являются непосредственными производителями продукции, поэтому даже самый компетентный руководитель не сможет настолько глубоко вникнуть в суть вопроса. Более того, сами работники, как правило, очень высоко ценят такую возможность, ощущая свою значимость, «причастность» к общему делу.

Что же касается *участия работников в прибылях*, то здесь стоит обратить внимание на проблему не столько экономической, сколько социальной эффективности. Главное условие заключается в следующем: работник должен иметь определенный (социально достаточный) уровень гарантированного заработка, чтобы предпринимательский риск не распространялся на стоимость его рабочей силы. Кроме того, важно правильно выбрать конкретные формы участия в прибылях, а также определить систему оценки вклада отдельных работников, чтобы, с одной стороны, адекватно вознаграждать трудовые заслуги, а с другой – не провоцировать конфликтов в среде работников по поводу «несправедливого» распределения. Если же участие в прибылях опосредуется участием в капитале предприятия, то следует дополнительно рассмотреть вопрос об участии работников в управлении. А чтобы владение акциями компании служило полноценным стимулом для работников, необходимо также наличие развитого фондового рынка.

Таким образом, для обеспечения эффективного функционирования системы социального партнерства в первую очередь необходимо создание институциональной среды (нормативно-правовая база, рыночная инфраструктура и т.д.). Конкретные же формы реализации социального партнерства предприятия должны выбирать самостоятельно, учитывая особенности своей деятельности. При этом следует помнить, что не существует такой

«конструкции» социального партнерства, которая была бы в равной степени эффективна при любых условиях. Она всегда нуждается в оптимизации применительно к конкретным условиям функционирования предприятия, причем не только на стадии выбора формы социального партнерства, но и на протяжении всего времени работы предприятия. Важно осознавать, что эффективность не достигается автоматически - она является результатом непрерывной работы всех сторон социально-экономических отношений: немного труда, капитала и государства. И конечный результат будет зависеть именно от того, насколько слаженными будут действия этих субъектов, или, другими словами, насколько партнерскими станут отношения между наемным трудом и капиталом.

Литература

1. *Адамович Т. И.* Эволюция отношения капитала и наемного труда / Т.И.Адамович // Институциональные закономерности устройства и эволюции социально-экономической системы Беларуси. Материалы и доклады науч.конф. в 2-х ч. – Мн.: Бестпринт, 2004. – С. 91-99.
2. *Цысина Г.* Социально-трудовые отношения в странах с развитой рыночной экономикой / Г. Цысина // Общество и экономика. – 2008. – №7. – С. 19-36.
3. *Черняева Д. В.* Непрофсоюзные формы представительства работников в коллективных трудовых отношениях / Д.В. Черняева // Труд за рубежом. – 2008. – №3. – С. 59-72.
4. Самойлова Р. М. Системы участия трудящихся в прибылях (опыт США) / Р.М.Самойлова // Труд за рубежом. – 1991. – №4. – С. 48–56.
5. *Попова И. Г.* Мотивация труда: принципы, методы, приоритетные направления / И.Г.Попова // Труд и заработная плата. – 2009. - №4. – С. 92–96.
6. *Андреева И. Н.* Как «направить стопы» том-менеджера к вершинам производительности / И.Н.Андреева // Труд и заработная плата. – 2009. – №3. – С. 93–97.
7. *Тульчинский Г. Л.* Менеджмент в сфере культуры: учеб. пособие / Г.Л.Тульчинский. – СПб: Лань, 2001. – С. 341–349.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС

Д. В. Кукареко

«Надо очень быстро бежать,
чтобы оставаться на одном месте,
а уж для того, чтобы двигаться вперед,
надо бежать как минимум вдвое быстрее».
Льюис Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»

Интеллектуальный потенциал и создаваемые им объекты интеллектуальной собственности стали определяющим фактором ускоренного социально-экономического развития передовых стран мира. Обладатели прав на самые передовые мировые технологии становятся владельцами главного ресурса научно-технического и социально-экономического прогресса, поскольку ин-

теллектуальная составляющая уже давно является основной в структуре цен многих наиболее емких по объему рынка товаров.

В сфере интеллектуальной собственности в наиболее развитых странах зарабатываются огромные средства, а по объему рынка только область авторских и смежных прав уже давно обошла (например, в США) ряд крупных традиционных отраслей экономики. Быстрое повышение значимости сферы интеллектуальной собственности в мировых процессах развития происходит в контексте ускорения глобализации мировой экономики, связанной, в том числе, и с выходом мировых технологий на новый качественный уровень.

Сегодня мы можем наблюдать тенденции изменения природы средств производства, предмета и результата труда: и первым, и вторым, и третьим становятся информация, культурные и природные ценности. Наиболее значимым для прогресса оказываются качественно новые ресурсы, не прежние массовые, воспроизводимые и ограниченные, а всеобщие и одновременно уникальные (новые идеи, ноу-хау, биогеоценозы и т.д.). Главным фактором прогресса становятся творчество, образование, наука, искусство, а не те сферы, где осуществляется производство материальных благ. На первый план выдвигается не собственность на средства производства, а человеческий капитал и инвестиции в него.

Обладатель знаний, интеллекта, опыта, творческих способностей сам по себе представляет большую ценность для компаний. Наибольших успехов сегодня добиваются те предприниматели, которые ориентированы на максимальное использование высокотехнологичных процессов и систем, инновационного продукта, привлечение образованных специалистов.

Мы считаем обоснованным постановку вопроса о положительном и отрицательном влиянии существования интеллектуальной монополии, о выигрыше частного собственника интеллектуальных ресурсов и общественного выигрыша в случаях наличия и отсутствия закрепленных интеллектуальных прав.

Поэтому задачей этой статьи стало изучения влияния интеллектуальной собственности на экономическое развитие, конкуренцию на рынках – как локальных, так и глобальных – производства высокотехнологичных и информационно насыщенных ресурсов, стимулов к закреплению прав интеллектуальной собственности и необходимости искусственного правительственного ограничения доступа к интеллектуальным ресурсам.

На современном этапе развития на смену рациональному homo economicus идет homo creator – субъект с иной системой ценностей, потребностей и мотивов. Потребности в условиях нового мира становятся иными: они не утилитарны и качественно безграничны, но при этом ограничены количественно, в отличие от утилитарных потребностей. Несколько упрощая эту связь, можно ее сформулировать следующим обра-

зом: в той мере, в какой каждый из нас остается homo economicus, мы стремимся максимизировать количество утилитарных благ (по возможности, наиболее престижных); в той мере, в какой в нас развиты мотивация и ценности homo creator, мы стремимся к самореализации в творческой деятельности, к культурному диалогу [1]. Он всегда стремится к новому, стремится выйти за достигнутые рамки, и это стремление направляет всю его деятельность. Деятельность и самореализация в ней, а не возможный доход от нее становятся главным мотивом и главной ценностью.

Так возвращаются в ранг первоочередных общечеловеческие ценности, от которых ушло западное общество, ставят вопрос об отсутствии необходимости в искусственном ограничении конкуренции и о существовании самой конкуренции в обществе, где творческая деятельность ведет к созданию принципиально нового, объективно нового продукта, который не имеет аналогов.

Формирование человека, обладающего творческим, культурным потенциалом, новаторскими способностями, становится главным инструментом прогресса и главной задачей человечества. Такой человек не нуждается более в частной собственности. Он (каждый из нас в процессе учебы или творчества, чтения умной книги или воспитания ребенка) в этом мире является собственником всего, до чего может дотянуться его пытливый и деятельный ум.

Появление института интеллектуальной собственности, охраняемой законом, в какой-то момент стало непременной составляющей современного экономического развития, что вызвало изучение специфики данного института, внутренней логики его развития, определения места среди экономических и правовых категорий. Однако в последнее время активно поднимается вопрос о логичности его существования, существования частной собственности на результаты интеллектуальной деятельности. А поскольку мы рассматриваем интеллектуальные ресурсы как неограниченные и неисчерпаемые, это означает, что они, составляющие основу экономики знаний, по своей природе уже не нуждаются во внешнем ограничении доступа к ним, могут не быть объектом частной собственности. Более того, частная собственность лишь искусственно ограничивает доступ к ним, создавая преграды на пути освоения культуры.

В итоге мы видим, как происходят изменения в отношениях собственности: подобно тому, как переход от аграрной экономики к индустриальной сделал неэффективной (а не только аморальной) частную собственность на человека, так и переход к экономике знаний, образования и культуры сделает неэффективной частную собственность на эти объекты.

С пониманием этого и с переходом к новому типу отношений и способа производства, необходимо рассмотреть новый вариант отношений собственности на продукты интеллектуального труда – отказ от закреп-

ления прав интеллектуальной собственности.

Если экстраполировать концепцию собственности Локка в сферу интеллектуальной собственности, то последняя будет рассматриваться как дополитическое естественное право, которое защищается государством. Государство, в том числе, существует для защиты прав интеллектуальной собственности. Однако интеллектуальная собственность относится к области совершенно иных по природе объектов. Патенты и авторские права относятся к формам нематериальной собственности. Это собственность на идеи, которые воплощены в материальных предметах. Интеллектуальная собственность относится к способу выражения идей, а не к идеям как таковым. Выступающие против интеллектуальной собственности, считают, что нормы и институты, связанные с материальной собственностью, не следует распространять в область нематериальной собственности.

Можно выделить два классических аргумента в пользу интеллектуальной собственности: аргумент, исходящий из естественных прав, и утилитаристские аргументы.

Согласно концепции естественных прав, творение человеческого интеллекта должно защищаться законом точно так же, как и материальные активы. У человека есть естественное право на продукты своего интеллектуального труда.

Наиболее распространенным подходом защиты интеллектуальной собственности является утилитарный. Утилитаристский аргумент состоит в том, что надлежащая защита интеллектуальной собственности ведет к большему числу инноваций, большему творчеству и, в конечном счете, к большему объему богатства. Без авторских прав на свои произведения, многие авторы не будут беспокоиться о том, чтобы писать романы, программное обеспечение, или осуществлять другие виды работ. Они не верят, что конкурентный рынок способен обеспечивать эффективный уровень инноваций, особенно в сферах технологической и творческой деятельности, где исследования и разработки часто требуют больших расходов, новшества легко выявляются, а их копирование обходится относительно дешево и не требует большого времени. В случае отсутствия копирайта больше денег могло было быть инвестировано в изобретения, а не на патентование и суды. У компаний могло бы быть еще больше стимулов к инновациям, если бы они не полагались на свои монопольные права.

Возможно, общество может развиваться и без интеллектуальной собственности? И, если ли основания предполагать, что общественный выигрыш будет значительно выше в отсутствие института защиты интеллектуальных прав?

Большинство усилий изобретателя уходит не на улучшение своего изобретения, которое, возможно, имеет решающее значение для развития общества, а, скорее, на установление патента на изобретение и его защи-

ту, включая отслеживание нарушения патента и последующих судебных разбирательств.

Даже не имея патента, изобретатель все равно имеет преимущество быть первым на рынке и получить прибыль пока конкуренты только пытаются воспроизвести его изобретение. Напрасное усилие, направленное на подавление конкуренции и получение особых привилегий, относится экономистами к рентоориентированному поведению. Смысл этого сводится к установлению законной монополии.

Таким образом, получение патента используется в качестве инструмента, сдерживающего экономический прогресс и направленного на устранение конкурентов.

В качестве возможного вознаграждения для автора в случае отсутствия закрепления прав интеллектуальной собственности может происходить не периодическая оплата в виде ренты, а разовая покупка прав.

Альтернативный вариант подчеркивает получение прибыли фирмой за счет производства и послепродажного обслуживания, что, собственно, имеет место и является политикой компании по истечении срока действия патента. Также одной из альтернатив такой ситуации может стать продажа лицензий на изобретения другим производителям, что, возможно, позволит избежать замедления развития и даст возможность делать улучшения в изобретении.

В случае отсутствия монополии на идеи, конкуренция ужесточается – как результат, инновации и творчество процветают. Каким бы ни был мир без патентов и копирайта, он не стал бы миром, лишенным замечательных музыкальных произведений и новых целительных лекарств.

В качестве примера, инновации в сфере программного обеспечения изначально происходили в отсутствие всякой правовой защиты и только в последнее десятилетие они начали получать право копирайта или патентную защиту. В молодой динамичной индустрии, полной идей и творчества, интеллектуальная монополия не играет большой роли. Они приобретает значение, когда идеи иссякают и новые конкуренты приходят на рынок со своими более свежими идеями. Тогда те, у кого этих идей нету, обращаются за помощью к правительству для того, чтобы защитить свой старый прибыльный способ ведения бизнеса.

Обоснование прав интеллектуальной собственности на основании концепции о естественности частной собственности на нематериальные объекты так же, как и на материальные, выглядит проблематичным. Дело в том, что права интеллектуальной собственности не связаны с нехваткой выделяемых объектов, а, скорее, их цель состоит в том, чтобы создать дефицит, монопольную ренту для владельцев этих прав. Закон не обеспечивает здесь защиту собственности, поскольку сам закон создает дефицит. Права интеллектуальной собственности сами создают искусственный дефицит, моно-

польную ренту. Это происходит потому, что идеи в естественных обстоятельствах не являются редкими. Если вы копируете мою книгу, то я попрежнему имею свою книгу, и вы имеете ее, теперь тоже. В отличие от материального имущества, несколько человек могут использовать идею в одно то же время и независимо друг от друга. Идеи не ограничены и не являются собственностью. Поэтому авторские работы не редки в том же смысле, что материальные предметы. Напротив, если признается право на объект идеи, то создается редкость, где ее до того не было. Законы об интеллектуальной собственности создают искусственную редкость, которая является результатом соглашений, законотворчества.

Сейчас вопрос об усилении защиты интеллектуальной собственности становится все более актуальным для Беларуси. Так директор Национального центра интеллектуальной собственности Воронецкий считает, что развитие инновационной деятельности в условиях формирования в Беларуси экономики знаний невозможно без эффективной системы охраны интеллектуальной собственности [5]. Как мы можем наблюдать, механизмы этой системы постоянно совершенствуются: принимаются новые законодательные документы по охране и управлению интеллектуальной собственностью, расширяется необходимая инфраструктура, повышается качество информационно-методического обеспечения, развивается система мониторинга и контроля. Белорусские специалисты в области интеллектуальной собственности уверены в непосредственной и однозначной связи между усилением правовой охраны интеллектуальной собственности и увеличением инновационной активности в стране.

Но между защитой интеллектуальной собственности в развивающейся стране и инновационным развитием возникает конфликтная ситуация. В основном интеллектуальную собственность охраняют развитые страны, чем искусственно ограничивают доступ к продуктам интеллектуальной деятельности. Из-за несопоставимого уровня жизни лицензионная продукция недоступна в развивающихся странах.

С одной стороны развитые страны, во многом посредством ВТО, которая обязывает государства, вступающие в организацию, максимально приблизить уровень защиты интеллектуальной собственности к уровню, существующему в развитых странах, а с другой стороны — развивающиеся страны, для которых это означает переход частного права интеллектуальной собственности в публичное, когда Правительство обязано следить и выявлять факты нарушения интеллектуальных прав. Но и для развивающихся стран выгода, которую могут получить предприятия от наличия интеллектуальной монополии весьма заманчивы. Другой вопрос в том, внедряются ли новейшие разработки, которые создаются, к примеру, в Национальной академии наук, на наших предприятиях и служат ли они созданию большей добавленной стоимости на предприятии. Или

весьма ценные изобретения так и не находят применения на нашем рынке и в итоге продаются за границу, а то и просто ценные специалисты, привлеченные иностранными организациями, осознающими их истинную цену, увозят весь свой творческий потенциал?!

Возможно, более важным и необходимым являются усилия в несколько ином направлении. Прежде чем жестко ограничивать и вводить высокую степень защиты интеллектуальной собственности, стоит принять во внимание тот аспект, что в этом случае время, деньги и интеллект тратятся на подавление конкуренции, а не на развитие, на защиту вместо разработок. Стратегический ресурс – человеческий капитал – тратится на рекламу, маркетинг, конкуренцию, поддержание монополии, отслеживание нарушений и судебные разбирательства. Кому это выгодно?

А если вместо этого усилия будут потрачены на единое централизованное управление, на разработку стратегии, содержащей не размытые понятия увеличения конкурентоспособности, для которой сложно вывести единую оценку, а на конкретные показатели?

Во-первых, государство должно быть правильно сориентировано на интеллектуальную составляющую в современном производстве. Стратегия обязана специфицировать условия создания продукта определенными способами, и ее создание должно быть охарактеризовано возможными выгодами в результате внедрения. Это также подразумевает минимизацию издержек. Необходимо искать способы сэкономить деньги, а не решить вопросы за их счет.

Во-вторых, выбор конкретного направления для развития страны. Так Сингапур взял курс на создание финансовой столицы мира, Корея занялась созданием как можно более совершенных жидкокристаллических экранов. Разработанные лидерами и их партиями программы почти сразу становились основой национальных идеологий, ибо предусматривали не столько экономические расчеты, сколько веру в творческие способности и инициативу своих людей.

В-третьих, созданы наиболее благоприятные условия для ведения стратегически значимого бизнеса.

В-четвертых, особую важность приобретает необходимость и востребованность инновационных разработок. Не столь уж важно, где, в каком городе или в какой стране рождается изобретение. Не столь важно, кто и в каком объеме финансировал разработку «научного исследования». Куда важнее, кто имеет экономику, восприимчивую к нововведениям. То или иное открытие или изобретение может рождаться в Венгрии или Болгарии, Японии или Китае, Соединенных Штатах, Великобритании или Германии. Важно, чтобы экономика страны работала так, чтобы любое открытие, где бы географически оно ни появлялось, она воспринимала как свое собственное, быстро его усваивала и внедряла в производство.

Поэтому главной задачей инновационной экономики становится не производство все новых и новых знаний, а обеспечение восприятия мирового потока знаний и использование его в целях собственного экономического и общественного развития.

Литература

1. *Бузгалин А. В.* Частная собственность устарела. — Интернет-журнал «Отечественные записки», №6, 2004, http://www.strana-oz.ru/?numid=21&article=974.
2. *Норт Д.* Функционирование экономики во времени. Нобелевская лекция 1993 г. – Интернет-журнал «Отечественные записки», №6, 2004, http://www.strana-oz.ru/?numid=21&article=981.
3. *Хубиев К. А.* Теория собственности на основе синтетического подхода // Интеллектуальная собственность и формы ее реализации. Материалы международной научной конференции. – Н. Новгород; изд-во ННГУ, 1998.
4. *Boldrin M.,* Levine D. Against Intellectual Monopoly. – http://levine.sscnet.ucla.edu/general/intellectual/againstfinal.htm.
5. *Воронецкий Л.* Интеллектуальная собственность – охрана усиливается//12-02-2008 – www.belta.by.
6. *Цепкало В.* На пути к «экономике знаний»//02-12-08 – www.park.by.

КАЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ СОДРУЖЕСТВА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Е. С. Сасим

Сегодня все большее значение приобретают вопросы технических изменений и новшеств в определении характера сравнительных преимуществ между странами.

Для поддержания стабильных позиций на внешнем и внутреннем рынках требуется замедление темпов традиционных, в основном, металлоемких и энергоемких производств. Приоритетным является ускоренное развитие наукоемких экспортно-ориентированных отраслей производства, таких как: микроэлектроника, приборостроение, точное машиностроение, промышленность информационных технологий, разработка наноматериалов и элементов солнечной энергетики.

Последние восемь лет российский и белорусский ВВП ежегодно увеличивается на 7–9%. Это значительно больше, чем в целом по странам Большой семерки, ежегодный прирост ВВП в которых не превышал 2–3% [1]. Следует отметить, что в связи с кризисным периодом, ВВП России в четвертом квартале 2009 года вырос лишь на 1,9 %, в 2010 году по прогнозам Минэкономразвития ожидается рост около 3,1 %, а рост ВВП Беларуси в январе-феврале 2009 составил 1,4%.

Однако анализ статистических данных позволяет утверждать, что экономический *рост пока не стал инновационным* и не оказал положительного воздействия на социальную сферу, без развития которой невоз-

можно устойчивое долгосрочное социально-экономическое развитие любого государства.

По данным ПРООН Беларусь и Россия по показателю индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) в списке из 177 стран занимают 64 и 67 место соответственно. В первой пятерке стран по показателю ИРЧП оказались Исландия, Норвегия, Австралия, Канада и Ирландия [2, с. 229]. В состав ИРЧП входят индексы, характеризующие уровень образования, ожидаемую продолжительность жизни (ИОПЖ), ВВП на душу населения. Если по индексу образования Беларусь и Россия занимают 27 и 28 место в мире соответственно, опережая такие развитые страны, как Японию – 35 место, Израиль – 36 место, то по индексу ожидаемой продолжительности жизни между развитыми странами и двумя славянскими государствами существует значительный разрыв. По данным ПРООН по ИОПЖ Беларусь и Россия занимают 103 и 114 место в мире, уступая таким государствам, как Белиз, Уругвай и Вьетнам.

Об отставании России и Беларуси в технологическом развитии от Европейских стран и стран Азии говорит низкая доля экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта. Если в развитых странах доля высокотехнологичного экспорта составляет 19–20% от общего объема экспортируемых товаров, то в Беларуси этот показатель – 3%, а в России – 9% [1].

О том, что переход на инновационный путь развития пока носит *декларативный характер*, свидетельствуют два факта:

Во-первых, уровень оплаты труда работников, занятых в сфере науки и образования, остается низким не только в денежном эквиваленте, но и по сравнению с оплатой труда работников, квалификация которых не требует высшего образования.

Во-вторых, если бы спрос на инновации со стороны реального сектора экономики действительно был высок, то оплата труда ученых была бы значительно выше, а у научно-исследовательских институтов был бы устойчивый спрос на труд.

О сохранении экспортно-сырьевой направленности экономики говорят и низкие расходы на НИОКР. В 2008 году расходы на НИОКР в пересчете на душу населения составили: в США – 1129 долл., в Сингапуре – 646 долл., в Беларуси и России – 81 и 64 долл. в год соответственно [3]. Если ситуация с финансированием инноваций не изменится, то финансовый кризис может «отнести» экономику двух стран обратно к началу 20-го века.

Во избежание доведения экономики двух стран до критического уровня, требуется ускоренное развитие наукоемких экспортно-ориентированных отраслей производства, таких как: микроэлектроника, приборостроение, точное машиностроение, промышленность информационных технологий, разработка наноматериалов и элементов солнечной энергетики.

В связи с тем, что союзные государства обладают развитым научным потенциалом, фундаментальная наука должна стать важнейшей движущей силой общественного производства, обусловливающей эффективность, перспективы, инновационный путь его развития. С целью реализации данных мер необходимо совместить отдельные стадии цикла «исследования–разработки–производство» за счет постоянного и целенаправленного использования и передачи новых результатов фундаментальных и прикладных научных исследований для проведения последующих опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, включая выпуск вновь освоенной научно-технической продукции. Наука должна стать питающей средой инноваций, а инновации - основой развития экономики [4, с. 16].

В сложившейся ситуации необходимо преобразование системы отношений научных организаций и предприятий путем создания крупных научно-производственных объединений и корпоративных структур кластерного типа; функционирование механизма трансфера технологий; перевод на постоянную основу контрактно-кооперационных бирж представителей вузовской науки и специалистов предприятий для распространения инноваций, заключение сделок на проведение НИОКР и приобретение инновационного продукта; привлечение инвестиций из различных источников, в том числе банковских кредитов, а также активное использование средств инновационных фондов других министерств и ведомств [5, с. 33].

Следует также учесть, что глобальный финансовый кризис значительно приостановил социально-экономическое развитие.

Во-первых, снизилась инвестиционная активность компаний.

Во-вторых, выросли риски, связанные с инвестированием.

В-третьих, в экономической системе выросли неплатежи, в том числе и по банковским кредитам.

Это приводит к тому, что сложившиеся ранее модели управления сложными экономическими системами становятся неэффективными.

Реализация мер в рамках национальных программ инновационного развития будет более эффективной, если она будет происходить с учетом промышленного, научного и образовательного потенциала стран-соседей по СНГ. Это связано с тем, что,

Во-первых, экономическое пространство СНГ насчитывает более 280 млн. человек с платежеспособным спросом не менее 400 млрд. долларов в год. Ориентация на внутренний спрос такого значительного по объему потребительского рынка может значительно снизить негативное влияние глобального финансового кризиса.

Во-вторых, население СНГ может стать крупнейшим инвестором в экономику своих государств. Например, если житель каждой страны, входящей в состав СНГ, будет инвестировать в экономику через различные финансовые инструменты хотя бы 10 долларов США в месяц, то суммарные инве-

стиции превысят 30 млрд. долларов в год. С учетом сложения в высокотехнологичные предприятия, эффект от таких вложений будет значителен.

В-третьих, развитие телекоммуникационной отрасли, логистики, космических технологий только выигрывает от расширения географических масштабов реализуемых проектов. Возрастание количества потребителей повышает качество и объем предоставляемых услуг.

Другими словами, взаимодействие различных стран в инновационной сфере дает *синергетический эффект* – экономит финансовые ресурсы, повышает отдачу от промышленного, человеческого и научного потенциала, способствует повышению уровня жизни и т.д.

В процессе качественного изменения взаимодействия государств Содружества в инновационной сфере можно выделить следующие этапы:

На первом этапе необходимо повышение эффективности сотрудничества России и Беларуси в инновационной сфере. В настоящее время в рамках взаимодействия в инновационной сфере Россией и Беларусью реализуется 6 совместных программ, связанных с развитием электронной, радиотехнической и оборонной промышленности, например, вычислительных систем семейства «СКИФ». Всего на реализацию данных программ из союзного бюджета двух стран в 2009 году планируется выделить более 30 млн. долларов США [6]. Несмотря на достигнутые успехи, два государства пока не задействовали весь имеющийся потенциал сотрудничества в инновационной сфере.

Одним из возможных путей активизации сотрудничества двух стран в инновационной сфере является создание финансово-промышленных групп (ФПГ) в перечисленных выше приоритетных областях. Создание белорусско-российских финансово-промышленных групп в области автомобилестроения, энергетики, станкостроения, приборостроения, радиоэлектроники может стать вторым этапом совершенствования инновационной политики. В рамках ФПГ возможно улучшение качества управления сложными экономическими комплексами. Особенно это касается предприятий машиностроения и оборонно-промышленного комплекса. Координация деятельности смежных предприятий в рамках ФПГ позволяет снизить транзакционные издержки: риск невыполнения заключенных договоров, недопоставку продукции или ее несвоевременную оплату.

На третьем этапе построения инновационной экономики возможно расширение многостороннего сотрудничества в инновационной сфере в рамках СНГ в целом.

Созданный механизм взаимодействия в инновационной и промышленной сфере между Россией и Беларусью может стать своего рода *локомотивом* развития многосторонних отношений в рамках СНГ в целом. Это позволит не допустить снижения уровня человеческого потенциала в странах Содружества, более эффективно использовать возможности внутреннего рынка и

разделения труда. Особую значимость сотрудничество в инновационной сфере приобретает при взаимодействии с такими государствами СНГ, как Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Абхазия и Южная Осетия, которые уже в скором времени могут стать полноправными участниками СНГ и других экономических блоков. Деиндустриализация экономик этих стран, произошедшая после распада Советского Союза, способствует социальной напряженности в обществе, вынужденной миграции.

На четвертом этапе, запустив механизм инновационного развития, страны СНГ смогут наладить более тесное сотрудничество как с крупнейшими развивающимися экономиками мира – Китаем, Индией, Бразилией, так и с экономически развитыми государствами ЕС и Северной Америки.

Реализовав в той или иной форме основные направления *предложенной стратегии инновационного развития*, страны Содружества не только смогут улучшить социально-экономическое положение своих граждан, но и смогут создать мощный политический, промышленный и финансовый центр новой глобальной экономической системы.

Набирающий силу вектор неосферизации мирового развития служит важным стимулом на пути к осознанию непреходящей ценности общественно - функциональных инноваций для обеспечения эффективности экономики. Поэтому только культивирование инноваций может гарантировать дальнейшее поступательное развитие стран в условиях непрерывного формирования вызовов эпохи динамизма [7, с. 54].

Литература

1. http://ddpext.worldbank.org (World development indicators. The World Bank Group).
2. Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделённом мире / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2007.
3. http://www.soureoecd.org (Science, Technology and Innovation Indicators in a Changing World).
4. *Жук А. И* интеграция высшего образования и науки – путь к инновациям // Наука и инновации. №11(69) – Мн.: Белорусская наука, 2008.
5. *Радьков А. М.* Интеграция образования, науки и производства // Наука и инновации. Спецвыпуск (57) – Мн.: Белорусская наука, 2007.
6. http://www.soyuzinfo.ru/ru/economics/budget/ (Портал Союзного государства).
7. *Гончаров В., Марков А.* Перспективные направления научно-инновационного развития // Наука и инновации. №1(71) – Мн.: Белорусская наука, 2009.

ФОНДОВЫЙ РЫНОК В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ. ФОНДОВЫЙ РЫНОК В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

П.В.Якименко

Значительный вклад в исследования зависимости финансового рынка на макроэкономическое развитие внесли специалисты Всемирного банка,

которые начали проводить активные межстрановые сопоставления. Было установлено, что существует жесткая устойчивая связь между уровнем развития финансовых рынков и долгосрочными темпами экономического развития. Такой вывод был основан на жесткой корреляции между индикаторами развития финансовых рынков и обобщающими характеристиками долгосрочного развития национальной экономики.

В качестве индикаторов использовались такие показатели, как соотношение ликвидных обязательств и ВВП, соотношение депозитов коммерческих банков в центральном банке и совокупного внутреннего кредита, соотношение кредитов, выданных предприятиям реального сектора, и ВВП. В качестве обобщающих характеристик долгосрочного развития национальной экономики применялись показатели экономического роста, накопления основного капитала, изменение показателей экономической эффективности.

Исследования показали, что показатели развития финансовой системы тесно коррелируют с долгосрочными темпами экономического роста. Более того, эта связь носит устойчивый причинно-следственный характер. Данная дискуссия привела исследователей к двум основным выводам: высокий уровень развития финансового рынка позитивно действует на макроэкономическое развитие через механизм ускорения темпов экономического роста, способствует накоплению основного капитала, повышает эффективность общественного производства и особенно сильное воздействие на макроэкономику финансовые рынки оказывают в долгосрочном плане, в то время как воздействия на текущие показатели ощущаются слабее.

Развивающийся реальный сектор экономики требует формирования определенных институтов и отношений. Использование капитала в сфере производства в форме долговременных производственных активов создает доход в денежной форме или капитал. Величина денежного капитала в какой-то момент превышает потребности производства, и он может быть отдан в ссуду за определенную плату. Развитие рыночных отношений ведет к росту и концентрации ссудного капитала в специализированных финансово-кредитных учреждениях и формированию рынка ссудных капиталов. Расширение рынка ссудных капиталов ведет, в свою очередь, к концентрации повышению эффективности инвестиционных проектов реальном секторе экономики. Происходит процесс взаимодействия капитала в денежной форме в виде ссудного капитала, финансовых инвестиций и торгово-промышленного капитала в форме основного (физического) капитала реальных инвестиций. В результате появляется финансовый капитал, обладающий чертами как ссудного, так и реального производительного капитала. Кругооборот денежного и реального капиталов лежит в основе функционирования рынка капиталов и формирования финансового рынка.

В экономической литературе финансовый рынок традиционно делится на денежный рынок и рынок капиталов. На денежном рынке совершают-

ся операции краткосрочного характера (от одного дня до года), на рынке капиталов проводятся операции долгосрочного характера.

Фондовый рынок тесно связан со всеми рынками развитого товарного хозяйства – функционирование этих рынков в той или иной степени опосредуется ценными бумагами. Фондовый рынок тесно взаимодействует с кредитным рынком, они дополняют друг друга как механизмы перераспределения временно свободного капитала в рыночной экономике. Коммерческие банки, являющиеся основными посредниками на кредитном рынке, привлекают ресурсы и выдают кредиты по большей части краткосрочного характера. Предприятия и другие экономические субъекты, нуждающиеся в долгосрочном капитале, могут получить его путем выпуска облигаций или других долговых обязательств, а также акций.

Фондовый рынок, безусловно, влияет на реальный сектор экономики, так же как и изменения в реальном секторе влияют на фондовые индексы. Рассмотрим данное влияние через призму функций и ролей, которые выполняет фондовый рынок.

Ключевая роль фондового рынка на всем финансовом рынке обусловлена двумя специфическими качествами: способностью обеспечивать высокую ликвидность финансовых активов и способностью широко диверсифицировать инвестиционные риски.

Развитие фондового рынка и повышение его эффективности приводит к росту инвестиций в долгосрочные проекты, охватывая проекты с самым широким спектром риска. Увеличение инвестиций, повышение их срока и обогащение структуры реализуемых инвестиционных проектов ведет к росту производительности труда в реальном секторе, что является основой для роста доходов от финансовых вложений. Доход на инвестиции растет, и это стимулирует увеличение нормы сбережений. С другой стороны, более высокий доход на инвестиции может подтолкнуть к росту потребления. Однако в долгосрочной перспективе рост потребительского спроса также способствует росту темпов экономического роста.

Ликвидность фондового рынка выступает хорошим опережающим показателем по отношению к таким макроэкономическим индикаторам, как темп роста реального валового внутреннего продукта, приходящегося на одного жителя, темп роста физического объема основного капитала, темп роста производительности труда. Важным условием прогнозной роли фондового рынка является его информационная эффективность. Поэтому фондовый рынок становится отличным поставщиком прогнозной информации в высокоразвитых странах, в развивающихся же странах прогноз ухудшается по мере снижения жесткости перечисленных условий.

Один из основных факторов, обеспечивающих ускорение экономического развития, является способность фондового рынка сокращать стоимость внешнего финансирования фирм. Под внешним финансированием

в данном случае понимается финансирование за счет привлеченных ресурсов, т.е. финансовых ресурсов, которые получает компания за счет кредитования и размещения своих ценных бумаг на фондовом рынке.

Наиболее сильно это качество фондового рынка проявляется в странах с развитым финансовым рынком. Низкие ставки привлечения финансовых ресурсов имеют наиболее тесную регрессию с высоким уровнем эффективности правовой системы и с высокой ликвидностью фондового рынка. Преимущество в развитии получают те отрасли, которые более восприимчивы к научно-техническому прогрессу, более мобильны, более оперативно реагируют на изменение потребительских предпочтений. Именно поэтому в странах с хорошо развитым фондовым рынком более высокие темпы роста имеют компании, работающие в отраслях так называемой «новой экономики», производящие уникальные товары и предоставляющие услуги высокого качества. Тем самым развитие фондового рынка не только обеспечивает повышение темпов экономического развития, но и стимулирует эффективные структурные изменения национальной экономики, приводящие к позитивным изменениям места данной страны в международном разделении труда. Фондовый рынок выступает в качестве проводника инноваций в национальной экономике, он способствует их более быстрому распространению, а, следовательно, выходу экономики на более высокий технологический уровень.

Фондовый рынок обеспечивает сокращение недостаточно эффективных инвестиций, в том числе имеющих ликвидную форму, способствует мобилизации сбережений, улучшает распределение риска в экономике.

Хороший развитый фондовый рынок стирает различия между крупными и средними предприятиями, устраняя барьеры входа на финансовый рынок для последних. Все предприятия, оцененные рынком, получают те предприятия, которые предлагают наиболее интересные инвестиционные проекты, в то же время как роль фактора размера (роль собственного капитала) предприятия снижается.

Эффективный фондовый рынок, являясь институтом финансового посредничества, может рассматриваться в качестве механизма снижения ассиметрии информации в экономике. Сигнал о качестве корпораций в форме установленной в результате столкновения спроса и предложения цены на акции корпораций является значительно более объективным для инвесторов, чем любые другие сигналы о качестве корпораций.

Современный фондовый рынок играет важную информационную роль. С его помощью можно прогнозировать кризисы, ведь давно известно, что индексы фондового рынка являются опережающими индикаторами по отношению к производственным показателям.

По результатам многих исследований можно сделать вывод, что прямое воздействие фондового рынка на экономический рост, осуществляе-

мое через финансирование инвестиций в основной капитал, значительно ниже, чем воздействие, осуществляемое по информационным каналам.

Предназначения финансовых активов и содержание финансовых операций определяют макроэкономические функции фондового рынка: аккумулирование средств частных инвесторов и превращение их в инвестиции, обеспечение мобильного перетока капиталов к наиболее эффективным собственникам и проектам, сохранение в условиях инфляции реальной стоимости вложенных инвестором средств, поддержание сбалансированности различных типов финансовых активов, их доходности и устойчивости обращения.

В современных условиях развивающегося финансового рынка наиболее актуальной является способность фондового рынка обеспечивать привлечение долгосрочных инвестиций, т.е. на первое место выходит такая функция фондового рынка, как трансформация сбережений в инвестиции. Она в наибольшей степени способствует обеспечению экономического роста. Помешать увеличивающемуся объему инвестиций может высокий уровень бедности населения. Он создает дополнительные препятствия развития фондового рынка и для выполнения им своих макроэкономических функций, в том числе функции по обеспечению повышения благосостояния населения. Получается замкнутый круг, для выхода из которого особо важное значение имеют механизмы коллективного инвестирования.

Стимулировать предприятия к использованию фондового рынка можно за счет снижения налоговых и иных барьеров, расширения спектра ценных бумаг и улучшения условий инвестирования.

Что касается белорусского фондового рынка, то здесь в основном обращаются государственные ценные бумаги. Этому способствуют, с одной стороны, созданные государством преимущества данных ценных бумаг в виде льготирования доходов по операциям с ГЦБ, что делает их приемлемыми для банков, а с другой стороны, - введенные ограничения по остальным ценным бумагам.

Что касается биржевого рынка акций, то для его активизации принято решение Правительства, согласно которому сделки купли-продажи акций ОАО совершаются только на биржевом рынке. За 2008 год суммарный объем сделок с акциями на бирже составил 201,8 млрд. рублей, что в 25,6 раз больше по сравнению с 2007 годом.

Кроме того, произошли качественные изменения на рынке акций. Если в 2007 году основным источником формирования уставного фонда предприятий и банков являлись собственные средства, то в прошлом году ситуация кардинально поменялась. На 71% вложения в их уставные фонды были профинансированы за счет выпусков акций.

Также благоприятно на экономику должна поспособствовать отмена моратория. Всего от моратория оказались освобождены акции

1114 ОАО, среди них: ЦУМ, ГУМ, МАПИД м др. Разрешены сделки с акциями ОАО, которые относятся большей частью к ряду малых или средних предприятий. Это ОАО, не отнесенные к стратегическим, в которых доля государства в уставном фонде на 31 марта 2008 года отсутствовала или составляла 50% и более.

Корпоративные облигации представлены только облигациями банков. Это вызвано тем, что доходы физических лиц по операциям с банковскими облигациями не облагаются подоходным налогом. Предприятия и небанковские организации таким преимуществом не обладают.

По словам заместителя директора Департамента по ценным бумагам Минфина, в 2008 году зарегистрирован 121 выпуск корпоративных облигаций на общую сумму 2,2 трлн. рублей. Улучшен и налоговый климат, предусматривающий снижение ставки налога на доходы от операций с ценными бумагами с 40 до 24 процентов. Кроме того, предусмотрено пятилетнее освобождение от налогообложения доходов юридических и физических лиц РБ от операций с корпоративными облигациями, установлено отнесение на себестоимость затрат, связанных с выпуском, обслуживанием облигаций и выплатой процентов по ним.

Векселей на белорусском фондовом рынке нет, т.к. сопровождение векселя стоило около 1–2% от номинальной стоимости самого векселя, а в месяц он мог быть передан до 50–100 раз. Также нет и муниципальных ценных бумаг, т.к. сумма уставного фонда может быть представлена в основном только банками.

Фондовый рынок находится в тесной взаимосвязи с денежно-кредитной и финансовой политикой государства. От состояния фондового рынка зависит и привлекательность инвестиционного климата любого государства. Фондовый рынок Республики Беларусь еще очень молод и безусловно не может быть сравнен с развитыми фондовыми рынками Западной Европы, США и Японии, однако на уровне стран СНГ он является одним из самых прогрессивных.

Однако есть ряд трудностей, связанных с механизмом работы белорусского фондового рынка. Правительство наложило ряд ограничений на деятельность субъектов фондового рынка. Это, прежде всего, ограничения по суммам финансового обеспечения обязательств участников фондового рынка, что тут же практически исключает возможность участия в биржевых торгах небанковских кредитно-финансовых организаций. Например, согласно нормам Указа Президента РБ №194 от 3 апреля 2008 года для того, чтобы юридическое лицо могло выпустить в обращение свои облигации необходимо, чтобы стоимость чистых активов юридического лица составляла не менее 1 млн. евро.

С такой планкой не всякая организация может справиться. Кроме того, многие предприятия как раз и выпускают облигации для того, чтобы моби-

лизировать ресурсы для решения своих, как правило, финансовых проблем.

Другой проблемой является то, что известны примеры, когда государство обязывало крупные предприятия, работающие с прибылью, отчислять часть своей прибыли в фонд национального развития.

Для физических лиц также существует возможность стать акционером – это стать работником какого-нибудь предприятия, планирующего эмиссию акций, купить небольшой пакет акций, однако акции ведущих белорусских предприятий приобрести не так просто.

Лучшим на сегодняшний день видом ценных бумаг, на котором можно заработать, является облигация, в том числе и физическим лицам. Доходы от облигаций с физических лиц налогом не облагаются, но это касается только банковских облигаций. Однако здесь у облигаций есть хорошая альтернатива – банковские депозиты.

Что касается функций, отмеченных ранее для эффективного развитого фондового рынка, то если сопоставлять их с белорусским фондовым рынком, то можно сделать выводы, что аккумулирование средств инвесторов и превращение их в инвестиции проходит вяло и эпизодически. Трудно найти инвестора, прибыльных белорусских предприятий не так много. Другой причиной является то, что большинство профучастников расположены в столице, отсюда вытекает и сложность со второй функцией – обеспечению мобильности перетока капитала.

Одна из основных проблем Республики Беларусь – несовершенство законодательной базы. Так, например, закон “О ценных бумагах и фондовых биржах” от 12.03.92 регулирует выпуск и обращение акций и облигаций. Обращение на рынке остальных ценных бумаг, в том числе и государственных, регулируется различными нормативными актами Правительства, Министерства финансов, Национального банка. На основании этого можно сделать вывод, что необходима новая разработка этого закона.

Необходимо увеличение числа инвесторов. Размещение ценных бумаг среди новых участников фондового рынка позволит постепенно наращивать объемы привлекаемых денежных средств без увеличения доходности данного инструмента финансового рынка. Для этого деятельность организаторов рынка должна осуществляться по трем направлениям: привлечение свободных денежных средств региональных инвесторов, привлечение свободных денежных средств населения, привлечение свободных денежных средств нерезидентов.

Фондовый рынок требует дальнейшего совершенствования, информированности населения, эмитентов, инвесторов, профессиональных участников. В связи с этим должно быть сформировано информационное обеспечение фондового рынка на основе унификации, стандартизации, учета и отчетности эмитентов и профучастников, приведение их в соответствие с общепринятыми международными нормами.

Приятно отметить, что предприняты конкретные шаги навстречу фондовому рынку, например, принятое 21.01.2008 года Постановление Совета министров и Нацбанка №78/1, в котором утверждена Программа развития рынка корпоративных ценных бумаг РБ на 208-2010 годы. В данной Программе констатируется неблагоприятное положение дел на белорусском фондовом рынке и намечены конкретные шаги по кардинальному улучшению ситуации, которые предусматривают: снятие ограничений на эмиссию и обращение ценных бумаг, в особенности акций, снижение государственного участия на фондовом рынке, упрощение процессов обращения ценных бумаг, снижение налоговой ставки на доходы от операций с ценными бумагами, придание национальным ценным бумагам привлекательности для зарубежных инвесторов, интеграцию национального фондового рынка в мировую экономику.

Можно было бы подумать, что это очередные проекты, которые останутся проектами, однако уже в марте 2008 года вышло два достаточно емких законодательных акта, предполагающих конкретные шаги на пути к реализации описанной выше Программы: Указ Президента РБ №144 от 04.03.2008 о послаблении государственных ограничений на обращение акций, во-вторых, Декрет Президента РБ №5 от 28.03.2008, который призван стимулировать развитие рынка облигаций. Снижены налоговые ставки на доходы от операций с облигациями с 40% до 24%, расходы по выпуску облигаций списаны на себестоимость.

Разрабатывается Концепция развития финансового рынка РБ на 2008–2015 годы, в соответствии с которой до 2015 года предусматривается отмена льготного налогообложения от операций с государственными ценными бумагами, облигациями Нацбанка, банковскими облигациями и установление одинаковой налоговой ставки на все виды долговых ценных бумаг.

ГЕНЕЗИС ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА В «СИСТЕМЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ИДЕАИЗМА» ШЕЛЛИГА

И. В. Байдаков

В «Критике чистого разума» И.Кант осуществляет свою знаменитую дедукцию категорий исходя из форм логических суждений. Но сами эти формы логических суждений, как и их генезис, остаются вне поля внимания мыслителя. Впоследствии это послужило основанием для обвинения мыслителя в психологизме. Классическая корреспондентская теория истины также никоим образом не обосновывалась И.Кантом, и это также стало одним из оснований для обвинений подобного рода.

«Система трансцендентального идеализма» Ф.Шеллинга и была призвана, на наш взгляд, разъяснить смысл данных обвинений. С этой целью философ показал сам процесс *порождения*, генезиса объективности (в отличие от кантовской демонстрации *механизма* объективности).

Для достижения поставленной цели Ф.Шеллинг эксплицитным образом вводит *принцип* трансцендентального идеализма, который состоит в том, чтобы всё объективное объяснять исходя из субъективного. Таким образом, получается, что субъективное – есть изначальное, а объективное – конечное. Но, т.к. Ф.Шеллинга интересуют только происходящие *в сознании* процессы, то он, фактически становится на феноменологическую позицию, т.е. ставит перед собой цель проследить идеальный генезис объективности. Последнее же представляет собой состояние сознания; но и изначально субъективное точно так же представляет собой состояние сознания. Таким образом, получается, что имеется а) некоторое изначальное состояние (альфа), ничего не знающее ни о какой объективности и не имеющее ни одного объекта, и б) финальное состояние сознание (омега), перед которым раскрыто все многообразие мира (объективности). Всё дальнейшее повествование, развёртывание универсума в сознании, осуществляется в процессе взаимодействия обоих сознаний: иногда исходное сознание развивается «самостоятельно» вследствие изначального механизма самого духа (тезис-антитезис-синтез); когда же оно «не может» развивается дальше, то его немного «подтягивает» финальное сознание (до своего уровня).

Причем, «несамостоятельность» движения изначального сознания не следует понимать как искусственность или внешнюю детерминацию, потому что, во-первых, изначальное сознание и финальное сознание – это одно и то же сознание (в смысле принадлежащее одному и тому же субъекту), и, во-вторых, «подтягивание» или «помощь» изначальному сознанию есть не более чем экспликация необходимости его самостоятельного продвижения *для читателя*.

Шеллинг называет свою «Систему трансцендентального идеализма» *одиссей человеческого духа*. Именно эта метафора оказывается очень плодотворной для понимания произведения: изначальное сознание есть *Одиссей духа*, который совершает свои многочисленные подвиги; финальное сознание – есть *Гомер духа*, повествующий нам о них. Одиссей свободен, но он об этом ничего *не знает*, поэтому он считает, что совершает все свои действия по необходимости. *Знает* же о подвигах, конечно же, Гомер, и именно поэтому действия Одиссея предстают подвигами: свободное (как певца-аэда) и необходимое (как базирующееся на объективном материале) воспевание свободных (как действия духа) и необходимых (как определяемых обстоятельствами) подвигов.

Данная художественная аналогия вовсе не случайна, ведь, как мы помним, вершиной философской системы Шеллинга была философия искусства. Сознательное, более не рефлектируемое, воспроизведение взаимодействия сознательного и бессознательного создает мир эстетического: обращённая во вне производящая сила создает произведения искусства, обращённая во внутрь – органон всей философии вообще – философию искусства.

Предлагаемый подход, на наш взгляд, позволяет более плодотворно понять интенцию Шеллинга вообще и генезис одной из его сверхэпох – теоретического интеллекта, в частности.

Литература

1. *Брюшинкин, В. Н.* О логических ошибках в кантовской таблице суждений / В. Н. Брюшинкин // Кантовский сборник: научный журнал. – 2007. – № 2 (28). – С. 7–22.
2. *Кант И.* Критика чистого разума / Кант И. Сочинения в 8-ми т. Т.3. М.: ЧОРО, 1994. – 741с.
3. *Шеллинг, Ф.В.Й.* Система трансцендетального идеализма / Ф.В.Й. Шеллинг // Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – 637 с.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА.

О. В. Батраева

Глобализационные изменения актуализируют проблему статуса и специфики социумов переходного типа. Безусловно, глобализационные процессы в рамках стран «первого мира» (Страны Западной Европы, США) и глобализация в условиях общества переходного типа не тождественные явления. Более того, процессы глобализации, ускоряющиеся на фоне становления постиндустриального общества, инициируют появление и формирование нового поколения локальных цивилизаций, в рамках которых, интенсивность глобализационных процессов зависит от степени приобщённости к постиндустриальному типу развития. Преимущественное количество аналитических

работ, посвященных вопросам глобализации, основываются на примере постиндустриальных обществ и принадлежат зарубежным авторам (Р. Робертсон, Э. Гидденс, И. Валлерстайн, С. Хантингтон, З. Бжезинский и др.). Однако, опираясь на работы российских и отечественных авторов (Ю.В. Яковец, В.Л. Иноземцев, А.С. Панарин, Э.Я Баталов, Ч.С. Кирвель, А.И. Зеленков и др.) правомерно поставить вопросы о процессах глобализации в условиях транзитивных обществ с переходным типом экономической и социокультурной жизни.

Процессы глобализации, инициирующие становление новых локальных цивилизаций, конструируют новый образ и стратегии дальнейшей социодинамики в странах переходного типа. Сегодня ни одному субъекту геополитического пространства невозможно абстрагироваться от происходящих процессов глобализации. Белорусское и российское государство, как и другие страны постсоветского пространства являются вовлеченными в систему международного сотрудничества и переживают этап социокультурной, технологической и экономической трансформации, но вместе с тем, не являются типичными представителями глобализирующегося мира [1, с 57]. Во многом их статус базируется на принципах «догоняющего развития», ориентированного на становление постиндустриальной социально-экономической модели развития. Тем не менее, наличие сложной политической и экономической конъюнктуры, транзитивный характер социокультурных процессов создает специфическую ситуацию выбора моделей социодинамики и непосредственное приобщение к глобализирующемуся социальному пространству. В данных обществах отсутствуют развитые традиции рыночного и демократического порядка, что, безусловно, создает определенные сложности в последовательном формировании экономики постиндустриального типа. Несмотря на определенную степень риска (опасность стать сырьевым источником или рынком сбыта изделий для постиндустриальных стран, невысокая конкурентоспособность национального производства, массовая миграция и т.д.), интернационализация экономик в обществах переходного типа реализуется. В 2001 г. доли экспорта и импорта Беларуси в ВВП составили 61% и 67% соответственно, что является одним из наиболее высоких показателей среди стран СНГ. В 2007 г. уровень ВВП Беларуси на душу населения составил 8 541 доллар США, в соответствии с этими показателями Беларусь занимала третье место среди стран СНГ. [2, с. 198]. Функционирование переходной экономики становится все более зависимым от внешних факторов: не только от импорта или экспорта, но и от притока иностранных капиталов. Беларусь имеет широкую географию внешнеторговых связей. Согласно статистическим данным, в 2001 г. республика осуществляла внешнеторговые операции со 152 странами мира. Экспортные поставки в 130 стран, импортные из 131 страны. Если в 1998 г. 25 стран, входящих в состав ЕС, составили 16, 3% экспорта Беларуси, то по итогам 2006 г. их доля выросла до 48% [3,

с. 185]. Так интернационализация экономики проявляется, прежде всего, в международном разделении труда, торговли, кредитно-финансовой связи, что способствует существенной трансформации их международной деятельности, межгосударственной интеграции и накоплению опыта сотрудничества. В силу этого, в белорусском обществе обнаруживается вовлечение в общемировые хозяйственные связи.

Понимание важности и значимости глобальной экономики для развития локальной хозяйственной системы, сталкивается с неоднозначностью выбора в политической сфере. В силу географического положения, Беларусь, например, является «заложником» межцивилизационного пограничья, аккумулируя одновременно западные и восточные ценностные приоритеты и стратегии их развития. Это обнаруживается как в социокультурном контексте, так и в восприятии глобализирующегося политического пространства. Сложность интерпретации феномена глобализации в условиях белорусского общества зиждется на особенностях геополитического положения, в соответствии с которым, Беларусь граничит и взаимодействует как со странами постиндустриального, так и переходного типа развития. Поэтому ориентация на западную модель развития и вступление в глобализирующийся мир не должны пониматься сугубо через альтернативный выбор и основываться на позиции «либо - либо», ведущая к выбору одной из стратегий развития (ориентация на ближнее или дальнее зарубежье, региональное или глобальное сотрудничество). В силу данных обстоятельств, глобализацию как явление необходимо понимать и принимать дифференцировано. Невозможно использование единых критериев интеграции к глобализирующемуся пространству к государствам, находящимся на разных уровнях развития и условиях функционирования. Ориентируясь на долгосрочное и взаимовыгодное международное партнерство, необходимо исходить из приоритетов собственного суверенитета.

Каковы же возможные сценарии глобализационной социодинамики белорусского общества? Технология включения общества переходного типа, как впрочем, и любой социальной общности в систему международного, глобального сотрудничества, непосредственно связана со стратегическими интересами государства на двух уровнях: локальном и универсальном. В зависимости от выбора модели поведения (отторжение глобализационного влияния, принятие и следование этому влиянию, практика реформизма) общество обнаруживает себя либо на задворках мировой периферии, являясь «этнонациональным материалом», либо является активным субъектом системы международных отношений. Сложность выбора стратегии развития Беларуси связана с тем, что необходимо избегать и не допускать противоречия между локальным и универсальным уровнем сотрудничества. Так модель поведения, сформированная на принципах предпочтения западной модели развития (В.Л. Иноземцев, М.М. Голанский) ориентирует переходное

общество на копирование стратегий, специфики и приоритетов Запада, являющимся, в свою очередь, «единым центром силы в сообществе постиндустриальных стран» [4, с.31]. Такая стратегия провоцирует формирование однополярности мирового порядка и, как уже было показано выше, является «рукотворной реальностью», вызывающей недоверие, критику и неприятие со стороны других субъектов глобального пространства. Модель, ориентированная на принципиальную консолидацию стран СНГ, которая концентрируется на приоритетах сугубо регионального и субрегионального характера (Э.Г. Кочетов, Ч.С. Кирвель и др.) ведет к замкнутости и отторжению восточнославянской группы народов от международного сообщества, а также отдаляет перспективу преодоления недостатков стратегии «догоняющего развития». Представляется, что наиболее перспективной может стать третья модель развития, связанная с практикой реформизма (Ю.В. Яковец, А.С. Панарин и др.). Эта модель основывается на преодолении альтернативности и поляризации в социодинамике и предполагает использование опыта развития постиндустриальных стран с учетом национальных особенностей и интересов. Примером реализации такой стратегии развития являются Япония, Китай, Индия и другие страны, адаптирующие глобализационное влияние под локальные особенности.

Таким образом, в условиях глобализирующегося мира необходим новый угол зрения для понимания и объяснения внутренней логики происходящих перемен. Сам процесс глобализации в условиях развитых и развивающихся стран идентифицируется не однозначно. Принятие и признание важности экономического формата глобализации в рамках общества переходного типа, дополняется дифференцированным выбором геополитических стратегий развития и социокультурным «реформизмом», в соответствии с которым приобщение к глобализирующемуся пространству не ведет к унификации собственного культурного ядра. Перспективы социодинамики белорусского общества, как пример общества переходного типа, зависят от локальных приоритетов и отражают основные принципы, на которые ориентируется государство при вступлении в глобальное пространство и стремлении к постиндустриальной модели развития.

Литература

1. *Зеленков, А.И.* Глобализация как социокультурный вызов современной эпохи// Беларусь – XXI стагоддзе: нацыянальна-культурнае і духоўнае развіццё: – Мн., 2004. – С. 45-64.
2. *Новикова, И.В*. Глобализация, государство, рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия/ И.В. Новикова. – Мн., 2008 – 218с.
3. Энциклопедический справочник: Современная Беларусь, т. 3. – Мн., 2007. – 734с.
4. *Иноземцев, В. Л.* Технологический прогресс и социальная поляризация в XXI столетии// Полис. Политические исследования. 2000. №6. С. 28-39.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕАКЦИЙ НА ФРУСТРАЦИЮ И РОЛЕЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ В АГРЕССИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В. В. Воловикова

В настоящее время агрессия в различных ее проявлениях является весьма распространенной формой поведения. Особого внимания заслуживает проблема агрессивного взаимодействия в малых группах, т.к. агрессивное взаимодействие в группе, как правило, носит повторяющийся характер и обусловлено сложившимися в группе отношениями. Исследование агрессивного взаимодействия обычно сводится к изучению отношений «агрессор-жертва», в то время как роли остальных членов группы игнорируется. Ситуация фрустрации, вызывая изменения в эмоциональной, когнитивной, поведенческой сферах, ставит человека перед необходимостью выбора дальнейшей стратегии поведения, а осуществляемый выбор служит показателем эффективности реагирования и адаптации к изменяющимся условиям.

Проведенное исследование посвящено проблеме определения характера и тесноты взаимосвязи ролей в агрессивном взаимодействии, переживаемых в ситуации фрустрации эмоций и поведенческих реакций на фрустрацию.

В исследовании использовались русифицированные варианты опросника ролей участников агрессивного взаимодействия, разработанного К. Остерман и др. [1] и модифицированного И. А. Фурмановым, В. В. Воловиковой [2]; опросника провокации агрессии, разработанного Д. Б. О'Конер и др. [3] и модифицированного И. А. Фурмановым, В. В. Воловиковой [4]. Первый опросник диагностирует следующие роли сотрудников организации в агрессивном взаимодействии: агрессор, подстрекатель агрессора, ассистент агрессора, защитник жертвы и аутсайдер. Второй опросник измеряет степень выраженности эмоций гнева, страха, бессилия, раздражения, а также степень выраженности стратегий поведенческого реагирования: пассивной агрессии, подавленной агрессии, активной агрессии, ассертивности, бегства [5].

В исследовании приняло участие 167 человек (62% мужчин и 38% женщин) в возрасте от 18-и до 42-х лет (M=24,15±3,10), сотрудники различных организаций г. Минска.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие закономерности:

1. Существуют значимые различия в самооценке и оценке членами группы ролей сотрудников организации в агрессивном взаимодействии. И мужчины, и женщины продемонстрировали тенденцию недооценивать свое агрессивное поведение в ситуациях агрессивного взаимодействия, по сравнению с оценками других членов группы, и переоценивать собственное нейтральное, невовлеченное поведение ($p \leq 0,01$). Женщины также переоце-

нивают свою роль защитника в ситуациях агрессивного взаимодействия ($p \leq 0,01$).

2. Особенности эмоционального реагирования на ситуацию фрустрации заключаются в том, что мужчины, занимающие в агрессивном взаимодействии роль агрессора и подстрекателя имеют более высокий уровень гнева ($p \leq 0,01$) и раздражения ($p \leq 0,01$) в ситуации фрустрации, а мужчины, которые занимают позицию защитника, имеют только более высокий уровень раздражения($p \leq 0,05$). В роли ассистента агрессора и аутсайдера мужчины более интенсивно переживают эмоции бессилия ($p \leq 0,01$) и страха ($p \leq 0,01$). Других статистически значимых различий в эмоциональных реакциях мужчин в зависимости от роли в агрессивном взаимодействии не обнаружено.

У женщин наблюдаются иные эмоциональные переживания в зависимости от роли в агрессивном взаимодействии. Женщины, выполняющие роль аутсайдера, имеют более высокую интенсивность переживания гнева ($p \leq 0,01$), бессилия ($p \leq 0,05$), раздражения ($p \leq 0,01$), страха ($p \leq 0,05$); занимающие роль защитника – более высокую интенсивность гнева ($p \leq 0,05$), подстрекатели агрессора – более высокую интенсивность бессилия ($p \leq 0,05$) и страха ($p \leq 0,05$).

Можно предположить, что возникающие в ситуации фрустрации эмоции детерминируют различные стратегии поведения в агрессивном взаимодействии. Так у мужчин эмоции гнева и раздражения усиливают вовлеченность в ситуацию агрессивного взаимодействия, а эмоции страха и бессилия побуждают к прекращению, уходу из данной ситуации, а у женщин – наоборот.

Мужчины и женщины с высокой вовлеченностью в роль агрессора, ассистента агрессора и аутсайдера не различаются по интенсивности эмоционального реагирования на ситуацию фрустрации. Женщины с высокой степенью вовлеченности в роль подстрекателя имеют более высокую интенсивность переживания эмоции страха ($p \leq 0,05$), а женщины в роли защитника – эмоции гнева ($p \leq 0,05$), по сравнению с мужчинами. У женщин с низкими показателями по шкалам агрессора, подстрекателя и ассистента агрессора уровень гнева выше, чем у мужчин с низкими показателями ($p \leq 0,01$). Мужчины и женщины с низкими показателями вовлеченности в роль защитника и аутсайдера различий в эмоциональном реагировании не имеют.

3. Изучение особенностей поведенческого реагирования в ситуации фрустрации позволило установить, что мужчины с высокой степенью вовлеченности в роль агрессора и подстрекателя агрессора используют активную агрессию как реакцию на фрустрацию ($p \leq 0,01$). Помимо активной агрессии, вовлеченные в роль подстрекателя мужчины также реагируют подавлением агрессии ($p \leq 0,01$), пассивной агрессией ($p \leq 0,05$) и бегством, уходом из ситуации фрустрации ($p \leq 0,05$). Мужчины, занимающие в агрессивном взаимодействии роль ассистента агрессора, на ситуацию фрустрации чаще реагируют ассертивно ($p \leq 0,01$) или подавляют агрессию ($p \leq 0,01$). Мужчины, для

которых характерна роль защитника жертвы, чаще используют ассертивность ($p \leq 0,01$), а также подавленную агрессию ($p \leq 0,05$) и бегство, уход из ситуации ($p \leq 0,05$), мужчины, выступающие в роли аутсайдера, используют пассивную ($p \leq 0,01$), подавленную агрессию ($p \leq 0,01$) и бегство, уход из ситуации в качестве реакций на ситуацию фрустрации.

Женщины, вовлеченные в роль агрессора, чаще реагируют на ситуацию фрустрации ассертивно ($p \leq 0,05$), вовлеченные в роль подстрекателя – бегством, уходом из ситуации ($p \leq 0,05$), в роли защитника – пассивной агрессией ($p \leq 0,05$). Для женщин, занимающих в ситуации агрессивного взаимодействия роль ассистента агрессора, более характерно проявление активной агрессии ($p \leq 0,05$), подавленной агрессии ($p \leq 0,05$) и ассертивности ($p \leq 0,05$) в ситуации фрустрации. Вовлеченность в роль аутсайдера проявляется в реакциях подавленной агрессии ($p \leq 0,01$) и бегства, ухода из ситуации фрустрации ($p \leq 0,05$). Других различий в поведенческих реакциях в зависимости от роли в агрессивном взаимодействии не выявлено.

Мужчины и женщины с высокой степенью вовлеченности в роль агрессора, ассистента агрессора, защитника жертвы и аутсайдера не различаются по поведенческим реакциям на ситуацию фрустрации. Женщины с высокой вовлеченностью в роль подстрекателя имеют более высокие показатели по реакции бегства из ситуации фрустрации ($p \leq 0,05$). У женщин с низкими показателями по ролям агрессора и ассистента агрессора уровень активной агрессии выше ($p \leq 0,05$), чем у мужчин. Уровень ассертивности выше у женщин с низкими показателями по роли защитника ($p \leq 0,01$), уровень реакции бегства выше по роли аутсайдера, чем у мужчин ($p \leq 0,05$).

4**.** Корреляционный анализ данных, направленный на выявление взаимосвязи между ролью в агрессивном взаимодействии и способами разрешения ситуации фрустрации**,** выявил, что способ разрешения ситуации фрустрации определяется не только ролевым репертуаром в агрессивном взаимодействии, но и доминирующей в ситуации фрустрации эмоцией (эмоциями), выступающими в качестве регуляторов поведения.

И у мужчин, и у женщин обнаружены положительные корреляции между ролями агрессора и подстрекателя и эмоциями гнева и раздражения, а также таким способом разрешения ситуации фрустрации, как активная агрессия; у женщин роль агрессора положительно коррелирует также с ассертивностью. Отрицательная взаимосвязь обнаружена между подавленной агрессией, бегством, уходом из ситуации фрустрации и ролями агрессора и подстрекателя у обоих полов. Роль ассистента агрессора положительно коррелирует с эмоциями гнева и страха и пассивной агрессией как у мужчин, так и у женщин. Положительная взаимосвязь обнаружена между ролью защитника и раздражением и ассертивностью у обоих полов. Роль аутсайдера положительно коррелирует в большей степени с эмоцией страха и в меньшей степени с эмоцией бессилия и пассивной

агрессией, подавленной агрессией, и бегством, уходом из ситуации.

Гнев и раздражение влекут за собой активную агрессию и у мужчин, и у женщин. Ассертивность является результатом взаимовлияния не только гнева и раздражения, но и страха или бессилия. Бессилие и страх стимулируют тенденцию к бегству, уходу из ситуации у обоих полов. Переживание бессилия и страха и в меньшей степени гнева и раздражения отражается в пассивно-агрессивном типе поведения. У мужчин переживание в большей степени бессилия и в меньшей степени раздражения, страха приводит к подавлению агрессии, у женщин к подавленной агрессии приводит переживание в большей степени бессилия и в меньшей степени гнева и страха.

Литература

1. *Salmivalli C., Lagerspetz K., Bjorqvist K., Osterman K., Kaukiainen A.* Bullying as a group process: participant roles and their relations to social status whithin the group.//Aggr. behaviour. Vol.22. 1996. P.1-15.
2. *Воловикова В. В*. Взаимосвязь реакций на фрустрацию и ролей сотрудников организации в агрессивном взаимодействии//Магистерская диссертация, выполненная под руководством И. А. Фурманова.М., 2009.
3. *O'Conor D., Archer J.,Wu W.* Measuring aggression: self-reports, patner reports, and responses to provoking scenarios.//Aggr. behaviour. Vol.27. 2001. P.79-101.
4. *Фурманов И.А.* Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб., 2007.
5. *Фурманов И.А.* Психология детей с нарушениями поведения.–М., 2004.

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Е. Ф. Гонгало

Если, на первый взгляд, вопрос о виртуальной реальности кажется веянием исключительно современной эпохи, начиная со становления квантово-релятивисткой картины мира и повсеместного внедрения компьютерных технологий, то более пристальное и внимательное изучение заданного проблемного поля непременно приведет к давним истокам формирования представлений о виртуальности. Оказывается исследуемое понятие прошло долгий путь становления и для того, чтобы приблизиться к осмыслению его современного статуса, имеет смысл реконструировать процесс его формирования.

Рассматриваемое понятие с корнем vir(t) лексически восходит к индоевропейской платформе uiro-, что толкуется как «мужчина, мужской, мужественный, человек, человеческий, мужеподобный» [1, с. 15]. В латинско-русском словаре vir это:

1. а) муж, б) (редко) человек (вообще);
2. (истинный) муж, настоящий мужчина, мужественный человек;
3. взрослый мужчина;
4. (= marītus) муж, супруг; возлюбленный;

5. самец;
6. боец, воин, солдат;
7. (в) человек in viros dividere – делить между отдельными людьми;
8. мужество, (мужская) сила [2].

Таким образом, виртуальная реальность это, прежде всего, мужская/человеческая реальность, здесь явно прослеживается отсылка к маскулинному как предпочтительному, нормативному. Развитие этой идеи можно проследить и при непосредственном обращении к четырем группам значений слова virtus, представленных в латинско-русском словаре:

1. мужественность, мужество, храбрость, стойкость, энергия, сила, доблесть;
2. доблестные дела, героические подвиги;
3. превосходное качество, отличные свойства, достоинства, талант, дарование;
4. добродетель, нравственное совершенство, нравственная порядочность, душевное благородство [2].

Все эти значения относятся к сфере морали, так как, по большому счету, являют собой комплекс гражданских и воинских добродетелей. Virtus соотносится именно с человеческими качествами, обозначая норму, должное, социально предписываемое, одобряемое вплоть до совершенства. Использование же virtus для описания неодушевленных предметов или в значении хорошей организации устройства чего-то было периферическим. В словаре для иллюстрации приведено изречение Цицерона: «est virtus nihil aliud, quam ad summum perducta natura – добродетель есть ни что иное как доведенная до совершенства природа» [2] Очевидно, здесь коституируется нормативность понятия virtus. При учете традиционного для морали выделения сферы должного и сущего, виртуальное явно тяготеет к полюсу должного. В таком случае, virtus можно проинтерпретировать как нечто, чего нет в данный момент, но оно важно, желанно и может быть достигнуто. Уже здесь различимо противопоставление виртуального и эмпирической реальности. Невозможно не обратить внимание на преобразовательный пафос данного понятия, связанный с нацеленностью на улучшение, достраивание реальности. Согласно справочной литературе аналогом латинского virtus в древнегреческом языке выступает arête.

Основания традиции философского осмысления виртуальной реальности были заложены именно в древнегреческой философии. В античной философии принято выделять аристотелевскую и платоновскую версии интерпретации смысла виртуальности, восходящие к семантике virtus. В этих двух линиях интерпретации «виртуальное» носит отвлеченный характер, выступает не качеством человека, а атрибутом бытия как такового. Виртуальная реальность концептуализируется как отвлеченная от антропологической проблематики. Такой ракурс осмысления той или иной

проблемы вполне характерен для античности в целом и объясняется объективным космоцентризмом как основным мировоззренческим принципом древнегреческой культуры. В античной онтологии виртуальная реальность наделяется особым статусом. В платоновской версии проблема виртуальной реальности соотносится с категориями «идеальное» и «реальное», в аристотелевской – «возможное» и «действительное».

В философии Платона противопоставление преходящего, чувственного «мира вещей» и вечного, неизменного «мира идей» соответствует противопоставлению реального и идеального. Только сверхчувственные идеи обладают подлинным бытием, они являют собой сущность чувственного мира. При учете того, что Платон понимал идеи как принципы вещей, модели их конструирования, вполне правомерно возникает аналогия с содержимым памяти компьютера (данные в виде нулей и единиц нематериальны, «не портятся» со временем, после преобразования могут порождать чувственно воспринимаемые объекты).

Майкл Хейм, автор «Метафизики виртуальной реальности», соотносит эротическое влечение к истине в философии Платона с современной компьютеризацией и стремительным технологическим развитием и приходит к выводу о том, что «очарование компьютерами» в большей мере эротическое и духовное, чем утилитарное. Тяга к развитию высоких технологий сродни стремлению Эроса к мудрости. Эротическое влечение в качестве своего истока имеет ощущение нехватки, неполноценности, а его удовлетворение предполагает чувство удовольствия и самореализованности. Подобный ход рассуждения предопределяет представление о статусе и предназначении виртуальной реальности: «Основное предназначение виртуальной реальности, в большей мере, чем контроль, спасительное бегство от реальности, развлечение или коммуникация, возможно, заключается в преображении, изменении осознания действительности» [3, пер. с англ. Е. Ф. Гонгало].

Антитезой платоновской версии интерпретации виртуальной реальности выступает философия Аристотеля. В ответ на апорию элейской школы о порождении и происхождении сущего Стагирит разработал учение о возможном (потенции) и действительном (энергии) бытии. Античный философ утверждает, что всякая вещь возникает не из небытия, а из возможности, когда обретает законченный образ в энергии. Потенция указывает на способность субстрата принять определенную форму, однако Аристотель доказывает, что энергия первична по отношению к потенции и по определению и по сущности. Во-первых «способное в первичном смысле есть способное потому, что может стать действительным»[4, с. 244-245]. Во-вторых, все становящееся движется к какому-то началу, т.е. цели, которое является действительностью. Так Аристотель пришел к отрицанию сущности первичного движущего начала как возможности,

ведь то, что может не быть, является изменчивым и преходящим. Убеждение в более низком статусе возможного как невоплощенного, изменчивого, становящегося долгое время превалировало в европейской философии. С этой точки зрения, весьма интересна идея осмысления компьютерной виртуальной реальности сквозь призму основоположений аристотелевской метафизики, предложенная С. С. Хоружим. Виртуальная реальность концептуализируется здесь как недород бытия, никаким самосущим, самодовлеющим бытием, не обладающий [5].

Таким образом, исследование генезиса категории «виртуальная реальность» указывает на давнюю историю ее формирования, укорененность в философской традиции, что может стать основанием для современного осмысления виртуальности, актуализации исконных смыслов связанных с этим феноменом. Обращение к этимологии понятия «виртуальное» и его философским коннотациям проясняет причину неоднозначных его трактовок в современной культуре: оно может пониматься и как моральная ценность, благо; и как некая актуально существующая и действующая реальность; и как синоним потенциального, мнимого, нереального.

Литература

1. *Тарапута Е. Е.* Философия виртуальной реальности. Спб., 2007.
2. Lingvo 12 Электронный словарь. Выпуск 12.0.0.356. ABYY Software 2006.
3. *Heim M.* The Essence of Virtual Reality // The Metaphysics of Virtual Reality. New York, 1993. Интернет-адрес: http://www.stanford.edu/class/history34q/readings/Michael_Heim/HeimEssenceVR.html
4. *Аристотель* Метафизика. Соч. в 4-х томах. Т.1. М., 1976.
5. *Хоружий С. С.* Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. №6. С. 53-68.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

Т. А. Горбацевич

Профессиональная мотивация представляет собой совокупность внутренних и внешних мотивов, побуждающих человека к трудовой деятельности и придающих этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей. Мотивация является базовым компонентом деятельности как системы. Она выполняет оценочную, стимулирующую, регулирующую, компенсирующую, смыслообразующую функции по отношению к деятельности. Профессиональная мотивация побуждает трудовую активность, оказывает влияние на формирование целей и путей их достижения. В настоящее время многими руководителями недооценивается вся сложность феномена человеческой мотивации, понимание которой сводиться лишь к осознанию материальных

потребностей сотрудников. Однако мотивация имеет сложную структуру, которая зависит от множества внутренних и внешних факторов.

Достаточно большое количество исследований посвящено изучению профессиональной мотивации. В большинстве работ описывается влияние внешних условий деятельности на формирование мотивации сотрудников (содержание трудовой деятельности, условия труда, правила внутреннего распорядка, стиль руководства и другие). Однако можно предположить, что профессиональная мотивация может зависеть не только от внешних, но и от внутренних факторов – особенностей личности сотрудника. В связи с проверкой выдвинутых предположений было проведено исследование личностных детерминант профессиональной мотивации. В нем приняли участие сотрудники предприятий малого бизнеса в возрасте от 20 до 55 лет со стажем работы от 1 до 36 лет в количестве 126 человек.

В данной работе мы опирались на основные положения теории Самодетерминации, разработанной Э. Деси [3]. Центральным для данной теории является понятие самодетерминации, которая предполагает ощущение человеком своего собственного выбора в отношении той деятельности, которую он осуществляет. Перечисляя в континууме от высокого до низкого уровня самодетерминации, авторы выделяют: внутреннюю мотивацию, идентификационную регуляцию, внешнюю регуляцию и «амотивацию» (отсутствие мотивации).

Внутренняя мотивация предполагает наивысший уровень самодетерминации поведения. Все факторы, которые стимулируют интенцию человека к выполнению деятельности, определяются спецификой самой деятельности. Человек полностью осознает значимость как результата выполняемой им деятельности, так и самого процесса. Данный тип мотивации предполагает высокий уровень отдачи, инициативности, проявления творчества в деятельности человека. Внутренне мотивированные люди отличаются высокой работоспособностью и личностной вовлеченностью в деятельность.

Идентификационная регуляция относиться к внешней мотивации. Данный тип детерминации поведения предполагает, что человек осознает важность цели деятельности, и конечный результат расценивается как личностно значимый для него. Идентификационная регуляция имеет много общих черт с внутренней мотивацией, в частности, имеет высокий уровень самодетерминации поведения, но у нее есть одна важная особенность: человек выполняет деятельность ради достижения результата, а не ради получения удовольствия от процесса ее выполнения.

При внешней регуляции человек выполняет деятельность для удовлетворения внешнего запроса, ради получения вознаграждения либо избегания наказания.

«Амотивированное» поведение не является самодетерминированным. Человек либо вообще не действует, либо выполняет деятельность без

осознанного намерения и желания – просто осуществляет набор действий. Такой тип детерминации поведения возникает при отсутствии важности результата и процесса деятельности для человека, когда он не ощущает себя достаточно компетентным или понимает, что его действия не приведут к ожидаемому результату.

Формирование мотивации с высоким уровнем самодетерминации во многом связано со степенью удовлетворения у человека потребностей в компетентности и автономии [3]. Компетентность предполагает стремление приносить результаты, быть эффективным во взаимоотношениях с окружающей средой. Потребность в автономии определяется как необходимость ощущать независимость (свободу) от давления (гнета, эксплуатации) и ощущать возможности выбирать среди нескольких вариантов, способов выполнения деятельности. В данном исследовании мы предположили, что личностные качества, способствующие ощущению собственной компетентности и автономии могут служить факторами мотивации с высоким уровнем самодетерминации. К таким качествам можно отнести: уровень притязаний, самооценка, само-эффективность, и интернальный локус контроля.

Для диагностики профессиональной мотивации использовался адаптированный и модифицированный нами опросник SIMS («Situational Motivational Scale»), который состоит из четырех шкал: внутренняя мотивация, идентификационная регуляция, внешняя регуляция и амотивация [4]. Для оценки локуса контроля были использованы 4 шкалы из опросника «Уровень субъективного контроля» (УСК): Шкала интернальности в области достижений, шкала интернальности в области неудач, шкала интернальности в области производственных отношений и шкала интернальности в области межличностных отношений [1]. Для диагностики уровня притязаний и самооценки была использована методика, разработанная Дембо-Рубинштейн в модификации А.М.Прихожан [1]. Уровень проявления само-эффективности оценивался с помощью методики Р.Шварцера и М.Ерусалема «Шкала общей само-эффективности» [2].

В результате проведенного исследования были получены следующие результаты:

Внутренняя мотивация у мужчин взаимосвязана с уровнем притязаний ($r=0,298$, $p\leq0,01$), самооценкой ($r=0,536$, $p\leq0,001$) и локусом контроля, в частности с интернальностью в области деловых ($r=0,905$, $p\leq0,001$), производственных ($r=0,886$, $p\leq0,001$) и межличностных ($r=0,512$, $p\leq0,001$) отношений. Также была выявлена положительная взаимосвязь между идентификационной регуляцией и уровнем притязаний ($r=0,418$, $p\leq0,001$), самооценкой ($r=0,919$, $p\leq0,001$) и локусом контроля, в частности с интернальностью в области деловых ($r=0,517$, $p\leq0,001$) и производственных ($r=0,414$, $p\leq0,001$) отношений. Показатель интернальности в области межличностных взаимоотношений имеет отрицательную

взаимосвязь с внешней регуляцией (r=-0,389, p≤0,001). Несмотря на то, что внешняя регуляция является видом мотивации с низким уровнем самодетерминации, такие личностные особенности как уровень притязаний и самооценка положительно коррелируют с внешней регуляцией (r=0,882, p≤0,001) и (r=0,518, p≤0,01) соответственно. Возможно, полученные данные обусловлены особенностью гендерных ролей. Традиционно мужчина ассоциируется с добытчиком. В обществе принято, что именно мужчина ответственный за материальную сторону в семье. Поэтому высокая самооценка и высокий уровень притязаний предполагает у мужчин наличие как внутренней, так и внешней мотивации.

У женщин внутренняя мотивация положительно коррелирует с локусом контроля, в частности с интернальностью в области достижений (r=0,317, p≤0,001) и межличностных отношений (r=0,240, p≤0,01), а также с само-эффективностью (r=0,263, p≤0,01).Идентификационная регуляция положительно связана с локусом контроля (итернальностью в области достижений (r=0,370, p≤0,001) и межличностных отношений (r=0,303, p≤0,01)), а также с само-эффективностью (r=0,279, p≤0,01). Виды мотивации с низким уровнем самодетерминации отрицательно коррелируют с локусом контроля и само-эффективностью. Так, была выявлена отрицательная корреляция с итернальностью в области достижений (r=-0,275, p≤0,01) и итернальностью в области неудач (r=-0,279, p≤0,01). «Амотивация» отрицательно коррелирует с итернальностью в области достижений (r=-0,235, p≤0,01), неудач(r=-0,249, p≤0,01) и производственных отношений (r=-0,241, p≤0,01), а также само-эффективностью (r=-0,391, p≤0,001).

Ковариационный анализ показал, что на внутреннюю мотивацию оказывает влияние уровень притязаний (F=4,87, p≤0,001), локус контроля, в частности интернальность в области достижений (F=43,886, p≤0,001), межличностных отношений (F=20,918, p≤0,001); а также само-эффективность (F=515,02, p≤0,001). Идентификационная регуляция зависит от интернальности в области достижений(F=28,73, p≤0,001), неудач(F=43,79, p≤0,001) и межличностных отношений (F=15,17, p≤0,01). У женщин на внутреннюю мотивацию влияет уровень притязаний (F=4,87, p≤0,001), интернальность в области межличностных отношений (F=5,68, p≤0,01) и достижений (F=25,17, p≤0,01), а также самооценка (F=54,31, p≤0,01).

Таким образом, личностные качества, способствующие ощущению собственной компетентности (высокий уровень притязаний, самооценки и само-эффективности), а также автономии (интернальный локус контроля) являются одним из условий формирования мотивации с высоким уровнем самодетерминации. Внутренняя мотивация способствует росту удовлетворенности трудом, стимулирует развитие индивидуальных способностей, высокого чувства ответственности. Она создает основу для формирования отношения к труду как к средству самореализации личности. Типы мотива-

ции с низким уровнем самодетерминации связаны с низким интересом к деятельности, которая становится возможной только при воздействии внешних стимулов. Полученные данные расширяют возможности для формирования эффективной кадровой политики в организации.

Литература

1. *Бурлачук Л. Ф.* Психодиагностика: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2003.
2. *Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.* Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема// Иностранная психология. 1996. №7.
3. *Deci E., Gagne M.* Self-determination theory and work motivation// Journal of Organizational Behavior. 2005. No. 26. P. 331–362.
4. *Guay F., Vallerand, R., Blanchard C.* On the Assessment of Situational Intrinsic and Extrinsic Motivation: The Situational Motivation Scale (SIMS)// Motivation and Emotion. 2000. Vol. 24. No. 3. P. 175–213.

АНТРАПАЛАГІЧНЫЯ І САЦЫЯЛАГІЧНЫЯ ІНТЭРПРЭТАЦЫІ ФЕНОМЕНА ВАЙНЫ ЯК ПРАДМЕТ ФІЛАСОФСКАЙ РЭФЛЕКСІІ

Т. І. Марціноўская

Праблема ўзнікнення войнаў была актуальнай на працягу амаль ўсей гісторыі чалавецтва. Па меркаванню антраполага Р. Лікі, першыя войны ўзнікаюць адначасова з такім феноменам як уласнасць [4, с. 83], але і па сёняшні дзень адбываюцца шматлікія войны з тысячамі ахвяр і паламаных лёсаў.

Безумоўна, вайна як феномен даволі моцна змянілася на працягу часу. Эвалюцыяніравала зброя: спачатку гэта былі дубінкі, коп'і, з'явілася такая зброя, якая дазваляе весці бой на дыстанцыі (лук, пушкі) і ставіць пад сумненне ўвогуле існаванне чалавека (атамныя бомбы, зверхгукавыя знішчальнікі). Войны сталі больш масавымі, і праяўляецца гэта не толькі ў павелічэнні колькасці чалавек у арміях, але яшчэ і ў тым, што ў вайне ўдзельнічаюць усе грамадскія колы (напрыклад, падчас Вялікай Айчыннай вайны дзеці і жанчыны, хоць і не знаходзіліся на фронце, працавалі на ваенных заводах) [2, с. 295–296].

Узнікае пытанне, чаму, калі людзі не жадаюць і баяцца войнаў, войны ўсё ж такі адбываюцца? Для таго, каб зразумець, як чалавецтву пазбавіцца ад гэтай надта небяспечнай грамадскай з'явы, неабходна разабрацца, якія прычыны прымушаюць людзей распачынаць войны. Бясспрэчна, што гэтыя прычыны звязаны як з суб'ектыўнымі, так і з аб'ектыўнымі фактарамі грамадскага развіцця. У залежнасці ад таго, якому фактару надаецца перавага, можна вылучыць тры інтэрпрэтацыі прычынаў войнаў: антрапалагічную, сацыялагічную і таксама інтэрпрэтацыю, якая спалучае рысы гэтых двух інтэрпрэтацый.

Прыхільнікі першай – *антрапалагічнай* – інтэрпрэтацыі прычынаў войнаў, разглядаюць войны, як частку чалавечай існаці, і лічаць, што грамадства без вайны існаваць не можа. Яе прыхільнікі настойваюць на тым, што вывучаючыючы феномен вайны, нельга забывацца пра тое, што чалавек ёсць жывёла. Так, К. Лоранц і іншыя прадстаўнікі эвалюцыйнай эталогіі ўпэўнены, што войны чалавека – ёсць аналаг агрэсіўных паводзін жывёл, якія змагаюцца за тэрыторыю, ежу ці партнёра [1, с. 724–725].

Згодна з міфалагічнай версіяй антрапалагічнай інтэпрэтацыі, вайна ёсць рэалізацыя волі багоў. У язычніцтве прычына войнаў звязваецца з гнеўнай прыродаю бажаствоў: вайна людзей разглядаецца як працяг бясконцых войнаў розных бажкоў. У манатэізме прычыны войнаў маюць мэту ўстанавіць «правільную рэлігію» ці пакараць «няверных» (Палесціна-Ізраільскія войны, Крыжовыя паходы). У гэты ж час тэолагі гавораць пра тое, што вайна ёсць пакаранне людзей за іх грахі, і пазбавіцца войнаў можна толькі шляхам удасканалення сваей душы і душы кожнага чалавека [1, с. 382–383].

Антрапалагічная інтэрпрэтацыя феномена вайны атрымала развіццё і ў рамках псіхалагічнай школы. Напрыклад, З. Фрэйд адзначаў, што ў свеце дзейнічаюць два касмічныя інстынкты – Эрас і Танатас – якія ў жыццядзейнасці чалавека ўвасабляюцца ў інстыктах смерці і жыцця. Пры гэтым, інстынкт смерці і абумоўлівае тое, што чалавек не можа існаваць без самазнішчэння ці накіроўвання сваей агрэсіі на знешнія аб’екты [3, с. 360–361]. Ідэі З. Фрэйда атрымалі развіццё ў некаторых сучасных псіхолагаў, напрыклад, у Дж. Баўлбі, які лічыць, што імкненне да войнаў і гвалту ёсць асабліваць менавіта мужчынскай прыроды, і мірны час можа наступіць толькі пасля таго, як ў грамадстве пачнуць кіраваць жанчыны, і паўсюдна ўладкуюцца феміністычныя каштоўнасці [1, с. 736]. У літаратуры існуе меркаванне, згодна з якім імкненні да агрэсіі звязваецца з псіхічнымі захворваннямі лідэраў. Прыхільнікі гэтага меркавання развіваюць ідэю пра тое, што большасць людзей нейтральна адносіцца да вайны, а войны адбываюцца тады, калі да ўлады прыходзяць людзі з ненармальнымі адносінамі да іншых людзей. Яскравым прыкладам такога чалавека і вынікаў яго дзейнасці ў гісторыі з’яўляецца А. Гітлер [3, с. 711–712].

Прыхільнікі другой – *сацыялагічнай – інтэрпрэтацыі* прычынаў войнаў, наадварот, упэўнены, што вайна – гэта выключна сацыяльная з’ява, і спыняцца войны ці не, залежыць выключна ад стану грамадства. Так, В. Сярэбраннікаў справядліва адзначае, што імкненне да агрэсіі перадаецца не на генетычным узроўні, а фарміруецца ў выніку сацыялізацыі, з чаго вынікае тое, што адносіны чалавека да вайны непасрэдна і адназначна залежаць ад сацыяльных умоў, у якіх чалавек жыве і выхоўваецца [4, с. 83–85].

Пачынальнікам сацыяльна-палітычнай версіі сацыялагічнай інтэрпрэтацыі прычынаў войнаў можна лічыць К. Клаўзевіца, які вызначае

вайну як «працяг палітыкі іншымі сродкамі», стала хрэстаматыйным [1, с. 381]. Паслядоўнікі К. Клаўзевіца разглядаюць вайну як пэўны сродак дасягнення палітычнага «прэстыжу» краінамі на міжнародным узроўні: безумоўна, развіваць эканоміку, палітыку, культуру зашмат цяжэй, чым проста выкарыстаць ваенную моц, і некаторыя дзяржавы імкнуцца падняць свой прэстыж менавіта такім чынам [2, с.297–299]. Паслядоўнікі гэтай версіі надаюць пэўную ўвагу і інфармацыйным аспектам грамадскіх адносін. Яны ўпэўнены ў тым, што войны ўзнікаюць як вынік недахопу інфармацыі, а пазбавіцца войнаў можна толькі тады, калі праводзіць шчырую і адкрытую палітыку ў адносінах да іншых краінаў, грамадскіх аб'яднанняў і звычайных людзей [2, с.298].

Сярод версій сацыялагічнай інтэрпрэтацыі нельга не выдзеліць і эканамічную. Прыхільнікі эканамічнай канцэпцыі вайны лічаць, што войны ўзнікаюць у выніку пастаяннай барацьбы людзей за працоўную сілу, рынкі збыту, сродкі сыравіны і энэргіі: у рэчаіснасці гэтыя матывы ляжалі ў аснове мноства каланізатарскіх войнаў [1, с.384].

Але, безумоўна, нельга абсалютызаваць толькі аб'ектыўныя ці толькі суб'ектыўныя прычыны войнаў, бо гэта можа прывесці да аднабаковасці тлумачэння такога складанага феномена. З аднаго боку, чалавек сапраўды вельмі супрацьлеглая істота, якая пачынаючы з міжасабовага ўзроўню камунікацыі адносін заўсёды імкнецца неяк змяніць сітуацыю ў асабістых інтарэсах каб прасунуць сваю волю ці рэалізавать сябе як асоба. У гэты ж час нельга і ігнараваць мноства аб'ектыўных заканамернасцей, умоў і фактараў, без якіх нельга ўявіць жыццё і развіццё грамадства. Таму, каб не скажаць прычыны войнаў і існасць вайны як грамадскага феномена, асаблівую ўвагу неабходна засяродзіць на той інтэрпрэтацыі прычынаў войнаў, якая *ўлічвае дыялектыку суб'ектыўных і аб'ектыўных* фактараў, якія выклікаюць войны.

У першую чаргу, у рамках гэтай інтэрпрэтацыі, неабходна адзначыць дэмаграфічную версію, звязаную з імем вядомага англійскага эканаміста Т. Мальтуса. Згодна з законам змяншаючагася пладароддзя глебы, «рост насельніцтва адбываецца ў геаметрычнай, а рост сродкаў існавання – ў арыфметычнай прагрэсіі». Такім чынам, адбываецца парушэнне балансу паміж колькасцю насельніцтва і сродкамі існавання, што вядзе да вайны як сродку знішчэння лішкаў насельніцтва. Развіцце гэтая версія атрымала ў неамальтузіянцаў, якія ўпэўнены, што для распачынання ваенных дзеянняў дастаткова дэфіцыту любых рэсурсаў (ежы, энергетычных рэсурсаў) [1, с. 384; 3, с. 536].

Другая версія гэтай інтэрпрэтацыі прычынаў войнаў звязана з тэорыяй масавага грамадства. Згодна з ёй дзеянні масаў заснаваны не на розуме, а на эмоцыях і пачуццях, і рух масаў з'яўляецца прычынай нестабільнасці грамадства ў палітыцы, эканоміцы, культуры, што выклікае канфлікты,

бунты, рэвалюцыі і войны [3, с. 705–706]. Гэтыя экстрэмальныя сітуацыі маюць нерацыянальны і спантанны характар, а прыкладам у гісторыі такога руху масаў з'яўляецца рух студэнтаў Францыі ў 2006 годзе, калі людзі, прапагандуючы ідэю рэформаў, «руінавалі» Францыю.

Трэцяя версія інтэрпрэтацыі прычынаў войнаў, звязанай з дыялектыкай аб'ектыўнага і суб'ектыўнага, аналізуецца з боку самага актыўнага пласту грамадства – эліты, і бачыцца ў парушэнні колькасці эліты. Згодна канцэпцыі элінізму В. Парэта, вайна – гэта сродак «ачышчэння» каналаў сацыяльнай мабільнасці, якія былі «забруджаны» ў выніку «збою» працэсу цыркуляцыі эліт. Вайна, такім чынам, прыводзіць да «фільтрацыі» эліты і фарміравання кіруючых колаў з найбольш дзейсных і таленавытых прадстаўнікоў грамадства [1, с.236–238].

Нарэшце, звернем увагу на яшчэ адну версію гэтай інтэрпрэтацыі, у якой прычыны войнаў бачацца ў крызісе здзяйснення мадэрнізацыі палітычнай сістэмы, якая мае мэту ўдасканаліць дзейнасць яе інстытутаў. Прадстаўнікі гэтай канцэпцыі сцвяржаюць тое, што існуе некалькі магчымых мадэляў здзяйснення палітычнай мадэрнізацыі: «тыповая», «даганяючая», «тупіковая». Пры гэтым узнікненне «тупіковай сітуацыі», у якой аказалася грамадства, ва многім залежыць ад саміх людзей, якія здзяйсняюць мадэрнізацыю – у прыватнасці ад ігнаравання імі наспелых сацыяльных супярэчнасцей ці згубы катролю над іх развіццем, што ў выніку перарастае ў вострыя ваенныя канфлікты.

Пасля мноства сусветных катастроф чалавецтва павінна прызнаць тое, што яго паводзіны больш нагадваюць паводзіны дзікіх жывёл, чым «разумнейшай істоты». Чалавек працуе над удасканаленнем зброі, каб «перамагчы» і быць лідэрам, а, значыць, і навязваць сваю волю іншаму чалавеку. Безумоўна, можна было б накіраваць грошы, якія трацяцца на ваенныя мэты на распрацоўку новых тэхналогій атрымання энергіі ці паніжэнне сацыяльнай дыферэнцыяцыі, і вырашыць шэраг праблем, якія могуць стаць прычынамі войнаў. Але, на мой погляд, асабліва важнай з'яўляецца роля лідэраў грамадства, ад выбара якіх ў многім залежыць, пойдуць людзі на бяссэнсавую смерць ці будуць жыць. Менавіта ў крызісныя часы лідэр мае шанец праявіць свае лепшыя якасці і стаць сапраўды вялікай асобай, калі зможа, прадухіліць катастрофу і захаваць мір.

Літаратура

1. *Дугин А. Г.* Обществоведение для граждан Новой России, М., Евразийское Движение, 2007.
2. *Гаджиев К. С.* Геополитика, М., Международное право, 1997.
3. *Спиркин А. Г.* Философия: учебник / А. Г. Спиркин – 2-е изд. М., Гардарики, 2008.
4. *Серебрянников В. В.* От воинственности к миролюбию // Социологические исследования. Май 2002. № 5. С. 81-88.

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ (В ТЕОРИИ М. ВЕБЕРА)

Н. Н. Мельник

Изменения в религиозной сфере начали зарождаться с вступлением западноевропейского общества в эпоху Реформации. Первым знаковым изменением является смена системы ценностей при господстве протестантизма. Вторым – зарождение нового хозяйственного строя западноевропейского общества – классического капитализма. Третьим – феномен «расколдовывания мира» (секуляризация), которая повлекла реструктурацию системы ценностей, возникновение формальной религиозности.

Господство протестантизма изменило вектор развития западноевропейского общества. Важным является и вопрос о **причинах зарождения и развития протестантизма**, что легло в основу трансформации всех сторон жизни людей, принявших протестантизм. Именно неприятие двусмысленности религиозности в католицизме породило новое религиозное движение – Реформацию, которое, в свою очередь, облегчило переход от религиозной регламентации жизни к ее утилитарной регламентации.

Большую роль в процессе реформирования хозяйственной жизни протестантской Западной Европы сыграло **учение о предопределении**. Но в силу последующего развития оно преобразилось и стало одной из причин тяги к успеху. Стремление к успеху в сфере далекой от религии дало толчок к освобождению от религиозных запретов. Профессиональное призвание как порождение протестантизма отошло на второй план и стало самодостаточным явлением, на котором сегодня покоится тяга к успеху не только в Западной Европе, но и в США.

С принятием протестантизма в западноевропейском обществе возник и иной путь служения Богу в мире. Этот путь выразился в **профессиональном призвании, профессии** – как угодном Богу деле. Профессиональное призвание способствовало разделению церковного и личного служения Богу. Церковь, с ее строгими ритуальными формами служения, в протестантизме отходит на второй план. Профессия, как служение Богу, в сфере повседневной жизни помогает обеспечить связь каждого с религиозными действиями и таинствами.

Хотя **протестантизм жестко регламентировал повседневное поведение людей**, он в тоже время заложил основу процесса «расколдовывания мира». Он проявился и в снятии запрета на многие ранее недопустимые в других религиозных системах действия и практики. Это впоследствии отразилось на переориентации буржуазии, вернее, слоя предпринимателей, занятых в капиталистическом производстве, на чисто экономический утилитаризм без всякой поддержки со стороны религии. Четкая калькуляция дохода и расхода стала лейтмотивом западноевропейского капитализма.

Вторым изменением стало появление феномена, который зародился с помощью религиозного фактора и впоследствии отошел от него, **классического капитализма,** в трактовке М. Вебера.

Рассматривая капитализм в его западноевропейской трактовке, М. Вебер четко очерчивает его границы, показывает его сущность. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер дает четкое определение сущности рассматриваемого им типа капитализма: «**Капиталистическим» мы здесь будем называть такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного (формального) приобретательства** [1, с. 48].

Вера в предопределение сыграла свою роль – она заложила уверенность в умы людей, что успех в профессии, а особенно в предпринимательской деятельности, является мерилом будущего существования в загробной жизни.

Религиозная аскеза, как ограничения в жизни верующего, теряет свои позиции, она больше не имеет того влияния на господствующий слой предпринимателей, чтобы удержать их от растраты и неправомерного использования своих средств. Механическая основа западноевропейского капитализма вобрала в себя предшествующие наработки, и они соединились в неповторимом явлении, который сегодня уже имеет иные принципы.

«Встречаются утверждения, что в целях опровержения марксизма Вебер пытался объяснить процесс экономического развития как опосредованный преимущественно религиозным фактором. На самом же деле он стремился показать, что поведение людей в различных обществах может быть понято в рамках общего теоретического представления, где религиозное толкование составляет лишь часть видения мира» [2, с. 141].

Последующая **рационализация ведения хозяйства** в среде буржуазии отбросила **религиозную основу капиталистического строя**, т.е. религиозные догматы и ценности, и перешла к чистому утилитаризму. В этом и состоит третье изменение в религиозной сфере – секуляризация.

В процессе индустриальной революции, религиозное видение мира уходит на второй план, его место занимает наука. Вера в прогресс, который опирается лишь на механистические основания, подорвала доверие к религии как способу объяснения всего существующего в мире.

«В теориях секуляризации 1960-х гг. одним из ключевых было понятие «приватизации», обозначавшее, что в условиях модернизации религия полностью утратит общественную значимость, превратившись целиком в элемент частной жизни человека. Однако последующие исследования опровергли этот тезис, доказав, что в условиях современного мира религиозные организации вполне способны играть активную обществен-

ную роль, даже будучи лишенными каких-либо структурных или правовых привилегий» [3, с. 65].

Однако религия, особенно в США, считается **уделом частной сферы жизни** и не может играть определяющую роль во взаимодействии субъектов хозяйствования. Приверженность определенной общине верующих, будь то баптистам или кальвинистам, уже не играет определяющей роли и не дает гарантии ответственности за гражданина в его делах. Приверженность той или иной религиозной общине не дает ощущение полной безопасности и не дает основания для повсеместного доверия к поступкам приверженца данной общины.

Процесс секуляризации привел к тому, что **социальная значимость религии** и, тем более, значимость ее как движущего фактора в становлении явлений общественной жизни, **снизилась.** За счет этого многие символы, ранее имевшие в своем основании религиозные предпосылки, сменили их на общепризнанные обществом секулярные предпосылки, которые теперь стали движущей силой развития.

Отправной точкой процесса секуляризации послужили идеи Просвещения, касающиеся отделения церкви от государства и выделение религии в одну из сфер общественной жизни. Это послужило созданию нового видения деления на светское и религиозное. В свою очередь и теория общественного договора заложила некоторые противоречия о роли религии в государстве.

М. Вебер утверждает, что современная религия потеряла свою былую значимость – она стала лишь одной из сфер общества, к которым обращается индивид. Само понятие «светского» имеет весьма расплывчатое определение, поскольку оно возникло не столь давно и несет на себе интерпретации новых эпох в развитии человечества.

Данные изменения в религиозной сфере западноевропейского общества констатировали переход к новому мировоззрению европейца и открытию иных путей жизненного и хозяйственного поведения в мире. Все эти изменения коснулись основ мировоззрения западноевропейского общества и заложили начало особого пути трансформации и развития Западной Европы.

Литература

1. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. – С. 44–272.
2. *Воронцов А. В.* Теория капитализма Макса Вебера и ее методологическое значение // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 140–149.
3. *Узланер Д. А.* Секуляризация как социологическое понятие (По исследованиям западных социологов) // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 62–67.

ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Е. Б. Палховская

Одним из основных показателей социального развития является стратегия экономического поведения, демонстрируемая населением. Мы можем определить экономическое поведение как использование ограниченных ресурсов для достижения количественно определенной цели, связанной с обеспечением жизнедеятельности. Экономическое поведение тесно связано с трудовой мотивацией, поскольку мера несоответствия ожиданий работников и требований, предъявляемых к нему организацией, может обусловить выбор того или иного типа экономического поведения. Для определения механизмов формирования экономического поведения работников необходимо выявить наиболее значимые для них стимулы в работе.

Общественное мнение изучалось в ходе социологического исследования «Оценка населением изменений в сфере занятости в условиях становления инновационной экономики», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре 2007 г. На базе республиканской выборки опрашивалось занятое население (1485 человек). Данные опроса позволяют оценить стимуляционное поле работников производственных и непроизводственных отраслей экономики, востребованность профессиональных качеств наемной рабочей силы. В данном исследовании в качестве основных квотируемых признаков нами были выделены образование респондентов, социально-профессиональная группа, к которой они принадлежат, отрасль, в которой заняты респонденты.

Основываясь на результатах социологического исследования, проранжируем ответы респондентов на вопрос «Что для Вас важно в работе?» (табл. 1). Частота выбора по каждому из предложенных вариантов ответа является показателем значимости того или иного стимула для работника.

Таким образом, в зависимости от предпочтений респондентов мы выделяем четыре группы стимулов: доминирующая группа, сильная, умеренная и слабая. Если проанализировать полученные результаты в русле мотивационно-гигиенической концепции Ф. Херцберга, мы получим, что в основной своей массе респонденты ориентированы на гигиенические факторы повышения удовлетворенности работой. Именно данные факторы наполняют доминирующую группу стимулов трудовой деятельности работников. Среди факторов второй группы (сильные стимулы) появляются мотивационные: быть независимым (27,9%) и работать с квалифицированными коллегами (21,8%). Почти всю третью группу (стимулы средней силы) наполняют мотивационные факторы трудовой деятельности: успешно продвигаться по службе (20,4%), полно использовать свои знания (20,1%), полно реализовы-

вать свои личные способности (17,3%). Можно сделать вывод, что в условиях высокой стоимости жизни и доходов, которые позволяют лишь воспроизводить достигнутый уровень, а в некоторых случаях даже снижать свои потребности в еде, одежде, отдыхе, занятое население ориентировано на материальные стимулы (зарплату) и комфортные (без перегрузок) условия труда.

Таблица 1

Стимулы трудовой деятельности занятого населения Беларуси

Стимул	Частота выбора, %
Доминирующая группа	
Заработать хорошие деньги	86,9
Иметь хорошие условия труда	69,0
Работать в хорошем коллективе	63,0
Сильная группа	
Быть независимым	27,9
Работать без перегрузок	27,8
Работать с квалифицированными коллегами	21,8
Средняя группа	
Успешно продвигаться по службе	20,4
Полно использовать свои знания	20,1
Полно реализовать свои личные способности	17,3
Иметь престижную работу	13,5
Слабая группа	
Работать на солидном предприятии	11,1
Работать над интересными, сложными проблемами	9,7
Иметь доступ к льготам	8,9
Устанавливать нужные связи	8,6

Таблица 2

Ориентация различных категорий занятых на содержательные аспекты трудовой деятельности, %

«Что для Вас наиболее важно в работе?»	ИТР, служащие производственной сферы	Служащие непроизводственной сферы	Рабочие производственной и непроизводственной сфер	Рабочие сельского хозяйства	Итого
1.Быть относительно независимым	27,4	32,9	23,2	16,7	25,0
2.Работать с квалифицированными коллегами	34,0	26,9	12,8	7,7	20,4
3.Полно использовать свои знания, опыт, квалификацию	24,8	27,7	12,8	14,1	19,8
4.Успешно продвигаться по службе, делать карьеру	34,1	26,8	12,8	7,7	19,6
5.Полно реализовать личные способности	17,4	22,9	12,1	10,3	15,6
6.Работать над интересными, сложными проблемами	12,8	12,3	5,4	6,4	9,2

Стимулы содержательной, интересной работы и самореализации выбирают не более 1/5 респондентов. Проанализируем социально-профессиональные характеристики работников, предпочитающих мотивационные факторы трудовой деятельности. Приходится признать, что ориентация на интересную, сложную работу, стремление к самореализации, профессиональной востребованности не входит в первую тройку ранговой структуры ориентаций ни одной из обследованных социально-профессиональных категорий занятых. Тем не менее, отмечены различия в групповых оценках значимости содержательных сторон труда (табл. 2).

Ориентация на творчество, профессиональную самореализацию в труде у ИТР и служащих в 2-3 раза выше, чем у рабочих. Очевидно действие фактора образования, определяющего более выраженное предпочтение респондентами с высшим образованием мотивационных факторов, повышающих производительность труда.

Если рассматривать особенности мотивационного поля работников в отраслевом контексте, также можно заметить весьма существенные отличия. Так у работников производственной сферы обнаруживается более ярко выраженная прагматическая ориентация на повышение заработной платы (90,6%), продвижение по службе (21,4%), работу на солидном предприятии (15%), установление нужных связей (10,7%) и получение льгот (8,9%). Работники непроизводственной сферы в большей мере ориентированы на организационные и содержательные аспекты трудовой деятельности: иметь хорошие условия труда (73,5%), работать в хорошем коллективе (67,2%), работать без перегрузок (30%), работать с квалифицированными коллегами (23,9%), иметь престижную работу (14,9%). Мотивационные факторы трудовой деятельности также в большей степени выражены у работников непроизводственной сферы. Так быть относительно независимым в работе желают 31,4% респондентов непроизводственной сферы, и 23% – производственной сферы; полно использовать свои знания – 21,8% и 19,1% соответственно; полно реализовывать личные способности – 21,1% и 13,8%; работать над интересными сложными проблемами – 11,9% и 8,6%.

Сегодня в Беларуси мы можем наблюдать не просто общество с пониженным тонусом, а с перевернутой структурой мотивации: в качестве значимых воспринимаются такие параметры, как хорошие, комфортные условия работы, отсутствие чрезмерных нагрузок, высокий заработок, надежность места работы, в то время как возможность проявить инициативу, чего-то достичь, престижность работы (уважение к ней со стороны окружающих) и необходимость проявления личной ответственности за результаты работы, не кажутся важными для большинства работников.

Подобные изменения проявились и в выборе типов экономического поведения: по данным социологических мониторингов «Общественное

мнение», ежегодно проводимых Институтом социологии НАН Беларуси, численность респондентов, реализующих активный тип экономического поведения (повышающих свой доход всеми возможными способами, стремящихся максимизировать доходы за счет максимизации усилий) в Беларуси снизилась с 48,4 % в 2002 г. до 18,8 % в 2008 г. Около 1/4 населения реализуют пассивный тип экономического поведения, снижая уровень своих запросов, потребностей и не предпринимая никаких особых усилий для повышения своего благосостояния, с 2002 по 2008 гг. возросла численность реализующих адаптивный тип экономического поведения (56,2%), позволяющий не прилагать максимальных усилий, а поддерживать достигнутый уровень жизни за счет минимальных усилий.

Представленное деление населения по типам экономического поведения (активное/адаптивное/пассивное), выделенных по степени интенсивности экономического поведения, подтверждается распределением ответов на вопрос «Что бы Вы предпочли: жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой, или жить, пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска». По результатам республиканского мониторинга 2008 г. 61,7% опрошенных предпочли второй вариант (жить, пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска), в то время как «жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой» предпочитает 38,3% от общего числа опрошенных.

В Беларуси замедленность трансформационных процессов, преобладание эволюционирующего пути развития и улучшающих, а не базисных инноваций, позволили избежать резкого роста безработицы, однако снизили значимость трудовых ценностей, активной инициативной и инновационной занятости, привели к росту патерналистских ценностей (население ориентировано на получение высокого заработка и при этом на хорошие, комфортные условия труда, работу без перегрузок, т.е. на работу не требующую инициативы и ответственности). В то время как сложившаяся непростая ситуация в экономике республики требует активного экономического поведения населения, направленного на преодоление временных трудностей, связанных с развитием мирового финансово-экономического кризиса. Активное экономическое поведение означает готовность и способность населения активно включиться в социально-экономические преобразования, участвовать в развитии малого и среднего бизнеса, гибких форм занятости, проходить обучение, переобучение и повышение квалификации для перемещения из традиционных в инновационные отрасли экономики, рисковать для повышения своего материального благосостояния. Однако на сегодняшний день менее 1/5 работников готовы к названным формам активности. Сложившаяся ситуация в белорусской экономике – это вызов для всего населения республики, требующий преодоления патерналистских настроений и установок на зависимость от государственных трансфертов, развития креативного индивидуального мышления и активного экономического поведения.

Литература

1. Инновационная экономика / А.А. Дынкин [и др.]; под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2004. – 351 с.
2. *Мясникови, М. В.* Инновационная деятельность в Республике Беларусь: теория и практика / М.Мясникович. – Минск: Аналит. Центр НАН Беларуси; Право и экономика, 2004. – 176 с.
3. *Мясникович М. В.* Научные основы инновационной деятельности / М.В. Мясникович. – Минск: Право и экономика, 2003. – 278 с.
4. *Мясникович М. В.* Республика Беларусь на пути к новой экономике / М.В.Мясникович. – Минск: Белорус. наука, 2009. – 292 с.
5. *Соколова Г. Н.* Развитие рыночных отношений в контексте глобализации / Г.Н.Соколова // Социология (РФ). 2007. № 2. С. 17–29.
6. *Соколова Г. Н.* Трансформационные процессы в Беларуси и России / Г.Н. Соколова, Н.Н. Сечко, Е.В. Таранова. – Минск: «Беларуская навука», 2009. – 345 с.

СЕМИОТИКА КОММУНИКАЦИИ

Е. М. Смольская

В контексте рассматриваемой проблемы выделяют два подхода по отношении к слову, к словесному знаку, к знаку вообще. Они прослеживаются не только в научных парадигмах, но и в наивных воззрениях на язык и коммуникацию. Введем два термина, широко используемые в лингвистике благодаря датскому лингвисту XX века Луи Ельмслеву: план выражения и план содержания знака, в упрощенном смысле (для вербального языка), это – звучание и значение, для других разновидностей коммуникации, это – внешняя оболочка знака (визуальный образ, архитектурное сооружение, жест, поступок или событие, пиктограмма и т.п.) и – опять же – значение. Семиотика или семиология, таким образом, является наукой о значащих формах, средствах выражения значения.

Наивное сознание в процессе использования языка не разделяет эти два плана – выражение и содержание – да это и разрушило бы коммуникацию и сделало бы вербальные и невербальные языки непригодными для использования. В этом смысле анализ поведения человека нарушает само это поведение. Анализ неизбежно сталкивается с двумя сторонами знака, их взаимосвязью и взаимоотношениями. Как получается, что какая-то форма (сотрясение воздуха человеческим речевым аппаратом, начертания на листе бумаги, фотография, наскальное изображение и т.п.) может что-то обозначать для кого-то, а это значение может влиять на мнения и поступки людей? Может быть, это значение находится ‘внутри’ этих знаков? Вопрос о значении – главный и самый парадоксальный вопрос коммуникативной теории и всего гуманитарного знания.

В семиотике, лингвистике и теории коммуникации для исследования знаковых отношений принято пользоваться так называемым ‘треуголь-

ником Фреге'. Тип вещи, предмета, явления действительности называют денотатом знака. Конкретную вещь чаще называют референтом знака. Поскольку человек обозначает вещи не напрямую, а через свое восприятие вещи, то в эту вершину треугольника часто помещают представление о вещи, сигнификат знака. Треугольник Фреге может использоваться и в более широком смысле – для обозначения связей человека с окружающим его миром. Три стороны треугольника Фреге дают три раздела семиотики: семантику (значение), синтактику (знак), прагматику (человек). Для последнего существенно исследование таких составляющих как коммуникация, конвенциональность, эффективность и результат.

По степени отношения к означаемому выделяют иконические, индексальные и символические знаки: Иконические знаки – образы, они имеют естественное сходство с обозначаемым объектом, хотя и достаточно условное (икона, картина, фотография). Индексальные знаки указывают на объект (указание пальцем, стрелкой, окриком). Символические знаки условны, не связаны с объектом, метафоричны, замещают обозначаемый объект в дискурсе и мысли (слова, некоторые символы-аллегории: орел, осел, медведь и т.п.). Соссюр говорил об идее системности языка и других коммуникативных систем. Каждый знак, каждый элемент системы не существует и не имеет значения сам по себе: значение поддерживается взаимной связью всех элементов системы. И наконец, не только связь означаемого и означающего в знаке, или знака с предметом, не вечна. Не вечна и окончательность создания самого знака. Знак сам может стать означающим, указывая на новое означающее. Так, например слово лицо является означающим соответствующей части тела человека. Но можно сказать лицо, а можно и морда. Выбор второго знака имеет дополнительное социально-культурное значение: желание обидеть, проявление невоспитанности и т.п. Стилистика, по сути, состоит из «знаков знаков», знаков второго уровня знаковости. И в этом выборе отчетливо прослеживается прагматическое измерение в трактовке знака. Таким образом, идеи системности и выявления некой четкой синтаксической структуры у языка и других коммуникативных систем является недостаточным для построения полной и исчерпывающей модели их функционирования. Т.е. язык должен пониматься не только формально, в виде четкой системы правил, но и в содержательно смысловом (семантическом) аспекте. Это требование, как известно, налагает определенные ограничения. Обращаясь к исследованиям А.Тарского отметим, что семантика как строгая наука может быть построена только для языков с точно заданной структурой. В таких языках принадлежность к классу термов, формул (предложений), аксиом, выводов устанавливается эффективным образом. Примером такого рода языков являются формализованные языки. В этом случае имеются процедуры, позволяющие выделять эффективным обра-

зом указанные классы выражений только по виду символов и способам их сочленения, не прибегая к их смыслу и значению. Языки силлогистики, при этом, не являются формализованными. Хотя логическая форма представлена в них в знаковой форме адекватным образом. В записи: SaP, SeP и т.д. фиксируются вполне определенные содержательные, семантические отношения в сфере объемов понятий S и P. И именно апеллируя к свойствам этих отношений, мы обосновываем правильные рассуждения в силлогистике. В случае же выводов в формализованных языках мы обращаемся лишь к видам знаков и их комбинаций, т.е. к синтаксису. Но смысл построения такого рода языков не сводится к отвлечению от всякого содержания и обращению только к знаковым комбинациям. Главное – вопрос эффективности. Интересно, что понятия формальной системы и эффективной операции внутренне связаны и одно может быть определено через другое. Выразимость в языке, в формальной системе определенного стандартного типа свойств, отношений, операций служит показателем эффективности. Так, если предикат (класс) R рекурсивно определим (T-определим) в первопорядковой арифметике P (где T – класс теорем системы), то он разрешим (рекурсивен), а если предикат (класс) рекурсивно перечислим, то он семантически определим (Tr-определим) в P. Любой рекурсивный предикат T-определим в P. Как нам представляется, построение семантики формальной системы предполагает принятие определенной типологии смыслов – категорий значения. Выражениям определенного типа, структуры, сопоставляются определенные виды значений. Именно система семантических категорий определяет, на наш взгляд, то, что называют «миром языка», его онтологией. Причем, онтологический базис отношения смысловых категорий и определенных выражений базируется в понятии эффективности и конвенции, которые имеют не только формальный аспект, но и социокультурный, обращающий внимание на то, с какой целью устанавливается отношение смысловых категорий и выражений и имеет ли это отношение произвольный или объективный характер.

Таким образом, для понимания природы языка и коммуникации нам следует эксплицировать природу конвенциональности как инструмента коммуникативных действий. Конвенциональность играет заметную роль в таких областях нашей жизни, как, например, речевое общение, игры, принятие пищи. Вы не сможете объяснить, скажем, что такое игра в покер, не описав правил этой игры. В то же время в момент объяснения, что такое принятие пищи, описание правил и условностей совсем не обязательно.

Возможно ли языковое общение без общепринятых договоренностей? Что на самом деле является очевидным до банальности, так это произвольность в применении тех или иных звуков для обозначения различных объектов и явлений. Действительно, то, что конвенционально, явля-

ется в определенном смысле произвольным, однако то, что произвольно, не обязательно конвенционально.

С одной стороны, мы можем полностью описать язык, определив, что такое значимое высказывание и что означает каждое фактическое или потенциальное высказывание. Но такие определения подразумевают априорное наличие у нас знания того, что же мы имеем в виду, когда говорим, что данное высказывание имеет данное конкретное значение. Чтобы пролить свет на эту проблему – традиционную проблему значения, – нам потребуется осветить связь между понятием "значение" и убеждениями, желаниями, намерениями и целями. Именно обеспечение связи (или связей) между лингвистическими значениями, с одной стороны, и установками и действиями людей, описываемыми в нелингвистических терминах, с другой, является той областью, в которой конвенции должны прежде всего играть свою роль.

В одной из своих ранних статей Майкл Даммит утверждал, что использование людьми декларативных предложений управляется конвенцией'. Позднее он изложил эту мысль следующим образом: "(декларативное) предложение не требует для его понимания какого-либо конкретного контекста... Высказывание предложения служит для утверждения чего-то... существует общая конвенция о том, что высказывание того или иного предложения (за исключением особых контекстов) понимается как намерение высказать предложение, содержащее истину".

Этот сложный и, пожалуй, не совсем очевидный тезис я интерпретирую следующим образом. Между высказыванием декларативного предложения и использованием его в качестве утверждения существует конвенциональная связь (во всех случаях, кроме особых контекстов, говорящий утверждает нечто). В то же время имеется концептуальная (а, возможно, и конвенциональная) связь между высказыванием того или иного утверждения и намерением высказать нечто истинное. Обоснованность такой интерпретации мыслей Даммита подтверждается, на мой взгляд, одним из его наиболее убедительных аргументов. Он начинает с анализа определений истинности в духе Тарского и напоминает, что Тарский описал принципы построения теории истинности для конкретных (формализованных) языков. Вместе с тем, по Даммиту, Тарский не дал определения истинности в целом; более того, он фактически доказал принципиальную невозможность такого определения, по крайней мере в рамках его метода. Поэтому Тарский не смог сказать, что же делает каждое определение истинности именно данным определением.

Даммит проводит аналогию между истинностью и понятием выигрыша в игре. Если мы хотим знать, что такое выигрыш, нам недостаточно определения этого понятия для каждой конкретной игры: нам нужно знание того, почему ситуации, выигрышные для конкретной игры, являются тако-

выми в целом. Возвращаясь к вопросу об истинности, проблему можно изложить теперь следующим образом: предположим, мы вступили в общение с человеком, говорящим на непонятном для нас языке, и у нас имеется определение истинности, сформулированное в духе Тарского; можем ли мы в таком случае судить о применимости этого определения к данному языку? Вопрос закономерный, однако на него нельзя найти ответа в рамках конвенции, предложенной Даммитом, так как, по моему мнению, в языке нет ничего, что соответствовало бы должным образом феномену выигрыша в игре. Это весьма важно, так как, если Даммит прав, установление в языке каких-то свойств, аналогичных характеристике выигрыша в игре, означает установление решающей связи между значением, как оно определяется в теории истинности, и использованием языка в общении.

Таким образом, концептуализация понятия результата и конвенциональности в целом может быть интерпретирована в качестве переходного мостика от абстрактных семиотических моделей языка к коммуникации как конкретному действию.

Литература

1. *Блинов А.* Общение, звуки, смысл. М.: РФО, 1996.
2. *Ветров А.А.* Семиотика и ее основные проблемы. М.: ИПЛ, 1968.
3. *Норман Б.Ю.* Язык как система знаков // Основы языкознания. Минск: Бел. Фонд Сороса, 1996. С. 7-49.
4. *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995.
5. *Де Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
6. *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. – М., 2000.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В СТРУКТУРНОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ ЖАКА ЛАКАНА

Е. И. Сурина

Проблема субъекта признается магистральной, а некоторыми исследователями конституирующей и организующей формирование современной французской философии. В современной философии употребление концепта субъект (sujet) проблематизируется в связи с его полисемантичностью (сочетанием в нем значений предметности, субъективности и подчиненности), привнесенной удвоенной латинской этимологией (на основе существительного среднего рода subjectum и существительного мужского рода subjectus). Внедрение концепта субъект в философский дискурс имплицировало комплекс проблем, сущностная характеристика которых заключается в направленном подведении к двум отдельным парадигмам толкования субъекта. В первом случае логико-онтологическая и одновременно политико-юридическая коннотация sujet акцентируется в систематическом исследовании «подчинения подданного». В другом случае – свя-

зи между способом существования субъекта и кодексом законов или властью рассматриваются исключительно под углом зрения онтологии свободы, противопоставляемой природе [1]. В таком контексте современная французская философии акцентирует значение подчиненности субъекта (l'assujettissement du sujet) в противоположность утверждаемой философской классикой суверенности, рассматривая проблему субъекта не столько как проблему основания когнитивного опыта или как вопрос противоположности природы и свободы, но как результат становления или соотношения различных практик, в частности дискурсивных, властных сил и стратегий. Модель субъекта, представленная в структурном психоанализе Жака Лакана представляет собой одно из самых оригинальных решений проблемы определения статуса субъекта как субъекта подчиненного, которое не сводит подчиненность к удвоенной этимологии или результату воздействия внешних стратегий, но укореняет ее в самой сущности субъекта как субъекта говорящего и субъекта желания. В этом отношении позиция Лакана может быть зафиксирована в следующем высказывании: «С использованием языка связан тот основополагающий для аналитического опыта факт, что субъект является субъектом – в правовом значении этого слова, подданным – постольку лишь, поскольку платит свою дань в области Другого, поскольку само начало свое берет в синхроническом подданстве своем Другому» [3, с.200].

Проблематизация Лаканом субъекта исходит из утверждения подчиненности субъекта означающему и специфической роли желания в структуре субъективности, при этом желание понимается именно как результат воздействия означающего на означаемое, которым и задается сам способ существования субъекта. Данный тезис конкретизируется следующим образом:

Субъект должен быть понят как эффект означающего, поскольку природа последнего заключается в представлении субъекта другому означающему: «Возникновение означающего в поле Другого приводит к возникновению субъекта его значения. Но означающее не способно, однако, функционировать как таковое, не сведя субъект в то же мгновение к чистому означающему, не фиксировав его намертво тем самым движением, которое его же, этот субъект, к действию и речи воззвало. Это и есть, собственно, временное биение, кладущее начало тому, что лежит у истоков бессознательного как такового, – закрытию» [3, с.221-222]. Именно утверждением фундаментальной подчиненности означающему имплицированы такие атрибуты лакановского субъекта, как децентрированность и отчужденность. И в этом смысле проблема субъекта как раз и заключается в том, что, во-первых, субъект порожден языком, отношением одного означающего к другому, и вследствие этого есть, прежде всего, субъект бессознательный. Во-вторых, такая природа субъекта и обусловленный им статус подчиненного маскируется иллюзией изначальности и су-

веренности, характеризующей собственное Я как результат воображаемой и символической идентификаций.

Образование структуры субъективности проходит через механизм, под действием которого желание с самого начала моделируется условиями требования, при этом желание субъекта – это желание Другого. Другой как место речи, как тот, кому желание адресуется и от произвола которого зависит, будет ли оно удовлетворено, становится также и местом, где должен быть открыт подходящий способ это желание субъекта артикулировать. Более того, поскольку Другой предстает предварительным местоположение субъекта означающего, поскольку, иными словами, субъект конституируется кодом, то даже от самого субъекта исходящее сообщение он получает от Другого.

Лакан рассматривает триаду потребности, требования, желания, подчеркивая при этом несводимость желания к двум другим членам триады и утверждая, что все, что происходит по ту сторону требования, происходит в бессознательном. Формирование требования есть первичный механизм включения человека в язык и мир культуры: природа требования, т.е. вербализация потребности, и порождаемые им эффекты, в сущности, аналогичны воздействию означающего на субъект.

Другой, поскольку субъект существует в языке, создает сообщение. Это и есть механизм возникновения требования. Сообщение при этом определяется Лаканом как означаемое Другого, как то, что в Другом для Я субъекта приобрело достоинство означаемого, знаки отличия. Иными словами, требование формируется в Другом и в тех терминах, в каких Я кажусь Другому привлекательным, а мое требование удовлетворительным. В отношении этих знаков отличия возникает символическая идентификация, результатом которой становится образование Идеала Я. Однако то, чего субъект действительно желает, в сказанном нет. Особенность существования желания в языке заключается в том, что «желание как раз тем и артикулировано, что артикуляции не поддается» [2, с.159]. Последний тезис демонстрирует парадоксальную сущность желания: формируясь только в языке как эффект артикуляции человеком потребности, оно в то же время принципиально не поддается артикуляции сознательной. Поэтому расщепление субъекта задается зазором между требованием (сознательной артикуляцией, тем, что признано Другим, следовательно, и моим собственным Я) и желанием (отсутствием артикуляции сознательной, тем, что не признано ни Другим, ни моим Я).

Данное понимание желания, таким образом, указывает на специфику проблематизации Лаканом субъекта – не только как подчиненного означающему, но как изъян означивания, знаковой репрезентации субъекта. Этот тезис можно конкретизировать следующим образом: субъект обнаруживает себя как желание или субъект обнаруживает несоответствие артикулиро-

ванного желанию, обнаруживает нехватку артикуляции и именно фиксацией самого несоответствия знаковой репрезентации желанию, в конечном счете – означающего означаемому, конституируется.

Литература

1. *Балібар Е., Кассен Б., Лібера А.* Sujet // Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Том перший/ Під керовництвом Б.Кассен. К., 2009. – С. 148-173.
2. *Лакан Ж.* Ниспровержение субъекта // Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда/ Пер. с фр. А.Черноглазова, М.А.Титовой. М., 1997. – С.148-181.
3. *Лакан Ж.* Четыре основные понятия психоанализа (Семинар, Книга XI (1964)) / Пер. с фр. А.Черноглазова. М., 2004. – 299, [3]с.

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

О. А. Шершнева

Социальная нестабильность и напряженность в условиях глобализационных процессов признается сегодня «неоспоримым фактом, меняющим лицо современного мира» [1, с. 10]. Социальный мир является попрежнему достаточно проблемным, сотканным из разного рода противоречий, проявляющихся в тотальной дифференциации мирового пространства. В этом плане достаточно ярко заявляет о себе геополитический ракурс, который акцентирует внимание на исследовании социодинамики, конфликта солидаризма и изоляционизма, по-разному изменяющих контуры жизненного пространства.

Геополитика является объектом пристального внимания политологов, социологов, философов. Классик геополитической мысли Рудольф Челлен определяет геополитику как «доктрину, рассматривающую государство как географический организм или пространственный феномен» [2, с. 7]. Немецкий исследователь Карл Хаусхофер понимает ее как «географический разум государства» [3, с. 8], усматривая тесную связь геополитики с географией. Более обстоятельное определение данному феномену дает К. Э. Сорокин, различая «фундаментальную», изучающую развитие геополитического пространства, и «прикладную» геополитику, вырабатывающую принципиальные рекомендации относительно генеральной линии поведения государств на мировой сцене. Причем последнюю Сорокин считает возможным именовать «геостратегия» [3, с. 8]. Позднякова Э.А. считает, что предметом исследования геополитики является «использование государствами пространственных факторов при определении и достижении политических целей» [4, с. 3]. Обобщая представленные дефиниции геополитики, можно сказать, что все они так или иначе страдают редукционизмом, сводя геополитику к дисциплине поли-

тических элит, к науке о власти, которая изучает государство, политические явления, географические аспекты этих явлений.

Несмотря на политический и географический редукционизм, следует принять во внимание, что геополитика изучает политические явления в их пространственном взаимоотношении, о чем пишет, например, Плешаков К. В.: «Геополитика может быть определена не просто как объективная зависимость внешней политики той или иной нации от ее географического местоположения, а как объективная зависимость субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов, позволяющих этому субъекту осуществлять контроль над пространством» [5, с. 32].

Неслучайно геополитику часто определяют как науку или систему взглядов о контроле над пространством. Политическое измерение пространственных характеристик служит ключом к прогнозированию политического развития отдельных стран и даже континентов, что на геополитическом уровне означает усиление роли пространственного фактора не только и не столько в жизни отдельного человека, сколько в общемировой истории.

Категория «жизненное пространство» отражает не количественную характеристику геополитики, связанную преимущественно с масштабностью, но качественную ее составляющую, включая такие параметры как культура, традиции, язык, социальные установки, научные разработки, технологии и прочие аспекты, составляющие материальные и духовные стороны общественной деятельности.

Когда речь идет о жизненном пространстве, то следует сказать, что смысл этого понятия зачастую упрощается, что связано с его узким пониманием как совокупности подходящих для проживания территорий с их природными богатствами, включая полезные ископаемые, почву и другие ресурсы. Жизненное пространство – это не просто совокупность территорий, где географические параметры являются доминирующими, это сложная конструкция, объемлющая бытие человека, социальное бытие, где категория пространства будет выступать в качестве предельного основания, определяющего границы существования человечества. С этой точки зрения геополитика рассматривает пространство как определенного рода реальность, не изолированную от человека, но являющуюся непосредственным аспектом его бытия.

Обращение к пространственному фактору общественного бытия стало симптоматичным явлением для большинства геополитических теорий, которые пытаются анализировать пространство путем его разделения на Сушу (сухопутное могущество) и Море (водное могущество), борьба между которыми определяет геополитическую картину мира. Сухопутное пространство определяется доминированием устойчивых фиксированных границ, консерватизмом, коллективным образом жизни людей, иерархичностью общественной жизни, неизменностью и приверженностью социаль-

ным традициям. Морской тип пространства более динамичен, подвижен, для него свойственно быстрое техническое развитие, дух индивидуализма и предпринимательства здесь является доминирующим.

Очевидно, что понятие «пространства» становится важнейшей составляющей исторического анализа, оно наделяется качественной характеристикой, становясь «жизненным», а не физическим. Определяя геополитику в контексте жизненного пространства, мы понимаем под пространством некую целокупность, включающую в себя «физическое пространство», «социальное пространство», «культурное пространство». Это уже не просто место или территория, пригодная для проживания, тем самым пространство приобретает самодостаточность и определяет смысловые структуры, коды социально-политического бытия. Ландшафт, рельеф, климатические особенности территории, почва, ее природные богатства – все это не просто географические категории, они непосредственным образом связаны с жизнью отдельного человека, обусловливают его «жизненное пространство», задавая вектор развития всей человеческой истории. В данном ключе географические категории приобретают онтологический смысл и в силу этого происходит расширение представлений о социальной реальности, как той сфере жизненного пространства, в которой осуществляется жизнедеятельность людей и координация их общественного и индивидуального бытия. Соответственно геополитика рассматривает жизненное пространство как своеобразный отпечаток человеческой общности, как смысл ее существования, независимо от масштаба – регионального или глобального.

Социально-философская проекция геополитики в контексте анализа жизненного пространства показывает, что современное геополитическое сознание, по образному выражению А. С Панарина, связано с «ощущением состояния мира как войны всех против всех, где никому не гарантировано «жизненное пространство», и где, как и в доцивилизованном состоянии, могут выжить только сильные и до зубов вооруженные» [6, с. 16]. Соответственно, геополитическое сознание с его установкой на передел мира не может не активизироваться, поскольку «стал оправдываться пессимистический реализм геополитического сознания, открывающий необузданное государственное самовластие в мире, не имеющем гарантий» [6, с. 21].

Понимание геополитики в аспекте жизненного пространства аккумулирует богатый опыт целых поколений и на его основании геополитика способна прогнозировать будущее человечества, в результате чего формируется та или иная геополитическая картина мира, представляющая собой определенную реалию, которая способна перекраивать ход истории под действием геополитических процессов. Именно вследствие геополитических процессов происходит рост и развитие государств, интересы которых в последствии сталкиваются, что ведет к неизбежной борь-

бе, в которой более сильные государства побеждают, отстаивая тем самым права на свое жизненное пространство.

Таким образом, следует признать, что геополитические процессы неизбежно ведут к перекройке мира, они изменяют не только теоретические представления о нем, но и меняют саму картину мира и ее пространственно-структурную организацию. Именно поэтому проблема жизненного пространства остается междисциплинарным объектом исследования, одним из измерений которого стала геополитика как своеобразная метадисциплина.

Литература

1. *Яковец Ю. В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций/ *Ю. В. Яковец.* – М., 2001.
2. Цит. по: Нартов Н. А., Нартов В. Н. Геополитика/ Н. А.Нартов, В. Н. Нартов. - М., 2007.
3. *Сорокин К. Э.* Геополитика современного мира и Россия// Политические исследования/*К. Э. Сорокин.* - М., 1995.
4. *Позняков Э. А.* Геополитика// Социально-политические исследования/ *Э. А. Позняков*. - М., 1994.
5. *Плешаков К. В.* Компоненты геополитического мышления// Международная жизнь/ *К. В. Плешаков*. - М., 1994.
6. *Панарин А. С.* Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы// Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования/ *А. С. Панарин*. - М., 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Авярчук М. Маладзёжны слэнг у публіцыстычным тэксце (на матэрыяле часопіса «34 MULTIMEDIA MAGAZINE») 3
Албут А. А. Вар'іраванне ў спосабах самапрэзентацыі адрасанта / прэзентацыі адрасата (на матэрыяле лістоў Якуба Коласа) 6
Бельский А. Л. Организация коммуникативного пространства в пьесах Е. Гришковца 10
Бородич С. С. Приемы оптимизации изложения и восприятия учебного материала в процессе обучения русскому языку 16
Браім Т. Л. Фарміраванне лінгвістычнай кампетэнцыі на інтэграваных уроках беларускай і нямецкай моў 19
Бурак В. М. Сімволіка-алегарычная вобразнасць «Слова на Сабор святых айцоў 300 і 18...» Кірылы Тураўскага 22
К. Власова Черты магического реализма в романе Джона Фаулза «Волхв» («Маг», «The magus», 1965) 26
Волкович Т. А. Изучение рассказов А. П. Чехова в средней школе 30
Волчек О. А. Метафора водного пространства в белорусской и российской периодической печати 34
Воронович А. С. Апелляция к авторитету как коммуникативный ход публичной речи политического и религиозного дискурса 38
Гайдук С. В. Архетип иуды 42
Друпаў А. Ю. Лацінамоўныя інскрыпцыі ў каталіцкіх храмах Беларусі 45
Егоркина Ю. Э. Белорусские праздники как фактор формирования лингвокультурной компетенции иностранных учащихся на занятиях по РКИ 49
Зинович Л. В. Кинематография и фотография как способ мировосприятия в романе Али Смит «THE ACCIDENTAL» 52
Иванович Е. А. Предлоги как способ выражения синтаксических отношений в итальянском языке 56
Каминская И. С. Лексико-семантический подход к языковому материалу при работе над синтаксической нормой 59
Корзун А. Ю. Мотив пути в романе В. Набокова «Подвиг» 63
Корсак Д. А. Притчевый характер романа Арундати Рой«Бог мелочей» 67
Липницкая С. В. Настасья Филипповна – «Гордая красавица» и «Оскорбленное сердце» (поэтоним Ф. М. Достоевского в национальной языковой картине мира) 71
Луновіч Н. М. Да пытання пра канцэпт «Сквапнасць» (на матэрыяле прыказак і прымавак усходнеславянскіх і англійскай моў) 74
Абрахам Мехразин О взаимосвязанном изучении русского языка и литературы иранскими студентами 78
Навіцкая В. В. Уладзімір Краткевіч і Умбэрта Эка: парадыгма «Дабро – зло» 81
Порицкий В. В. Русское языковое сознание и случайные числа 85
Путырская Е. И. «Белорусский текст» в жизнетворчестве А.А. Блока 89

Пушкіна М. А. Дэканструкцыі «Гамлета» У. Шэкспіра ў польскай драматургіі XX ст. 93
Рабаткевіч Т. А. Прырода як мастацкая катэгорыя ў рамантычных творах Я. Баршчэўскага і Э.Т.А. Гофмана..... 97
Синюк В. А. Металитературность в поэзии Иосифа Бродского (сборник «Часть речи») 101
Чарнавокая А. М. Памылкі ў беларускім маўленні білінгваў: псіхалінгвістычны аспект 104
Яненка Н. В. Да пытання аб фанетычным і марфалагічным вар'іраванні ў вусным гарадскім маўленні (на матэрыяле запісаў у Г. П. Хоцімск)..... 108

КАФЕДРА ПЕДАГОГИКИ И ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Басова О. В. Личностно ориентированные технологии как механизм гуманизации образовательного процесса в условиях вуза..... 112
Белая Т. И. Социокультурный компонент содержания математических дисциплин как средство развития социально-личностных компетенций школьников 114
Бурсевич В. В. Использование информационных технологий в преподавании философских дисциплин: возможности и ограничения 117
Бусько С. И. Гражданская позиция студента физкультурного вуза: ценностные ориентации..... 122
Быхта В. В. Проектный метод как средство реализации принципа автокреативности»..... 124
Вайтехович А. И. Профессионализм современного преподавателя 127
Витковский С. М. Положение афроамериканцев в системе образования США..... 130
Головнёв А. Г. Воспитательно-развивающий потенциал олимпиад по информатике 133
Гусарева И. В. КЕЙС-Технология в обучении иностранному языку как средство развития самостоятельности обучающихся..... 135
Жаўняровіч Г. Д. Цацкі ў беларускай народнай педагогіцы..... 138
Зинченко М. Ю. Самостоятельная работа как ведущая форма организации деятельности студентов заочного отделения вуза 142
Змачинский С. С. Педагогические аспекты формирования национального самосознания..... 145
Кислая Ю. В. Развитие исследовательских умений у школьников в процессе эвристического обучения на уроках математики..... 148
Ковалёва И. Е. О возможностях системы дистанционного обучения «Moodle» для создания электронных учебных курсов 151
Козлова Л. О. Игровые технологии в учебном процессе 155
Лихачёва Н. В. Качество подготовки выпускников высшей школы с позиции компетентностного подхода..... 157
Мурашева Н. О. Государственные затраты на образование в странах Евросоюза и СНГ..... 160
Пачковский М. В. Стимулирование учебно-познавательной активности школьников средствами активных форм и методов обучения на уроках математики 164

Пигина А. А. Обобщение опыта организации личностно-ориентированного обучения в гимназии № 7 г. Светлогорска 167
Пратасевіч Д. С. Сучасны вопыт вывучэння этнакультуры беларусаў у агульнаадукацыйных школах 170
Рудь Д. А. Информационные технологии в обучении 172
Сивицкий А. В. Модель современного национального университета: постановка проблемы 175
Турлай И. С. Тестирующий комплекс «E-UNIVERSITY» как форма педагогического контроля 179
Черкасенко О. С. Влияние настроения и цветовой гаммы на процесс обучения 182
Шаститко А. А. Факторы и условия адаптации студентов-первокурсников в вузе 185
Шурупова Н. Г. Потенциал рейтинговой системы обучения 187
Щетинко Е. А. Информационные технологии на уроках иностранного языка как средство создания адаптивной среды для учащихся (обобщение опыта гимназии №1 г.п.Белыничи) 190

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Авсянский В. Н. Инновационные преобразования: регулирование инновационного сектора 193
Баранова Ю. С. Новая пост-кризисная парадигма регулирования и надзора за финансовым сектором 199
Бельзецкая А. А. Критика трудовой теории стоимости Карла Маркса 203
Груша А. В. Налоговые механизмы в функционировании интегрированных пространств в контексте таможенного союза Республики Беларусь и Российской Федерации 210
Демченко А. Г. Проблемы привлечения иностранных инвестиций в экономику Республики Беларусь 218
Заводник Ю. Л. Креативный подход к определению факторов экономического развития: на примере Беларуси и России 223
Козловская Е. П. Инновационное развитие в странах с развивающимися рынками на примере РФ 230
Никитина А. К. Наемный труд и капитал: выбор эффективных форм партнерских отношений 236
Кукареко Д. В. Закономерности и противоречия формирования института прав собственности на интеллектуальный ресурс 243
Сасим Е. С. Качественное изменение взаимодействия государств содружества в инновационной сфере 250
Якименко П. В. Фондовый рынок в структуре национальной экономики. Фондовый рынок в Республике Беларусь 254

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Байдаков И. В. Генезис теоретического интеллекта в «Системе трансцендентального идеализма» Шеллига 262
Батраева О. В. Стратегии развития общества переходного типа в условиях глобализирующегося мира 263

Воловикова В. В. Взаимосвязь реакций на фрустрацию и ролей сотрудников организации в агрессивном взаимодействии 267
Гонгало Е. Ф. Античные истоки виртуальной реальности 270
Горбацевич Т. А. Личностные детерминанты профессиональной мотивации 273
Марціноўская Т. І. Антрапалагічныя і сацыялагічныя інтэрпрэтацыіфеномена вайны як прадмет філасофскай рэфлексіі 277
Мельник Н. Н. Изменения в религиозной сфере (в теории М. Вебера) 281
Палховская Е. Б. Трудовая мотивация как механизм регулирования экономического поведения занятого населения Беларуси 284
Смольская Е. М. Семиотика коммуникации 288
Сурина Е. И. Проблема субъекта в структурном психоанализе Жака Лакана 292
Шершнева О. А. Жизненное пространство в контексте геополитического анализа 295